

Сергей Вольнов

ЗВЕЗДЫ ГЕРОЕВ

Сергей
Вольнов

ЗВЕЗДЫ
ГЕРОЕВ

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Сергей
Вольнов

ЛАБИРИНТ

З В Е З Д Н Ы Й

Сергей Вольнов

ЗВЕЗДЫ ГЕРОЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТРЕЛЬ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
B71

Серия «Звездный лабиринт»

Компьютерный дизайн А. Виноградова

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 15.02.2011.
Формат 84×108¹/32. Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,6. Тираж 4000 экз. Заказ 869.

Вольнов, С.

B71 Звезды героев : [фантаст. роман] / Сергей Вольнов. — М.: ACT: Астрель, 2011. — 476 с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 978-5-17-067127-4 (ООО «Издательство ACT»)
ISBN 978-5-271-34169-4 (ООО «Издательство Астрель»)

Беспримерный поход воинов, бросивших вызов самой Вселенной, продолжается.

Эти люди знают: если они проиграют, исчезнет разумная жизнь не только на Земле, но и на Локосс — и всех остальных планетах нашей космической «соты».

Герои смело бросают вызов грядущему Концу Времен.

Но для того, чтобы найти Поле Вечной Битвы, где решится, быть или не быть разуму во Вселенной, воителям Вечного Похода предстоит покинуть родные миры и отправиться далеко за пределы известного Пространства...

Поле Вечной Битвы должно быть найдено.

Сражение должно состояться.

Дорога на Черные Звезды открыта...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-985-16-9605-1
(ООО «Харвест»)

© С. Вольнов, 2011
© ООО «Издательство Астрель», 2011

МИРУ В МИРЕ
посвящается...

— ...Тебе не в разведку бы, а в адвокаты.
Добренькая какая...

— Да и вам не место в спецслужбах. Вы же садист!

— Да-а-а! Был бы мазохистом, пошёл бы в космонавты...

Диалог героя и героини
из кинофильма «Непобедимый»

Женщина проводила взглядом группу людей, уходивших с берега.

В закатную сторону отправились шесть человек.

Двое пожилых, но с виду ещё вполне бодрых мужчин.

Тroe молодых.

Один из них, среднего роста, худощавый, выглядел натуральным солдатом будущего из космического боевика. Он был весь увенчан имитациями фантастического оружия, как новогодняя ёлка игрушками.

Ещё двое парней, высокие и мощные, лицами были очень похожи друг на друга, ну просто родные братья. Их одежда и вооружение смотрелись более традиционно. Под стать экипировке двух старших товарищей. Игровые копии оружия, с виду неотличимые от настоящего боевого, теперь можно купить в любом городе, а «камуфляжные» шапки, комбинезоны и куртки — на каждом рынке.

Шестой по счёту была худенькая невысокая девушка, затесавшаяся в мужскую компанию. Безоружная. На фоне воинственных спутников она выглядела странновато, хотя её хрупкую фигурку тоже облегала военная форма непривычного фасона, явно иностранного образца.

Люди, наверняка собравшиеся поиграть в страйкбол, о чём-то бурно спорили на берегу. Затем, по-видимому, сойдясь во мнениях, они дружно, плотной группой, устремились на запад. Туда, где уже клонилось к закату багровое солнце. Мальчик и его собака, резвившиеся на пляже, отправились домой ещё раньше. Только вышедшая из волн женщина, не торопясь натягивать белые брюки и блузку, стояла на песке узкой береговой полосы, позволяя телу обсохнуть после купания в солоноватой, почти морской воде.

Незадолго до ухода воснлизированной команды к стройной купальщице подбегал большой парень из тех, что выгля-

дели родными братьями. Он игриво поинтересовался, не требуется ли прекрасной незнакомке крепкое мужское плечо. Женщина оценивающе рассмотрела заботливого красавца с ног до головы и отказалась. Хотя по огонькам, зажёгшимся в глазах этой невольной свидетельницы командного сбора на берегу, очень хорошо было видно, что энергичный молодой человек сей приглянулся. И прогуливайся он в этом райском уголке причерноморского побережья один, без целой группы сопровождающих...

КНИГА ПЕРВАЯ БРАТЬЯ ПО ВОЙНЕ

Мне почему-то кажется, что Бог обязательно будет на обеих сторонах...

Мнение, встреченное в одной из книг

Прошлое — штука упрямая. Оно умирает только вместе с тобой...

Из другой книги

Пролог

Маршрут «Голос — Любовь» считался экстремальным. Именно по этой причине находилось очень мало туристов, желающих отправиться на коварный астероид. Один из тысячи в лучшем случае, несмотря на соблазнительный бонус, который можно было там отхватить. Потому что любовный подарок мог достаться неожиданный, с большим сюрпризом внутри.

Об этом кто угодно мог узнать.

Достаточно было запросить через терминал и сопоставить уровни популярности различных экскурсий.

Чем и занялся в эту минуту один из пассажиров, старик в прекрасном дорожном комплекте от «УниСкаф». Лицо мужчины, явно не жалующего пластическую хирургию, выдавало его очень пожилой возраст. Но судя по фигуре и походке, армаде прожитых лет он противостоял ещё вполне достойно. Видимо, состоятельный пенсионер или отставник в немалых экс-чинах.

— Ясно, — произнёс турист, получив необходимую для сопоставления информацию. — Точно так, нам туда.

— На Любовь? — спросила его стоявшая рядом спутница. Девочка лет двенадцати-тринадцати, в приталенном унице женской модификации, очень миленькая и непосредственная, этакий бесёнок-ангелочек. Сразу видно, что это внучка,

такая же крепенькая, ладная, стройная. К тому же высокая, в свои годы — не намного ниже деда. Если подростковый период не изменит уже обозначившееся направление развития, лет через пять-шесть за ней растянется шлейф поклонников, длиной не уступающий хвосту кометы.

Конечно, пассажир настолько мужественного облика вполне мог оказаться и непосредственным папой девочки. Но уже следующие её слова окончательно развеяли сомнения, что их не разделило как минимум одно поколение.

— Дедуль, ты уверен, что мне туда не рано?

Личный терминал у внучки имелся свой, мегамощный, уровня не худшего, чем солидный «итмак» дедушки. И она тоже не поленилась проинформироваться, каким образом сущность пункта назначения совпадала с названием.

— Думаешь, там найдётся что-нибудь новенькое? Ты ещё чего-то не узнала из школьного курса этики и физиологии, и-и-и... э-э... из тех баз данных, на которые как бы воспрещено заходить детям?

— Вторгаешься в тайную частную жизнь... — Девочка лукаво улыбнулась и шутливо ткнула дедушку кулачком в бок. — Будто бы хоть одного любознательного ребёнка мог реально удержать запрет взрослых! В теории-то я подкована. Да не о себе ж беспокоюсь. Как меня воспримут...

— Это их проблемы, Лана. Мы отметимся и уйдём дальше, нам ведь нет дела до... пчёл, что живут в ульях, промелькивающих за окошками нашего флайера.

— Какой ты сегодня... м-м-м... образный, дедуль... Одно это и утешает. Иногда уж-жасно хочется остановиться, прямо такой соблазн накатывает! Помнишь, ещё совсем маленькой я канючила, просила задерживаться подольше? Особенно там, где местные говорили на языках, сходных с нашим.

— Ты и сейчас не прочь остановиться. И я не прочь. Было бы можно...

— Вот-вот, было бы!...

— Поэтому маршрут и ведёт к нашему следующему пункту назначения. Уловила причину?

Старик отвёл глаза от своей юной собеседницы и окинул взглядом окружающее пространство. Описать увиденное можно было бы коротко, но ёмко: столпотворение.

Туристические купола планетоида «Решающий Голос» объединялись в систему сквозным туннелем и вмещали до четверти миллиона живых разумных. Неживых — почти столько же. Столичное космотело пафосно переименовали (из ОЕ633425С) в честь единственного утвердительного плюсика, который решил судьбу независимости Края Колец.

Впрочем, первое слово теперешнего названия столицы вспоминалось нечасто. Разве что в даты традиционных фестивалей, ежемесячных Дней Выборов. Это шоу приносило немалый доход. Особенно его обожали приезжие из феодальных и тоталитарных миров.

Обитатели комплекса, постоянные и транзитные, охотно посещали окрестные и дальние астероиды Внешнего Кольца. По статистике: отбывало 3835 единиц в стандартный час. Таким образом, после сопоставления чисел становилось ясно, что всего лишь около четырёх туристических единиц каждый час изъявляли желание совершить подобную экскурсию. То есть немало заплатить, чтобы отправиться на это более чем удалённое космическое тело, названное лаконично и незамысловато: Любовь.

По существу.

Всё это и многое другое кто угодно имел возможность узнать из справки, выданной местным информаторием. Эти факты базовый сервер и сообщил в ответ на запросы, сделанные терминалами дедушки и внучки. Из них следовал закономерный вывод о высокой степени экстремальности маршрута.

— Уловила, уловила я причину... Там сильно повышен уровень вероятности, — ответила девочка и тотчас же спросила: — Деда, а почему тот мохнатый тип на меня так смотрит? Я чую волну опасности, от него исходит угроза. Он сетевой педофилен, да?

— Или здешний полицейский в штатском. Светик, ты же знаешь, от правоохранителей всех мастей всегда исходит волна угрозы. Даже если они не на работе. Издергжи профессионального... гм... менталитета.

— Не мент он, точно. Чего-то хочет именно от меня. Я чувствую.

— Ты помнишь, что надо быть осторожной, не превышать допустимый предел...

— Помню, помню, не волнуйся, я потихоньку чувствую. Только принимаю входящее, никаких ответных прощупываний.

Девочка шагнула в сторону от дедушки, заняв позицию, более удобную для лучшего обзора, и тоже внимательно огляделась по сторонам.

Внутреннее пространство этого купола ожидания действительно представляло собой нечто вроде репетиции вавилонского столпотворения. Будто собравшиеся в нём разнообразные люди и прочие разумные тренировались в намерении сообща что-нибудь соорудить. Они сбились в толпу, но затем попросту забыли, зачем собрались, и теперь растерянно перемещались по замысловатым траекториям. Звуки, цвета, формы, запахи и движения слились в экзотическую какофонию. Картина в общем-то достаточно типичная для многих из ячеек сотовой сети миров.*

С самого краешка этого хаотического ожидания, у входа на галерею доставки пассажиров к порталам хордовых рейсовиков, и стояли эти двое — дедушка и девочка.

И следов озорства не осталось на её лице. Мгновенно произошло разительное преображение: из проказливой, улыбчивой внученьки — в сосредоточенного, готового к лю-

* Для читателей, не знакомых с содержанием первых книг и поэтому не знающих, что такое «сотовые ячейки сети миров» в данном контексте. С предысторией событий, описанных далее в этой книге, можно ознакомиться в романах дилогии «Вечный поход» — «Приголоворённые к войне» и в продолжающем цикл третьем романе, «Сотовая бесконечность». Действие в них происходит на Локосе, центральном мире одной из бесчисленных «ячеек» сети миров, а также на «искусственной» планете Экс. И на других планетах этой «сотовы», человечества в которых появились вследствие процессов переселения с Локоса носителей так называемых Запредельных Кшархов. В том числе и на Земле, и на планете-родине восславян. Чтобы не перегружать текст четвёртой книги, в нём лишь коротко упоминаются ключевые моменты предыстории. Подробности, для адекватного восприятия всего происходящего в этой книге, можно узнать, читая предыдущие три. — Примеч. автора.

бым неожиданностям бойца. Если бы не детские черты лица и ещё не полностью оформившаяся фигурка, то вполне можно было решить, что ей куда больше лет, чем дюжина биологических.

Таким взглядом смотрят сквозь прорезь прицела взрослые, носящие в памяти объёмистый груз боевого опыта, военные.

Дедушка не переменил точку своей дислокации. Ему и без того был прекрасно виден объект обсуждения. Лицо старшего из двоих по-прежнему выражало некоторую озабоченность. Что-то его обеспокоило. Или сообщение внучки о её «чувствовании потихоньку», или стороннее внимание, проявленное к нему.

Наблюдатель и в самом деле смотрел на них. Он не делал попыток приблизиться, что-то сказать или сделать, просто в упор таращился. И он вполне мог сойти за местного бездельника на пособии, если бы не одежда — недешёвая «четвёрка», популярная у человеческих мужчин среднего класса.

Минуту спустя к нему присоединился ещё один соглядатай. Этот вёл себя более ненавязчиво. Он остановился, застыл у перил и сделал вид, что внимательно просматривает ролик, не отрывая глаз от одного из мониторов, парящих в воздухе над головами пассажиров. Маскировка почти удалась, если не считать, что экран вовсю «крутил» рекламу женских интимно-гигиенических средств. Этот парень, мощный и широкоплечий, пятидневно-небритый, на женщину никак не смахивал. Разве что под мужественной внешностью скрывался трансекс, но даже это обстоятельство не объясняло столь заинтересованный взгляд, буквально прилипший к монитору. Будто он-она впервые в жизни увидел-увидела осмотические «айси».

— Начинается! Снова оно... Делаем что-нибудь или ждём, когда соберётся побольше исполнителей? — Девочка вопросительно смотрела на старшего.

— Подождём. Только давай переместимся к техническому шлюзу. Не следует привлекать лишнее внимание.

Старик подразумевал обычных пассажиров, которых тут было великое множество. Что началось это «снова оно», и у

старого мужчины сомнений не осталось, судя по его посуро-вевшему взгляду.

Дед и его внучка резко сорвались с места и в быстром темпе направились к узенькому проходу, который вёл в технические помещения. Толпы там, как правило, не бывало.

Но не в этот раз.

Стоило дедушке с девочкой свернуть за угол, как неизвестно откуда вынырнули шестеро незнакомцев. Все они были вооружены устрашающие огромными ножами или тесаками. Ни единого слова не прозвучало, однако сам вид головорезов красноречиво обещал, что вот-вот произойдёт смертоубийство. Дед и внучка шустро развернулись, намереваясь удрать обратно в зал, но сквозь проём, который они только что миновали, уже просачивались трое с лучевым оружием в руках. Двое из них оказались теми самыми наблюдателями...

Девочка и старик без колебаний свернули в один из боковых узких коридоров и бежали по нему, пока не очутились в просторной комнате. Стены помещения лишь угадывались за плетёным кружевом разнообразных труб, потолок тоже почти не был виден за трубной сетью... Других выходов в этом «аппендицсе» не просматривалось.

Тупик.

По инерции девочка и её дедушка выбежали в центр помещения. Остановились, переглянулись и синхронно развернулись лицами к преследователям.

Сзади, зловеще ухмыляясь, полностью уверенные в собственном численном и огневом превосходстве, плотной группой наступали по коридору убийцы.

— Что такое, что такое, дальше некуда?! Конец света? А попробуйте головой пробить стенку, вдруг получится! — ехидно выкрикнул авангардный преследователь, густобородый, обильно заросший тёмным волосом тип в недешёвой «четвёрке». Из плазменного скорчера, рукоять которого была зажата в его правом кулаке, он целился точно в живот старику.

Прочие головорезы выдали слитный, хоровой гогот. Они выскользывали из прохода и цепью растекались вдоль настенных трубосплетений. Охватывали жертв полукольцом,

чтобы напасть одновременно... Когда ржание стихло, подал голос другой убийца, нейроизлучатель которого был направлен в голову девочки.

— Не бойся, дядя, не пристрелим, — успокоил он. — Это будет слишком просто — сгореть... Тебя мы разделяем, как на бойне тушу хлюпа, только перед этим не усыпим.

Преследователи снова заряжали. Подобная «шутка юмора» им явно пришлась по нраву.

— Короче, горячий тебе привет от Свирепого Бэка. Ребята, начинайте, — добавил первый, «мохнатый» предводитель банды.

Вооружённые клинками бандиты, угрожающе выставив свои ножи-тесаки, двинулись на старика и девочку. Троє, что сжимали в лапах энергетическое оружие, с мест не сдвинулись.

— Оу, оу! Погодите! — выкрикнул старик; его морщинистое лицо совсем скожилось, от испуга он чуть ли не затрясся. — Убедить вас, что произошло смещение... что вы меня с кем-то перепутали, не удастся... но я умоляю, девочку не трогайте, она ни при чём! Отпустите её, пусть уйдёт!!

— Ладно, — неожиданно легко согласился главарь. — Топай отсюда, малышка, давай, топ-топ! А ребята с дедулей побеседуют.

Девочка посмотрела на старика. Её лицо тоже перекосилось от страха, ещё секунду — и она расплачется на взрыд... Дед поспешно закивал и даже руками замахал, словно гоня её от себя куда подальше. Внучка послушно сделала несколько шагов вперёд, направляясь к главарю, который перекрывал выход из тупика.

— Не переживай, я её потрогаю совсем немножко! — Под третий приступ всеобщего ржания «мохнатый» сграбастал девчушку, крикнул: — Кончайте его! — и утянул кричащего, расплакавшегося ребёнка в коридор.

Шестеро с клинками, сойдясь чуть ли не плечом к плечу, уже теснили деда к задней стене. Двое оставшихся, вооружённые ручным нейростаннером и лучемётом пистолетного типа, как бы прикрывали их наступление. Головорезы надвигались, остряя их клинов вот-вот должны были вонзиться в беззащитную жертву... Пожилой мужчина отступал молча,

но в глазах его плескалась мольба о пощаде. Беспомощность жертвы при данном раскладе особенно возбуждала бандитов.

Детский крик, нёсшийся из коридора, затих. На что вся бандита отреагировала очередным взрывом хорового ржания. Жалкий, сгорбленный дедушка отступал, отступал и вдруг остановился, выпрямился во весь рост, сложил руки в замок на груди. Губы его расплылись в счастливой улыбке, словно он только что выиграл миллион кредитов. В глазах не осталось и тени страха.

Старый воин насмешливо рассматривал врагов.

Они озадаченно притормозили. Все разом, будто по команде.

— Чё лыбисся, мясо? — спросил один из наступающих, взмахнув своим ножиком.

— Чё-чё! Дуй, када горячо! — раздался сзади них звонкий девчачий голосок.

Убийцы, все шестеро, резво обернулись, на их физиономиях одновременно появились классические признаки обалдения. У выхода, над валяющимися в неестественных позах двумя бандитами, стояла девочка. В руках она держала трофейное оружие — лучевик и блокиратор нейроимпульсов. Плазменный скорчёр «мохнатого» главаря висел у неё на поясном ункарабине.

Шестеро «мясников» даже не услышали, как эта тоненькая девочка отправляла их собратьев в мир иной.

— Ну что, дяденьки? — Она посмотрела на бандитов таким неожиданно убийственным взглядом, что двое из них даже непроизвольно обмочились. — Бои-итесь, да? Не бойтесь, я вас не пристрелю.

Девочка пнула ножкой неестественно вывернутую голову одного из туловищ, лежавших на полу. Широкоплечий «трансекс» был ею вырублен голыми руками и совершенно беззвучно.

— Как он там говорил? — Несостоявшаяся жертва приснурилась, скользя по шестёрке ещё живых взглядом, в котором стыла леденящая смерть. — Для вас будет слишком просто — сгореть.

Отчаянных воплей бандитов, атакованных с двух сторон, никто не услышал. Никто, кроме деловито снувшего в тех-

нических отсеках робота-уборщика, которому вся эта человечья суета была глубоко безразлична. Ему нужно вылизывать сотни и сотни квадратных метров синтетического покрытия. Вот это реальная проблема, не то что грязные делишки этих нечистоплотных белковых.

...Красный луч стационарной «лезки» отсекает половину кабины стеноформера, переделанного в шагающий танк, и она со страшным скрежетом обрушивается вниз.

«На землю!!!»

В наушнике орёт, похоже, старший землянин, хотя при таком грохоте толком и не разобрать кто. Только и успеваю столкнуть госпожу под арматурные балки развороченного блиндажа.

Громыхнуло так основательно, что в голове гудит, будто она попала внутрь колокола. Рваные, разлохмаченные листы металла накрывают окоп. Импульс «лезки» достал бывший стеноформ до самого боекомплекта, и тот рванул без дураков...

Проклятие! Почва такая твёрдая. А небо синее-синее, как дома... на Земле не такое, там больше голубых тонов... ещё и на чей-то сапог упал... с ногой внутри... сам-то не успел в укрытие нырнуть... если бы мой шлем не был полно-комплектным, с «кошкой», то рассечённая щека была бы на отсечённой голове. Медленно, но уверенно, минуя фильтры, через трещину, нарушившую герметичность, просачивается токсичная газовая смесь. Защипало в глазах. Шок проходит...

— У тебя кровь. — Госпожа уже рядом, выхватила свой мед-пистоль, зарядила ампулой с kleem для «горячей» стяжки ран и снимает остатки моего шлема...

— Обзор не заслоняй!

Слишком резко и фамильярно, но что ещё можно было ей крикнуть?! Хотя какой тут, к демону, обзор, глаза уже слезятся от токсинов, нужно срочно искать замену повреждённому «гермачу». Но в любом случае необходимо держать под контролем вход в блиндаж, который из-за обрушения передней стенки превратился в подобие ворот ангара немалого объёма.

Натягиша одноразовую дыхательную маску и такие же одноразовые пластиковые очки для подводных вылазок. Я за-
пасливый, в моей непростой службе без подстраховки не обойтись...

Госпожа безупречна, она справляется в считаные секунды. Щеку раздуло анестезией. Половину морды парализовало. Тройное проклятие! Гнусная планета!

— ...да где ж вы там?! Приём!

Оживает терминал. Надо же, вспомнили про нас, «ки-
борги» ржавые!

— Мы в порядке, Лёш!

Госпожа, как всегда, опередила. Что она в нём нашла??!

— Отлично! Мы уже в пещерах, не тормозите, за нами давайте! Сейчас дым от взрыва рассеется, и вас в момент за-
секут! Быстро, быстро, щиты в руки, и гоу-гоу-гоу!!!

Госпожа тотчас же направляется к развороченной стене. Куда-а-а, красавица! Стоять!

Предплечье у неё такое тоненькое, ух... синяков бы не наставить.

— Стойте! За моей спиной пойдёте, только вот прикрою чем-нибудь голову...

Разозлилась, по глазам видно, сквозь прорези щитка так и сверкает яростным взглядом, но послушалась. Кто, собственно, в семье главный?! Муж я или кто!

Глаза мёртвого солдатика Армии Старков всё ещё смотрят в этот мир, но видят уже запредельную пустоту... Надо закрыть их, спасибо ему за мой новый шлем.

Дождя не было давно, конечно, да и какой дождь в раскаленном пекле? Однако почва, как жижа болотная, соус из машинных масел, супензий и топлива. Сколько же техники здесь полегло, чтобы такого эффекта достичь?! Над уровнем окопа огонь плотный, но не прицельный. Пока не заметили, надо бежать. Там, прямо по курсу, начинаются катакомбы древнего города, только бы проскочить до ближайшего лаза.

Госпожа как пушинка, одной левой поднимаю её из окопа. Она в руки сразу два генератора защиты взяла... и мне не помешает. Тяжёлое устройство оплетает запястье и предплечье. Как приятен этот звук: «Вы-сы-щщщ!» Прямоугольная зеленоватая пластина высотой в человеческий рост появляет-

ся перед сферой концентратора. Тот же щит древних воинов, но материал другой, силовое поле. Всё новое — хорошо забытое старое, и при такой плотности огня над поверхностью земли нет ничего полезнее этих защитных систем. Что ж, несколько минут полной неуязвимости обеспечены... ну, разве что в упор из танкового разрядника влепят.

Я когда-то ловил сауриков на перепаханном поле, надо было бежать сейчас по этой свалке точно так же, как и тогда. Поломать ноги — плёвое дело. Рядом задымилась почва после яркой вспышки. О, заметили, гады!

— Ещё немного!

Трудно госпоже, тело ведь не тренированное, а зря. И всё равно сжала зубы и бежит. При случае буду её помаленьку трениро...

Ещё одна яркая вспышка и звук разрыва. Фонтан взметнулся в небо. Щит закрывает от осколков, но ударной волной откинуло. Что это было?! Где госпожа??!

Фух-х-х!.. На корточки присела, загодя почуяв летящий снаряд. Коне-ечно же, она иногда может подглядывать в предстоящие мгновения. К счастью для меня, смогла и в этот раз уловить приближение вероятной смерти.

От конического бункера, вздымая фонтаны грязи, в нашу сторону мчатся «роллы». А вот это уже полная гнусь! Землесорные машины даже переделывать не надо было — и так порубают на куски любое тело.

— Бего-ом!!!

Над изрытой прямыми попаданиями насыпью, у входа в катакомбы, появляется второй наш молодчик. А что-о это у него такое в руках?.. Нет, только не это! Он же ещё не знает, какой эффект произво...

— Воздух!!!

Успеваю крикнуть. Госпожа, как всегда, быстро и чётко отреагировала, её второй щит мгновенно превращается из «стены» в «крышу». А мне что? Опять мордой в липкую жижу падать. Ничего, я не гордый, упаду. Такая наша доля солдатская.

Четвертое проклятие! Балбес-то выпустил настоящего дракона из клетки. После глухого «буммм» стартового выброса эта штуковина, что-то вроде гравитационно-нейтрон-

ного гасителя, отскакивает от стрелявшего на безопасное для него расстояние и активирует свои маршевые двигатели...

Шлейфище за ней растягивается по всему небу, кажется.

Проходит в аккурат над нами. Гравитационный пресс вдавливает тело в жижу почвы вместе со щитом, невидимое глазу нейтронное пламя лижет землю... Опоздай мы на секунду — две бесформенные массы остались бы от нас.

Сейчас вот на дрожащие ноги подымусь, к нему доберусь и... в нос ка-а-ак врежу!! Один раз. От второго удара его спасёт факт неоспоримый: «роллы» вдребезги. Четыре раскатистых взрыва проинформировали о том. Но волна грохота лишь начинается... Гаситель летит дальше и детонирует под собой все мины, боеприпасы и прочую взрывчатую «начинку».

А вот и спуск. Госпожу — первой туда втолкнуть... Ох и замарашка она сейчас! Не уследил, позор мне.

Что это со мной? Невольно вспоминаются основные служебные обязанности периода «ухаживания». Поддержка чистоты и гигиены, кормление и переодевание... К чему это щемящее воспоминание?! Лишнее. Совсем не ко времени.

Да и сам красавчик тот ещё, наверняка будто из кишок выполз через задний выход.

— Слава стальным манипуляторам! Наконец-то! Неславая штуковина?! Вам понравилось?

Молодой явно не понял. Ведь чуть не угробил нас обоих...

— Вот сейчас я эти манипуляторы тебе и ампутирую.

Не сдержался я. И видать, перестарался, скривил такую рожу, что он поверил. Хоть и понимает, что способен положить меня одной рукой, здоровяк, но всё равно предпочитает не связываться... Хорошо. Целей будет. Я не гордый, могу и зазорным для мужика приёмчиком воспользоваться. Например, вдарить промеж нижних конечностей.

— А что не так??

— Перед тем, как жать спуск, узнай, из чего стреляешь.

— Ну, ты даёшь, Алекс! Чуть не сжёг нас.

Госпожа, придавленная гравитационной волной, с ног до головы перепачкана в смеси почвы и горюче-смазочных материалов. Правильно, правильно. Теперь пускай она ему подолбит мозги.

Хотя без толку... Понимаю по его насмешливому взгляду: прикидывается дурачком. Зна-ал он прекрасно, знал, что делает. И знал, что на меня можно рассчитывать, что предупрежу, не дам ей пропасть. А вот с роллами-землеками не управиться мне было, это точно, это он прав на все сто пять...

Сквозь темень пещеры просматриваются крохотные огоньки. Ага, вот и все остальные фильтрами сопят, круговую оборону заняли. Тут уж поспокойней будет. Полковник говорил, что в подземные города машины практически не спускаются. Надеюсь, не врал...

— Сколько я полей сражений прошёл, ничего не меняется. Будто никуда и не уходил из дома. И здесь всё точно так же. Одни живые стирают с лика Вселенной других живых, отправляют жизнь в небытие. Тем самым его приумножая.

Старший землянин после боя впадает в грустные размышления, я давно заметил. Возраст, что ли, сказывается? И вправду, столько провоюй, как он, поневоле философом станешь. Или горьким пьяницей.

Если повезёт столько провоевать.

— Точно. Везде одно и то же, — поддакивает его ученик, — по любую сторону. Некуда мирному человеку податься, цветочки в палисаднике разводить!

— Нашёлся одуванчик, — второй молодой просто не может не вставить и своё словечко, — чёртов лезкострел!

— Сидел бы и не вякал... бомбомётчик!

— Сам такое слово!

— Эй, господа офицеры, — вступает в разговор госпожа. — Грызётесь, как маленькие дети, и не стыдно?

Что правда, то правда. И причина их грызни — мне словно электрошокером в сердце. Тысяча проклятий!

Ведь они друг друга невзлюбили из-за моей госпожи. И вроде оба нормальные, адекватные парни, не первый год воюют, а вот с головами что-то у них происходит, как только оказываются в пределах слышимости и могут устроить перепалку.

Хорошо хоть у меня почти всегда хватает выдержки молчать...

* * *

— Начиналась эта история на берегу реки, как ты должна бы помнить. Случилось так, что однажды у кромки, где встречаются и разговаривают вода, воздух и земля... — выдержав долгую, многозначительную паузу, заговорил был о старик.

— А всё-таки сказка эта весёлая, дедушка? — сразу перебила его девочка-подросток. — В прошлый раз я так и не поняла. Может, потому что совсем маленькая была, когда ты рассказывал...

— Ну-у, это с какой стороны посмотреть... Одно точно скажу, правдивая она. Считай, не сказка, а быль, самая что ни на есть! Стало быть, и весёлая, и грустная. Очень важно, чтобы на этот раз ты запомнила всё, что я тебе расскажу, крепко-накрепко. Когда-нибудь поймёшь, почему это важно... Слушай внимательно, внучка, старайся ничего не упустить, если что не понятно, спрашивай. Лады? Сказка тебе с раннего детства знакомая, но рассказана будет на новый лад, так что вопросов не избежать.

— Я спрошу, — пообещала девочка; она мгновенно посерёзнела, из её взгляда исчезли лукавые смешишки, зато уже разгорались огонёчки неподдельного интереса. — Обязательно спрошу, не переживай. Ты же знаешь, я спрашивать обож-жаю!

— Зна-аю. — Старик усмехнулся, с довольным видом оглядел слушательницу и утвердительно покивал головой. — Кому, как не мне, знать-то, самолично воспитал почемучку... Слушай же. И запоминай хорошенъко. На берегу большой реки, неподалёку от мест, где эта река впадает в море, именно там, где земля превращается в воду, а вода в небо, волею судеб в одной точке пространства сошлись четыре воина, равных которым не было среди людей. Попросту говоря, являлись они на тот момент концентрированным воплощением всей мощи, накопленной военными за...

— Боевым концентратом, вроде киборгов Абурая? — уточнила слушательница. — Их что, специально вырастили в лаборатории?

— Не-а... Точнее, не в том смысле вырастили. И не в лаборатории как таковой. Понимаешь, свет моих очей...

— Ладно, потом расскажешь в подробностях, откуда они такие взялись! — Она нетерпеливо отмахнулась. — Дедушка, ты лучше скажи, зачем воля судьбы их свела?

— А собрались они для того, чтобы отправиться в отчаянный поход, от успешного завершения которого в прямом смысле зависела судьба мира. Воинам было предназначено остановить надвигающуюся беду... Человечеству того мира угрожала смертельная опасность.

— Им грозили чудища злобные и ужасные, как раса пучеглазых с планет Синибакской звёздной россыпи? Я читала, эти инсектоиды высасывают души из живых разумных других видов...

— Нет, нет, не просто вражеская раса! Нечто ещё более страшное. Понимаешь, неумолимо приближался необычный враг, с которым ещё никому из обитателей того мира не доводилось сталкиваться, и поэтому им было мало что о нём известно. И как с ним бороться, никто не ведал... Это ощущение бессилия подорвало решимость военачальников. Чем одолеть напасть, если и кровожадный монстр, и рыцарь в сверкающих доспехах одинаково бессильны перед вражьей мощью? Как бы это тебе растолковать подоходчивей... Ты когда-нибудь пыталась представить себе Ничто? Да, то самое великое ничто, нигде и никогда, которое было до сотворения Вселенной. Знаю, пыталась, умница. Так вот, представь теперь, что оно вернулось и кусает реальность, поглощает без разбору и доброе, и злое, всё, что появилось после Большого Взрыва.

— Пытаюсь, деда...

— Возможность такого поворота сюжета бытия допускалась и раньше, потому разумные давно придумали ей название: конец света. Так вот, самым дальновидным жителям того мира довелось заранее узреть, что прописанный безжалостными богами сюжет, к несчастью, повернулся именно в этом направлении и счастливого финала ждать не приходится. Словно и вправду чудища явились, ненасытные, безжалостные, оголодавшие. И начали они пожирать космос, необратимо, постепенно превращая его в полное отсутствие всего-всего, и что, и когда, и где. Попросту говоря, в небытие... И вот пришла очередь того мира.

— Дедуль, погоди, погоди! Я уже запуталась... Как это можно победить великое Ничто, каким скорчером его уничтожить?! Если его и так нету... И если та зараза уже слопала кусок Вселенной, то что ей могут противопоставить люди? Но главная нестыковка: Вселенная, она же вроде как бесконечная, этому всех первоклашек учат, как может ей угрожать чудище, появившееся откуда-то ещё?!

— А ещё первоклашек учат, что Вселенной ещё не было вроде бы, зато ничто-нибудь-никогда преспокойно существовало... уже. И наверняка тоже не имело ни начала, ни конца, ни дна ни покрышки, а поди ж ты, бабахнул так называемый Взрыв, и смела новорождённая Вселенная его бесконечное величество. Если бы у великого Ничто имелась своя точка зрения на происходящее, то оно вполне могло бы со своей позиции справедливо заметить, что его тоже необратимо пожирает чудище, явившееся невесть откуда... Но как было тогда, в момент зарождения, никому из ныне живущих доподлинно неведомо, а вот как именно обитатели того мира вознамерились одолеть чудище, грозящее им, я тебе расскажу. Они выступили в поход против чёрных звёзд...

— Как ты сказал? Каких звёзд?.. Чёрных? Это тех, облых, из твоей сказочки для самых маленьких? А вообще-то, деда, откуда знаешь, как они поступили?

— Всему своё время. — Старик снова усмехнулся, но на этот раз во взгляде его было не довольство, а тоска. — Главное, чтоб оно вообще было, время-то. Вырастешь ещё больше, узнаешь, что... — И он внезапно замолчал, и воцарилась пауза. Рассказчик молча смотрел на слушательницу, пристально, оценивающе даже, будто соображая, какой из смыслов должно содержать окончание последней фразы. То ли «что узнаешь», то ли — «что вырастешь»...

— Слушай дальше. — Так и не закончив это предложение, старик продолжил свою «новоладную» не то сказку, не то быль. — Обнаружив приближение всеобщей погибели, разумные растерялись. Конечно, по своему обыкновению всем и вся давать имена и вешать ярлыки, люди окрестили врагов Чёрными Звёздами. Ты совершенно правильно догадалась, немногочисленные посвящённые не имели понятия, каким образом остановить безжалостные орудия небытия. По

правде говоря, мало кто из них до конца поверил в реальность существования неумолимых чудищ. Все средства сопротивления и противостояния, доступные людям того мира, оказались совершенно бесполезными. Последней надеждой человечества на выживание был поход избранных, четвёрки воинов... Хотя достоверно и неизвестно, сколько же их было. Возможно, больше. Также вполне возможно, что настоящих воинов было всего лишь двое.

— То есть? Ты не знаешь, сколько...

— Напоминаю, вся штука в том, что возможно всё, до чего мы способны додуматься. А информация, если не передать её в неприкосновенности, а пересказать, может подвергнуться искажениям. Допустима и возможность, что вовсе никаких героев не было, а Чёрные Звёзды поглотили сами себя, то есть неразборчивое чудище ухватило собственный хвост и пожрало в вечном стремлении стирать бытие, не разобрав, что именно поглощает. Любые вероятности имеют равные права на существование... Допускаю вероятность даже того, что испытываю ложную уверенность. Заблуждаюсь, что имею понятие о сути этой истории.

— Даже так?..

— Точно так. Возможно, это всего лишь иллюзорная, поддельная запись моей памяти, а вовсе не исполненная намёков старая сказка, которую я начал тебе повторно рассказывать сегодня. Наступления подобного дня я дожидался так долго, с момента твоего рождения... Ещё мудрецы древности утверждали, что способность сомневаться — один из основных признаков наличия разума. Они же, кстати, и предупреждали о лихом повороте сюжета, об этом самом наступлении великого нигде-никогда... Эх, до чего же всё-таки живые разумные — беспечные существа! Ведь ещё на заре эпох человечества начинают появляться недвусмысленные предсказания, почти все священные книги миров предупреждают о неизбежном приближении кончины Света.

— Да, да, я читала! У всех разумных рас есть что-то подобное...

— Вот именно. Что же получается, каждому поколению мыслящих наплевать на своих потомков? Зная о конечности бытия, люди упорно делают вид, что не ведают ни о чём по-

добном, что абсолютно не верят в Армагеддон. Вы что, какой такой Конец Света! Что за бред, о чём это вы? Всё это — плоды болезненного воображения религиозных фанатиков!.. И вот, лишь когда выдумки фанатиков обрёли плоть и бесцеремонно постучали в окна и двери каждого дома, люди онемели от ужаса... Ты всё поняла, внучка? Не слишком ли я закрученno выражаться стал? Видать, посетила меня муга ораторов с официальным визитом...

— Да поняла я, поняла, не маленькая, мне ж давно не пять лет от роду... Но кто же они всё-таки, эти избранные воины, откуда взялись? И почему они решили, что сумеют победить?!

— Фу-у-ух... — Старик шумно перевёл дух, длинная речь в стиле кафедрального доклада явно далась ему нелегко. — Кто они? В каком-то смысле совершиенно обычные люди, и всё же не совсем. Особенные судьбы выпали на их долю... Начну с двоих братьев, чьими учителями были никто иные, как сами боги войны. Эти молодые мужчины, похожие друг на друга как две пули одного калибра... э-э-э... военное училище окончили не за партой в классе и не на учебном полигоне. Их курсы молодых бойцов длились на протяжении истории человечества той ячейки. Они сражались во многих значительных битвах, они дышали гарью боёв в различных эпохах историй миров, они истоптали множество дорог на бесчисленных войнах разнообразных народов, их обагряла кровь убитых врагов далеко не в одном десятке кампаний. А люди той соты, поверь мне, воевать умели как никто, в этом они слыли непревзойдёнными спецами. Так что братьям была предоставлена возможность обучаться у лучших боевых мастеров. В результате — они владели практически всеми мало-мальски стоящими видами оружия, техниками, тактиками, стратегиями, доктринами... коротко говоря, в совершенстве овладели военным ремеслом во всём его многообразии.

— Но как такое возможно, дед?! Эти воины перемещались во времени?..

— Когда положение на фронте доходит до необходимости спасать всё живое и разумное в мире — становится возможным действительно всё. А перемещения во времени.

равно как и в пространстве, уж кому-кому, а тебе не должны показаться чем-то фантастическим. Повторю, им просто не было равных в военном профессионализме, они стали его воплощением. Оба. Но было между ними большущее различие... Эти двое, после курса обучения, примерно одинаково-го, хотя и в разных мирах пройденного, в итоге сильно отличались друг от друга. Несмотря на похожесть внешностей, они очень разнились внутренне. Один, пройдя кровавые поля, увидев массу смертей и немерено убивая сам, всё же уцелел. Он стал светлее и мудрее, сумел развить в себе жажду мира в мире, превратился в парадоксальную личность. Противника войны, владеющего всеми приёмами ведения боя. Другой тоже... э-э... сделал определённые выводы, по достоинству оценив роль превосходящей силы. Он ожесточился, огрубел и в отличие от первого исполнился не созидательной, а разрушительной энергии. По большому счёту, эти два бойца являлись половинами единого целого. Идеального воина, которого можно назвать вершиной военной эволюции разума. И вот с этим-то оружием отряд и выдвинулся в поход на Чёрные Звёзды...

— Подожди, дедушка, я что-то совсем запуталась... я же помню, их было четверо, настоящих воинов... Я крохотная была, когда ты рассказывал сказку, но считать ведь уже научилась... И я не позабыла, что ты мне тогда сочинял.

— Ну, хорошо. — Старик вновь усмехнулся, и на этот раз в его взгляде не было тоски. Светилась в нём только любовь, любовь, любовь к этой девчушке, вынужденно не по годам развитой, недавно отметившей первое двенадцатилетие своей жизни. Конечно, в пути, конечно же, как и всегда, в нескончаемой дороге, ведущей от миров к мирам. — Это я виноват. Наверное, тороплюсь, хочу успеть передать всё... Тебе стоит ещё немножко подрасти, свет мой, и поднабраться опыта, так что давай на некоторое время прервёмся.

— Нет, продолжай, продолжай, я хочу наконец узнать, что такое эти Чёрные Звёзды! В тех сказочках, которые ты мне перед сном рассказывал, когда я была совсем маленькая и несмышлённая, о них упоминалось коротко, и я так и не узнала, что ж они за чудища такие и чего натворили...

— Тогда ещё рановато было... знать.

— Их остановили? Когда я была совсем маленькой, ты мне так и не расска...

— Ну, разве же интересно слушать историю, когда знаешь, чем окончилось?..

— Пожалуйста, деда, говори. Я совсем не запуталась! Я всё понимаю, продолжай. Просто иногда надо уточнить, чтобы я окончательно разложила по файлам в голове...

— Старая сказка на новый лад... Чем выше подымась-ся, тем шире горизонт и тем дальше видно... — пробормотал стариk, ещё раз усмехнулся (в глазах блеснули задорные молодые огоньки) и продолжил громче, своим чётким, хорошо поставленным голосом: — Итак, по берегу реки, провожаемые лишь закатным солнцем, которое грустно смотрело им вслед, они уходили в свой последний, самый важный поход. Из людей того мира их не провожал никто. Так они думали. Но ошибались...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Допризывница

...Как это всё начиналось, ему или ей доведётся узнать в самом конце. В том финале, который именно он или она превратит в новое начало. Для этого придётся совершить то же, что делает каждый человек. Родиться, вырасти, подростать, жить, умереть. А потом — сделать кое-что ещё. Воскреснуть.

«Хочешь насмешить богов, поделись с ними планами», гласит мудрость предков. Наши предтечи множество глупостей натворили, но иногда проявляли фантастическую прозорливость. Разумные всё же, хотя иногда разбирает сомнение, действительно ли... Значит, чтобы в глазах Вселенной не выглядеть клоуном, лучше всего — не делиться. Ни с кем. Никогда не советоваться, никому ничего не рассказывать. Держать планы в себе, используя других людей как инструменты.

Два человека, посвящённые в замысел кроме меня, и так всё знают. Собственно, одним из них всё это и задумано. Он должен выполнить свою часть задания, самую важную и трудную. Если же не сделает, за что взялся, то ничего и не получится, и тогда вообще какие могут быть разговоры?..

Кстати, что для человека глаза Вселенной? Звёзды, так уж повелось. Человек вообще неравнодушен к звёздам — и в прямом, и в переносном смыслах. Люди даже специальное учение приспособили для попыток толкования взаимосвязей. Астрология однозначно уверяет, что каждый человек находится под контролем своей звезды. Человечество же связано с космосом и зависит от него. Не просто на словах и не в воображении поэтов и фантастов, а более чем реально.

Эх, знали бы предки, насколько тесно! Поостереглись бы глупости творить. Сами же, на полном вперёд, приближали конец света. И сами себя энергично со свету сживали и всё вокруг уродовали, до чего могли дотянутся. Всерьёз не обдумывая простенькую мысль: однажды может случить-

ся, что время выйдет, и его больше не останется ни для чего. Ни для глупого, ни для умного. Ни для того, чтобы смириться с относительностью всего сущего и хотя бы для себя определиться, где что.

Тьма заберёт разум, изживший себя из света, утративший право на обладание единственной неоспоримой ценностьюю, которая есть у человека, — временем жизни.

Да уж, какие могут быть разговоры, если оно так, а не иначе. У натуры живых разумных имеется самоубийственный изъян. Живут безоглядно и беспечно, как будто вечность есть. Она, конечно, есть, её не может не быть, но... надо ещё сильно-сильно постараться, чтобы в ней остались люди.

Чтобы звёзды не отвернулись от нас.

Глава первая БЕГОМ МАРШ

Вспоминая начало войны, бывший диспетчер отмечал, что разразилась она «вдруг». Так же внезапно, как порой неожиданно, в одночасье, заканчиваются жизни отдельных индивидуумов или целых народов.

Именно полная неожиданность вырвала из глубоких размышлений о бессмысленности такой унылой жизни сменного диспетчера портала «Вольный-439», отчаянно скучавшего от монотонного однообразия будней. Она и вынудила его изречь абсолютно не свойственную ему — эстету, единственному на весь причальный комплекс, — фразу: «Хоули факин щит!»

Это было характерное выражение шлюзовых чернорабочих, которых он терпеть не мог. И при удобном случае показательно уничижал, обращаясь к ним со словами, понять смысл которых работягам не позволял уровень их развития. Но в то самое мгновение диспетчер вдруг опустился на этот, мягко выражаясь, «уровень». Правильно сказано: с кем поведёшься, от того и наберёшься... Однако причиной словесного грехопадения было событие, резко выделившееся из моно-

тонности межпланетной рутины космопорта, затерянного на периферии системы.

Окраинный «спейс портал фо-фри-найн». Именно так здешний системный терминал звался на родном наречии большинства обитателей планетоида, космическими воротами коему служил. Ведь люди, способные не только с грехом пополам говорить, но думающие на языке коренных жителей столичной планеты, в этой дальней провинции были скорее исключением.

Посреди ангара, в тот час пустого, на центральной платформе, к которой с причальных полок вели все эскалаторы и статичные дорожки, появился человек. В буквальном смысле — из ниоткуда. Вот, секундой раньше, не было никого, лишь в тусклой ангарной подсветке копошились и жёлтосине искрили сварочные автоматы, латавшие отодвинутую к стене очередную грузовую капсулу астероидных старатель... и вдруг на платформе вспыхнул яркий рабочий свет. Датчики определили присутствие в зоне их сканирования живого индивидуума. Кто-то прибыл на финишную точку, и машины поспешили обеспечить ему комфортное освещение.

На скан-программу совершенно не повлиял факт, что диспетчер никому не давал разрешения входить. И вообще на тот момент туннельная аппаратура локального портала находилась в спящем режиме...

Пришлец, с виду мужчина крепкий и статный, даже не будь он облачён в форму явно военного образца, выглядел заправским воином. Без сомнений, любым знающим наблюдателем он был бы идентифицирован как ветеран кадрового армейского подразделения. Минимум. Для «повышения» в элитные гвардейцы необходимо было ознакомиться хотя бы с одной схваткой в его исполнении.

Но пусть и оставалась неясной принадлежность экипировки незнакомца к тем или иным известным боевым подразделениям, однако красноречиво свидетельствовала его солдатская выправка. Кроме того, правой рукой боец поддерживал лежащее на его плече устройство незнакомой конструкции. С виду — явное оружие немалого размера. Этот признак окончательно формировал представление о профессиональной принадлежности неожиданного визитёра.

Голова солдата, не прикрытая каской или фуражкой, несколько секунд вертелась из стороны в сторону. Высокий лоб с большой залысиной, ополовинившей некогда густые чёрные волосы, теперь щедро разбавленные сединой, бликовал в свете лампионов. Глаза, спрятанные в складках морщин, выискивали любой источник угрозы. Не углядев прямой опасности, военный перевёл взгляд на свою левую руку. Этой рукой, согнутой в локте, он удерживал какой-то свёрток. Что-то небольшое, приблизительно овальной формы, с полиметра длиною, обёрнутое тёмно-зелёной тканью...

Этот «кокон» издал абсолютно неожиданные звуки. Тихонько заплакал совсем крохотный, не исключено, что недавно рождённый ребёнок. Судя по негромкому, деликатному «уа-а-а», можно было предположить, что там девочка. Мальчуган орал бы громче и требовательнее. Опустившись на одно колено, человек положил на пол своё оружие и перехватил свёрток правой рукой. Затем он попытался успокоить свою «ношу», неуклюже баюкая её.

Сменный диспетчер вполне естественно переполошился, узрев вооружённого бойца, который невесть откуда возник в зоне приёма-передачи. Первые полминуты управляющий оператор мешкал, просто не веря глазам своим. Наконец поверил и уже занёс было над пультом ладонь, чтобы шлёпнуть ею по оранжевому «грибочку» кнопки аварийной тревоги, но... движение не завершил. Незваный гость, отложив «пушку», держал младенчика обеими руками и укачивал его. Исклучительно заботливый нянь, несмотря на то, что с виду солдафон солдафоном! Любо-дорого посмотреть.

Вот так и получилось, что вместо экстренного вызова охранников, дрыхнувших в дежурке, сорокапятилетний вдовец, он же новоиспечённый дедушка, заговорил с этим гостем из ниоткуда. Диспетчер щёлкнул архаичным механическим тумблером громкой связи. И рявкнул в микрофон, гибким «прутиком» торчащий из пульта рядом с тумблером:

— Дитё кушать хочет!!

И после раздумчивой паузы добавил:

— Баюканьем голод не унять. Сюда неси!

Когда загремел ретранслированный призыв, незнакомец вскинул голову. Он мигом безошибочно определил расположение

жение инициатора звука, хотя динамики располагались по всему объёму ангара. Не колеблясь ни секунды, военный подхватил своё тяжёлое оружие и вскочил на ноги. Затем быстрым шагом устремился к пандусу, что уводил вверх, к нависающей консоли диспетчерской. Стоило людям покинуть центральную платформу, яркий свет погас, и сварочные вспышки вновь заполнили ангар. Если бы не случившийся наблюдатель-оператор, никто бы и понятия не имел, каким образом этот заблудший странник попал внутрь локального портала «фо-фри-найн» системы Каменных Миров.

Определив человека, серые дверные створки автоматически втянулись в стены. Миновав проём, солдат и его ребёнок оказались в просторной кабине диспетчера... При ближайшем рассмотрении боец производил впечатление человека далеко не простого, но всё же достойного. Не дезертира и не похитителя детей. Поэтому-то диспетчер и воспринял его не как разбойника, а как родителя, оставившего службу по семейным обстоятельствам. Мало ли какие у людей ситуации в жизни бывают!

А сбои в работе приёмо-передающих каналов и раньше случались. Даже параллельное совмещение, кошмарный сон туннельных операторов, приключилось однажды. Без предупреждения, одновременно со старательским корытом, прибыл курьерский контейнер из столичного мультипорта. К счастью, в пустоту вышвырнуло старателей, а не курьера. Им, крысам камнеройным, вообще лучше бы из точки в точку мигрировать на планетарной тяге, летать потихоньку, а не загружать мгновенные порталы. Но у кого богатая добыча на борту, тот обычно спешит, чтоб побыстрее доставить её сборщикам.

«Ружишико» новоприбывшему мужчине хозяин диспетчерской всё-таки предложил сдать на хранение. Дабы не привлекать излишнего внимания здешней публики, в основном шахтёров и металлургов. Это предложение военный не оспаривал, только попросил обеспечить полную сохранность. Изъяснялся он с каким-то странным выговором, однако вполне свободно. Родной язык диспетчера, экзотичный для этой провинциальной глухомани, и ему был далеко не чужим, вызубренным с помощью лингвопрограммы.

— Девочка? — уточнил сменивший властитель терминала, и когда немолодой солдат кивком подтвердил догадку, тоже кивнул и громко спросил: — Анютка, ты меня слышишь?

Перед тем, как поинтересоваться этим, оператор совершил несколько быстрых пассов внутри сенсорно-голографической полусферы. Не пульта, а собственного нанокомпера, приобретённого на личные средства.

Новенькое устройство настолько контрастно выделялось на фоне антикварной аппаратуры, оснастившей диспетчерскую, что непроизвольно возникал вопрос: «Почему же возник этот сплав каменных топоров и бластера?!» Умнику-диспетчеру только задай такой вопрос, он с удовольствием ответит!

Что и сделал хозяин. Он подробно ответил на невысказанный вопрос, приметив удивлённый взгляд незнакомца, которым тот обследовал окружающую обстановку. «Интерьер» кабины сильно смахивал на декорации космической оперы, снятой ещё до первого межпланетного перелёта.

Причина была настолько же проста и рациональна, как и функциональный подход к созданию подобных локальных терминалов. Развитие технологий опережает торговлю, если брать это понятие в широком смысле и применять к зонам реального товарообмена, а не к стихийным межпланетным барахолкам. Торговые альянсы, как всегда, минимализируют затраты, организуя точки приёма «муравьёв космоса», астероидных и планетоидных старателей. «Переплачивать» торговцы не желают. Тем более что менеджер, ответственный за сдачу проекта, возможный остаток суммы, выделенной на строительство, забирает себе. В качестве премии.

Потому данный комплект оборудования смонтирован здесь в результате того, что на складах какой-то из планет остались невостребованными тонны устаревших агрегатов. Уже никому не нужных по той простой причине, что прогресс «настиг» тот уголок Вселенной и наводнил рынок новинками. Но куда же девать старьё? Выбросить жалко, перерабатывать дорогоевато и хлопотно, остаётся слить куданибудь за бесценок.

В итоге нормальное, высокотехнологичное ядро окраинного портала, к которому ведёт локальный внепространст-

венный проход, облеплено старьём. Древними комплектующими из прошлого века прогресса. А собственно, какая разница? Ограничений объёма здесь нет. Не то что на главной планете звёздной системы, например. Той, что напрямую связана проходом с осевым миром кластера. Или тем более в самом этом центральном, столичном мире кластера, сетевые проходы из которого уводят к другим осевым планетам, в другие кластеры. Здесь, на периферии, сооружай комплекс размером хоть с целый планетоид! Поэтому всегда оказывается гораздо экономичнее поскрести в забытых кладовках и выгребать хлам, чем транспортировать суперсовременное оборудование в конечные, не транзитные пункты входа-выхода. Для туников — и так сойдёт.

Затраты на сборку громоздкой конструкции хоть и оказываются выше, но с лихвой перекрываются за счёт малой стоимости самих элементов. Что утешает, старая аппаратура обычно куда более качественно сработана. Если не потеряет кондиционное состояние от долгого лежания на складе, то после монтажа служит исправно. Ну, почти исправно.

Обо всём этом и рассказал незнакомцу старший диспетчер. Целую лекцию выдал. Хозяин кабины стыдился окружающей убогости, потому и поспешил её... оправдать, что ли.

Душа эстета, обречённого пребывать в этом захолустье, буквально изнывала. Но что поделаешь, нигде ему не заработать так много, как на этих задворках звёздной системы. Вот закончится срок очередного контракта, и можно будет наконец-то убираться отсюда. Чтобы накопить средства на покупку участка земли в столичном мире, двенадцатый год он и его семья гниют здесь, вынужденные терпеть общество всяческого отребья.

Хотя главной причиной бегства было вовсе не желание разбогатеть. Отец-одиночка, вынужденный растить пятнадцатилетнего сына и десятилетнюю дочь, тогда он просто стремился убраться. Куда подальше от всего, что напоминало жену...

— Анют, спиши?! — ещё раз, громче, спросил диспетчер, не дождавшись ответа на свой первый призыв.

— Да-а, пап... То есть уже нет. А что случилось? — наконец-то отозвался заспанный голос дочери.

— Извини, что разбудил, но тут форс-мажор...

— Ничего, мне всё равно пора, время кормления... Ты поэтому видеорежим отключил?! Там что-то страшное...

— Нет, нет, не волнуйся! Как внучок? Спит нормально, животик больше не беспокоит?

— Да нормально, папа, уже прошло. Только я начала кушать натуральную еду, которую ты привёз с триста тридцать восьмого, так молоко и стало гуще, и... Ой, а кто там у тебя плачет?!

Молодая мама безошибочно вычленила из всех звуков, транслируемых из диспетчерской в её персоналку, именно этот. Тихий детский плач.

— Собственно, я по этому вопросу. Тут у меня... у нас, вернее... — Новоиспечённый дедушка жестом попросил солдата ближе подойти к своей персоналке, водружённой на архаичный пульт управления, и включил режим видеотрансляции. — Неожиданная просьба к тебе. Малышку надо бы покормить.

— Ой, и правда маленькая!! Это ваша? А мамочка где?

— Моя, моя... чья ж ещё, — проворчал старый солдат. — Мамки нету, а у девочки пуповина ещё не зажила...

— Ой, бегом сюда! Что ж вы там стоите! Папа, ты сможешь отлучиться со смены?

Мамы, они и в межзвёздной пустоте — мамы. Хотя их здесь не часто встретишь... Девочке пришельца воистину повезло, что на старте жизни случай подарил ей встречу с кормящей женщиной. Этого не случилось бы, заявись ветеран на портал сменой раньше или позже. Ни отцами «действующими», ни тем более дедушками прочие операторы ни разу не являлись. Они попросту вызвали бы наряд охраны. Все до единого — бездетные холостяки. Как и добрая половина населения этих краёв системы. Незамужних женщин в Астероидном Облаке тоже хватает, но супругов и детей они, как правило, заводят «не сейчас и не здесь».

— Куда ж я денусь. Ничего-ничего, заблокирую вход на часок, пускай ждут. По техническим причинам.

Через пару минут немолодые мужчины уже топали по осевой «трубе», что вела к пассажирскому выходу из придельного комплекса. Выглядел этот коридор не менее арха-

ично, чем диспетчерская кабина, напоминая о тех временах, когда не было и намёка на искусственную гравитацию. Однако наличие современных компенсаторов сомнений не вызывало. У идущих совсем не возникало неприятного ощущения «поддельной», нестабильной гравитации, которая со временем опасно разбалтывала вестибулярный аппарат.

Боковые створы, ведущие в жилые блоки, располагались неподалёку от герметичных ворот, отделявших сектор портального терминала от лабиринта туннелей-улиц города. Ещё одна грань функциональности: живём, где работаем. Диспетчера не беспокоило, что ему может повстречаться кто-нибудь из коллег. В конце концов, он старший из операторов, отвечать за всё происходящее — в любом случае ему.

Они свернули направо, и взглядам открылся боковой туннель, стены которого прорезали двери жилых апартаментов терминального персонала. Одна из них была открыта, и в проёме стояла дочка, сгорающая от любопытства. Полногрудая, золотоволосая, роскошная. В этот момент она разительно напомнила диспетчера его утраченную супругу, только-только родившую старшенького...

— Ой, какая прелесть! — Анюта бросилась навстречу, буквально вырвала из рук солдата притихшую, испуганно поблескивающую глазёнками малышку и утащила её в свою каюту, заваленную подгузниками, распашонками и пелёнками.

Военный запоздало распростёр руки по направлению к отобранному у него свёртку, открыл было рот, чтобы возмутиться или предупредить... но промолчал. Молодая мать уверенно развернула ткань, похожую на обрывок плащ-палатки, и высвободила младенца. Сокрушённо покачала головой, обнаружив, что девочка совершенно голенькая. Заботливо поддерживая головку, дочка диспетчера укутала младенца в большое махровое полотенце и опустила в подготовленную ванночку с тёплой водой.

— Ты не переживай. — Диспетчер положил руку на плечо солдату; с виду мужчина был на добрый десяток лет старше него самого, но в этот момент хозяин портала чувствовал себя умудрённым и степенным главой рода. — Анютка знает, что делать. У неё полугодовой стаж мамочки. Лучше

моей дочи никто не позаботится о ребёнке. На всём этом ка-
мешке всего десятка полтора детишек и ни единого младен-
чика, кроме нашего.

— Вы можете погулять, дедушки, а мы пока покупа-а-
аемся, поку-у-ушаем и спатки ля-я-ажем, — не оборачиваясь
ко входу в каюту, произнесла дочь. — И закройте двери! Нам
сквозит!

— Аньотка, какой такой сквозняк на космобазе? — за-
улыбался диспетчер. — Рециркуляция ведь не...

— А не важно! Сквозняк может быть при открытых двер-
ях, я ещё не забыла. Так что исполняйте!

— Слушаем и повинуемся. — Диспетчер величественно
и достойно отвесил поклон. — А мы с тобой и вправду пой-
дём-ка побеседуем о том о сём, — обратился он к военному,
забоченно наблюдавшему за процессом купания, и реши-
тельно увлёк того за собой прочь из каюты.

Мужчины уединились в одной из отдельных кабинок
досуговой кают-компании — небольшого зала, выдолблен-
ного в скальной породе рядом с помещениями бара и столо-
вой. В это время здесь никого не было. Номинальной «но-
чью» почти все спали. Обслуживающий персонал портала
вообще был немногочисленным. Минимизированным...

Из квадратных отверстий в столешнице поднялись зака-
занные ёмкости травяной настойки. Её горьковатый привкус
выдавал присутствие стимулята энтари — травки, бодрящей
тело и дух. Оператор межпланетных сообщений и прибыв-
ший из ниоткуда пожилой солдат хорошенько отхлебнули,
традиционно «крякнули» и начали беседу.

— Мы так и не представились друг другу, — обратился
хозяин к гостю, — я Андрон Басович Лесковчин, офицер
Въерканского альянса. Не переживай, к армейским и поли-
цейским отношения не имею. Из инженерных я, как ты мог
заметить.

Подобные звучные ФИО однозначно свидетельствовали
о столичном происхождении диспетчера. Том самом, которое
ненавидели и которому втайне завидовали многие обитатели
дальних секторов этой планетарной системы. Да и в прочих
семи планетарных системах кластера найдётся немало же-
лающих переселиться в центральный мир. Ведь жизнь в осе-

вой столице ячейки, помимо прочих преимуществ, ещё и на порядок увеличивает шанс побывать в других ячейках сети миров.

— Я Эл, — коротко представился военный и протянул диспетчеру руку. Этим дикарским жестом он выдал если не планету своего рождения, то уж наверняка пункты, где служил многие годы. Миры соседнего, существенно отставшего в развитии кластера.

— Рад знакомству, — неуклюже пожал ему ладонь диспетчер, поддержав этот не очень приятный ему ритуал тактильного приветствия. Что поделать! Цивилизованным людям приходится считаться с проявлениями культуры иных сообществ.

— А уж я-то как рад... — едва слышно проворчал солдат Эл, не пожелавший называться полными именем-отчеством-фамилией. — Твоя дочка просто настоящий подарок неб... хотя небес вряд ли. Людей.

— Даже не буду спрашивать, каким образом ты самовольно материализовался посреди платформы. У вас, военных, наверняка свои тайные разработки. Но скажи хоть, откуда ты переместился? Я так понимаю, были причины спешно бежать. Я могу тебе помочь? Если не ошибаюсь, первые в жизни слова мы с тобой произнесли на одном и том же языке. Это обстоятельство обязывает меня помочь тебе.

Лесковчин откинулся на спинку кресла, занимая более удобное положение. Он готовился выслушать длинный рассказ. Однако информацию пришлось вытягивать кучей наводящих вопросов. Человек действия, боец привык рапортовать, а не повествовать. Учиться рассказывать солдату Элу пришлось прямо «на ходу».

— Мы защищали нашу родину. Название мира тебе ничего не скажет, потому и не будем его вслух произносить. О покойных у нас тоже не говорят вслух... Наша эскадра потерпела сокрушительное поражение. Погибли все, кроме ребёнка. Вот и всё в общем-то.

Пришлый задумался, взгляд его помутнел. Он углубился в себя, вспоминая и заново переживая драматические события.

— И кроме тебя, конечно, — машинально добавил диспетчер. Эл ухмыльнулся краем рта, совсем невесело, и пожал плечами. Что он хотел этим сказать, неясно, однако не суть важно. Андрон предпочёл спросить о более насущном.

— А кто мама?

— Моя... э-э-э... одна женщина, из наших. Погибла... Уже в самом конце сражения, когда стало ясно... что оно вот-вот будет проиграно... Смертельно раненная, она... э-э... покинула борт погибающего линкора и родила... в спасательной капсуле.

Элу было тяжело говорить, голос его прерывался, и он опять надолго замолчал. Видно было по сжатым скулам, что военный едва сдерживает душевную боль.

— Что же это за война такая, что даже беременные женщины в бой идут? — Андрон был поражён этим возмутительным фактом, но постарался говорить спокойно, не кричать от негодования. Лесковчин сделал скидку на особенности развития иной цивилизации.

— Не дай тебе Боги узнать ответ на этот вопрос! — Взгляд пришельца вмиг потемнел, на диспетчера в упор смотрели два совершенно чёрных, как пустой космос, обжигающих яростью глаза. — В этой войне победить можно, лишь проиграв главное сражение! Мы слишком поздно это поняли, потому и погибли все. Понимаешь, мы слишком поздно поняли, что...

— Погоди, погоди! — Лесковчин замахал руками, словно отгоняя полыхающую ярость взгляда. — Это либо бесмыслица, либо загадка! Я не страдаю отсутствием логики или образности мышления, но подкинь немного деталей. Иначе просто невозможно понять твои слова.

— Извини, друг... ты не сумеешь понять вот так, сразу. На это уйдёт слишком много времени, а его у нас совсем немного, — неожиданно резко закруглил тему Эл и произнёс: — Мне необходимо переговорить со здешним главным. Это можно организовать?

— Легко. Говори. — Андрон Лесковчин сделал добрый глоток горькой настойки для бодрости восприятия, выпрямился, приосанился и представился: — Сменный диспетчер и есть самый главный человек приёмо-передающего терминала

в данный период. Тем более старший. Здесь я — старший. Ближайший вышестоящий начальник на планете Сандор, в миллионах...

— Отлично! Ты прямо кладезь сюрпризов, друг. Тогда слушай. Возможно, я неправ, но существует высокая вероятность нападения на станцию. Вот эту самую... куда я попал, и где я с тобой сейчас разговоры разговариваю, и где твоя дочь кормит мою... девочку. Причём нападение может произойти в ближайшее время. Я бы на твоём месте эвакуировал всех. Анюту с внуком прямо сейчас откомандируй отсюда подальше. И меня с младенцем, если возможно, куда-нибудь отправь, только не... э-э... не телепортом своим, а на корабле, по реальному пространству. Это сложно организовать?

— Тоже мне открыл планетарный рай, — разочарованно скривился диспетчер. — Вероятность вооружённого нападения на точки приёма-передачи всегда существует, особенно на границах секторов влияния корпораций. Мы без проблем отбивали несколько атак наёмников. Это мелкие попытки саботажа и отпугивания старателей конкурентами. Ты не смотри, что вокруг рухлядь, ядро-то серьёзное. Турели мощные, защитный экран сильнейший, ресурсов реактора хватит держать осаду на сотню стандартных суточных циклов...

— А если это не будет саботаж? Вдруг конкуренты вас решат попросту уничтожить? — солдат задал провокационный вопрос, чем вынудил старшего диспетчера усиленно думать, прежде чем ответить.

— Возможно, всё возможно в данной нестабильной ситуации... Конфликты и споры между торговыми альянсами никогда не утихают. Высшие начальники не могут поделить сферы «доения». Но, если произойдёт то, о чём ты толкуешь, и нас просто расстреляют торпедами или сожгут лучевыми залпами, может начаться всеобщая война корпораций. Тогда, конечно, никому не...

— Это в том случае, если кто-то узнает, что произошло, — перебил воинский, — а если случится неожиданная атака? Вы наверняка экономите ресурс и не гоняете экран на полную мощность в обычные-то будни... Одна торпеда расколет всю станцию.

— Твоя зловещая речь нравится мне всё меньше и меньше, потому что интуиция подсказывает: ты можешь оказаться прав. — Андрон резко поставил на столик свой бокал и нервно стиснул кулаки. — Мелких инцидентов очень давно не было, и это подозрительно, а тут ещё сведения поступают о концентрации кораблей на границе с альянсом Огназако...

Диспетчер замолчал и заглянул прямо в чёрные осколки космоса. Солдат взгляда не опустил. Мужчины разных миров долго молча смотрели друг другу в глаза.

— Ну гляди, если ты не прав... Будешь отрабатывать в шлюзах пожизненно, — вставая из-за стола, подвёл черту Андрон Басович Лесковчин. — Сделаем так. Берёшь свою малышку, мою дочь и моего внука, грузитесь на мою яхту. Эвакуируетесь в глубь сектора, на одну фермерскую колонию, я покажу курс к этому астероиду. Подальше от ареала возможного конфликта... Если всё будет очень плохо, пообещай мне позаботиться о моих. Сына я потерял, не хочу и внука...

Старший диспетчер ни на мгновение не усомнился, что может довериться этому пожилому человеку, о существовании которого он меньше часа назад и не подозревал. Этот ветеран Эл наверняка что-то недоговаривает, ему известно гораздо больше. Но главное он озвучил, неоспоримый факт — что-то ужасное назревает, и от этой угрожающей перспективы не отмахнуться, увы.

Просто так, от нечего делать, бывалый солдат не заворачивает младенца в обрывок плащ-палатки и не совершает экстренный марш-бросок в полную неизвестность.

— Сочту за честь. — Эл встал. — А как же ты? Летел бы с нами, подальше отсюда.

— Сам-то хоть понял, что сказал? — грустно улыбнулся диспетчер. — Ты же военный, разве не знаешь, что капитан покидает корабль последним? Я не брошу своих людей, какие бы они все ни были неучи. И если суждено погибнуть, мы умрём вместе.

— Андрон, если бы не моя девочка, я бы тоже принял бой здесь...

— Я понимаю, друг. У тебя своя задача. Спасай детей. В них наше будущее. Кто же вспомнит о нас, если и они

погибнут? Некому будет помнить, и нас не станет окончательно.

Мужчины вместе покинули кабинку, затем кают-компанию и, более не теряя ни секунды, устремились в глубь портала. К резервному ангару, где старший диспетчер держал свой личный планетолёт.

Андрон Лесковчин мог только предполагать и бояться собственных предположений. Он ещё не знал, что буквально через пару часов разразится война, которая охватит не пяток секторов, а всю планетарную систему. К счастью, только одну, центральную, а не все восемь систем этого кластера. Столичным властям удастся вовремя закрыть межзвёздные порталы и не допустить захвата внутрисотовых проходов каким-либо из альянсов. Война не перекинулась в другие миры, иначе бушевала бы не два года, а все двадцать. В другие кластеры по межосевым проходам воюющие соваться поостерегутся. Там всегда находилось кому дать любым оккупантам достойный отпор.

Бывший диспетчер 439-го «Вольного» терминала выживет, уцелеет, дождётся окончания межпланетной бойни, ухитрится не погибнуть, но дочку свою и внука никогда больше не увидит.

До конца жизни Андрону Басовичу Лесковчину останется только надеяться, что старый солдат всё-таки сумел унести их подальше от войны, вспыхнувшей в центральной системе ячейки.

Если оно хоть где-то существует, такое место, где войн не бывает.

Только в мечтах, наверное...

— Лечь!!

Хлёсткий выстрел, а не приказ. Командный голос фронтового ветерана, собственно, точь-в-точь как и мой. От десто-нации отделяют секунды, но растянулись они в длинную, изматывающую паузу. Пол холодный, это пробивает по нервам, дополнительно раздражая. Контур огромной дверной плиты небрежно оплавлен. Пацаны... Нет пока у них стремления к совершенству, красоте, аккуратности. Красота раз-

рушения, красота войны. Красиво — это когда порядок, чёткость строя и форм... Эх, некстати я расклешился, брюзжу, как настоящий старикашка.

За спиной лязг и скрежет металла. Встряли железяки на долго. Очень на это надеюсь. Но раздражает шум этот, как и подошвы Алекса, маячат прямо перед носом... в какое гэ он вступил? Сколько раз я говорил ему, бывало: «Куда лезешь поперед батьки в пекло?!» Уже не скажешь ученику этих слов. Нынче, как правило, «сынки» идут поперед батек. Такой в этом рейде боевой порядок... оправданный. Вот и сейчас они первыми ворвутся. Интересно, сколько уже прошло с момента команды, отданной восславянином? Секунда, две, три? В ожидании время тянется медленно, как тяжёлый конвой по горному серпантину. Какая-то пара мгновений, а целая дивизия мыслей в голове успевает промаршировать!

Эх, мальчик, мальчик, видела бы тебя сейчас твоя мать... Порадовалась бы увиденному? Или меня под трибунал отдала бы? Ну что же, учил как мог. Уж какие планеты в качестве поля боя достались — такой и воин, точнее, дух его. Великолепная машина разрушения получилась... Это и гложет, именно машина. Что-то необратимое происходит у него в голове. Я больше не могу направлять «курсanta», он вышел на свою дорогу, на дорогу войны, своей войны. Какой он её видит? Даже мне уже не разобрать.

Но как бы меня это ни бередило, совершенно не важно, что об этом думаю я. Сегодня наконец-то уловил идею всего этого похода... Озарило! Будто подслушал вдруг чьи-то мысли, и всё прояснилось. Холодный, расчётливый замысел. Просчитанный до мельчайших нюансов. Чей он, интересно? Единолично измыщен матерью этого «мальчика»? Или является итогом мозгового штурма вышестоящих военачальников? В который меня, вечного «зама», посвятить не удосужились...

Каждый из нас должен быть именно таким, каков есть. Наша наивная девочка уверена, что знает, куда ведёт отряд. Пусть будет так. А мне предельно ясно, что мы всё ещё готовимся к походу. Мы покамест всего лишь маршируем на месте, а не идём. Голос, на пределе слышимости, нашептал: «Ты будешь первым». И тяжесть этой мысли давит всё силь-

нее. Нужно поделиться грузом дум с коллегой-наставником. На привале, возможно... Добрых пять секунд прошло, что ж так медленно время тащится??!

Ну, наконец-то... Громыхнуло на славу! Коллега — мастер-подрывник не хуже меня. Синхронная серия взрывов с лёгкостью вталкивает стальной блин бронированной двери в помещение. Глупые или неопытные защитники сразу погибли, расплощенные многотонной массой. И понеслось!!! Подошвы молодых уже мелькают, унося своих хозяев в облако густого белого дыма. Дым, отлично. Видна рука профи, «старый хрыч» не поленился организовать завесу. Ну что же, и мне туда!

Первые нестройные, растерянные какие-то залпы стихают, и раздаются крики. Непроглядная белая муть резко обрывается, сразу пускаю короткую очередь в сложенные импровизированной баррикадой столы. Три силуэта опрокидываются назад, вслед за полётом их собственных мозгов. Одновременно, как по команде. Сейчас будет ответный залп. А вот так умеете?! Давненько я не прыгал и не стрелял в полёте. Из того места, где я только что находился, брызгут капли расплавленного металла.

Кувырок, и гашу инерцию движения своего тела прикладом о чей-то подбородок. Знакомый хруст, парень больше не жилец. Колонны по всему залу торчат. Квирамид, похоже. Иглы и лучи его почти не берут в отличие от разрядов плазменника, который у меня в руках. Сильная штука. Пройдуська по «лесу», прогуляюсь, соберу грибочки-ягодки.

Коллега присоединился к нашим молодым, они весь огонь на себя отвлекают. В мою сторону только два шлемных щитка повёрнуты. Иду-иду... Только нос за колонну спрятал, как горячий воздух дунул по щекам. А шлем-то снимать не на-адо было! Плазма облизывает колонну и поджигает бархатный гобелен за ней. Ну и вкусы у здешней хозяйки. Или это её очередное извращение?

Вернёмся к нашим барапам. Почему нет? Давайте-ка поиграем в дурака, ребятишки. На уровне головы справа показываю сжатый кулак и почти сразу ныряю вниз и с уровня пола, с точки метром левее, стреляю. Как много у меня времени! Два шлема ещё повёрнуты щитками к точке, где толь-

ко что была моя высунившаяся рука. Сгустки плазмы только-только от их «пушек» отделились и несутся в точку мнимой цели... Заминки хватило не только на то, чтобы прицелиться, но и мысленно посмеяться. Сколько миров, сколько солдат, и все ведутся на этот трюк, наверное, инстинктивно или на автопилоте. Первый чуть повернулся и как раз успел узреть голубую вспышку полегасителя на конце моего ствола. Прелесть этой тяжёлой плазменной «дуры» оцениваю только сейчас, не зря тащил. Вся броня местных предоставляет защиту только от модного лучевого оружия. Этот устаревший разрядник прошивает её, как бумагу.

Второй даже успевает направить на меня своё оружие... И тебе спокойных снов. Теперь обходим с тыла, быстро и тихо. Вот, готово. Становится как-то даже стыдно... Одни спины в прицеле, зато как они красиво, одинаково дёргаются после прямого попадания. Гармония смерти, чтоб ей...

До конца боя считаные секунды. Да и законный муженёк нашей девочки что-то там кричит уже, видимо, подоспела очередная волна железных палачей, и скоро прорвут «дамбу». Блин! Что ни говори, а это мой ученик сообразил подобную схемку атаки, ещё в вентиляции! Коллега, одинноль, догоняй, старичок. Мой подопечный пошустрел твоего.

Шутка дурацкая, само собой, но невольную гордость испытываю. Зря я, что ли, мальчика столько времени натаскивал!

Натаскал. Задание выполнено, госпожа Верховная Главнокомандующая...

— Сегодня я расскажу тебе другую сказку, внученька. Такую ты раньше не слышала. Пускай Иванушки всех видов, Алёнушка, Гарри Поттер, Карлсон, прочие славные человечки, а также всякие там зверушки и роботы пока отдохнут от путешествий и приключений. А я тебе поведаю о странствиях других людей. Они мало известны... Но ты не подумай, что это враньё. Всё, что с ними происходило, такое же настоящее, как репортажи о судьбе Алисы Селезнёвой или истории из жизни Буратино. Просто об этом никто из взрослых не знает, потому деткам и не говорят.

— А ты знаешь, дедуль?

— Знаю. Я очень-очень взрослый, потому и знаю чуток больше, чем... Ты послушай, чего расскажу. Это сказка, конечно, но мы же с тобой знаем, что сказки не врут, они намекают на реальность.

— Значит, всё это было взаправду?

— Было, не было, разве ж это важно... Важней всего то, что могло быть. Всё, о чём мы способны подумать, где-то когда-то было и бывает. Или будет.

— Ну давай, давай, рассказывай! Мне уже интересно...

— Сейчас, подушечку твою поправлю, и... вот. Слушай, значит. Жили-были в одном из неведомых миров четверо богатырей, добрых и не очень молодцев. Двое юных, пареньки хоть куда, а двое постарших, дяденьки совсем. И жила в том краю далёком девица, вострая на ум, ловкая да собою пригожая, а с нею дружок закадычный ещё один в компанию вошёл, Солдатиком его затем прозвали, но не потому, что оловянный, а потому что с ружьём своим не расставался, чуть ли не спал в обнимку...

— Деда, деда, я спросить хочу! Забыла... а ружьё такой же замаки... замас... маскированный бластер, как у тебя? Тот, что всегда в номерах и каютах под подушкой держишь?

— Точно так. Ты не ворочайся, не ворочайся, не откидывай одеяльце-то, в этом номере температура поскромней, чем на корабле... мотель явно экономит на отоплении. Ну, слушай дальше. Стало быть, поступило однажды известие печальное, что объявилось, дескать, чудо-юдо заморское. Войной идёт на честной народ, и надобно его побороть, супостата окаянного. По такому случаю собрались лучшие в мире том богатыри на совет да подружку с неразлучным дружком позвали. А сбор у них назначен был в одном укромном местечке, на песчаной полоске между бором сосновым и речкой широкой... Потоптались наши славные герои на бережку реченьки, наметили курс да волшебным образом перенеслись затем в царство... гм... тридевятое. То, которое гораздо дальше, чем любое из восьми, бывающих обычно.

— Деду-уль! Я ж не маленькая! Мне пять лет уже! Ты ж сам говорил, что история-то взаправдашня... Где ж такая

планета находится, Тридевятое Царство, в какой из сот? А что значит перенеслись?

— Ну, как в сказках переносятся... по мановению руки.

— Ага, ты ещё скажи, что в мно... ой!.. мго... мгновенье ока, вот! А-а-а, я поняла, поняла! Значит, телепортанулись...

— Ну ладно, пускай так. А место, подобное сказочному тридевятому царству, в реале имеется у каждого мира. Хотя для каждой точки старта и называется по-другому, но смысл не меняется. Давай-ка мы всякие сложности и скучности отложим на потом, чтобы сказка не получилась пурпурной. Лады? Ты же первая меня будешь попрекать, если...

— Лады, дедуль. Давай, давай дальше! Буду терпеть и не перебивать... покуда вытерплю, вот.

— Стойкая ты моя... Так, значит. Отправились они в это самое тридевятое царство затем, чтобы отыскать и одолеть невиданное чудище раньше, чем оно подступит к их родине. Монстрическая страхолюдина грозилась пожрать солнце, небо, землю, моря и океаны, схрумкать звёзды, в общем... э-э-э... всё-всё-всё слопать намеревалась. А похожа она была на огромную змеищу, которая в кольцо скрутилась и зубами вцепилась в собственный хвост. Однако хвост этот она не проглатывала совсем, не исчезал он в утробе ненасытной, зато колдовским способом вся близлежащая округа пропадала, целые города и веси со всеми их жителями. Круглая такая, чёрная как вакуум, каталась и каталась змеюка по царствам, и становилось их всё меньше и меньше...

О составе нашего отряда я тебе уже коротко говорил. Распишу подробнее. Двое молодых воинов силища-то имели неимоверную, да и по боевой удали не было им равных среди всех живших в мире том. Прозванья у молодцев были соответственные нраву. Того, что подобнее да поотходчивее... Мирным именовали. Другой, лютый да суровый... так и назывался Лютым. И он шёл последним, прикрывая спины, а Мирный впереди, прокладывая дорогу. Путь указывала девица-подруженька, звалась она... э-э-э... Владка и следовала второй. Только она ведала, где спрятано логово чуда-юда поганого, потому как была всамделишней волшебницей. И у неё, как и полагается любой знатной чудотворице, имелся свой телохран. Дружок Солдатик. Был он тихий, незаметный

секьюрити, словно тень скользил за девицей, никому не мешая, ни во что не встrevая. Ни с кем, кроме хозяйки, особенно не общался. Позднее спутники наградили его и вторым прозвищем, Тигр, оценив неприметность, коварность и беспощадность к врагу.

Имелись у наших младых витязей и напарники, они же наставники их бывшие. Разделяли с удальцами боевую путь-дорогу старшие товарищи, умудрённые ратным опытом. И, невзирая на почтенный возраст, ветераны по-прежнему крепко держали в руках мечи булатные, колья кованые да самострелы быстромётные. Напарника Мирного... Седым прозвывали, за серебристый от боевых невзгод цвет волос. Лысым звали партнёра Лютого, у которого волосы и вовсе без остатка забрала нескончаемая военная стезя. Повстречавшись на речном бреге в начале пути, они... ну, скажем так, с той поры держались дружески, словно тыщу лет были знакомы дотоле. Чего не скажешь про молодых витязей. Детинушки, по неведомой и не относящейся к ратному походу причине, невзлюбили друг дружку с минуты знакомства, и непроизвольно ползли их пальцы к рукоятям самострелов, лишь стоило их взорам столкнуться. Первой это заприметила Владка, потому и распорядилась, чтоб подольше воины находились порознь — один в начале цепочки, другой в окончанье. Волшебница, как самая быстроумная, взяла на себя командование, и никто не возражал супротив... Да, да, уже вижу, что на твоём язычке всртится вопрос, почему они в поход отправились без верных коней...

— А я знаю. Я знаю! Лошадки не умеют телепортать! И очень тяжёлые, на себе их не утащить!

— Точно так. Умница ты моя, всё правильно... Ну вот. Ранним утром первого дня тамошней зимы они впервыеступили на территорию чужого царства. Снег густо сыпал крупными хлопьями, так плотно, что и не видать было, куда идти-то. И только чутьё волшебницы не позволило им сбиться с верного курса. Шли они, шли три дня и три ночи по бескрайней заснеженной степи, и нередко в души наших героев прокрадывались отчаяние и тревога. Но Владка объясняла воинам, что этаким макаром проклятое чудо-юдо насыпает на них всевозможные мороки, и нужно держаться, так как

дальше будет гораздо тяжче. К вечеру четвёртого дня на горизонте завиднелись огни, и наши герои прибавили шагу. Деревня та оказалась очень маленькой, всего дюжина избушек, и жили в них звери, которые раньше были людьми.

Издалека зачуяв приближение чужаков, местные высыпали навстречу. Их было много, передвигались они по большей части на задних лапах, а в передних держали тяжёлые дубины. Вперёд подался вожак — полуседой громадный зверь с большим горбом, как у верблюда. Помнишь, мы видели верблюда в зоопарке на космобазе Кунг-Сто?.. И человеческим голосом спросил верблюд этот у пришлых, чего, мол, им надобно, и ласково присоветовал идти отсель, сторонкой, подобру-поздорову. На что Мирный ему ответил, что обижать мохнатых да клыкать прохожие не собираются и что всего лишь хотели попросить о ночлеге. Главный зверолюд, пораскинув ушиком, какой имелся в наличии, заявил прямодушно, что ежли выполните нашу просьбу, дескать, будет вам и тёплый ночлег, и горячая похлёбка, и мягкое сено для сна. Деваться странникам было некуда, согласились.

А просьба заключалась вот в чём. Полвека назад с полночной стороны света приехал к ним, ещё самым что ни на есть людям, воевода с малой дружиной и от имени... э-э... князя Жрадовира велел дать клятву верности, повиноваться и платить дань непосильную. Степные поселенцы не покорились и учинили яростный отпор, убили воеводу дерзкого, а дружину разогнали. Не знали, бедолаги, что владетель сей был заправским колдуном. Жрадовир, прослушав о столь вопиющей непокорности, взбеленился. Мне, говорит, цельные империи покоряются, а здесь воспротивилось какое-то племя свинопасов. Невозможно человеку не бояться гнева моего грозного, следовательно, там проживает не людской народ, а зверьё какое-то, видать... Так вот человеческое племя травяных полей и превратилось в зверинец разных животных.

Многие не перенесли горя и тронулись рассудками, какие-то из них, позабыв, что были людьми, приняли новую сущность и ушли прочь кто куда. Лесные звери — в леса пробираться, степные — в разнотравье прижиться, горные и

полярные... кто их знает, куда направились. Горстка не утративших память осталась жить здесь, пытаясь сохранить всё, как было раньше, но это уже не было прежней жизнью. Зверолюди уходили всё глубже и дальше в дикие поля, скрываясь от многочисленных охотников и от дружинников Жрадовира. Их прозвали челбонами, и мамки человечьи этим страшным словом пугали непослушных детей. Нынче горестные челбоны эти просят доблестных путников, коль те всё едино путешествуют, передать великому князю искренне-сердечное извинение. И донести смиренную мольбу о прощении с надеждой, что колдун смилостивится и вернёт им людские обличья. Сами они в княжеские чертоги пробираться не могут, потому как шибко сильно боятся гнева Жрадовира, ну и притязаний других людей опасаются. У кого-то из обитателей деревни ценный мех, кто-то мясом знатен, шкурой, а есть и такие, которых за рога пристрелят, имени не спросив...

Лютому ну о-очень не понравилась эта затея, он твердил, что путь и без того нелёгкий, а теперь ещё придётся кланяться и челом бить какому-то запредельному колдуну. Однако чародейница Владка, проснувшись утром, объявила, что нить судьбы тянется прямёхонько ко дворцу княжескому. За ночь наши путники отдохнули и набрались сил. Вожак подарил мужчинам по вороному коню, а девице гнедую кобылку. В зверолюдем племени этом на них давно уже никто не ездили, и транспорт выдался бравый, невыработанный. Даже можно было не обращать внимания, что покрытый чешуёй, шершавой, как наждак. Помнишь, я наждаком поцарапанную плоскость зачищал, это такая жёсткая плёнка с мелкими острышками кристалликами...

Так вот, поскакали наши герои во всю лошадиную прыть. Верхами, конечно, дело заспорилось куда быстрее. Суток через двадцать они добрались до замка, который расположился на вершине большой горы, над самым краем устрашающей пропасти, а с трёх оставшихся сторон был окружён спящим лесом...

— Почему лес — спящий?!

— Молодчинка, что столько терпела, но слушай дальше, узнаешь. Лес назывался спящим, потому что каждый, кто в

него заходил, ужасно хотел спать, и сжали после первого же смачного зевка не разворачивался обратно, то непременно засыпал прямо на ходу. И казалось бы, что в этом дурного: упал, поспал да топай себе дальше... Но каверза заключалась в том, что путник засыпал навеки, крепко-накрепко, так, что уже никто и никогда не мог его разбудить. Как ты сама догадываешься — следовать нашим героям предстояло через этот самый лес. Владка всех предупредила об опасности, и отряд решил пронестись напролом. Сперва они пытались быстро скакать, без задержек, но лошади путались в зарослях и паутине, терялись среди густо растущих деревьев. Довелось вынужденно спешиться и вести их за собой в поводу.

Быстрая езда предполагала сильную тряску в качестве взвадривающего средства плюс бонус: так поскорее закончится нагоняющая сон дистанция. Не удалось, уж слишком узкой оказалась тропа, уж слишком низко нависали корявые ветки. Продвигаться дальше пришлось медленно, вереницей. Вдобавок сквозь плотно сомкнувшиеся над головой кроны почти не проникал свет, и в лесу царил обволакивающий сумрак. Непонятно откуда лилась тишайшая, на самой грани слышимости, музыка, и запахи, запахи, запахи неизвестных растений струились, пропитывали, пьянили пуще доброго вина... Седой, боевой наставник Мирного, первым почувствовал, что вот-вот уснёт. Он выхватил из выюка бурдючок с водой и умыл лицо, это немного помогло. Потом вдруг громко запел постоянно молчавший Тигр, настолько неожиданно, что спутники всполошились. Успокоившись, по достоинству оценили хитрый приём охранника и всем отрядом затянули старую походную песнь. Не зря испокон веков солдаты пели на переходах. Тянулось время, неспешно, как в замедленной съёмке, однако наши храбрецы всё-таки приближались к дворцу...

Но чем ближе становилось обиталище колдуна, тем больше попадалось им на пути засохших тушек разных животных, а в зарослях сухой травы белели кости человеческих и звериных скелетов. Глотки давно охрипли от песен, растиительность всё сгущалась и сгущалась, затрудняя шаг. Путникам давным-давно требовалось сделать привал, но все понимали, что уснут, если остановятся хоть на миг. И наша

команда отчаянных упорно переставляла ноги, шаг за шагом сокращая расстояние до цели. А теперь вспомни, пожалуйста, внучка, как ты совсем малюсенькая быстро засыпала, когда я тебе нашёптывал колыбельную...

— Не помню. Ты же сам сказал, что я быстро засыпала.

— Поверь, когда тебе было два годика, стоило пару раз прошептать «баю-баюшки-баю» правильным тоном, как ты уже носиком посыпалася. Точно так и нашим героям лес тихим убаюкивающим голосом принялся нашёптывать о том, как им хочется спать, спать, спать, соблазня вздремнуть хоть на минутку. Дрогнули, сдавленно захрипев, добрые коли и попадали наземь, накрываясь одеялами вечного сна. Явно наступил край всему, и в этот момент вмешалась Владка. Девица красная обежала клонящихся долу воинов, вырвав у каждого по несколько ресничек, добавила свои и быстренько заварила на походной экспресс-горелочке бодрящее чудо-зелье. Тем и спаслись богатыри наши вместе с телохраном и самою волшебницей, а затем благополучно добрались до самых врат замка княжьего.

Встретил их необычайно хмурый привратник, четырёхглазый. Наверное, чтобы никого не проглядеть. Его попросили доложиться князю — явились, дескать, шестеро отважных путников и имеют к его пресветлости приватную беседу. Мерзкий стражник рассмеялся прибывшим в лица и презрительно велел, чтоб убирались туда, откуда притащились, а иначе он призовёт наряд охраны. Яростный Лютый сорвался и в гневе, недолго думая, отрубил наглецу голову. Тотчас же сбежалась, как говорится, вся королевская рать... И довелось нашим воинам показывать на деле, кто ж это такие крутые приложаловали к Жрадовиру.

Фактически вчетвером они разбили наголову всю гвардию князя. Ведь Солдатик в атаке участвовал постольку-поскольку, ему приходилось держаться рядом с волшебницей, оберегая её от случайной стрелы иль коварного удара. Но ружьё его пресловутое не отыхало ни секунды, всячески подсобляя ударному подразделению... Ворвались, стало быть, гости незваные в княжеские палаты и там уж нос к носу столкнулись персонально с колдуном. Зашипел от злости Жрадовир, увидев такое нахальство, да вознамерился было

превратить витязей в кузнечиков или в другую подобную мелочь хитинокрылую. Аи не тут-то было! Накинула на них всех ловкая Владка невидимую мантию-оберег, и чары злого владетеля рикошетом сдва не угробили их же творца...

Вышла вперёд девица-волшебница и обвинительное слово молвила. Мы, говорит, князюшка неучтивый, ни тебе, ни твоим грэнадерам да наймитам продажным не по зубам и не по лезвиям. Не схотел по-хорошему, теперь подчинишься силой. Такие дела. Приговор вынесен и обжалованию не подлежит... Взревел злющий Жрадовир, нацелился было молниями испепелить дерзкую пришельцу, но сам чуть не сгорел от удара ответного, без позолоченного кафана и бороды оставил. А Владка тем временем продолжала напутствовать. Смирись, подытожила, малоумный гордец, не то погубишь и себя, и княжество. Зело понурившись, осаженный князь присел на краешек своего тронного креслища и гадает вслух: чего надобно тебе, ведьма, земель моих аль злата, может, силы моей колдовской хочешь, бери полкняжества, а в придачу могу сосватать свою старшую дочь за одного из твоих пособников.

Девица наша усмехнулась и отчего-то глянула искоса на Мирного. Не-ет, им ничего такого не надобно было. Эх, на-всели бы порядок в той державе, стонущей под пятою деспота, да уж больно некогда, враг куда более опасный на подходе. Потребовали только у супостата, чтоб расколдовал обратно челбонов, и спытали главное, что стремилась прознать волшебница. Правда ли, что имеется под замком тайный ход, который дивным образом ведёт аж на другой конец света. Вздохнул злобный княжище да ответствовал, мол, челбонов обязуется расколдовать и ход укажет, только вот чудище облое, аки горшок, в подземелье том завелось, даже ему, великому Жрадовиру, не удалось с проклятым гадом совладать.

— А как это, облое?

— Это на современном языке значит округлое...

— А-а! Ну давай, давай дальше, сейчас побоище начнётся...

— Какая ты у меня опытная не по годам девочка... Переглянулись воины, подумали про себя: уж не то ли это самое

змеючище, которое они целенаправленно ищут?.. При личном знакомстве с явлением оказалось, что не то, абсолютно не, и вовсе даже не чудище, а... ну, скажем так, земляная жаба размером с трёх коней. Весь её ужас заключался в отвратительной с точки зрения гуманоидов корявой внешности и в леденящем душу кваканье. С ней даже не пришлось сражаться, просто отрубили язык, этакое щупальцеобразное оружие, которым она пользовалась, резко выбрасывая и стараясь поймать и заглотнуть жертву. Походя обезоружив сего жабоида, наш отряд бойцов за реальное будущее человечества углубился в подземелье.

Искомый ход представлял собою узкий каменный лабиринт, тёмный и холодный, как и положено подпочвенным структурам. С зажжёнными факелами, невольно толкаясь и постоянно оскальзываясь на покрытых вонючей слизью камнях, шестеро искали выход. Очень долго блуждали они лабиринтом, без солнца и луны трудно было точно определить, сколько именно. Снова начал злословить Лютий, обвиняя во всех бедах Владку. Судя по всему, для хорошего самочувствия ему просто необходимо было или с кем-то ругаться, или кого-то убивать. Лысого он давно не слушался, и Лютого попробовал утихомирить его ровесник Мирный.

Понятное дело, тотчас завязалась драка. Раздосадованная волшебница принялась кричать на дюжих молодцов, Солдатик держался несколько в стороне по своему обыкновению, покуда не наблюдалось непосредственной угрозы для Владки, а наставники попытались разнять бузотёров. В горячке схватки Лютий ненароком толкнул своего учителя, старик отлетел далеко и угодил в глубокую ямину, которую в темноте не рассмотрели до этого. Яма оказалась ловушкой с отравленными кольями на дне. Так погиб великий воин. Глупо и нелепо окончил ратный путь мастер боя, не на поле брани, а по вине своего собственного ученика.

Лютый раскаялся, искренне! Добро, что не полным он бякой оказался, не то отряд вполне мог ещё одного бойца потерять. Взмолился оплошавший витязь, возвзвал к небесам, но Лысого уж не вернуть было... Остаток подземного пути невольный убийца наставника молчал как немой и вообще выглядел мрачнее тучи грозовой.

— Ой, как жалко дядечку... и Лютого жалко, правда. Он же не виноватый, дедуль, он не хотел... Просто он драчун, многие мальчишки такие...

— Если бы только мальчишки, солнышко... Но не будем об этом говорить много, очень уж печальный момент в истории нашей. Так вот, в конце концов, изголодавшиеся, измученные, преодолели странники все смертоносные каверзы и хитроумные напасти лабиринта. Вышли они, уже впятером, на другом краю света. Оглянулись кругом и глазам своим не поверили. Всё в том новом краю оказалось иным, выглядело по-другому и вело себя соответственно. Волшебница, что любопытно, тому не особенно подивилась, а вот мужи, ей сопутствующие, не могли надивиться. Даже молчаливый Солдатик не сдержал эмоций. Реки текли вверх, в гору, и там рассыпались фонтанами, деревья выросли настолько высокими, что их верхушки терялись в облаках, а облака расцветились на все цвета радуги и складывались в фигуры необычных животных и рыб.

— Ух ты, я бы тоже хотела туда попасть! А что, такая сказочная страна взаправду есть?

— Ну, мы же договорились, что наша история правдивая? Конечно, есть, подрастёшь немного, и мы непременно туда отправимся... хотя кто знает, сейчас в том краю всё по-другому, возможно.

— Здорово!.. Давай, давай, дедушка, рассказывай дальше, мне очень-очень интересно!

— Ну, слушай... Так вот, решили наши герои сделать привал, чтобы передохнуть после тяжёлого, полного опасностей перехода. Разбили лагерь, зажгли костёр, сидят, байки друг другу рассказывают. А Мирный между делом нет-нет, да и посмотрит на Владку, потому что видится ему девица-волшебница... любушкой, страсть какой милой да пригожей. Защемило в сердце у молодца, вдруг понял он в тот миг, что полюбил её с первого взгляда, только не сразу то сообразил. А она будто знала о том чувстве, как бы иенараком к нему подвигается во время беседы, словно замёрзла и согреться желает, а сама лицико прячет и смеётся всем его шуткам, а на слово тёплое смущается. Потом сия парочка поднялась и отправилась прогуляться перед сном по живописному лу-

гу... Возмутился почему-то Лютый, да и Тигру-телохрану такая прогулка пришлась ох как не по душе! Но влюблённые новоявленные и слышать никого не слышали, точно дети малые убежали ото всех по цветущей поляне... Вернулись они затемно. Все спали, кроме Седого. Этой ночью был его черёд дежурить. Мирный и Владка отпустили ветерана отдыхать и до утра сторожили вместо него, воркуя в обнимочку.

На заре отряд принялся собираться в путь, дабы выступить на поиски круглого чудища. Владка категорически приказала Тигру не следовать за нею, а он, к своему позору неизбывному, дисциплинированно не посмел ослушаться и не последовал за нею скрытно. Волшебница удалилась к ручью умыться — и не вернулась. Подняли тревогу, начали искать, её нигде не наблюдалось, след терялся на открытом месте, будто взяла девица, да и растворилась в воздухе. Рыскали долго, пока ну очень опытный разведчик Седой не обнаружил едва-едва заметное волоконце, прилипшее к ветке дерева, росшего неподалёку. Это оказалась ниточка из ткани, того же цвета, что и полотенечко волшебницы. Присмотрелись четверо воинов к дереву и ужаснулись. Оно было живое, как зверь!

Дерево то слабые звуки издавало, дышало и шевелилось. Мирный выхватил меч и хотел уже монстра изничтожить, но Тигр остановил его. Поредевший отряд сообща поразмыслил. След ясно давал понять, что дерево повинно в исчезновении девушки, но было непонятно, куда оно подевало её. Невысокое по сравнению с другими, древо то выглядело странным, хотя на первый взгляд не опасным, без подозрительных гнёзд и без единого дупла. Выбора не оставалось, решили растение пытать: колоть, поджигать, колотить. И тогда оно принялось защищаться, ловко нанося ответные удары мощными ветвями. Рассвирепевшие мужчины с большим рвением налегли на ствол. Дерево, в прямом смысле, завизжало и прямо на глазах изумлённых путников погнало рости вверх, пока верхушка не скрылась в облаках. Спустя минуту с неба посыпался крупный град, и если бы не щиты кованые, зашибло бы наших богатырей. Тогда уж стало наконец ясно, куда указывает след. На небо...

— Деда-а... Я уже засыпаю... потом доскажешь, лады? Чмокни меня, дедуль, и я буду банинки...

— Конечно, доскажу, раз начал... Вот так, уже заснула... намаялась, внученька. Спи, спи, сокровище ненаглядное, надёжа единственная. Пока я рядом с тобой, можешь спать безмятежно.

Глава вторая ХРУПКИЙ МИР

Вторая планета светила, занесённого в базу данных как «жёлтая» звезда Таан, первооткрывателям показалась раем в чистом виде. Нетронутым, природным. Они сюда перебрались с достаточно суровой, холодной четвёртой планеты Таанской системы — на которую по неисповедимой прихоти Космоса выводил разведанный природный межзвездный проход, — и контраст сразил их наповал.

Поэтому неудивительно, что варианты названия долго не перебирались.

Цивилизация осевого мира кластера обнаружила и колонизировала этот рай, уже пребывая на высоком уровне не только в технологическом, но и в культурном смысле. Поэтому на этой планете-саде до сих пор использовались только экологически щадящие средства обработки и производства, а добрую половину населения составляли потомственные экологи, зорко следящие за любой деятельностью разумных обитателей и гостей.

Жители Рая относились к своему дому чуть ли не благоговейно.

Произведённые здесь продукты питания заслуженно пользовалась неимоверным спросом во многих мирах. Не в одном этом, а в нескольких кластерах, куда постепенно добиралась информация о них, активировавшая торговый спрос. Конечно, цена товара не каждому потребителю была по средствам, но ведь на то и Рай, чтобы даром не давалось.

У миров, напрямую или «с пересадкой» связанных между собой разведанными «внепространственными» путями, проблем с транспортировкой не возникало, конечно.

Разве что стоимость возрастала с каждым этапом переброски груза.

Но по-прежнему наиболее существенной проблемой был первый этап транспортировки, от садов Рая до внутрисотового портала, открывающего канал в осевой мир. Вход в него, естественно, по-прежнему располагался всё там же, на транзитной Снежане, четвёртой планете. А вот локальных, межпланетных переходов, по которым можно было бы перемещаться внутри этой солнечной системы, обнаружить не удалось. Их здесь просто не было. В системах с отдельными планетами, без астероидных скоплений, такое случалось нередко. Вот почему досадно тихоходные, в сравнении с «безвременным» межпортальным сообщением, космические корабли ползали туда и обратно, затрачивая на межпланетные перелёты долгие недели.

Ничего не поделаешь, таков уж закон природы, сотворивший подобное «сотовое» устройство туннелей. По известному лишь Космосу принципу миры объединяются в восьмёрки, расположенные в совершенно разных планетарных системах. На досветовых же скоростях далеко не улетишь, в лучшем случае — до соседнего «камушка». Имелась непроверенная информация, что в каких-то сотах разумные научились «прокалывать» внепространство искусственно, хотя и на ограниченные дистанции прямой видимости, но в эти ячейки подобные технологии ещё не добрались...

Оставалось разве что надеяться, что когда-нибудь какой-нибудь новый кластер вдруг образуется из ещё восьми планет, и Рай окажется в их числе. На нём появится межзвёздный проход. Тогда он станет одним из миров, объединённых в единую ячейку, но в реале пространственно расположенных хоть на разных краях не то что галактики, но Вселенной, если у неё есть края... Таким образом, открываются новые рынки сбыта, и часть экспорта не придётся долго и нудно переправлять к Снежанскому порталу на челночных планетолётах.

С другой стороны, надеяться на такое развитие событий чревато непредсказуемыми последствиями. При возникновении подобной ситуации многократно возрастут шансы, что какие-нибудь захватчики пожелают оккупировать «заповедную» планету. Прямой доступ — лишний соблазн.

Обширные луга и девственные леса покрывали большую половину поверхности суши. Над другой половиной, превращённой в идеально ухоженные поля и сады, постоянно курсировали «парящие» автоматические сборщики, которые снимали урожай спелых плодов всевозможных растительных культур. Такие же автоматы, только гораздо меньших размеров, обновляли рассаду и постоянно следили за её ростом и плодоношением. На выделенных «островках» посреди полей и садов то там, то сям, на первый взгляд хаотично, были разбросаны небольшие поселения, рассчитанные от силы на несколько сотен жителей. Немало местных разумных обитателей предпочитали жить либо на родовых фермах, либо на хуторках для одной семьи. Городов на Рае имелось всего три, впрочем, они были скорее крупными посёлками при подземных перерабатывающих комплексах и космодромах. Отсюда орбитальные гравиконтейнеры доставляли экспортные продукты в космопорт, сооружённый на высокой орбите, подальше от атмосферы.

Обо всём этом и ещё о многих аспектах кропотливого сохранения баланса экосистемы Рая сообщал пухлый рекламный проспект. Хотя бы один экземпляр этого бестселлера обязательно имелся в каждом жилище на планете. «Райская Жизнь» назывался он и вообще-то был предназначен для ознакомления элитных, тщательно отбираемых, состоятельных туристов с местными реалиями. Но очень скоро проспект настолько приглянулся и самим «райчанам», что их дети уже нескольких поколений, едва усвоив алфавит, чтение начинали осваивать по этому тексту, снабжённому множеством красочных картинок...

Густой смешанный лес, будто сошедший с одной из иллюстраций «райской библии», резко обрывался перед селением. Из лесу на опушку, осторожно разводя руками ветви, неторопливо выехал всадник на холёном скарбере. Не останавливаясь, животное двинулось по открытому пространству, покрытому ровной, словно подстриженной травой, к человеческим строениям. Осаженное возле одного из крайних домиков, здесь стилизованных под избушки, оно издало серию клокочущих звуков и завершило её произительным писком. Эти звуки и привлекли внимание небольшой группы детворы, что резвилась на площадке между домами, а также

молодой женщины, которая стояла неподалёку с корзиной, наполненной различными овощами. Улыбаясь, она наблюдала за детишками.

— Дядя Ло! Дядя Ло! — заверещали дети и побежали навстречу приехавшему мужчине.

Женщина с корзиной ещё больше расплылась в улыбке и неспешно отправилась в том же направлении, вслед за радостной гурьбой.

Всадник ловко спрыгнул с седла, к луке которого был приторочен мюсля, подстреленный в лесу. Охота удалась, и свежая дичь очень скоро станет изысканным блюдом на обеденном столе.

— Ух ты, дядя Ло, какой большой! Дядя Ло, а крекиры вы не встретили в лесу? А дайте стрельнуть из ружья! — Гомонящая детвора окружила своего любимца.

— Дедуфка-а-а! А мине Данила на пацик спицяльна наступил, а я ево немноська стукнула, а он влёт, шта сильна стукнула, а ты иму ни вель. — Маленькая девочка в мальчуковом, особо прочном комбинезончике бойко просочилась сквозь толпу, расталкивая более старших по возрасту ребят. Следом за ней пробирался, хлюпая носом, того же роста мальчик с поджатыми от обиды губками.

Хулиганке было годика три с хвостиком примерно, но бьющие из неё фонтаны энергии, казалось, ускорили развитие тельца, и выглядела она достаточно крупной для своего возраста.

— Та-ак, и кто это тут своего братика обижал?

Всадник поднял девочку и усадил её в седло, затем туда же примостил насупленного, разобиженного Данилу.

— Ну-ка, давайте миритесь, дети, — охотник обратился к двум маленьkim всадникам, которые уже позабыли о своей ссоре, утопая в море восторга каждый раз, когда скарбер вздрагивал и, фыркая, мотал головой.

— Я ни буду больсе, только пусь и Данька миня ни стукает! — Озорная девчонка лукаво заулыбалась.

— Не бил я её, не бил! Её побей попробуй! — Речь у мальчика была куда более чёткая, сформировавшаяся. — Я домик строил, а она руку не хотела убирать, а я-а-а проси-и-ил!

— Дети, я же вам говорил...

— Длаться мозына толька на тлинслофках! — выпалила бойкая малышка, опередив своего дедушку. — Воть! Я тли-нелофалась!

— И кто тут у нас хулиганит? — К весёлой компании наконец подошла молодая женщина. — Лана, ты опять братика лупила?

— Не-е-е, мам Аня, толька расоцек, цуть-цуть. — Маленькая озорница широко распахнула свои огромные глаза. Ну, как такого ангелочка бранить?!

— Ладно, наказывать сегодня никого не буду. А ну-ка, все разбежались, или найду каждому задание! — Женщина окинула детей шутливо-угрожающим взглядом.

— Не! Не-е! Мы уже! — Детвора кинулась врассыпную.

Двое, сидевшие на скарбере, требовательно запищали и протянули ручки дедушке, чтобы он снял их с седла; только коснувшись ногами земли, они тотчас умчались вслед за остальными детьми.

— С таким добытчиком голодная смерть нам не грозит. — Женщина улыбнулась пожилому, но справному мужчине, которого разновозрастная детвора называла «дядя Ло», хотя он им всем скорее в деды годился.

— Это самое малое, что я могу для вас сделать. — Мужчина снял со скакуна тушку мюсли, закинул её за спину и шлётнул ладонью по боку скарбера.

Животное, получившее таким образом команду «вольно», отправилось жевать сочные листья кустов касатаны, островками растущих на расчищенных полосах вокруг селения. Мужчина и женщина зашагали к одному из «бревенчатых» домов.

— Ой, да ладно тебе! Прекрасно знаешь, что если бы не ты, нас с Данькой уже давно и в живых не было бы, — улыбнулась молодая женщина. — До сих пор не могу поверить, всего лишь за какой-то час до начала войны мы тогда улетели... Всё ещё не понимаю, каким образом ты узнал о готовящейся атаке конкурентов. А как мы к межзвёздному порталу в столицу успели, перед самым закрытием границ! Только вспомню, и морозом по спине продирает... Ну да ладно, то былое.

Женщина перестала улыбаться, погрустнела, о чём-то задумалась, что-то вспомнила. Она снизила темп движения и брела очень медленно, как-то изнурённо, смотря себе под ноги, на узоры одеяло-травы. Это растение специально сюда завезли, чтобы не покрывать композитными дорожками почву между строениями. Упругие, крепкие побеги этой травы, переплетаясь, стелились по грунту, образуя естественное покрытие, по которому очень удобно было ходить и бегать.

— Пугала больше не сбоили? — прервал длинную паузу дядя Ло.

— Вроде нет. Нестор их откалибровал, и вокруг не видно больше дикой живности.

Произнеся это мужское имя, молодая женщина повесела, отвлеклась от своих воспоминаний, вновь разулыблась, покраснела и отвернула лицо, чтобы дядя не заметил внезапного румянца.

— Та-ак, я что-то пропустил?

Зоркий дядя всё-таки заметил её покрасневшие щёки.

— Родной мой, ты не переусердствуй в роли строгого опекуна. Я всё же женщина, а он детей любит, вон с Данькой хорошо поладил, только с твоей егозой всё никак не справится. Она любит нападать на него сзади и на обе лопатки валить. Ты бы приструнил Светлану, вдруг ненароком раздавит он девчоночку телом своим. Крупный же мужчина, богатырь прямо!

— Вот уж за кого, а за неё не переживай, выскользнет. Только, как ты помнишь, я тогда пообещал твоему...

— Давай не будем, — прервала его женщина, — я взрослая девочка, знаю, что делаю. Клади мюсли на стол. Поможешь разделать?

— А то.

Они подошли к большому полупрозрачному куполу, служившему кухней и столовой одновременно, и скрылись за одной из его дверей.

Спустя полтора часа тихий звон сигнальной башенки над куполом позвал туристов-поселенцев на обед. В гостиничных комплексах, подобных этому, кроме нескольких администраторов из «аборигенов», жили в основном приезжие люди, сбежавшие от городской суеты, уставшие от цивили-

зации и теперь ищащие единения с природой. Не то чтобы в туристических поселениях совсем не было автоматов, машин и устройств, но их количество сводилось к минимуму. К тому же на всей планете не было ни единого супермаркета, казино, ночного клуба и прочих развлекательных заведений. На Рае отсутствовали пустопорожние соблазны, которые наводят города и веси густонаселённых миров.

Рай — настоящее райское местечко для отдыха и восстановления здоровья людей гуманоидных рас. Особенной популярностью чистая во всех смыслах атмосфера этого мира пользовалась у матерей, которые откуда только не приезжали, чтобы тут, в приближенной к идеалу экологической среде, выносить, родить и подрастить своих детей. Стоили подобные каникулы недёшево, конечно, одни только транспортные расходы и райские визы обходились в солидные суммы, но ради здоровья своих детей родители на что только не отваживаются!

Поселенцы на время перевоплощались в райчан, если такой же степенный, нехитрый, устоявшийся образ жизни. Желающие даже следили за деятельностью грави-платформ и проводили на них профилактические работы. Из развлечений тут основными были гольф, охота, спортивные состязания и прочие игры на свежем воздухе.

Наверное, поэтому, когда пару лет назад ищащие новых впечатлений малоискушённые детишкы увидели, как дядя Ло начал заниматься со своей маленькой Светланкой, им тоже захотелось стать его учениками. Тем более что мужчина на полном серьёзе преподавал малышке, совсем недавно научившейся ходить, уроки каких-то единоборств. Это не было понятно сразу, но когда девчонка немного подросла, дядя Ло поставил во дворе деревянное чучело и, разминаясь, провёл серию сокрушительных ударов руками и ногами. Светланка старательно, как обезьянка, пыталась копировать его движения. Вся детвора селения от такого зрелища пребывала в бешеном восторге.

Вот с тех пор по вечерам и проводились каждодневные тренировки, на которых «кумир молодёжи» Ло учил ребят всяческим премудростям рукопашного боя и философии воина. Ведь рано или поздно всем этим детям придётся воз-

вратиться в родные миры их родителей... Кроме того, он давал им комплексы упражнений на общее физическое развитие. Сначала некоторые родители были против того, чтобы их чад учили «драться», но со временем, когда почти исчезли ребячьи ссоры, дети стали более дружными и, на радость тем же самым родителям, более послушными, проблема запретов отпала сама по себе.

На северной окраине селения появилась большая площадка с тренажёрами, которые собственноручно смастерили дядя Ло. Образовался целый спортзал под открытым небом. Слой одеяло-травы здесь был в несколько раз толще, чем на дорожках, и выполнял функцию спортивных матов.

Наставника ещё не было, но его ученики организованно разминались, помогали друг другу, тщательно отрабатывали новые приемы, показанные учителем вчера. Несколько ребят стояли в боевых стойках и совершали дыхательные упражнения, при резких выдохах издавая громкие крики. На их фоне резко выделялся пронзительный девчоночный голосок. Выстреливая тонюсенькие ручки и ножки в сторону воображаемого врага, громче всех кричала «Кийя-а-а!!!» та самая хулиганка Лана.

На площадке наконец-то появился дядя Ло. Старший из детей, чернокожий крепыш лет десяти, быстренько встал в центре, хлопнул в ладоши и выкрикнул: «Матэ!» Все остальные ребятишки тотчас остановили свои занятия и выстроились за его спиной в шеренгу. Одеты они были в одинаковые белые костюмчики, которые с подачи дяди Ло именовались «типакимоно» и выглядели пусть игрушечными, но вполне адекватными единоборцами.

— Всем отжаться двадцать раз... — начал было тренер.

— А дальфэ, а дальфэ циво? — Маленькие глазки внучки сверлили деда.

— А Лане — пятьдесят раз, — приструнил её тренер.

— Уй, так до-о-олго, — поджав нижнюю губку, протянула девочка, но тут же упала на траву, энергично стремясь выполнить указание наставника.

Эта маленькая пружинка быстро-быстро отжималась от травяного покрытия, изо всех силёнок пытаясь развить максимальную скорость упражнения. Её совсем не интересовало

количество перезатраченной на выполнение этого задания энергии, куда больше волновало, сколько оно займёт времени.

Дальнейшая тренировка протекала в обычном режиме, и уже в самом конце, когда все ребята разбились по парам и выполняли упражнения на растяжку, тренер Ло отдельно занился своей внучкой. С некоторых пор, в завершение занятий, Лану ждало особое упражнение. Дед одевал на свои руки продолговатые мягкие «подушки» и отбивал яростные атаки маленькой внучки. Её целью являлось проведение хотя бы одного удара в красные тряпичные кружочки, пришитые на тренировочный костюм дедушки. Лана при этом использовала всю свою ловкость, всю смекалку, все отработанные приёмы, но вот уже два месяца, с тех пор как появилось это упражнение-экзамен, она так и не смогла поразить заветные красные мишени.

Упражнение и в этот раз протекало как всегда — безрезультатно. Казалось, дед, сознавая своё несравнимое превосходство, попросту издевается над внучкой, и в эти кружочки скорее всего даже взрослый боец не в состоянии попасть. Однако маленькая Лана не сдавалась, внучка настырно атаковала деда. И вот, когда до окончания упражнения оставалось совсем немного и она это поняла по разочарованному взгляду «противника», так и не дождавшегося успешного результата, девочка попросту разбежалась, прыгнула на спарринг-партнёра... и в метре от него исчезла, растворилась в воздухе! Дядя Ло не успел даже шевельнуться, как удар в спину нарушил его равновесие. Он вздрогнул, пошатнулся и чуть было не упал на покрывало травы. Все, кому довелось это увидеть, охнули в одночасье... Дядя Ло наконец перестал шататься и обернулся. Позади него стояла и ладошками прикрывала лицо растерянная Светланка.

— Я не хотела, деда! — пискнула не на штуку перепугавшаяся девочка.

— Котя, — дядя Ло обратился к старшему из ребят, — ты за главного, проследи, чтобы все закончили.

После этого он схватил на руки свою Лану и быстро понёс внучку к их дому. Такого хмурого и озабоченного лица у всегда приветливого дяди Ло никто из поселенцев никогда раньше не видел. Он быстро шагал по селению и громко от-

читывал себя: «Перестарался, старый дурак! Перестарался! Ну что, идиот, проверил? А то, убедился по полной! Но перестарался! Кроха же ещё, совсем кроха! Рано, рано...»

Некоторое время спустя в дверях дома появилась перепуганная Аня. Слух о происшествии уже растекался по селению, и женщина, почуяв неладное, бросила свои занятия и прибежала домой. В большой комнате её приемный дядя уже застёгивал клапан походного рюкзака, с которым они сюда явились больше трёх лет назад.

— Ой! Вы уходите?! — Совершенно растерянная, она застыла в дверях и ошалело смотрела на него. — Что случилось?..

— Ты же знала, рано или поздно это произойдет. — Дядя Ло и Анюта пристально смотрели друг на друга; на его лице появилось сожалеющее выражение, он как будто просил у неё прощения. — Применение силы может быть учуюно, и... налитый кровью глаз неба заприметит этот благословенный уголок. Нам нужно уходить, и чем быстрее, тем ниже вероятность, что вы все окажетесь в опасности. Меньше всего на свете я бы хотел, чтобы мир в этом сказочном мире был нарушен...

— Я знала, знала, я даже думала, что готова к этому, — женщина совершенно не хотела расставаться с ним, — но всё равно получилось так неожиданно... Может, останешься до утра, я вам в дорогу соберу...

Пожилой мужчина отрицательно покачал головой.

— Мама́ня-а-а! — Из своей комнатки, волоча маленький рюкзачок со своими вещами, выбрела... дочка, которую Анюта вскормила собственной грудью: одну Данилке, другую Светланке. — Я нихатю улитать, а дедуфка сказал, чьто нада улитать, а я всё лавно нихатю. Деда, а мозына я не буду? Я не буду больше длаться, цесна-цесна!!

Девочка бросила рюкзачок, закрыла лицо ручками и навзрыд расплакалась. На эти звуки прибежал её молочный братик. Данилка тоже был напуган, он понимал — происходит что-то очень-очень плохое.

— Мама, а Лана уизжайт?!

После недолгого, но бурного прощания дедушка и девочка, а также мальчик и женщина, следуя древнему обычаю,

присели на дорожку. Молча посидев (а что уж тут добавишь...), встали. Женщина суетливо притащила большую корзину, набитую разными фруктами, растерянно посмотрела на неё, обречённо махнула рукой, «толку их ташить-то, в городе хоть мешок наберёшь», и вдруг попросила мужчину забрать себе яхту, которая все эти годыостояла без дела в арендованном боксе орбитального космопорта, «хоть какая-то будет от неё польза!».

Он сказал, что поступит в соответствии с развитием событий, «но если что, спасибо за подарок».

Затем дедушка и его внучка улетели на гружёной яблоками платформе, которая следовала мимо.

Мама Аня и её сын Данила провожали грузовик, постепенно растворявшийся в небе у горизонта, одинаково печальными взглядами.

— Мамуль, а Лана вернётся к нам када-та? — Платформа совсем растворилась, и мальчик персвёл на мать взгляд, в котором светилась отчаянная надежда.

— Нет, Данечка, сюда она не вернётся, никогда. Может, ты её сам когда-нибудь найдёшь... Она теперь там, среди звёзд.

— Найду, мама, обизатильна. Найду Лану. Потомуч-та я её люблю.

Прозвучало это признание настолько серьёзно, не подетски, что у мамы просто не нашлось слов, чтобы продолжить разговор. Она прижала сына к себе и разревелась. Люди так горько, безутешно плачут в единственном случае: когда до них доходит, что родного человека действительно не увидеть, не встретить, не обнять уже никогда, нигде.

Никогда.

Нигде.

Наверное, потому, что это самые страшные слова для живого человека, способного помнить.

...Тусклый, рассеянный свет добавляет размытых, зыбких, но тем не менее завершающих штрихов картине всемирного погоста. От души потрудилась кисть небытия! Планета-кладбище, будто сошедшая с картины Боркена. Даже

если очень постараться, трудно оставить более грандиозное напоминание о канувших веках, о сгинувшей цивилизации. Мало кто может себе позволить «гроб» дороже, чем целая планета. Точнее, не гроб, а братскую могилу. Вот она, во всей красе, натура разумных существ.

Бессмысленное и беспощадное уничтожение себе подобных, всюду и всегда.

Здесь — финал. Апофеоз стараний. Безжизненная пустыня. К ней рано или поздно приведут все войны всех рас и народов.

От перемены места ничего не меняется. Интересно, есть ли во Вселенной хоть одна точка-пиксель, где разумные не воюют никогда ни за что?! Пока не встречал. И более чем сомнительно, что встречу. Ищем-то иное, с точностью до наоборот, причём совершенно уверены, что уж этот «обратный» пиксель где-то когда-то обязательно есть. И уверенность не кажется беспочвенной. Стоит лишь вспомнить, что в упор не видно ни единой расы разумных, для которых не воевать — нормальное состояние. Для всех увиденных цивилизаций мирные годы — всего лишь пересменки различной длительности, паузы между военными вахтами...

Хрустнуло что-то под подошвой ботинка... Покрытый пылью череп между сорванными чёрными плитами. Таких напоминаний здесь бесчисленное множество. И машины. Сгнившие, непривычных конструкций машины повсюду разбросаны, громоздятся между оставами небоскрёбов. В некоторых гнилушких угадываются летательные аппараты. Расплющенные падением в час Икс. Словно дождь прошёл из флейеров.

Тишина завладела убитым миром, и лишь хруст под подошвами бойцов нашего отряда нарушает вечный покой кладбища.

Ненавижу войну.

— ...Радиационный фон снижается.

В этот раз тишину нарушает своим ангельским голоском она. Как же ей идёт этот приталенный комбез! Хрупкие руки, стройные ноги. И даже щитку шлема не скрыть свет в её глазах. Оборачиваюсь. Показалось, что она мне улыбнулась, хотя сквозь нижнюю часть дыхательной маски не разобрать.

Зачем нам эти рейды? Как можно спасать жизни тех, кто их не в состоянии потом сберечь? Почему мы не можем просто жить вместе? Детишек растить... С вершины горы, обра- зовавшейся из обломков зданий, открывается взору неболь- шая площадка. Ветер сюда не добрался и не развеял тысячи истлевших маленьких детских костей. Ветра вообще нигде нет почему-то. Что здесь раньше было? Ведь наверняка кто-то намеревался победить в этой войне! Или не война случи- лась? Просто катастрофа? Думаю, нет. То, что всех поубива- ло, явно рукотворное и задумано было именно как средство массового поражения. Ох уж эти доморощеные апокалип- тики...

— Как полагаешь, — спрашивает меня учитель, — это карающие звёзды потрудились?

— Не думаю. Скорее всего сами люди постарались.

— Правильно мыслишь. Только мы оставляем опосля себя столько грязи.

Братец вяло глядит в мою сторону, однако ничего не го- ворит. Он меняется. Что-то с ним произошло после смерти наставника. Врагу не пожелаешь на его месте оказаться. Слепой случай забрал у него второго отца, а вина всё равно на нём самом. Интересно, что же он будет делать после ус- пешного окончания нашего похода? Или даже не так... Что с ним станется, если в нашем мире больше не будет войн? Чем же он тогда займётся?

Ещё недавно я был уверен, что знаю ответ, просто на- прашивался... Грустный ответ. Если все войны закончатся, братец начнёт новую — для себя. Он уже просто не сумеет обойтись без вечного похода. Глаза его, холодные и равно- душные, становятся «нормальными», живыми лишь во время боя. А между схватками и столкновениями он как зомби. Или вон как одна из этих железяк, что застыли в последних позах, зафиксированных «смертью».

Машины тоже умирают. Чем эти многочисленные ро- боты занимались после смерти хозяев? Наверняка следова- ли программам, пока источники питания не издохли, и ещё удивлялись, почему хозяева больше не призывают их слу- жить. Вот кран, упавший на плиты, перед смертью он ис- правно нёс очередную секцию стены к недостроенному

крылу небоскрёба. Вот летучий «супермаркет» опустил диск своего тела на поле бывшего стадиона, и безвольно повисли сотни его шлангообразных манипуляторов с подносами и контейнерами... Что же всё-таки произошло? Откуда повышенный уровень радиации? Ведь строения и сооружения не разрушены взрывами ядерного оружия или чего-нибудь подобного. Этот мир просто остановился в одну секунду, замер и уснул навсегда. Из него было вынуто сознание, разум.

Тесное скопление мрачных зданий резко обрывается. Город закончился так же резко, как и начался. За ним огромное поле антенн, они отчёлово поскрипывают, шуршат, скрежещут... Они двигаются! Это деревья?! Чёрные искусственные стволы и ветви с листьями фотоэлементов. И вся эта конструкция поворачивается вслед за тусклым свечением исчезнувшего в плотной пелене туч светила. Невольно вспоминаются убегающие к горизонту поля ветряков, виденные в другом мире...

— Нам туда!

Курс указывает она. Конечно же, она. Кому, как не ей, выбирать направление.

Повинуясь команде, наш отряд движется в этот «лес». Повсюду между стволами — застывшие машины. Их тысячи, как зверей в обычном лесу. Некоторые из аппаратов пилотируемые, не автоматические. Смахнув перчаткой с прозрачного колпака кабины толстый слой пыли, вижу скелеты в истлевших... скафандрах? Эти пилоты, похоже, что-то делали уже после катастрофы, пока оставался воздух в баллонах. Они пытались что-то успеть. Сколько их здесь, таких лежащих склепов?! Великое множество. Странно. Похоже, что смерть была подмешана именно в воздух... Но мы-то дышим, пусть через фильтры, однако дышим. Анализ атмосферы не выявил ничего, фатально опасного для нас. Если в воздухе растворена какая-то зараза, действует она исключительно на бывших аборигенов. Или уже «выдохлась» за время, прошедшее с момента убийства мира.

Поучительно, дальше некуда. Апофеоз развития цивилизации — её мгновенная смерть! И чем больше она успела развиться, тем, вероятно, «мгновеннее» этот неминуемый

финал. Как дальше жить в такой Всеслennой?! Хоть бери да в создатели «самовызывайся» и лепи мир иной, для себя и своих близких...

След указывал прямиком на небо, и что ж ты поделаешь, надобно по следу тому идти, выручать волшебницу драгоценную... Полезли ребята бравые наверх по древу подозрительному. С ветки на ветку, прыг-скок, прыг-скок, всё выше и выше. Тигр непривычно для себя переволновался и потому излишне торопился, оттого пару раз едва не сорвался. Да и на Мирном лица не было.

А дерево продолжало расти не по дням, но по часам, и не было конца и края ему... Вот уже стал ощутим холодный ветер, и появился туман облаков, вдали послышались крики морских птиц. Сократившийся до четверых бойцов отряд упорно поднимался на выручку сгинувшей девице. Как позже выяснилось, наша волшебница умылась и возвращалась от ручья и была коварно схвачена живым деревом, которое и унесло её ввысь. Растение очень быстро видоизменялось, поэтому нелегко было сразу догадаться, куда и как пропала Владка, неосмотрительно оставшаяся в одиночестве. Этого позорного промаха верный Солдатик так никогда и не простил себе...

Некоторое время спустя ветер унялся, заметно потеплело, а воины уткнулись в чудный потолок, мягкий и белый, словно из ваты. Ствол дерева пронизывал его и устремлялся дальше. Тогда Мирный поднажал сильнее и просунул голову, потом втиснулся до пояса, а спустя мгновение и вовсе исчез. Его примеру последовали остальные, поднявшись по стволу сквозь белое поднебесное покрывало. По ту сторону дерево заканчивалось, распустившись на макушке единственным большим голубым цветком. Перед нашими путниками раскинулся ещё один край со своими особенностями.

По белёсой волнистой поверхности носились маленькие, ниже нашего пояса, человечки, худенькие такие, с тонкими ручками и ножками. От обычных людей они также отличались тонкими крыльшками, такими, знаешь, как у пчёлок. Эти прозрачные перепоночки постоянно трепетали, хотя при

этом заоблачные обитатели не летали, а расхаживали по облакам на своих двоих. Люtyй, по своему обыкновению не долго раздумывая, с обнажённым мечом спрыгнул с дерева и хотел было наброситься на местных... Он моментально провалился, будто под лёд, и если бы не сердобольный Мирный, который предвидел нечто подобное и ловко подхватил брата по войне, то не собрал бы Люtyй костей, сверзившись на землю, оставшуюся далеко внизу.

Мудрый, многоопытный Седой живо изобрёл способ передвижения. Он взял свой щит, положил на зыбкий белёсый ковёр, аккуратно ступил на него вначале одной, а потом второй ногой, немного попрыгал. Щит держал богатыря.

И вот они, все четверо перемещаясь на своих щитах, как на миниатюрных лодках, а мечи используя вместо вёсел, попытались уловить хоть одного крылатика. Но маленькие неизвестные оказались проворнее и быстрее, и никак не удавалось поймать кого-либо из них. Сразу выяснилось, зачем этим малышам дрожащие крыльшки. Не для красоты, нет. Исключительно для того, чтобы не проваливаться вниз. Чтобы иметь возможность в этом заоблачном мире свободно ходить, бегать, прыгать, кувыркаться. Ускользая от громоздких неуклюжих чужаков, они ещё и весело потешались, чем-то напоминая человеческих озорных детей. Люtому всё это бесполезное мельтешение быстро надоело, и он потянулся за луком. Но в этот миг прямо из ниоткуда, словно из воздуха соткавшись, возникла Владка! Она остановила Люtого, затем принялась горячо оправдывать и защищать заоблачных обитателей.

Да, действительно, её сначала похитило дерево, но всё, происходившее после того выглядело как приём уважаемого гостя, а не плен. Пред нею явился сам правитель Заоблачного Королевства и просил о помощи. Он поведал, что каждому народу нужен свой шаман, а их шаман недавно умер от старости, и это в самый разгар войны с подводным владыкой. Правитель соблазнял Владку быть шаманом для его народа, ведь должен же кто-то предсказывать погоду, отводить беды и вымаливать у богов достаток и благополучие.

Волшебница тотчас и наотрез отказалась занимать вакансию, но пообещала активно пособить крылатым малышам

в противостоянии с подводным злодеем. Что говорить, правитель и этому обещанию был несказанно обрадован, тем более что в арсенале волшебницы внезапно появилось четыре славных витязя. Своим подоспевшим воинам Владка растолковала, что их путь к... м-м... к тому самому полю, что разыскивает отряд, полю, подходящему для боя с облым чудищем, всё равно дальше пролегает по морю-океану, и потому столкновения с его хозяином не избежать. Все четверо согласились, понимая, что когда на твоей стороне армия, пусть даже набранная из маленьких человечков, то шансов на победу у тебя больше. Тем паче крылатики хорошо знали противника, хоть и уступали тому в силе.

— А из-за чего они поссорились с тем подводным владыкой?

— Из-за птиц.

— Из-за птиц?! Какие птицы?..

— Сейчас узнаешь... Заоблачные обитатели водили очень тесную дружбу с... ну, назовём их орлами. Птицы носили им еду с земли, а крылатики за ними ухаживали и защищали. Можно сказать, что на тот момент эти два биовида друг без друга просто не могли обходиться. Орлы частенько приносили рыбу с моря, и вот однажды... э-э... чайки возмущались: куда это орлы таскают их рыбу?! Случилась битва птиц. Орлы с лёгкостью разорвали чуть ли не всех чаек. И тогда, конечно, встал на защиту своих подданных владыка водный, посулив орлов истребить всех до единого. Куда деваться, вмешались заоблачные обитатели, им-то без орлов уже никак не обойтись! И началась война неба и воды.

Пока был жив шаман, небесному народу удавалось избегать прямых атак со стороны морской армии, теперь же дела пошли куда хуже, некому было предвещать действия соперника, и крылатики попали в окружение. Финального сражения теперь уж было не избежать, и не нужно иметь шаманское ясновидение, чтобы предвидеть его исход. Морская армия, сильно превосходящая по численности и мощи, должна стереть в порошок Заоблачное Королевство и всех его обитателей.

Тут, конечно, мог бы возмутиться Лютый: зачем это и почему мы должны кому-то помогать?! Если можно догово-

риться с владыкой морским да пройти дальше, отправиться своей дорогой, не встревать в чужие разборки... Но дерзкий воин молчал, после смерти своего наставника что-то в нём начало меняться, а может, парень просто хотел снова убивать и не мог дождаться такой возможности. Мирный, в свою очередь, верил каждому слову разлюбезной Владки, к тому же крылатики ему пришли по душе. В общем, вопрос был решён: завтра утром они выступят во главе небесной армии на батальную встречу с армадой морской.

Никого более не таясь, ту ночь Мирный и Владка провели... э-э... в одной кроватке... Ну, ты знаешь уже, я тебе рассказывал, что дядям и тётям нравится...

— А я знала, знала, у них любовь! Они мне с самого начала больше всех понравились! Даже больше Солдатика...

— Так вот, да? Ну-ну... Какая знающая ты у меня девочка, однако... Тем не менее любовь любовью, а война по расписанию. Как я уже говорил, войско крылатиков было немногочисленным и собою представляло стайки орлиных всадников, мечущих короткие молнии. Такие вот незамысловатые бойцы, они летали на самых больших и сильных орлах, атакуя неприятеля молниями, которые вылетали из руки при сжатии кулачка. К тому же правитель Заоблачной мог управлять погодой, только не как ему вздумается, а в неких пределах. Командование сражением взял на себя самый авторитетный и опытный стратег — Седой.

Снаряжение не заняло много времени, и с восходом солнца они выступили. Седой решил не таиться и направил войско прямиком навстречу противнику, к побережью, к той линии, с которой накатывались вражеские полчища. Старый воин решил ударить первым, и притом в самое защищённое место, туда, где находился водяной владыка. Тягаться со всей морской ордою — заранее проигрышное занятие, а вот если вражье войско обезглавить, тогда можно начинать на что-то надеяться. Всё как у людей, коротко говоря...

Командующий поместил в острие атаки двух молодых богатырей, сам же занял позицию на левом фланге. Тигра он отправил на правый фланг, Владка прикрывала тылы. Ну а всё воздушное пространство между ними всеми щедро заполнилось отважными орлиными всадниками. Даже прави-

тель не отсиживался в штабе, он, как в старые-престарые добрые времена... о которых я тебе тоже когда-нибудь расскажу, внученька... вылетел на бой решительный вместе со своим народом.

И грянула битва! Кровавая и жестокая, долгая и тяжкая. Многие крылатики ужаснулись, завидев, как поднимаются из пучины морской огнедышащие драконы, утонувшие фрегаты, шхуны и бригантины с мерзкими скелетами на борту, как плывут по воздуху на гнилых лодках такие же гнилые мертвцы, бывшие когда-то рыбаками, плывут и расправляют свои сети. Акул и змей, крокодилов и кашалотов, медуз и пираний, всё опасное и смертельное, что только может отыскаться в водной толще, собрал под своим началом водяной царь и поднял в воздух для уничтожения Заоблачного Королевства. Сам верховный Водяной следил за ходом сражения, восседая в своём троне на голове чудовищно громадной каракатицы, всплывшей из пучины и такой тяжёлой, что почти не покачивалась на большущих волнах, поднятых волнением стихий...

Было нелегко, особенно вначале, покуда крылатикам не удавалось подавлять в себе панику и страх, но когда они сумели подавить, дело заспорилось. Орлиные всадники отвлекали внимание на себя, в то время как наши молодые герои, прыгая с судна на судно, с кита на касатку, а то и просто пользуясь поддержкой крыльев нескольких орлов, спускались с облачной выси вниз, к морю-океану. Седой и Тигр прикрывали их кинжалный прорыв, по возможности оттягивая вражьи силы от намеченной линии прохода. В конце концов, израненные и измученные, по дороге сокрушив немало водных тварей, добрались молодые витязи к монстру-переростку. Водяной узрел приближение богатырей, смекнул, что к чему, и поспешил трон покинуть, скрыться на дне морском. Однако не тут-то было! Братья по оружию бросились за ним. Но путь им преградила царская каракатица и схватила своими щупальцами обоих витязей...

Мирному удалось вырваться и продолжить погоню. Люtyй же увяз, и потому довелось ему яростно биться с ужаснейшим из морских чудищ. Миновал целый день, пока Люtyй с превеликими трудностями одолел громадину и начал

крушить прочих водных гадов... А Мирный всё не появлялся. Прошла ночь и второй день, войско трусливого Водяного пало. Мирный по-прежнему не поднимался со дна морского. Минули вторая ночь и третий день... Всплыла голова самого верховного. Стало ясно, что одолел-таки Мирный владыку вод. Ну а сам Мирный так и не объявился. Тогда всем сделалось очень-очень грустно и печально. Поняли все, что добрый молодец сложил голову в борьбе с главным морским дьяволом.

— Ой-ой-ой! Как жалко! Он такой добрый, мне сильно-сильно понравился... А волшебница очень-очень переживала, я точно знаю.

— Истинно говоришь, внученька. Сердечко у тебя чуткое... Владка... Не было удержу горю Владки. Немало дней и ночей она горевала, слёзы горькие лила. Пальцев на руках и ногах не хватит, чтобы сосчитать сколько. Потом всё же притихла, смертное горюшко в тоску неизбывную переросло. Отряд, сократившийся до четверых всего лишь походников, погрузился в самодельный корабль и далее продолжил свой скорбный путь по морю-океану. Трое военных, не павших в бою, также зело тужили по утраченным побратимам, но ратным мужчинам свои печали с привязи спускать не пристало.

Заоблачному повелителю, возможно, стоило бы собственных спасителей отблагодарить, ну там наградить чем-нибудь. Но потерял он в битве почти всё население своего королевства и тоже был раздавлен горем. Столь дорогостоящая победа ровным счётом никаких выгод не принесла, так что после побоища ему было не до проблем и горестей пришлых героев. Ну и наши ребята, бойцы отнюдь не за чины и награды, ушли потихоньку, не прощаясь, унося в сердцах надежды, что народ хрупких крылатиков когда-нибудь возродится.

Уже на корабле Тигр заприметил, что с волшебницей что-то не так, она ходила, держась за живот руками, притом верный секьюрити прекрасно знал, что хозяйка не страдает от качки. Он пытливо спрашивал у неё, в чём дело, но Владка горделиво отмалчивалась. Однако вскорости станет всем известно, что у Владки будут...

— Я поняла, поняла, у неё в животике вырос ребёночек!

— Да уж, ты поняла правильно, правильней некуда. Ты у меня... ребёночек сообразительный, однако. Только там двое ребёночков... выросли.

— Ой, близняшки! Деда, а у жителей того мира детки точно так же появляются, как у наших взрослых?

— Да. Так получается, когда большие дяди и тёти любят друг друга. Они... э-э... очень хотят превратиться в пап и мам... Ну вот, разволновала ты меня, я даже забыл, на чём остановился... Ага, вспомнил! И поплыли наши три богатыря и тоскующая волшебница по морю-океану, держа курс на логово чёрного чудища. Водяная стихия, лишившись своего батьки Водяного, вознамерилась отомстить и наслала на корабль невиданный шторм. Лютый крепко держал штурвал, Тигр рубил мачту, чтобы корабль не перевернулся, Седой заштопывал пробоины, Владка лучшую погоду выколдовывала. Их бросало с одной волны-громадины на другую, они тонули и чудом всплывали, их било молниями и оглушало громами... но держались они, и уже, казалось, ничто не способно остановить отряд на пути к страшнейшему из чудищ мицроздания.

Внезапно ураганище стих, водная поверхность выровнялась, словно утюжком разглаженная. Непогожая хмаря развеялась, и в ночном небе заблестели далёкие звёзды. Мужчины вздохнули с облегчением, а Владка, наоборот, ощутимо напряглась, она почуяла опасность.

Вскоре эта новая напасть себя проявила. На ровной водной глади возникли круги, потом их стало больше, больше, они крутились, соединяясь в спираль, площадь и скорость движения спирали увеличивались, и все поняли, что это водоворот. Корабль потянуло к центру. Штурвал, вёсла, паруса превратились в бесполезные вещи, корабль затягивало, и с этим уже ничего нельзя было поделать. В другой ситуации, возможно, они перенеслись бы, как сумели прежде — по мановению руки, в какое-нибудь безопасное место, однако недавняя битва отняла слишком много сил, которые так необходимы для волшебства перемещения. Потому они в отчаянии просто прыгнули за борт, пытаясь уплыть, но в итоге всех поглотила океанская круговерть.

К счастью, наши герои были настолько искусными воинами, что умели дышать под водой. Крутило, бросало, вращало их с бешеною силой, пока не утянуло к самому дну. И там они увидели то, из-за чего образовался водоворот — на дне зияла багряная, пышущая жаром дыра в подземное княжество. Именно в эту пробоину засасывало массу воды. Недолго раздумывая, наш маленький отряд просочился в ту дыру. Выбросило их течением в глухую пещеру, больше похожую на нору... Не успели отдохнуть, как снова были вынуждены вступить в схватку. На этот раз со злобными крысами, не уступающим по размерам и свирепости отборным волкам. Гнусные отродья вырывались из рыхлой земли и нападали внезапно со всех сторон. Потратив уйму времени и сил, вконец затупив мечи булатные, отбились от крыс едва-едва.

Отдохнули, оглянувшись, побрали дальше. Теперь недлинный ряд замыкал Седой, а первым шёл Лютый. После славной гибели Мирного, как и положено настоящему воину, павшего в битве с врагом, оставшегося живым молодца всё больше одолевали тяжёлые думы, он углубился в себя и без надобности рта не открывал.

Тем временем дела у команды нарисовались не ахти какие хорошие. Они попали неизвестно куда и не знали, как оттуда выбраться. Волшебница затруднялась указывать дальнейшее направление, и приходилось вслепую плутать. Единственное, что Владка могла с уверенностью утверждать: они всё-таки приближаются к своему врагу, Змею Вселенскому, и его чёрная сила всё больше на них воздействует. Она это чуяла со всей ясностью...

Шли. По тёмным туннелям подземелья. Эти ходы постоянно осыпались, навсегда отрезая дорогу обратно. Сухая земля падала за шиворот и в глаза.

Шли. Всё равно, всем врагам назло, переставляли ноги, упрямо делая шаги, пока из трещин в стенах туннеля не заклубился ядовитый дым. Газ тот выкальывал глаза и разрывал горло. Как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. Впереди шумела подземная река. Было опасно бросаться в узкий поток быстрой воды, но другой возможности спастись от смертельного дыма не было, как и полной гарантии, что река поможет.

Шли. После того как их вынесло рекой в новый туннель, правда, в этот раз куда более просторный. Но, соответственно, и куда более опасный. В тёмных проёмах стен таились живые корни непонятного происхождения, они словно толстые удавы нападали на людей, опутывали их и душили. С высокого потолка бросал свою паутину тарантул-людоед, когда злобный паук сделал это впервые, то чуть ли не до смерти испугал Владку.

Шли. Несмотря на постоянные ловушки в виде замаскированных ям, на дне которых извивались голодные паразиты. Вонючие, склизкие черви обгладывали тела до костей за считанные минуты. Именно такая судьба наконец постигла брошенного Лютым в яму тарантула-людоеда, долго преследовавшего их.

Шли. Даже когда упёрлись в широкое озеро с кипящей лавой. То кровь планеты бурлила и, лопаясь пузырями, разлеталась раскалёнными брызгами. Над озером протянулся дугообразный мост, ветхий и ненадёжный, узкий, непрочный. Идти по нему было не просто опасно, а самоубийственно. Первым двинулся Люtyй, без лишних обсуждений и споров, никого не спрашивая. Проходить стоило поодиночке, учитывая хрупкость каменного моста. И если Люtyй, будучи самым тяжёлым из четверых, перейдёт удачно и мост выдержит его богатырский вес, значит, тогда можно и остальным. На середине, в самой высокой точке моста, каменная поверхность под Лютым хрустнула...

— Ой, дедушка, не спеши, мне страшно...

— Может, хватит на сегодня, внученька?

— Нет, продолжай, мне ж-ж-жутко интересно, хоть и очень страшно!

— Знаешь, и Лютому в тот миг сделалось очень страшно, аж рубашка взмокла. Но мост выдержал, и в итоге все они переправились на другую сторону.

— Ура-а!! Я так и знала, я знала...

— Тише, тише, уже глубокая ночь, не кричи, постояльцев в соседнем номере разбудишь. Думаю, на сегодня нам пора заканчивать.

— Ну нет, ну пожалуйста, ещё немножечко расскажи!

— Хорошо, немножечко, только обещай потом быстренько уснуть. Этот наш рейс рано утром...

— Обещаю. Деда, а мы не можем остаться на этой планете? Мне здесь так понравилось, и люди говорят почти что на нашем языке...

— Нет, солнышко моё единственное... Нельзя нам. Дедушка и рад бы остановиться, но ты же знаешь, нам нельзя.

— Зна-аю... ну тогда давай рассказывай, а то завтра рано вставать...

— Любишь ты понежиться в кроватке, соня моя... ничего, рейс ранний, зато долгий. Точно так. Выспимся... Значит, благополучно одолев мост, отряд приблизился к высоким превысоким воротам с витыми прутьями из просмоленного железа. Это был выход на поверхность, для всех спасительный и желанный.

Ключи от врат имелись у троих старых чертей. Тройка сидела сбоку от ворот за дубовым столом и раскладывала карты, почёсывая свои козлиные бородки. Предложили сыграть, а иначе не отворят. Выиграете хоть раз, говорят, и всего доброго, валяйте вон, а нет — ищите другой выход. Делать было нечего, пришлось играть с теми плутами. Владка села за игру с уверенностью, что не даст себя обвести вокруг пальца и легко раскусит все приёмы шулеров. На удивление и самой волшебницы, и её спутников, она быстро проиграла, толком не уразумев, каким образом, то ли её чары слишком ослабели после изнурительных приключений, то ли черти попались ушлые, поболе неё искусные в магии.

С позором, едва не лишившись доспехов, проиграли Тигр и Лютий. Подошла очередь Седого. Пожилой воин поинтересовался, а может, есть другая цена за выход. А чего ж это нету, ответствовали ему черти, можете заплатить или отработать. Отрядный кошелёк давно потерялся в походных треволнениях, а работать на чертей не позволяло достоинство, вот Седой и сел играть. Играли они три дня и три ночи. Нередко черти выкрикивали «Это не по правилам! Так нечестно!», и приходилось переигрывать, но на третью утро хитрые бесы сдались. Спросили у Седого, где тот научился так здорово играть. Воин ответил, что играет в карты плохо по сравнению со своими земляками и что в том краю, мол, где он родился, вырос и служил лучшие в мироздании картёжники. Черти проиграли не только право на выход, но ещё и ку-

чу денежек, которые накопили, стребовав плату за выход с предыдущих прохожих.

Выбрались три наших богатыря и одна волшебница на поверхность прямо посередь кукурузного поля, и далеко не сразу нашли они грунтовую дорогу. Зато когда нашли, уви-дели — навстречу им ползёт набитая сеном телега, запря-женная двумя волами. На свежем воздухе, под открытым небом и ясным солнышком, к волшебнице начали возвращаться прежние силы, и у неё снова появилось чувство пути. Владка указала на телегу, сообщив, что та в аккурат следует в нуж-ном им направлении. Остановили подвернувшийся транс-порт, дали вознице денег и с удовольствием зарылись в стог ароматного сена. Так и проспали до самого села.

И тебе пора глазки закрывать, внученька. Не то таких тебе страстей дальше наговорю, что уснуть не сможешь, а завтра...

— Я помню, помню, дедуль. Ну лады, я закрываю глазки и... а что там дальше? Ты мне просто скажи, про что там, мне сон про это приснится, а потом ты мне...

— Про то, что там дальше, лучше бы тебе сон никогда не приснился, солнышко. Этого и наяву хватает, к несчастью.

Глава третья ГОНКА ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Огромная «бочка» рудовоза дрейфовала в пустоте, мигая аварийными сигнальными огнями. Совсем немного мегаметров посудина не дотянула до порта назначения, пятого спутника Оленди, сплошного перерабатывающего комбината все-го, что можно переработать. Один из основных постулатов имперского экологического кодекса гласил: вредоносное производство убрать куда подальше. Дальше, чем самый от-далённый спутник, не найти при всём желании.

Высокая интенсивность движения в непосредственной близости от самой планеты вынуждала транспорты гасить основные реакторы задолго до цели и пользоваться маневро-выми ракетными движителями ближнего радиуса действия. Работали они достаточно нестабильно, как и любая прямо-

точная схема, и в случаях отказов систем приходилось высыпать буксиры. Чтобы выполнить эту функцию, годились любые корабли с движками, исправными в данный момент.

И не обязательно штатные буксировщики, которых всегда не хватало. Именно это обстоятельство позволяло любому желающему, воспользовавшись оказией, получать контракты на доставку. Предпочтение отдавалось более мощным космолётам, конечно...

Этот небольшой кораблик именовался странно, непривычно для оленийских ушей, «Эльбрус». Он явно принадлежал мигранту с Элотоми, соседней планеты, но по техническим характеристикам оказался достаточно мощным, чтобы обойти всех прочих претендентов числом три.

Его бронированный корпус был похож на головастика низаренских рептилий, по бокам тельца которого зачем-то выросли короткие крылья; на самом деле — балки для навесных устройств. Сравнительно большая «капля» кабины продолжалась «хвостиком» центральной части, соединявшим её с массивным овоидом реакторного блока.

В пилотской кабине, неожиданно просторной для столь компактного судёнышка, находились двое: пожилой мужчина и девочка лет восьми. Глаза их внимательно изучали корпус приближающегося рудовоза.

— С виду вроде не дряхлый, а заглох, — прокомментировала девочка, закончив визуальный осмотр транспорта.

— Ох уж эти автоматы! Возможно, движок выгорел или просто не хватило ему топлива, вот и застрял. — Мужчина пожал плечами. — В контракте об этом нет информации. Наша задача дотолкать его до шлюза приёмщика.

— Надеюсь, по дороге на нас флорики нападут, — улыбнулась девочка, порхая ручками над пультом управления.

— Не разделяю твоего восторга, достали уже эти полу-пираты, — откинулся на спинку кресла старший из пилотов; он видел, что младшая готовится к самостоятельнойстыковке с рудовозом, однако не препятствовал этому, лишь отслеживал последовательность действий. — Как назойливые осы, пытаются ухватить всё, что плохо летит между кольцами контроля. Бьёшь их, бьёшь, а они только прибывают. Даже не смешно, настолько глупые.

— А что мне, собственно, и надо, — девочка показала все свои беленькие зубки в ехидной улыбочке, — мы же до сих пор не испытали веерный си-бластер. Зачем я его модернизировала, спрашивается?

— Тот, который исправлен на кучность боя? — уточнил старший. — В твоих усовершенствованиях и запутаться немудрено... Если бы я их не делал вместе с тобой, запутался бы точно. Не зазнавайся.

— Он самый, на кучность. — Девочка кивнула и положила кисти рук на два штурвальных манипулятора. — И с ним ты мне почти не помогал, вот!

— От горшка два вершка, но туда же, — проворчал мужчина. — Дай только поиграть в войнушку... А куда дёшево, надо выжить.

Девочка не прислушивалась к привычному ворчанию старшего. Она сосредоточилась на выполнении серьёзной операции.

Навигационный монитор показал динамическую трафаретку плавной траекториистыковки, рассчитанную навигатором; для начинающего пилота шпаргалку, для опытного — подстраховку. Буксир резко дёрнулся и пошёл на сближение. В кормовой части рудовоза находилась специальная буксировочная платформа со стандартными креплениями. Пристыкованный буксировщик становился единым целым с транспортным кораблём и, по сути, превращался в его дополнительный съёмный двигатель. Звуки срабатывания электромагнитных направляющих и щелчки замков оповестили о завершении фазы швартовки.

— Ноль пятьсот двенадцатый, подтвердитьстыковку, открыть доступ к бортовым сенсорам и подрулям, — к автопилоту рудовоза обратился старший из пилотов буксира.

— Эй, борт! Завис, что ли? — после длинной безответной паузы добавил он.

Ответа не последовало и на сей раз. Спустя ещё пять минут ожидания стало ясно, что ответа пилотам буксира не дождаться.

— Автомат глючный. Подумаешь, будем руками двигать. Не впервой! — бодро заявила девочка, не выдержав напряжённой тишины. — Деда, нравится мне эта работа. Хо-

роша всё-таки, что мы обзавелись своим корабликом, а не таскаемся по сотам на перекладных...

— Впервой или нет, а с заказчиком связаться надо. — Старший проявил осторожность, присущую жизненному опыту. Лучше «перебдить, чем недобдить».

— И что это нам даст? — Девочка скривила лицо в недовольную гримаску. — Контракт не сделается более доходным, и задача легче не станет.

Тем временем навигатор закончил перерасчёт управляемости единой конструкции, состоящей из обездвиженного рудовоза и прибывшего «по его душу» буксировщика. Тихонько прозвучала стандартная мелодия, сигнализирующая о завершении данного процесса. Младшая из людей вывела на демонстрационную полусферу кабину проекцию с динамическими характеристиками симбиоза двух космических кораблей.

— Инертное бревно. — Девочка недовольно закусила губку. — Будут сложности при стыковке. Если эта коряга не откроет доступ к своей нервной системе... Пихая с кормы, вслепую стыковать бак — мартышкин труд. О-о, они такие неповоротливые, эти олендийские баки...

— Ага, и центр тяжести фактически по миделю. — Мужчина указал пальцем на проекцию кораблей, привлекая внимание к средней части. — Видишь? Без подруливающих устройств не обойтись.

— Какой у нас план? — Девочка вопросительно посмотрела на старшего.

— Как обычно в таких ситуациях. Дотолкаем к докам, а там придётся натягивать акваланг и в воду заходить. — Пилот вздрогнул, будто его передёрнуло от одной мысли о прогулке в открытом космосе. — Свои подрули на бак присобачим.

— А пусть заказчики сами подруливают? — Девочка прекрасно знала, что облачение в скафандр и выход наружу вызывает у мужчины эффект послевкусия съеденного лимонзина, по своей кислоте уступающего только двум лимонзинам.

— Угу, аж разогнались они. В контракте указано: доставить и пристыковать к сто чётвёртому доку. — Пилот обречённо махнул рукой. — Не выполним — не заплатят.

— Тогда поехали! — Девочка убрала руки с манипуляторов и активировала базовый автотрекер.

Даже не устройство, а специальную программу автопилота, что работала по принципу: направить и толкнуть. После серии вспышек подруливающих движков загудели марлевые ускорители, разгоняя рудовоз.

Буксировка происходила спокойно. До зоны торможения лететь было необходимо часа два. Мужчина скучающим взглядом обозревал дисплей локатора, понимая, что занятие это бестолковое: стоит обнаружиться любому объекту, тотчас прозвучит сигнал предупреждения. А искусственные объекты между сферами контроля встречались редко. Либо какое-нибудь грузовое судно пройдёт рядом, либо патрульный катер пограничников... Иногда заявлялись флорики, намеренные поживиться. Вдруг нападут, не разобрав, что это не робот, которого можно обмануть, а пилотируемое и охраняемое судно.

Любителям поживы доводилось уже поджаривать бока и кормовые части. Трусливые шайки всегда отступали на форсаже; в принципе эти псевдоразбойники никогда и не бывали настоящими бойцами или пиратами в прямом смысле этого слова. Доморощенные стервятники и разномастные воры из провинций на устаревших развалиюхах, сбитые в общину каким-нибудь сиюминутным атаманом. Вот что они собой представляли. Но в последнее время, судя по разговорам в припортовых барах, среди межпланетных шакалов наблюдается некая эволюция. Нет-нет, да и проскочит быстренький, новый кораблик и даже, огрызаясь, пальнят в несостоявшуюся жертву перед тем, как смыться. Вроде бы среди шакалов межпланетного космоса этой системы появились некие вожди, пытающиеся сколотить настоящие бандформирования. В бродячих слухах даже начала появляться конкретика, прозвища наглых разбойников. Некто Шелудивый Пити, калеваневский дезертир, а также свора благойских вольноотпущенников под предводительством налётчиков — любителей Боковой Жабы и Синенького Брюха...

Вообще-то подобный «Эльбрусу» вооружённый рейдер способны поразить разве что пограничные или военные корабли здешних планетарных государств. Поэтому беспокой-

ство старшего девочка не разделяла. Младшая была занята важным делом. Подсоединив свой видеоОшлем к пульту, она усваивала очередную лекцию. Шесть общеобразовательных курсов прославленной Оленийской академии это юное дарование усвоило за год с небольшим. Мужчина мог не беспокоиться об «успеваемости», его девочка усваивала информацию охотно и стремительно. Да не просто зубрила, набирая сумму знаний. Она схватывала суть процессов, азартно и неуёмно разбиралась в природе того, что усваивает. Как следствие — постоянно что-нибудь придумывала, изобретала, модернизировала.

В последние недели материалом для её опытов служило не что иное, как оружие. Имея теоретическую подготовку, она разрабатывала новые варианты функционирования «старого» и на практике доказывала состоятельность своих изысканий.

Само собой, мужчина всячески помогал ей. В арендованном для «Эльбруса» ангаре образовалась настоящая любительская лаборатория, которую он «благоустраивал» всеми доступными средствами. В те дни и ночи, когда не доводилось уходить в рейсы — буксировать грузы или выполнять чартерные перевозки, — он вместе с девочкой колдовал над агрегатами и устройствами, снятыми с катера на модернизацию и купленными на припортовом базаре. Зачастую от него просто требовалась обычная мужская сила, чтобыкрутануть гаечным ключом, примостить тяжёлый блок и тому подобное.

— Деда, а что такое эффект плоскостей Карлиоза? — спросила вдруг девочка, поднимая на лоб «очки» шлема. Услышав незнакомый термин, она машинально обратилась к мужчине, чтобы не тратить время на запрос в поисковике. Сюда, на порядочное расстояние от всепланетарной сети, по каналу связи сигналы проходили с заметными паузами. Спрашивать же у старшего обо всякой всячине для младшей было не менее естественно, чем дышать. У кого ж ещё!

— Светик, шутишь? — Он улыбнулся и перевёл на неё взгляд. — Откуда мне знать научную терминологию аборигенов? Это ты у нас образованная, серьёзная барышня, а я так... лаборант при тебе.

— У ва-ас заниженная самооценка, — изрекла девочка с важным видом, надув щёки, изображая типичного дядечку из службы виртуальных психоаналитиков; но выдержала эту мину лишь секунду, прыснула в кулачок и опустила видеощиток. В данном случае ей ничего иного не осталось, как прибегнуть к помощи базы данных.

Некоторое время мужчина смотрел на неё, улыбаясь и покачивая головой, а затем вернулся к созерцанию локаторной проекции. Всё равно ему больше нечём было заняться.

— Разрядись мой бластер! — Девочка получила искомое. — Представляешь, дедуль, Карлиоз пишется правильно — Коарлиеозз!

— Зенторианин, что ли? С двумя буквами «з» в конце. — Старший окончательно оставил в покое дисплей, встал со своего кресла и шагнул к младшей.

— Угу-мсь, — она пролистывала биографию и материалы о научной деятельности, — родился там и умер.

— Ладно, ты за главную. — Мужчина снова улыбнулся, обогнул кресло девочки и отправился к прямоугольному лягу санузла.

Добраться к цели этого короткого, но важного путешествия он не успел. Три пронзительных коротких сигнала проинформировали о появлении в зоне чувствительности соответствующего количества других кораблей. Пилот, не мешкая, тотчас вернулся в своё кресло. Второй пилотессе никуда не надо было возвращаться, и она, опередив мужчину, уже запустила предварительное сканирование объектов. Спустя несколько секунд над сферой кабины появилось объёмное изображение трёх планетолётов. Два неповоротливых, но быстрых мусорщика шли за лидером, небольшим почтово-курьерским корабликом. Все трое двигались наперерез транспорту.

— Флорики? — Девочка посмотрела на мужчину.

— Думаю, да. Скан их засёк без проблем. Антилокаторы устанавливают на своих кораблях только военные и настоящие пираты, сама знаешь, громоздкие они и обходятся недёшево. — Пилот активировал передатчик. — Внимание, говорит транспорт сто три ноль пятьсот двенадцать, смени-

те траекторию следования во избежание столкновения. Подтвердите контакт.

Некоторое время траектория звена не изменялась, видимо, пилоты мозговали, что же делать дальше. Потом все трое подвернули и устремились на фронтальное сближение. Монитор связи ожила. В нём появилась проекция пилота в шлеме странного вида, скорей всего собственноручно изготовленного из разного рода мусора. Лица не было видно, но голос выдавал явное раздражение хозяина. Видимо, узрев летящийrudовоз с аварийными огнями, падальщики решили, что его системы, в том числе и система защиты, вышли из строя, и неисправный транспортник стремится на «полных парах» миновать опасную зону. Лёгкая добыча, почему бы не урвать? Лети транспортный корабль медленнее или без аварийки, возможно, они прошли бы мимо, не рискнули нападать.

— Эй, там, на буксире! — раздражённый мужской голос вырвался из ретранслятора. — Буду говорить доходчиво! Если не хотите, чтобы мы ваше корыто распылили по космосу, перекиньте на счёт, который я вам сейчас продиктую, сумму в пять тысяч. И скажите спасибо, что мы такие добре́нькие сегодня.

Старший и младшая переглянулись. Друг дружку они поняли с полуза́глядом.

— Я рулю, ты испытывай свой веерник.

— Хорошо. Рудовоз будем тормозить или пустим по траектории, а потом догоним? — Девочка задержала руку над сенсорной зоной устройства стыковки-расстыковки.

— Тормозить? Вот ещё, лишнее топливо тратить из-за каких-то непрофессионалов. — Мужчина зловеще ухмыльнулся и снова активировал канал связи.

— Любопытно, и чем это вы собираетесь нас распылять, оборванцы? На ваших посудинах даже хлопушку некуда притулить.

Он поступал тактически правильно. Перед тем, как грубо́й силой обратить в бегство подонков, следовало их морально унизить. Они этого ужасно не любили. Считая себя «благородными хищниками» вакуума, гордились этим и даже какой-то пафосный кодекс чести себе придумали. Вояки доморо́щенные.

— Умник попался! Да знаешь, с кем говоришь?! Я сын Ларина, барона Флоригонов! Гроза с... свободных странств! — Голос падальщика звучал ещё более раздражённо. Обидевшийся флорик, вякающий на том конце канала, даже начал слегка заикаться.

— Гы-гы, деда, полукирятская шишака к нам в гости пожаловала!

— Ничего смешного. — Мужчина грозно глянул на девочку. — Придётся этой шишке... на голову понабивать шишак.

— Значит, так, питекас клюворылый, — продолжил баронский сыночек после своего цветистого представления, — я проведу демонстрацию, но это тебе, кляпафрал, обойдётся в дополнительные пять тысяч. А чтоб не умничал!

После этих слов огромный сгусток плазмы ударили в тело рудовоза, прожёг один грузовой сегмент и оплавил соседние. Из образовавшегося в клиновидном модуле отверстия начала вылетать эльзановая руда. Этот ярко-зелёный песок сразу же образовал светящийся шлейф, чем-то напоминающий хвост кометы.

— Твою... эм-м-м... — Мужчина хотел грязно выругаться, но вовремя вспомнил о присутствии девочки. — Суши вёсла, сопляк!

Младшая шлётнула по сенсору экстренной расстыковки, буксировщик отскочил от транспортника и ринулся на пиратов. Рудовоз от этой незапланированной операции, получив сильный боковой импульс, принялся вращаться вокруг центра тяжести и полетел дальше подобно бите крагельбана, окутанной зелёным облачком. Вторая стыковка с ним предстояла сложнейшая. Но вначале необходимо победить флориков.

Бой разразился мгновенно. Переоборудованный в боевой катер почтовый курьер, вооружённый двумя мощными корабельными разрядниками, открыл огонь по «Эльбрусу». Недостаток этих плазмомётов — относительно невысокая скорость полёта высвобожденного сгустка плазмы, но уж если он достигал цели... Два оставшихся мусорщика тем временем бросились догонять подраненный рудовоз, чтобы успеть поживиться, пока буксир сражается с их коллегой из «знатного рода».

Пилот «Эльбруса» умело маневрировал, и ни один из выстрелов противника не достиг цели в отличие от выстрелов девочки. Пока корабли летели лоб в лоб, она успела два раза дать залп из гравитара и полоснула по корпусу врага спаренным лазером. Все её выстрелы поразили цель, и яркая вспышка, в которую превратился один из вражеских племенников, навешенных на бортовые пилоны, наполовину сократила огневую мощь катера флориков. Мужчина выключил устройство связи; оттуда, кроме потоков грязной браны, ничего связного не слышалось.

— Испытывай свой веерник, не то опоздаешь. Уйдут ведь. — Пилот разминулся с полутиратом и пошёл на полный разворот.

— Садись ему на хвост, — девочка активировала модернизированную установку, — бластер теперь не скорострельный, он вроде пушки этого барончика. Бьёт редко, но сильно. Флорик от нашего выстрела не сможет увернуться, если прицелюсь хорошо.

— Давай начинай, только не убей его случайно. — Дед завершил манёвр и сел на хвост противнику.

— Не бойся, сама знаю, что потом хлопот не оберешься. По своему кодексу мстить будут за сородича. — Девочка кивнула и принялась тщательно выцеливать кораблик. — Должен минимум четыре попадания выдержать до критической степени поражения.

Она азартно пыталась подловить полутирата, от усердия даже розовый кончик языка выглянула в уголке её поджатых губ. Кружок прицела подсветился красным светом, что означало: цель захвачена, и оружие за ней следит автоматически.

— Огонь! — сама себе выкрикнула команду младшая и даванула гашетку.

Кассетный си-бластер, который из своих двадцати четырёх испускателей производил синхронный выброс лучей, завертелся и загудел. Стержни разрядников набрали заряд, но выстрелов не последовало...

— Ну и? — Мужчина строго глянул на девочку. — Пока вижу только стремительное падение мощности реактора. Ничего себе оно жрёт! А где ж БУМ?

— А я знаю? — Девочка растерянно пожала плечиками. — Чего-то не работает.

— Надеюсь, он не взорвётся у нас на крыле?

Не успел пилот договорить эту фразу, как выброс ослепительного света заставил их прищуриться. Показалось, что из си-бластера ударила толстая, кривая и безобразная штормовая молния из тех, что рассекают вечно тёмное небо планеты бурь Базаллы. Этот чудовищный выплеск энергии оставил от пиратского корабля только яркое облако газа.

Мужчина и девочка смотрели на него с раскрытыми от удивления ртами...

Потухло оно быстро, и тысячи уже остывших мелких брызг расплава, совсем недавно бывших корпусом, застучали космическим дождиком по куполу кабины «Эльбруса». К счастью, достаточно бронированному.

— Я не хотела! — выпалила внучка дежурную фразу, которую она использовала всякий раз, когда вытворяла большую шкоду. Что происходило в последнее время всё чаще и чаще. Маленькие детки — маленькие проблемки. Дети подрастают — и проблемы во весь рост поднимаются.

— Проклятие! — Лицо мужчины приобрело выражение грозовой тучи с той же Базаллы. — Нужно убрать всех. Уйдут — проблемы у нас будут серьезней некуда.

И «Эльбрус», временно служащий боевым буксиром, рванул к рудовозу, от которого уже в разных направлениях бежали два мусорщика. Их команды во всей красе наблюдали огненную гибель своего дерзкого собрата.

...Захваченный «язык» не обманул, вот он, десант. Три огромных диска плавно опускаются на зелёное покрывало нетронутых густых лесов Неги. Остаётся лишь держать их на прицеле и не прозевать момент.

Когда десантные платформы приближаются к верхушкам деревьев, качающимся на ветру, они отключают защитные экраны для сброса зачистных зарядов. Буквально на секунду вырубят. Но именно в этот момент их и подстережёт «неножданчик». В руках уже возникло напряжённое ощущение, подустали они, однако. Тяжёлая всё-таки штуковина, труба

эта, «ручной» тактический ракетомёт а-ля суперстингер местного розлива. Оружие настроено, откалибровано заранее, только и осталось: ему — выстрелить вовремя, а мне — держать его.

Диски снизились и зависли над лесом. Мигает жёлтый предупредительный огонёк терминала на запястье; ещё двое наших стрелков, разрисованные и прикрытые листьями маскировки, в кронах деревьев замерли, настороженно поджидая. Сейчас начнётся. Стреляем синхронно, у каждого своя цель. Взгляд сквозь цифровой визор изучает зуммированную картинку, чётко видны бугорки на донной части «моей» платформы. Жерла бомбюков всё ещё закрыты лепестками диафрагм... Уже нет. Яркий свет появляется в образовавшихся швах, они всё шире и шире, лепестки расходятся.

Огонь! Отдачи как таковой быть не должно, но я всё равно едва удерживаюсь на ветке. Ракеты, выпущенные одновременно, мчатся к цели. Люки раскрыли свои пасти, из них выпадают горсти чёрных шариков. Силовое поле отключено, и ракеты без проблем устремляются прямиком к «мягким» подбрюшьям платформ. Выхлопы реактивных движителей обрываются за десяток метров от них. Взрывы разделяют головки ракет на сотни самостоятельных «игл», и они густым дождём, падающим не вниз, а вверх, покрывают все донные поверхности платформ. Смертоносные бронебойные иглы из активированного стеглариума насквозь прошивают лишённые прикрытия силовых щитов платформы, и ужасные вопли доносятся даже сюда.

Там, выше, на поверхностях дисков, плотными рядами, пристёгнутые к фиксирующим поручням, стоят тысячи пехотинцев нерского десанта...

Кричат же счастливцы, умершие быстро, пронзённые иглами. Остальных ждёт куда более печальная перспектива, им предстоит быть расплющенными при падении. А упадут платформы обязательно, все двигатели наверняка повреждены, и очень скоро, когда склынет гравитационное эхо, сила притяжения подчинит себе эти тяжеленные машины. Пусть бы их всех мё-е-едленно сминало в блин или растирало по древесным стволам. Дабы напоследок прочувствовали превосходство врага.

Меня снова переполняет до краёв чувство праведного гнева. Не важно, на чьей стороне доводится сражаться. Которые по ту сторону фронта — враги. А враг должен быть уничтожен во что бы то ни стало. Иначе — зачем воевать-то?

Есть контакт. Падают! Одна за другой. Усеянные вспышками света, падают. Больше света. Больше грохота. Мы лучшие! Три бойца только что уничтожили шесть тысяч вражеских солдат. Десантные платформы, асимметрично утратив несущую силу, кренятся набок, всё сильнее, и с краёв их сыпаются вражеские тела, валятся вниз, на твёрдую почву и на поваленные, искромсанные стволы деревьев, зачистными зарядами тем временем выкошенные. Часть поручней всё-таки выдержала вес сотен тел, и сейчас они гирляндами висят на платформах. Если и выживет после падения кто-нибудь из них, то исключительно любимчики местных богов.

Атака удалась. Нужно закреплять успех. Если ждать решений, которые примут остальные, у этого мяса появится больше шансов, чтобы опомниться и организовать хотя бы видимость отпора. Поэтому ещё в поселении, когда совет решал, «что будем делать с выжившими пленными?», я уже знал, что с ними сделаю. Теперь вниз, вниз по стволу дерева, быстрее.

Неинтересно, сколько солдат выживет в этом месиве. Не важно. Я уже запланировал, как избавиться от них. Не зря же увлёк флайер и ночью закатал в него двадцать ёмкостей горючки. Всю эту поганую поляну залью местным «напалмом», и пускай горят! Тогда уж точно не останется выживших, даже под мёртвыми телами соратников не спрячутся.

Флайер припрятан неподалёку от дерева, на котором я зависал аки лесной дятел. Конструкция адаптирована для взлёта и посадки в дебрях флоры. Тонкий, чуть ли не плоский корпус. Напоминает монету, вставшую на ребро. Управляемость подобной конструкции с первого взгляда кажется проблематичной, но опытный пилот вполне справится. Я видел, как на этой леталке выделывались головокружительные фигуры и неимоверные кульбиты. А в ветреную погоду эта машина опускается в лес, под защиту деревьев, и несёт в себе тонну груза прямо сквозь лесную чащу.

Что я и делаю.

Флайер скользит в направлении стихающего грохота, туда, где упали платформы. Лес обрывается, и взору открыто место крушения. Диски упали неподалёку друг от друга, два из них раскололись. Ну что ж, мой выход. Пленных не беру!

Я всё делаю правильно, и в душе они со мной согласятся, только вслух не скажут. Нет врага — нет проблемы. И не надо глупостями страдать, придумывать, что делать с пленными. Приживутся ещё, ассимилируются и будут трахать женщин, мужей которых уничтожали когда-то.

Мне ж ещё спасибо скажут, когда поймут.

Если поймут.

...Селение выглядело беспорядочным скоплением немалого числа глиняных домишек с крытыми соломой крышами. Но ещё больше там было понастроено всяческих сарайчиков для домашних животных. Именно по этой причине отовсюду хрюкали, мычали, бекали, мекали, кудахтали, крякали, гоготали, гулькотали, гавкали. Селянин высадил странников в центре, на пыльной площади возле старой ветряной мельницы. Наступил полдень, и солнце нещадно палило. Несмотря на это, здешний народ сновал с завидной активностью. Что скажешь, крестьяне, у них всегда уйма хлопот! Правда, в тот день причина у суеты была ещё вот какая... Тем вечером должен был состояться ежегодный праздник собранного урожая, и селяне тщательно готовились к важному событию.

Его программа делилась на три части. Первая — торжественное шествие по главной улице с лучшими образцами урожая, вторая — соревнование между этими образцами, третья — награждение победителей и собственно пир. Признанные наилучшими образцы уносили на вершину горы, восьми тайным мудрецам, в знак благодарности за хороший урожай. Если год выдавался неурожайным, мудрецов всё равно засыпали подарками, для того чтобы следующий был щедрее. Таким вот авторитетом по традиции пользуются в том краю умные люди... Ну или те, кого выбрали на должности умных.

На закате торжество началось. Шествие протекало бурно, участники толкались, пихали друг друга, лупили и орали,

критикуя и проклиная выставляемые продукты или домашних животных соседей. Кто-то тайком пытался подпортить плоды трудов противника, это выявлялось, и... м-м-м... ползучая драка закипала с новой силой.

Наши герои держались в сторонке, с улыбками наблюдая за происходящим. Они хорошо отдохнули, и впервые за много дней у походной команды было весёлое настроение. Даже Владка улыбнулась.

Шествие наконец притянулось к площади, там всех уже поджидал староста — плеший толстячок, зачем-то облепленный зелёными капустными листьями. Он взялся оценивать образцы и был весьма нечестен. Публика это быстро заметила, справедливо объявила старосту подкупленным. Решили призвать судей, так сказать, со стороны. Тут-то и вспомнили про наших походников, а они особенно и не противились. Внимательно осмотрев образцы, выбрали победителей. Недовольные, конечно, были и на этот раз, но большинство с предложенным результатом согласилось.

Начался пир на весь окрестный мир. Теперь воинов прохожих, как почётных гостей, пригласили за стол. А столы просто ломились от невиданных яств и напитков. Давно не кушавшие нормально, четверо набросились на разносолы и деликатесы. Зазвучала развесёлая музыка, и селяне закружились в танце. Тигр пригласил Владку, волшебница согласилась, и эта пара присоединилась к танцующим. Лютий быстро наелся и, откинувшись на спинку стула, о чём-то своём мыслил, а Седой продолжал насыщаться. К ним подскочил староста и предложил благородного вина, специально припассённого для гостей. Толстяк и кубки золочёные прихватил по такому случаю. Отказаться значило проявить неуважение к гостеприимному хозяину хлебосольного села.

Староста разлил вино в четыре красивых бокала, себе же взял стоявший рядом стакан Седого, произнёс тост за здравие и выпил. Лютий поднялся, взял золочёный кубок и окликнул Владку с Тигром, чтоб те присоединялись, неудобно, мол, в гостях всё-таки... Повернувшись на оклик, волшебница только и успела, что выкрикнуть: ЯД! Лютий выронил кубок с отравой, благо не успел пригубить, а вот Седой...

Мучения доблестного воина были короткими, но страшными. Люtyй рыдал над ним словно ребёнок малый, притом что раньше, после гибели своего наставника и Мирного, он и слезинки не проронил, страдал всухую. Негоже воинам нюни распускать... Да, видать, накопилось.

Теперь Люtyй уж точно остался один-одинёшенька на весь белый свет. Лысый был ему вместо отца родного, Мирный — братом... по оружию, Седой же оставался последним, кто был ему родным по духу, и вот теперь... Владка и её телохран за время похода сделались близкими людьми, ближе некуда, но всё равно для него эти двое были иными, словно из другого теста выплеленными.

Односельчане схватили коварного старосту и вознамерились казнить. По совокупности... Не забыла такое слово?.. Видать, местные натерпелись от него и раньше, да терпение лопнуло. Однако Тигр остановил их и взялся допытывать негодяя. Спрашивать, зачем хотел убить гостей.

Староста юлил и оправдывался. Мудрецы горные, дескать, приказали. Предупреждали они, что заявятся чужаки, принесут с собой горе, ежели не убить — беда большая нарянет следом. Народ возмутился. Селяне кричали, что не могли выборные мудрецы такого непотребства изречь. Тигр же спросил о том, кто яд дал, тоже мудрецы? Нет, ответил толстяк, яду у меня ещё от прошлого старосты цельная бочка осталась, в сенях стоит... В той бочке его и утопили. Погребение великого воина селяне, опечаленные вероломством властей предержащих... ты помнишь такое выражение, я тебя учил?.. взяли на себя, клятвенно пообещали всё устроить красивше некуда.

Вообще народ тамошний в отличие от выборных управителей совестливым да смышлённым казался. А за ответами троє — оставшийся витязь, волшебница и её телохран — устремились на вершину горы, туда, где обиталище восьми мудрецов. К слову, Солдатик весьма печалился и казнился тем, что за исполнение тайного своего желания потанцевать с хозяйкой довелось заплатить цену столь дорогую — ещё одного соратника потерять. Не уведи он Владку далеко от рокового стола, может, и поспели бы они остановить подлую руку, что преподнесла ядовитое вино.

— Дедушка, герои умирают один за другим... это очень страшная сказка. Если она кончится нехорошо, тогда не хочу её дальше слушать. Я почти большая, я уже знаю, не все сказки кончаются хорошо...

— Внученька, сказка невесёлая, правда, но не такая уж страшная, я тебе сейчас объясню почему. Чтобы не так грустно было слушать, можешь... э-э-э... допустить возможность, что воины исчезают как бы не до конца, что они погибают не совсем. Тела их, конечно, повержены врагами, но... гм-м... дух реально остаётся с живыми соратниками, продолжающими путь. Ведь в последней битве с чудовищем, пожирающим свет... э-э... малодушие будет союзником ну никак не сильным, правда же? И, кроме того, в любой сказке — чем дальше, тем страшнее, но в конце ведь... Ну так что, я могу продолжать, будешь слушать дальше?

— Да, да! Я знаю, знаю, свадебка и пир на весь мир. Такой конец мне нравится.

— Свадебка? М-да, в общем. По усам текло, да в рот не попало... Значит-ца, так вот. Дорога на вершину выдалась ну очень крутой. Владка не единожды принуждена была к волшебству прибегнуть, чтобы преодолеть очередной подъём. А Лютий постоянно отставал, плёлся в хвосте, можно сказать. С виду казалось, ему уже всё сделалось абсолютно безразличным. Тащился он, понурившись, еле-еле передвигал ноги. Порой волшебнице нашей приходилось чуть ли не уговаривать его двигаться вперёд.

Почти до самой снежной верхушки гора укрывалась хвойным лесом, и воздух от того был сладким и бодрящим. Тигр чувствовал себя словно заново родился, он пытался шутить, подбадривая соратника и соратницу, брался нести большую часть уцелевшей поклажи и чересчур, как для охранника, был обходителен и любезен с Владкой. Но изнурённая утратами и невзгодами волшебница нежданно-негаданно для него весьма благосклонно принимала все неуставные знаки внимания. К тому же теперь она в деликатном положении пребывала, и ей было вдвойне тяжелее. Ты помнишь, что значит деликатный? Вижу, вижу, помнишь, раз не переспрашиваешь...

Ну вот. Приметив, как Лютый, совсем уж на лютого не похожий, медленно и тяжело передвигается, Солдатик предложил сделать привал. Он развёл костер и отправился подстрелить какого-нибудь зверя на ужин. Владка и Лютый остались наедине возле огня. Позже волшебница поведала телохрану, как она, не дождавшись вопросов от раненного в душу воина, утешала его, советовала не убиваться над погибелью соратников. Волшебница настоятельно попросила его допустить возможность, что мертвы лишь тела. Души же, напротив, живёхоньки, и никуда не подевались, и не освободятся, не отлетят в горние выси. Покуда остающиеся живыми в телах походники не одолеют вселенского змея проклятого. Лютому Владка велела причувствоватьсь к самому себе и ощутить. Да утешиться тем, что в мироздании на самом деле никто и ничто не исчезает бесследно, пока не сгинула память о...

Лютый хотел бы утешиться, а н не сразу поверил Владке. Он сомневался, но склонялся к её правоте и в разговоре привёл даже пример из хроник предков. Эти истории я тебе ещё не рассказывал, но ему они были невесть откуда ведомы. Лютый припомнил о неразрывной связи великого воина ста родавней эпохи Дымыча и его погибшего на поле брани побратима, монгольского темника Хасана. Который оказался... Ладно, как-нибудь потом, это другая история.

— А мне интересно! Расскажи, дедушка!

— Не сейчас, внучка. То целая отдельная сказка, о самом начале... э-э... вечного похода, и я тебе её обязательно расскажу после того, как эту закончу.

— Лады. Только не забудь, хорошо?

— Не забуду! Уж об этом не беспокойся. Для чего же ёщё я нахожусь здесь и сейчас... Ну вот, значит, Тигр вернулся, когда разговор по душам уже свершился. Незаменимый секьюрити сварил отменную похлёбку, Лютый поел и улёгся спать. Спал он три дня и три ночи. Владка не позволяла Тигру будить уцелевшего отборного воина, говорила, что так нужно. Богатырю положено силушки набраться в краю сновидений. И вправду, снился тогда Лютому такой вот сон. Проснувшись, наяву не позабыл он его, постарался запечатлеть в памяти...

Брёл воин в одиночестве по бескрайним равнинам, дни и ночи напролёт, и навстречу ему только вороны да перекати-поля. Но вот, немало времени спустя, увидал он человека на горизонте и поспешил к нему. Редкая удача — встретить кого-то разумного в настолько безлюдной, дикой местности. И они пошли навстречу друг другу. Незнакомец приближался, из тумана проступил его силуэт. Старый охотник в широком плаще, с большим ружьём наперевес. Ты не забыла опять, что такое ружьё? Вижу, не забыла... Охотник тот повёл себя странновато. Он долго держал Лютого на прицеле, пока не признал в нём человека. После доверительно поведал, что уже несколько десятилетий рыщет он по степям, выслеживая очень редкого и опасного зверя. Весь его род охотился за этими зверями, и вот его дед убил предпоследнего, а отец погиб в схватке с последним.

Сейчас охотник напал на след и очень близок к завершению охоты, что велась всеми поколениями его семьи. Но зверь тот очень, очень хитрый, и выследить его невероятно сложно, хотя наследственный охотник на зверя чует, чует уже, что цель близка как никогда, что жертва где-то рядом. Чует и при этом ужасно боится. Обезумевший от пожизненного выслеживания старик подробно описал зверя, но Лютий ответил, что не видел никого подобного, и побрёл себе вовсюси. Прошёл несколько шагов, и в этот миг что-то заставило его обернуться, не стал он противиться настойчивому желанию, обернулся... И, хоть было уже затемно, зоркий воин увидел, как незаметно притаился на широкой спине охотника этот самый зверь. Теперь охотник всегда будет чувствовать присутствие вожделенной добычи, понял узревший истину Лютий. Всегда чуять и бояться, но никогда не отыщет цель, а жертва в свою очередь постоянно будет испытывать неизбывный страх перед охотником. И охота будет вечной. Если только зверь не избавится от страха, а охотник не привыкнет к запаху животного. Тогда они сольются в единое целое — мишень и её стрелок...

Лютый проснулся отдохнувшим, окрепшим телом и духом, что несказанно порадовало его товарищей по походу. Теперь уж он взвалил на себя тяжёлый груз и, подгоняя Владку и Тигра, начал скоренько на гору взбираться. Гора

эта становилась всё круче, камень под подошвами скользил, порой не за что было даже ухватиться или закрепить верёвку. Тогда волшебница опять прибегала к помощи магии, растративая свои бесценные силы, которые, возможно, могли ей ох как пригодиться на вершине, при знакомстве с так называемыми мудрецами. Туман, часто встречающийся в горах, в этот раз был неестественно плотным, вязким, как молочный кисель, и вызывал немалые подозрения.

Владка высказала свои догадки, и Тигр с Лютым согласились, что с горой этой не всё чисто. В свою очередь мужчины, не сговариваясь, отметили, что по их примерным подсчётам маленький отряд давно должен был попирать вершину тремя парами походных сапог. Тут-то им всё и стало ясно. Их водят по окружности восемь пресловутых мудрецов, уже показавших своё коварство. Владка разозлилась, она сильно не любила, когда её, не последнюю в мироздании волшебницу, водили за нос. Женщина приказала всем взяться за руки, образовать из людей магический круг. Используя силу троих, она перенесла их всех прямиком на самую вершину, в обиталище горней восьмёрки.

Оказывается, здесь уже поджидали непрошеных гостей. Действительно, восемь старцев, абсолютно разных, не похожих друг на друга ни одеждой, ни обличьем, ни повадками. Они расположились полукругом на цветочной поляне. Чудесным образом погода и растительность на вершинной площадке были совсем иными, чем на склоне горы. Здесь буйно росла разнообразная зелень, струился тёплый ручей, совершенно не пугаясь людей, сновали всякие зверушки. А сквозь хмурые облака, отыскав проплешину, специально для террасы мудрецов светило солнышко. Не было там колючего ветра и противного тумана. Тепло и уютно оказалось на вершине. Коротко говоря, неплохо устроились старички.

Они не только выглядели по-разному, но даже находились в различных положениях, занимаясь разными делами. Кто-то жарил сочный кусок мяса на углях, кто-то пил чай, третий читал, разматывая толстую трубку длинного пергаментного свитка, четвёртый прогуливался туда-сюда, пятый просто сидел, бездельничая, шестой спал, седьмой и восьмой

ещё чего-то там. Ясным становился факт: восемь мудрецов собирались, чтобы встретить их, троих странников.

Мужи ратные, Лютый и Тигр, достали свои мечи наточенные и глянули на Владку, ожидая приказов, медля, хотя Лютому не терпелось отомстить за подло сгубленный телесный облик Седого. Волшебница не торопилась с кровавыми решениями, она ждала действий восьмёрки. Вперёд выступил тот, кто бездельничал. Толстый старичок с лукавой улыбочкой, бегающей по губам. Как выяснилось позже, именно этот был у мудрецов за главного. Шагнул он, значит, на встречу пришлым и стал речь держать.

Мы рады, говорит, приветствовать великую волшебницу и её спутников в своей скромной обители. Зовут меня Вождь, да, так и зовут, потому что я — вождь. Сразу хочу извиниться за поступок недалёкого старосты, наша затея заключалась в другом, но этот болван корявый, как всегда, неправильно понял. Мы не собирались никого убивать, но сейчас это уже не важно. Ещё простите за волшебный заслон по пути на гору — это всё вынужденные предосторожности и защита от вселенского змея. Теперь вкратце о нас. Сегодня люди называют нас восемь мудрецов и приписывают нам невероятные способности, но, как обычно, они всё путают. Мы — восемь отцов-основателей восьми основных народов людей. Да, каждый из нас много тысячелетий назад породил свой народ. Мы практически бессмертны и неуязвимы для обычных существ, но не для змея проклявшего. Эта угроза реально страшна и опасна для нашего существования и, соответственно, бытия наших народов. Пока жив прародитель своего народа — жив и сам народ, но вовсе не наоборот. Если чудовище убьёт нас, что оно и намеревается сделать, то погибнет всё человечество, слагающееся из восьми народов. Потому нам и приходится скрываться от врага здесь. На этой вершине мы недосыгаемы, и потому пришлось вас сюда заманивать, ещё раз извините. Собственно, что мы хотели предложить... точнее, о чём мы хотели попросить.

Небеса нам нашептали, что дивным образом, обманув судьбу, волшебница Владка понесла и вынашивает чудо, которое в будущем спасёт человечество. Оставайтесь с нами, здесь безопасно. Женщина-мать, ты спокойно сможешь вы-

носить и родить, мы вместе будем растить и воспитывать потомство, и когда придёт время, плоды воспитания одолеют вселенского змея. Покуда же миссия наша общая в том заключена, чтобы ждать, затянувшись и готовясь к свершению пророчества. Мы предоставим тебе для этого все условия.

Закончив, вождь сложил на груди руки и улыбнулся, на веряка будучи уверен в том, что волшебница согласится, учтя своё воистину интересное положение. План первородных отцов имел свой смысл и был весьма заманчив. И Люtyй с Тигром, честно говоря, уж было подумали, что Владка согласится. Но ответ волшебницы был настолько неожиданным, что поразил даже телохрана, видавшего всякое в исполнении госпожи. Тигр впервые получил знак о возможном грядущем увольнении. Он обескураженно понял, что пришло время, когда волшебница вполне может обходиться без своего верного секьюрити.

Женщина выхватила у Лютого из-за пояса... э-э-э... плеть, вихрем подлетела к вождю и звезданула того тяжёлой рукоятью по лбу. Старик вскрикнул и рухнул, жалобно прося пощады, он уже не улыбался. Дальше Владка принялась больно хлестать всех стариков восьмёрки, не переставая гневно обвинять. Ах вы, шакалы трусливые, кричала она, кукловоды вы позорные, придумали себе пророчество, спрятались от чудища и ждёте спасения от небес, вместо того, чтобы поднять свои народы и повести их в самый важный поход! Я не собираюсь плясать под вашу сиплую дудку, трусы! Я насквозь вижу гнилую вашу задумку! Приют они предлагают! Захотели сберечь собственные шкуры за счёт миллионов жертв, за счёт своих же потомков?! Вы хоть понимаете, что там внизу, под горой, целые города и веси гибнут от лап проклятого змея, а вы хотите ждать? Хватит, дождались! Убожища, оставайтесь и плесневейте в своём неуязвимом убежище! Ничего и никого вы у меня не получите! Мы уходим! Тигр, Люtyй, за мной!

И трое змееборцев гордо покинули избитых разъярённой волшебницей восьмёых прародителей народов той ячейки миров, отсиживавшихся в защищённом, безопасном месте.

Не спеша они спускались с горы. Владка выглядела сумрачной и подавленной, и Тигр старался её успокоить, но у

него ничего не получалось. Люtyй, наблюдая за ними, поймал себя на мысли, что ему тоже хочется пожалеть несчастную девушку, обнять её и приголубить. Он смотрел на робкого с госпожой Тигра и понимал, что тот всё делает неправильно, что не так нужно успокаивать раздражённую Владку. Да, ещё никто не умудрился настолько её расстроить, как эти восемь власти предержащих старцев, нестерпимо жалких в своём трусливом могуществе.

И отправились наши герои дальше, в путь-дорогу свою неотвратимую, надеясь лишь на то, что не утратят веры. Той веры, что ещё поддерживала их слитный дух. Веры в то, что путь их — не бесцелен... Время шло, и они шли, стараясь нигде без нужды не останавливаться и никуда не встrevать, скорей бы только дотопать до чудища облого. Люtyй по дороге очень много раздумывал. Он вспоминал беседу, случившуюся у него с Владкой тогда, у костра. Волшебница оказалась права — стоило ему захотеть по-настоящему, со средоточиться и прислушаться к себе, как тут же возникали внутри, в памяти, голоса погибших соратников. Голоса звучали одновременно и заглушали друг друга, и Люtyй осознанно выбрал голос Мирного, погасив остальные. Теперь они не разлучались почти никогда, Мирный словно ожил в памяти Лютого, поселился в ней.

А с Владкой, вероятно, что-то совсем уж нехорошее начало твориться, в ней уже не было прежней уверенности в достаточной для победы уязвимости цели. Маленький отряд пересекал недавно разорённую вселенским змеем деревню. От жилищ и построек почти ничего не осталось, кроме пепла и старого каменного колодца, который раньше обеспечивал людям жизнь. Волшебница подошла к колодцу, склонилась над ним. Внизу живым кругом колыхалась вода, и вода эта... была красная. В тот миг Владка и сорвалась в истерику и созналась Тигру с Лютым, что бродят-то они вновь кругами! По её ощущениям, уже раз пять должны были отыскать враjину треклятую, но путеводная нить ускользала. Притом волшебница отчётливо чувствовала, что проклятая змеина где-то совсем рядышком, чуть ли не за спиной... стоит всего лишь обернуться и увидеть, исторгла обессиленная взрывом чувств волшебница.

Вот тогда в памяти Лютого и высверкнуло молнией воспоминание о том сне, про охотника со зверем на спине. Будто выхватил он запись о нём с какой-нибудь «полочки» в расширяющейся своей памяти и передал Владке с Тигром.

Глава чевёртая ДВИЖЕНИЕ – ЖИЗНЬ

Свет остывающей звезды пробивался сквозь туман газового облака, окружившего её плотной сферой. Плывущие мимо астероиды, как маленькие тучки, порождали такие же маленькие тени на куполе. Романтик сказал бы: «Сегодня астероидно-облачно». Но романтики здесь надолго не приживались. Не выдерживали столкновения с реальностью.

Под куполом стояли дедушка и его десятилетняя внучка, и взгляды их были прикованы отнюдь не к этому «виду из окна», открывшемуся на вселенскую красоту.

Они рассматривали небольшой, похожий на гантель планетолёт, который приближался к створу, прорезанному в корпусе космической станции неподалёку от купола.

Обоим он разительно напомнил другой кораблик. Тот самый, с которым им неожиданно пришлось расстаться из-за событий двухгодичной давности...

Тогда старик с точно такой же грустью во взоре наблюдал, как с только что проданного катера снимают пластину с его старым названием.

— Были мы пилоты, а теперь пехота, — сказал он внучке.

— Дедуль, нам обязательно бежать? — Девочка выглядела, мягко говоря, сильно огорчённой. — Ты же сам говорил, что надо хоть где-то задержаться, чтобы я получила систематическое образование...

— Лана, ты уже не такая маленькая, должна понимать. Наши желания отступают на второй план, когда начинаются... неприятности. — Дед смотрел всё так же грустно, сожалеюще, но уже не на бывший буксир, а на внучку.

Неприятности и вправду на сей раз достаточно терпеливо поджидали «в очереди за углом». Однако в один далеко не прекрасный момент они выскочили все сразу и навалились

толпой. Началось, когда удрал второй из мусорщиков, оказавшихся свидетелями залпа «Эльбруса», что испарил сынка их авторитета. И чёрт бы с ним, удравшим корытом. Долго бы узнавали полутираты, кто именно убил, где именно обитает, если бы не одно «но». Та самая компания, что наняла буксир для доставки рудовоза, подала в суд. За то, что сто третий ноль пятьсот двенадцатый был повреждён в процессе транспортирования, и один из его трюмов полностью опустошён. Процесс был громким и, к несчастью, подробно освещался по всем каналам новостей. И хотя все понимали, что иск безосновательный и выигрывает буксировщик, всё равно судебных тяжб не удалось избежать. Виновен — не виновен, а в суд явиться обязан.

И всё бы ничего, только вот уже на второй день после возникновения «громкого дела» к дедушке и внучке наведались непрошеные гости. Посланцы скорбящего папаши, сыночка которого они сожгли в злополучном рейде. Наёмники ворвались прямо в ангар-лабораторию. Дверь задымилась и начала плавиться, дед только успел, что затолкать внучку под коробку станины верстака. Первые же выстрелы вызвали пожар в лаборатории. Два тела в боевых скафандрах ворвались в помещение. Старик отстрелил авангардному руку, после чего ускользнул в противоположный от входа угол, под прикрытие станков и приборных стоек. Огонь из оружия второго бойца разносил в щепки и сжигал всё за его спиной.

Едва успел тогда пилот «Эльбруса» нырнуть под элемент корабельной обшивки, который стоял, прислонённый к стене ангара. Этот изогнутый лист был снят с катера для изучения влияния усталости брони на её прочность. Ручному оружию не по зубам корабельная обшивка, но это обстоятельство спасло ненадолго. Покалеченный головорез подхватил оружие уцелевшей конечностью и присоединился к напарнику. Вдвоём они зашли с разных сторон; шквальный огонь не позволял дедушке высунуться из-под укрытия. Атакующие уже подготовили гранаты... Тут бы пилоту и пришёл конец, но громкое шипение и последовавшие громкие крики вдруг завершили всю эту суэту. Когда старикглянул из-под брони, то увидел растерянную, перепуганную внучку, держащую в руках пульт управления технического лазера

ангара. Переполовиненные тела наёмников лежали на полу и источали едкий запах горелой плоти.

Девочка впервые непосредственно, лицом к лицу, столкнулась с поражёнными ею врагами. До этого случая все, кого она побеждала, оставались где-то там, далеко, за вакуумом, за обшивками чужих кораблей, за экранами пультов и прицельных систем...

Но «переваривать» случившееся в тот момент было просто некогда. Разразилась настоящая война. В «ничейном» космосе постоянно курсировали ватаги наёмников, ожидая появления «Эльбруса». Из-за размера вознаграждения, объявленного за головы, приватным буксировщикам нельзя было получить ни единого контракта. Флорики бросались в погоню за любым из них, брали на абордаж и, прежде чем выясняли, что попался «не тот», могли перебить всю команду. Поэтому «коллеги» тоже ополчились против невольных виновников кризиса и в ультимативной форме потребовали сдаться полупиратам, чтобы отвести от других буксировщиков смертельную угрозу. А чтобы мало не показалось, почти одновременно с этим ультиматумом ещё одна угроза свалилась на головы дедушки и внучки.

Не явившись на очередное заседание имперского суда, капитан «Эльбруса» проиграл дело, — стряпчие компании расстарались. Тотчас же был выписан ордер на арест «за пособничество пиратам»; по злой иронии судьбы именно эта формулировка значилась в графе инкриминируемой статьи. Неудивительно, что подозреваемых в столь серьёзном преступлении объявили в розыск. Вдобавок к алчущим их крови флорикам и не на шутку обозлённым коллегам-буксировщикам — старика и его внучку пожелали заполучить правоохранители империи. Немного утешало лишь то, что эти себя обычно не особенно утруждали. Следовательно, ведя себя осторожно и перемещаясь быстро, можно было находиться в относительной безопасности. Пассажиров, которые передвигались «не своим ходом», практически не проверяли в отличие от команд и хозяев кораблей. Перевозчиков было на порядок меньше, чем перевозимых. По этой причине выражение «затеряться в толпе» имело отнюдь не переносный смысл в случае массовых межпланетных сообщений.

Таким образом, волей-неволей образ жизни девочки и её дедушки вновь стал кочевым. Странствия, если не сказать скитания, определили его ритм. С того момента, как старик принял экстренное решение: бежать из этой ячейки очертя голову. Корабль можно было бросить на поругание, но... можно было и не бросать. Не дождутся!

Экипаж «Эльбруса» собрал вещички, обвесил катер всеми «гаубицами», которые только имелись в наличии, и неожиданно атаковал. Прорвался сквозь кольцо осады, устроенной жаждущими мести флориками. Но избавившись, таким образом, от преследования обиженных мусорщиков, дед и внучка лишь ненамного опередили... неприятности. Одних преследователей стряхнули с кормы, другие подстерегали впереди. В сложившихся обстоятельствах не оставалось ничего иного, как обратиться к настоящим пиратам...

— Я буду по нему скучать. — Бывший пилот бывшего «Эльбруса» в последний раз окинул взглядом кораблик, вёвой и правдой послуживший своему экипажу.

— Не волнуйся, друг, я о нём позабочусь. — Нехуденький мужчина средних лет в боевом скафандре стоял рядом с бывшим экипажем. — Перебью номера, перешью память, то, сё. Масть поменяю, короче. Замаскирую, родной производитель не узнает. Я тебя не спрашиваю, конечно, где такого красавца произве...

— И не спрашивай, сеть миров беспредельна... Только с пушками осторожней. Они все переделаны уже здесь, в этом кластере. — Дед искоса посмотрел на девочку, которая тотчас поджала губки, горделиво вскинула подбородок и отвернулась.

— Не бойся, испытаю самолично. Есть на ком, сам понимаешь. — Пират криво улыбнулся. — Может, на прощание по колбочке пропустим? Я бы тебе рассказал, как бывший профессиональный пользователь общественных путей сообщения, что к чему. Точнее, куда и на чём лучше, дешевле и быстрее добраться.

— Почему нет? Только времени у нас — до прихода ближайшего экспресса.

— Да уж ясней ясного, вам рассиживаться некогда.

Все трое пилотов этого корабля, бывшие и будущий, отправились в столовую секцию перевалочной базы. Там было достаточно людно, переселенцы не давали ей пустовать. Местные правила гласили: «Купи выпивку и закушивай своим». Вот и коротал здесь транзитный народ время в ожидании экспресса. Вынужденно прикупая бутылочки какого-нибудь из здешних дорогущих напитков. «Под столом», понятное дело, всё равно разливалось «своё»; собственно, бармены не очень расстраивались по этому поводу — все издержки уже были включены в стоимость «первой» ёмкости. По сути, хозяева, не вкладывая больших средств, просто сдавали в аренду столики. Чистый бизнес без особых вложений, чего возмущаться?

Двое мужчин сидели за столиком, потягивая эррес, и активно обсуждали маршрут. Девочка молчала, кушала маленькой ложечкой местный десерт и внимательно слушала взрослых, пополняя свой словарный запас «новыми» словами.

— Внимание! Проходящий экспресс «Благое — Теневая Пять» прибывает к центральному доку номер три. Время стоянки четыре стандартные минуты, просьба поторопиться. — Голос прозвучал мелодично и благодаря этому услышался похожим на женский. Хотя был синтезированным, бесполым голосом центрального компьютера перевалочной базы.

Народ засуетился, по-быстрому заканчивая трапезу. Транзитники хватали сумки, рюкзаки, чемоданы, секция пустела прямо на глазах. Старик тоже встал из-за стола, пожал руку новому пилоту, девочка вежливо сказала «До свидания, мастер», и парочка теперь уже самых настоящих пособников пирата отправилась по коридору, что вёл к нужному доку.

Звуки, которыми гудящая толпа переселенцев наполнила внутренние пространства экспресса, заглушила фоновая музыка, и бортовой комп выдал положенную перед отправкой информацию.

Дедушка и девочка, миновав сортировочный зал, встали на эскалатор, который поднял их на ярус кают среднего класса. Одну из них они и заняли, согласно предварительно купленным билетам.

Створки люка сомкнулись, отсекая их от спиральной галереи. Старик поставил чемоданы на платформу выдвижного шкафа и отправил их в потолочный грузовой модуль. Девочка присела за маленький столик и сразу же вынула из своего рюкзачка компьютерный полушилем.

— Лекции? — спросил её дедушка.

— Да, мне ещё совсем немножко усвоить осталось. — Девочка сожалеюще вздохнула. — А диплом я так и не получу...

— Свистик, я понимаю, как это было для тебя важно. Но твоя взрослая жизнь уже началась, хотя и несколько раньше, чем я планировал. Поверь мне, знания неизмеримо важнее диплома.

— Кто бы спорил. Я понимаю, но...

— Быть самой юной выпускницей академии всё равно хотелось? — улыбнулся старший.

Младшая быстро кивнула и отвернулась, чтобы он не увидел предательскую слезинку, скользнувшую по щеке.

Дед промолчал. Он демонстративно протяжно зевнул, снял дорожные ботинки и прямо в одежде улёгся на койку. Уже минуту спустя старший похрапывал очень даже не демонстративно. Никто не мешал девочке завершать курс обучения в «прямом эфире». Пока они не покинули пределы Олендийской империи, эта возможность у слушательницы академии ещё оставалась...

Старик и его внучка сошли с экспресса задолго до Теневой-5; по совету пирата, именно там следовало пересесть на корабль, следующий к Саманди, независимой от империи шестой планете этой системы, той самой, где располагался внутрисотовый проход к другим мирам кластера. Но многочасовая стоянка в порту астероида-мегамаркса Чемодан была для них последней в этом рейсе. Подобно большинству пассажиров, они отправились за покупками и в одном из бесчисленных торговых рядов исполинского дьюти-фри растворились в толпе. Пираты тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Почему бы не возместить затраченное на покупку катера, получив премию за информацию о беглых преступниках, сообщив её правоохранителям?

Путешествие эскалаторами, ленточными поездами, передвижными платформами, лифтами, фуникулёрами и про-

чими средствами передвижения по мегамаркету заняло почти целый стандартный «день». К вечеру, приодетые в новенькие унискафы, со свежеприобретёнными рюкзаками, наполненными различными полезностями взамен оставленных на борту экспресса, дедушка и внучка добрались в один из окраинных секторов, которые можно было назвать «примагазинной» стихийной бараходкой. В этой трущобе беглецам от правосудия куда сподручней было искать способ угодить на борт судна, что следовало нужным курсом.

В этих мрачных туннелях точно так же тянулись вдоль стен разномастные входы в лавки и бары, но здешние продавцы и покупатели существенно отличались. Атмосферу здесь не особенно заботились очищать по полному циклу, и воздух был основательно испорчен смесью разнопланетной вони; тусклое освещение то там, то тут являло взорам образчики индивидуумов далеко не аристократической наружности. Местами слышалось нестройное пение пьяных голосов. Круглосуточная торговля и в этом секторе процветала, как во всём астероиде, так что нехитрым развлечениям доводилось предаваться, не отходя от кассы.

Дедушка с девочкой, прогулявшись туда-сюда в лабиринте, по ходу дела проучили случившихся любителей шарить по карманам зазевавшихся прохожих и наконец финишировали у сравнительно ярко освещенного заведения. Вывеска гласила: «Адмиральская Таверна».

Дверь заведения, у которой они стояли, рывком распахнулась от удара, изнутри вылетело тело, выброшенное вон сильными конечностями вышибалы.

— Ещё раз увижу, Скотт, на котлеты порубаю! — крикнул вслед телу, катящемуся по полу туннеля, тот, кто придал бедолаге ускорение.

— Держись за мной, Лана. Подстраховывай, если что, — велел пожилой мужчина своей младшей спутнице. Девочка проследила взглядом траекторию качения нсвменяемого тела, зачем-то кивнула и побежала по ступенькам, догоняя деда.

Огромный зал собрал под одну «крышу» большое количество разнокалиберных и разномастных барных стоек. Как будто множество ресторанов решили не отгораживаться друг

от друга перегородками стен, на чём, собственно, и сэкономили. К тому же посетители могли перенолзать от одного «тематического» заведения к другому без особых усилий. Шум веселящейся толпы перемешивался с грохотом какой-то популярной здесь музыки. Вытяжки едва справлялись с чадом и копотью всевозможных курений, употребляемых посетителями.

Старик отправился к стойке, на стеллаже за которой рядами выстроились известные ему напитки, и заказал колбу одного из них. Тут же его схватил за руку какой-то подвыпивший молодчик, оседлавший соседний табурет, и принял что-то энергично втолковывать, тыча пальцем в девочку. Дед, недолго думая, высвободил руку, схватил непрошеного собеседника за буйную шевелюру и уронил его лицо на стойку бара. Три раза подряд. Затем пособил бесчувственному телу аккуратно сползти на пол. После этого что-то спросил у бармена; тот, опасливо поглядывая на старика, указал на один из столиков с посетителями. К нему и отправились дед с внучкой.

За столом сидела женщина, очень не молодая, но ещё вполне «в форме», и с интересом рассматривала пришельцев. Она видела, как старший из них «пообщался» с приставалой за стойкой бара, и в её глазах читался вполне определённый интерес к грозному и крепкому мужчине. Вероятно, она, как и большинство дам, была неравнодушна к военным. Обстоятельство, что этот дедушка в прошлом имел честь побывать военным, от опытного взгляда женщины наверняка не укрылось.

— Доброго времени суток вам. — Старик поклонился даме. — Прошу разрешения присесть за ваш столик. Нам есть о чём побеседовать. Конечно, если вы не против.

Подобная речь вызвала у женщины еще больший интерес к страннику. И вежливостью формулировок, и содержанием. Она улыбнулась и приглашающе указала на свободные стулья.

— Как тебя зовут, малышка? --- спросила девочку.

— Меня зовут... Девочка. А тебя?

— А меня... хм... тётя Алисия.

— У тебя взаправду есть корабль?

— Не приставай к капитану, — присев за столик, прервал внучку старик. — Бармен сказал, вы скоро отчаливаете? Не дезинформировал?

— Возможно. А что такое?..

Разговор пошёл сугубо деловой, и вскоре были оговорены условия «оплаты проезда». Капитан Алисия согласилась доставить мужчину и девочку к планете, имеющей прямой выход в межзвёздную сеть. В обмен на услуги охранника груза и щё за одну... услугу. Всух при ребёнке тётя не проинесла какую, но многозначительной паузой и недвусмысленным подмигиванием дала понять. Мужчина коротко кивнул, соглашаясь на этот бонус.

— А с чего вы решили, мадам, что я способен оказать услугу... — поинтересовался он тотчас же, — э-э... услугу охранника, я подразумеваю.

— Это было просто, — женщина развела руками, — присев за этот столик, вы заняли рабочее место парня, которому вон там у стойки испортили физиономию... Место охранника. А сейчас вы будете вынуждены поработать ударно. Его дружки на подходе.

Девочка чуть заметно вздрогнула и обернулась. К столику топали агрессивно настроенные молодчики. Пятеро... нет, шестеро.

— Я знаю, — не оборачиваясь, пожилой мужчина криво ухмыльнулся правым уголком рта. — Бороться с наступающими на пятки неприятностями — не привыкать мне. Живу ради этого, собственно.

...Ва-а-ау, пахнет как, скорей за стол! Ильм уже пригрел себе местечко, старый лис, за ним не поспеешь.

Они хотят нас таким способом убить! Закормив до смерти вкуснятиной... Нет, серьёзно, какой смысл в том, чтобы вывалить жратву на стол сверх необходимого, достаточного для насыщения организма? Ведь пока всё-всё не будет сожрано, ничего не остаётся, кроме как жрать и пить, отвлекаясь разве что на физические упражнения вроде танцев, для того, чтобы утрамбовать сожранное, а потом снова жрать и пить. Нашли идиота, не буду я отвлекаться на подрыгивания,

пока вдоволь не нажруться, тем более танцор из меня неважный, кое-что мешает. А потому давайте ложку побольше, кружку поглубже и самые калорийные блюда, солдат должен хорошо питаться, а суперсолдат и жрать должен супер. Кстати, на удивление, действительно всё очень вкусно, что ни попробуй, а пробовать здесь, воистину, не перепробовать, и несут, и ташат, и волокут загорелые барышни в красных передничках всё новые и новые деликатесы-разносолы-яства. Пища сплылась в один разноцветный фон из сочно-румянных тонов; если бы у моих глаз были зубы, они покусали бы друг друга и съели нос. А ну, давайте-ка сюда тог истекающий соком кусище!..

— У-у-у, вку-усно, — исторгаю вслух, смаочно чмокая, и прикрываю глаза от блаженства.

— Ты вина попробуй, — советует Ильм, прерывая мой катарсис. Ветеран решил, что ли, на старости лет в алкоголики записаться? Хотя, учитывая род наших занятий, пристраститься немудрено.

— Зачем полный льёшь! — возмущаюсь я по делу. — Налей разного вина в две кружки по половинке. Трудно догадаться, что ли, ведь всё надо попробовать.

— Это самое вкусное, не трать время.

— У нас с тобой разные вкусы, делай, что говорю.

Недоволен старик, хмурится. А плевать, с чего это я должен с ним церемониться, хватит и того, что девку терплю. Чисто машинально чокнулись бокалами, что скажешь — восславянин, не может он без этих своих традиций.

Уфф, челюсти уже болят жевать, ещё незажившие шрамы на щеках ноют, надо переходить с мяса на что-нибудь понежней. Благо выбор королевский, на редкость достойный принца, приятно, чего греха таить, уж я-то в этом кое-что смыслю.

Куда это Тич запропастилась, и муженька её серого не видно... Ладно, не моё дело, пусть хоть затрахаются до полусмерти.

Что ты смотришь так на меня, недовольная рожа? Ух, надул обидой щёки, свинячии глазки паскудно бегают, как его люди терпят, урода, тоже мне власть предержащий. Нет, в этих глазёнках, похоже, зреет коварная затея! Знакомые

искорки прячутся. Пришить его по-тихому за сараев для подстраховки? Мало ли что... Сейчас гляну на него прямо в упор, злобным уничтожающим взглядом, от которого некоторые слабаки даже сознание теряли.

Смотрю и поглаживаю шершавую рукоять бластера, так, чтобы он видел оружие и узрел то, как играют мышцы на моей правой руке. Необходимо пресечь все потенциально опасные замыслы.

— Э-э-э, красотка, что ж ты пахучее унесла, а ну-ка насыпь мне быстренько вкусного. — Останавливаю жестом служанку или кто она там. — Ещё чуток, не жалей, и вон тех листиков положи. А, это украшение, не едят, зачем тогда кладёте? Ну всё, иди, свободна.

Вдогонку хватаю молодуху за пухлую ляжку. Делает вид, что не нравится, пищит, в общем гуле не слышно, но вырываться не торопится, да и руки заняты подносом, подмигивает или показалось? Ладно, плыви дальше, не то уронишь, чего доброго. После поворкуем. Эх, работы здесь не почтый край, как говорится, а конкретнее — непаханое поле. Местные мужички какие-то квёлые, видать, не справляются со своими мужскими обязанностями. Да, мне б тут цены не было...

Фух, ну и нажрался, пора сделать перерыв. После убийственной карусели с кровавыми аттракционами этакое застолье — высшая награда.

— Ильм, плесни мне ещё своего хвалёного.

— Погоди, староста баял, принесёт элитную бутыль из личных запасов.

— Да? — удивляюсь щедрости местного предводителя. Решил подмазать, что ли...

Но вдруг мысли мои прерывает резкая боль в кишечнике, волна озноба проходит по телу, оставляя на спине холодную испарину. Ещё чуть-чуть, и опозорюсь на всю Вселенную самым прескверным образом. Внезапная диарея, такое и в ужасном сне не привидится. Вроде раньше не страдал пищеварительными расстройствами, вот она, экзотическая кухня! Отравление? Вряд ли, с другими-то едоками всё в порядке. Хотя чего душой кривить, жрал как не в себя, и теперь... караул! Где у них сортир?! Суперсолдат хочет суперс...

* * *

— Дедушка, я хочу знать, чем та сказка закончилась. Ты уже давно не рассказывал мне о походе на облого змея. Всё другие и другие истории, а про эту забыл совсем... нельзя же так!

— Давай не сейчас, а? Близится наша очередь на переход, вещи собраны, вот-вот такси подскочит, уже надо ехать на вокзал портала...

— А вот мы пока до портала будем лететь, ты и расскажешь. В такси, быстренько, а то я устала ждать, чем сказка закончится!

— Быстренько, говоришь... а может, и правда, так будет лучше, без подробностей... пока что без. Хорошо, давай присядем на дорожку, я буду говорить. Слушай, не перебивай... Ты должна всё помнить. На чём остановились-то?

— Помню, помню! Как Лютый сон с полочки достал! А потом пришли те дядьки с жетонами инспекторов, ты с ними отвлёкся и с того дня больше не рассказывал почему-то мне эту сказку. У меня хорошая память, это ведь ты меня учишь запоминать правильно, в словах и значениях не запутываться, воспоминания будто записывать в книжечки и по полочкам расставлять...

— Ты очень способная ученица, внучка, потому и память у тебя развивается... Точно так, сон Лютого подсказывал разгадку. Можно было вечность бродить по мирозданию в поисках неуловимого вселенского змея, расхаживать вокруг да около. Но в итоге так и не найти его, пока чудище само не нападёт внезапно, а там уже шансы на победу людей будут ничтожны. Волшебница озарилась догадкой, что в реальном бытии они никогда не найдут скрытое, тайное чудовище, которое легко может появляться где угодно и, если надобно, сразу исчезать. Оно одновременно везде и нигде, пребывает в походе вечном, и осёдлого логова у него нет и быть не может.

Владка крепко задумалась над способом, как вызвать вездесущего монстра пред ясны очи, ведь на это понадобится уйма волшебных сил, уймища просто-таки неимоверная... нечеловеческая. Есть только один источник, из которого

можно было напитаться таким огромным количеством энергии. Родник в... э-э... в Долине Доблестных Рыцарей, славных героев всех прошедших войн. Могучий царь самой большой империи подарил своим ветеранам райский уголок с неиссякаемым родником, дарующим воинам невообразимое количество силы. Именно туда, в самое военизированное место той Вселенной, нужно попасть Владке, чтобы волшебница ступила босыми ногами в родник, напилась той водицы, чудодейственной для всех изнурённых войной, омыла ею лицо и вызвала на смертный бой страшнейшее чудище всех времён и народов. Но долину ту охранял царский гарнизон, разбить который в одиночку не по мечу даже таким почти непобедимым воинам, как Лютый. К тому же обитатели долины, подлечившиеся вояки на пенсии, ещё на мно-огое способны. Что же делать? Да тут понадобится целая армия.

— Ничего себе! Целая армия? Где же им взять армию, дедушка?

— Ты права, найти армию дело непростое. Но вспомни, как часто удача улыбалась нашим героям?

— Да вроде бы никогда и не...

— Вот именно. Справлялись как-то... Но рано или поздно должно же было и им в чём-то повезти?!

Им повезло. Найти себе армию дело непростое, другое дело — когда армия сама находит тебя. Давным-давно, задолго до наших героев, другой храбрый человек, прослышиав про наступление чёрного пожирателя Вселенной, взял садовые грабли и тоже отправился в рейд, на поиски чудища. Сам он звал тот свой поход разведкой боем. В пути ему встречались разные люди, он рассказывал всем о надвигающейся опасности и звал с собой. Ты не поверишь, однако в точности так же образовалась небезызвестная Сборная Вселенной...

— Та, что в мультиках?..

— Она самая. Хотя мультики — основанная на обрывках памяти, искажённых до неузнаваемости, профанация... Это слово ты ещё не учила, но сейчас не будем отвлекаться на урок языка. Собранная армия давненько искала Владку-волшебницу, многое о ней слышала, лучшего главнокомандующего для себя не мыслила и вот наконец-то нашла. После

радостного ликования воины Сборной выразили немедленное желание сразиться с чудищем. Наша троица змееборцев поведала ретивым коллегам, что для этого необходимо предпринять, и поутру объединённые силы выдвинулись в поход на Долину Доблестных Рыцарей.

По пути к долине той беда приключилась. В рядах сборного войска разыгралась невиданная эпидемия, неведомая болезнь косила солдат взводами и колоннами. Первым признаком была ужасная, просто невыносимая головная боль, и что бы ни пробовал армейский лекарь, никакие пилюли и отвары не вылечивали её. Боль возрастала, достигая несомненного с жизнью уровня, и человек быстро умирал. Волшебство Владки оказалось бессильно, да и ослабела она дальше некуда... Заразился Тигр, позже Лютий.

Сомнений не было. Это Вселенский Пожиратель, чувствуя приближение наших героев, наслал на армию воистину тяжкую хворь. Владка была в отчаянии, не знала она, что делать с хворью неодолимой. Великий поход мог так и завершиться, не достигнув цели. Змееборцам грозила бесславная кончина, и некому будет одолеть змея.

Потом ушёл Тигр. Провожали его с почестями, как и подобает читать славнейшего воина.

— Тигр?! Ой!..

— Да-а... пришёл черёд верного Солдатика. По обычаям его народа бренное тело пустили в свободное плавание, благо случилась неподалёку река, хотя Лютий предлагал огненное погребение, дабы не достался прах верного соратника земляным червям иль водным личинкам. Не случись та река, тело могли бы и сжечь... Но унесла вода Солдатика в неведомые, никем не виданные дали. Владка не плакала, слёз уже не осталось. Теперь всё лежало на плечах последнего витязя. Благо они широкие и крепкие у него.

Он стал для волшебницы верным телохраном и единственным другом... Все ждали, что лекарь найдёт лекарство быстрей, чем его самого убьёт болезнь. Армии повезло с лекарем, успел он раскусить хитрость врага. Болезнь эта убивает лишь в том случае, если её лечить. Чем больше с нею борешься, тем она сильнее. Если же её проигнорировать, суметь не обращать внимание, то хворь неизлечимая уходит сама по се-

бе, словно решив, что ошиблась и попала не на человека. Тяжелей всего было перетерпеть самую первую боль.

У Лютого боль сошла на нет, а вот у добродушной Сборной в головах всё ещё имелись мозгодробилки в самом разгаре работы, и поэтому, когда армия подступила к долине, воины были ну очень свирепы и злы. План кампании составили простой, к тому же проверенный, да и не до изысков стратегии было, с такими-то головными проблемами. Армия развязет битву, в суматохе побоища Владка с Лютым проберутся к роднику, ну а там, если улыбка удачи не погаснет окончательно...

Атакованный неожиданно царский гарнизон не растерялся и отпор дал достойный. Сражение разыгралось невиданное, тем паче стало очевидным, что это последняя схватка Сборной Вселенной, потому как на подмогу уже спешили основные войска могучего царя. И атакующие сборники отчаянно сражались, не жалея сил и собственных жизней. Задачу свою они выполнили — оттянули на себя все реально боеспособные части гарнизона. Редкие бывшие солдаты или доблестные рыцари-пенсионеры, которые попадались на пути к роднику, не были противниками, равными Лютому, и не смогли препятствовать Владке в достижении источника.

И она добралась... Вода поднялась почти до колен, вода была ледяная, но в тот горячий момент это было даже приятно. Зачерпнув ладонями, Владка принялась умываться и одновременно пить. Потом раскинула руки, запрокинула голову, подставляя лицо обжигающим лучам, и безмолвно, силой мысли ВЫЗВАЛА...

И настолько сильным было её желание, что ВРАГ тотчас появился!!!

Воины обеих армий прекратили биться и разбежались, побросав оружие. Задрожала земля от вселенского страха, спряталось солнце в чёрные тучи, закипела вода в океане.

Остались только они, двое из шестерых, последние бойцы отряда спасения света...

Долгую, как вечность, неделю сражались Владка и Лютый против чудища неземного, и на восьмые сутки всё-таки одолели страшилище. Удача не отвернулась от змееборцев. Вселенский пожиратель, явившись на брошенный ему вызов,

оказалось, не рассчитал свои силы. Битву с ним вели не только одна женщина и один мужчина. Враг даже и не догадывался о том, что во чреве волшебницы сражаются против него незапланированные, нерождённые, но уже живые воины, а Лютому восстановливать силы всячески пособляет душа Мирного, также подкреплённая энергией душ всех прочих, якобы ушедших соратников. Окончательно сдался ненавистный змеище, узрев, как прямо на поле браны у волшебницы случились роды, и... э-э... ну, в общем, завидев близнецовых-младенчиков, оставил он в покое тот мир, исчез, будто и не бывало его. А Лютый затем... скажем так, для пущей краткости, стал законным мужем Владки, и зажили они долго и счастливо, и нарожали потом ещё кучу детей. Вот и сказке конец, а кто слушал молодец. Так что хватай вещички и на выход, солнышко мое.

— Ну, дедуль, я так не играю! Не настолько ж быстренько! А куда пропал тот дядя с садовыми граблями? А что это за источник такой? Как они дрались с чудищем? Как его побеждали? Как происходила схватка? И почему оно так испугалось родившихся деток, что...

— Ну, это ты уже сама обдумывай и перебирай возможности, главное я тебе рассказал.

— Что ж это за сказка такая странная, столько непонятного... и зачем ты мне её рассказывал?

— Может быть, когда ты вырастешь и станешь совсем большой, она тебе вспомнится и сгодится на что-то... гм... путное. Сказка ложь, да в ней намёк, не зря ведь так говорит-ся? Добрый девочкам урок... Даже самые непонятные истории детишек чему-то да учат. А теперь нам точно пора лесть, такси прибыло, сигналит на мой линтермин. Бери свой рюкзачок, наш с тобой поход ещё не окончен...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Минимальный призывной возраст

В земном фольклоре есть словосочетание, потрясающее совпадением. «Тридевятое царство». Его происхождение наверняка не имеет ничего общего со знаниями о подлинном строении мироздания, отдельные уголки которого по неведомой людям причине связаны между собой в ячейки по восемь штук. Из-за чего любой из миров, не входящий в именно эту «восьмиугольную» соту, автоматически становится «девятым» для обитателей этой соты. Однако случайное это совпадение весьма символично. Отправиться в «девятое» царство означает взять курс в дальние дали, неизвестные и непознанные.

И если принимать как данность основной постулат астрологии, что между людьми и звёздами существует взаимосвязь, значит, каждый человек тоже вписан в какую-то космическую структуру, незримую просто глазами и не воспринимаемую обычными чувствами. Но с обязательным взаимным, обоюдным обменом. В одной из земных религий есть прозорливое, вникающее в суть понятие. Это карма — «если выделяешь хорошую энергию, космос тебе её возвращает». Соответственно, когда люди начинают делать что-то не так, им воздаётся соответственно.

Цивилизация Локоса допустила роковую ошибку и в результате изуродовала себе коллективную карму. В тот момент, когда началось отселение, выбраковка разумов, характеристики которых соответствовали одному из семи Запредельных Киархов... В земных языках этому термину примерно соответствует понятие «смертный грех». Да, благодаря этому «ссыльному» процессу на семи других планетах ячейки возникли человечества, но именно с этого разделения и начался отсчёт приближения неотвратимой расплаты. Так называемые неандертальцы, истинные аборигены планеты Земля, застыли в своём развитии на миллион лет, но ведь локосиане тоже застыли! Застопорились, когда принялись отбраковывать всех, кто не вписывался по одно-

му из семи главных признаков «инакомыслия». С установлением пресловутого «мира во всём мире», оказывается, тоже можно перестараться.

Осевому миру соты, Локосу, воистину повезло, что среди его правителей нашёлся хотя бы один, который вовремя сообразил, в какой безвыходный тупик можно в итоге запроториться, не сходя с места. Мир надо было сдвинуть с мёртвой точки, и... началось рекрутование воинов Земли. Потомков одной седьмой части тех самых ссылнопоселенцев, некогда отбракованных в процессе очищения разумной цивилизации Локоса от излишней агрессивности и прочих Запредельных Кшархов.

Ради чего же пришлось возвращать на Локос ВОЙНУ, за чрезмерное увлечение которой мать-природа обычно и карает разумных детей своих? Чтобы выжить и сохранить мир. Трагический парадокс! Вновь научиться воевать, чтобы выжить.

Как утверждает христианство, одна из земных религий — после смерти ты как бы не умираешь. Естественно, пуще всего на свете любое живое не желает именно этого — умирать. Именно боязнь смерти порождает религии, и они так или иначе обещают спасение после того, как. Даже после конца света все хотят продолжать жить...

Но чтобы выжить, надо ещё очень постараться, и вот, как всегда, за грехи отцов на полном вперёд отдуваются дети и孙и.

Те самые, что природой-матерью наделены восьмым Кшархом. Наиболее запредельным из них не только в переносном, но и в прямом смысле. Ради него локосианам даже пришлось искусственно присоединять к ячейке девятую планету, украденную у другой соты. Хотя этот мир очень не скоро пригодился по запланированному назначению. «Грешников из грешников» просто оказалось слишком мало, и Экс, созданный как резервация для носителей «хроносом», долго пустовал, прежде чем стать полигоном для военных игрщ землян, возвращённых в «лоне цивилизации». И не только землян...

Именно они, те самые, которых слишком мало и которых боялись не меньше, чем кары разгневанной Вселенной.

оказались последним средством спасения. Только они способны прорваться сквозь «колючую проволоку» барьера времени, ускользнуть из наглоухо запертой тюремной камеры. Только им, последним и лучшим, суждено отправиться в «тридевятые».

Чтобы хотя бы попытаться сохранить восемь царств.

Глава пятая ФРОНТОВОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Пассажирский корабль, заняв очередь на швартовочной ленте портового спирального пандуса, оказался в хвосте длинного эшелона подобных ему «челноков».

Салон наполнился ровным бездушным голосом бортового искура. Искусственный разум корабля оповестил, что ожидание займёт три стандартных часа пятьдесят четыре стандартные минуты. Развяснение последовало тотчас же. Из него пассажиры внутрисистемного лайнера узнали причину задержки. Нештатная перегрузка приёмных створов, «каковая прискорбно досадная ситуация явилась прямым следствием большего, нежели обычно, пассажиропотока, необычайно возросшего в результате...».

Вещай подобным слогом живой разумный — могло возникнуть подозрение, что у пилота внезапно помутился рассудок. Вполне обоснованно. Но голос принадлежал разуму не живому, а пассажиры давно привыкли к тому, что для искуров отклонение от речевой программы — норма. Автоматические корабли имеют разнообразные речевые странности, у каждого своя собственная коллекция. Ещё и не так «запоёшь» наедине с самим собой, большую часть срока существования уставившись сенсорными датчиками прямёхонько в лик Вселенной, усеянный бесчисленными горящими глазками!

«...покамест же длится томительно ожидание досадное, желающие имеют возможность реальную весьма нескучно скоротать время в зоне досуга, более чем приспособленной для утех и неги», — завершил свою цветистую речь планетолёт.

Если бы не отсутствие интонаций и характерный металлический отзвук, обладателя голоса можно было представить в образе толстяка, восседающего за подковообразным пультом в ходовой рубке. Этакий бородач-капитан в массивных «кочках» виртуального слежения; одной рукой он выделяет пассы управления в сфере контроля, а в кулаке другой сжимает цилиндрическую ёмкость с никоэлем, чёрным как межзвёздный космос... Среди живых разумных недаром бытовало убеждение, что создатели исколов специально ввели в них ограничения на степень идентичности с живыми прототипами. Вот неживые разумы и навёрстывали, как могли. Не обертонами, так лексиконом.

Этот автопилот ещё ничего. Достаточно внятный, хоть и заумный. Среди исколов встречаются обожатели различных слэнгов и жаргонов; во все времена подобные словеса мало понятны для широкой аудитории.

Полусферический зал для пассажиров первого уровня заполнился недовольным гудением голосов. Этим приглушенным гулом прочие разумные высказывали претензии. Правда, адресуя их неизвестно кому. Бортовой искол в этой задержке абсолютно не виноват.

Немало живых поднялись из своих кресел. Выпроставшись из объятий индивидуальных систем дорожного комфорта, они направились кто в обычную уборную, кто к барной кольцевой стойке в центре зала, кто к единственному «кокну» салона, большому овальному иллюминатору в участке стены, противоположном от шлюзовых люков; кто просто встал, чтобы размяться. Как ни странно, в зону досуга, смежное с основным залом нижнее помещение, никто не спустился. Платные «коконы» имитаторов реальности уже никого не интересовали. Немалым спросом они пользовались раньше, в течение восьмидесяти трёх часов настоящего космического перелёта.

Ровно столько летел челночный корабль к Богодану, спутнику Перекрёстка, от планеты Вендус. Этот мир, Вендус, входящий в ячейку-«соту», объединённую природными внепространственными туннелями, в астрографическом смысле, в обычном пространстве, являлся соседней с Перекрёстком планетой этой звёздной системы. Но Вендус, ближай-

ший сосед планеты Перекрёсток, не был центральным миром сотовой восьмёрки. Так что немалому количеству пассажиров предварительно довелось ещё и оплачивать как минимум переход на Вендус из осевого мира соты, а как максимум — ещё и проход в эту ячейку из осевого мира другой восьмипланетной ячейки.

На том, что кому-то из иномировых путешественников довелось сюда добираться из ещё более далёкого далёка, «за тридевять ячеек», обычно не акцентировались; этот факт уже был за пределами максимума, доступного воображению подавляющего большинства пассажиров. Чтобы не слишком нагружать неокрепшие мозги детей, школьные курсы обучения в лучшем случае преподавали реалии восьми миров, входящих в родную сотовую ячейку. Также в программу входили краткие изложения историй «непроходных» планет восьмёрки звёздных систем (если таковые имелись), в обычном пространстве соседних с ними. Иногда, факультативно, перечислялись миры ближайших, без особых проблем доступных ячеек, и обычно лишь в общих чертах напоминалось, что мироздание, в котором живут разумные, на этом вовсе не заканчивается.

Всё оно состоит из «сот», восьмёрок планет, связанных между собой прямым сообщением, в реальном пространстве расположенных отнюдь не по соседству. Поэтому, взглянув в ночное небо, почти везде, фактически невозможно увидеть звёздочку, до которой всего лишь «один шаг» напрямую, сквозь изнанку космоса. Мгновенный переход по «внепространственному» каналу, вернес, скольжение по одной из бесчисленных нитей сети, сплетённой материей-природой по эскизам, известным только ей. Разумные расы, которым удалось открыть эти прямые пути, выбираются из колыбелек родных мирков. Те же биониды разумных, которые не сумели или ещё не успели их распознать, до поры вынуждены копошиться в колыбелях или в лучшем случае ползать по ближним планетам и звёздным скоплениям. На самом быстроходном «космолёте» в обычном пространстве особо далеко не улетишь и бесконечно долго не полетаешь...

* * *

По неистребимой привычке живых разумных везде искала крайних, разнообразные люди, томящиеся внутри придержанного межпланетного «челнока», ворчали и сетовали. Они будто впервые в жизни столкнулись с проблемой задержки рейсов и до сих пор знать не знали, что многоместные линейные планетолёты, бывает, опаздывают с прибытием. А уж для настолько загруженных космопортов, как на Богодане, естественном спутнике Перекрёстка исключением является скорее высадка точно по расписанию.

Совсем другое дело, понятно, компактный маломестный кораблик. Внутри планетарных систем перемещаться на таких «лодочках» одно удовольствие, тем более на собственном катере. А уж в здешний порт прибывать — сплошное наслаждение!.. Нырнул в причальную космоторнию, облетел громоздкие транспортники, пришвартовался на стоянке маломеров без особой очереди, минимум времени на таможню, и оттуда голышом, в буквальном смысле, — прямиком на Гуриново Поле, счастье пытать да удачу за крыло ловить.

«Зарегистриртесь можна ж загодя, ежели краснота на счетах водится, ясная тень! Круго деньжатым — завсегда во всём легче и скорше живать. Ничё в миру никада не сменяется...»

Именно на эту, как бы вечную, вселенноподобную тему разглагольствовал громоздкий, под стать антикварному стальному сейфу, парень с квадратночелюстной физиономией, выжженою до шоколадности. Выдубить его кожу наверняка постаралось натуральное светило. Открытое солнце малоурбанизированной планетки, входящей в структуру сообщества какой-нибудь из захолустных «ячеек» космоса, поражённых наличием живого разума. Ни с кем персонально этот сверхзагорелый пассажир не беседовал, просто есть такие особи — когда понервничают, просто не могут рты держать на замках. Не подлежит сомнению, что на борту этого корабля у пассажиров имеется более чем серьёзный повод нервничать. Все эти люди прибыли сюда не для того, чтобы прохладиться в очередях..

Говорливый фермер на своём колоритном диалекте продолжил озвучивать собственные мысли. Он высказывал вслух банальную истину, и без того всем известную. Представителям средних социальных слоёв в мириах тех ячеек, где доступна информация о существовании Перекрёстка, ничего другого не остаётся, как загружать рейсовики. На космолётах они добираются к ближайшей переходной планете, канал с которой ведёт в правильном направлении. Путь к вожделенной цели паломничества состоит не только из «одних шагов» напрямик, с планеты на планету. А паломники, не имеющие приватных звездолётов, — такие же люди. Им не меньше богачей хочется хоть раз в жизни поучаствовать в лотерее. И манит их сюда та же сумасшедшая жажда — угодить в число избранных гуриндо, этими загадочными созданиями Вселенной, способными доставить живого разумного на Перекрёсток...

— Общественному транспорту честь и хвала.

У сейфообразного говоруна неожиданно появился собеседник. Точнее, двое. Ещё точнее, собеседник и собеседница. Хотя вторая пока что не произнесла ни единого слова, но явно была не прочь послушать. Очень уж внимательным, цепким взглядом она изучала болтливого парня.

Эти двое... Они вроде ничем особенным не выделялись, но если бы в этом салоне нашёлся наблюдатель, не поглощённый собственными мучительными предвкушениями, не полностью порабощённый попытками представить то, что может свершиться или не свершиться считаные часы спустя, он мог бы присмотреться к паре и сделать кое-какие неожиданные выводы.

Заинтересованный наблюдатель определил бы, что мужчина преклонных лет и девочка-подросток лет тринадцати чем-то неуловимо отличаются от прочих пассажиров. Быть может, их выделяло спокойное, если не сказать равнодушное отношение к окружающей среде. Словно происходящее их интересовало поскольку-поскольку, не больше, чем фоновая текстура. Создавалось впечатление, что реальность для них была всего лишь фальшивой декорацией, прикрывающей пустоту, распространённую по ту сторону зримой и ощутимой

картины мира. По большому счёту, интересовались они исключительно друг другом.

Когда объявили задержку почти на четыре часа, старик даже не шелохнулся, а девочка едва заметно зевнула. Выглядели они персонами далеко не бедными, хотя и путешествовали в обычном рейсовом планетолёте. Присмотревшись внимательнее, возможный наблюдатель распознал бы и сверхмощные личные терминалы системы «ИнтМак», модель «тридцать три девятки». Более чем дорогое удовольствие. Эти литермины, способные без проблем самостоятельно внедряться в любую планетарную инфосферу, по сути, являются портативными искусственными разумами.

К тому же на протяжении всего перелёта пожилой мужчина питался естественной пищей из собственных запасов, по внешнему виду, консистенции и запахам которой можно было заключить, что он — либо изощрённый самоубийца, либо пришелец из весьма экзотических закоулков мироздания.

Фермер, привлёкший внимание загадочной пары, не оценил приглашение к разговору. Оно поступило именно от этого состоятельного пассажира, который снизошёл к разговору со «случайным попутчиком». Загорелый парень умолк и зыркнул на богача. Во взгляде фермера плескалось неподдельное удивление, будто кто-то сумел прочитать его мысли. Возможно, он даже не осознавал, что думает вслух. Дальнейшая напряжённая работа фермерских извилин не озвучивалась, но спустя несколько секунд доморощенный философ предпочёл убраться подальше.

Девочка уже приглушённо смеялась в ладошку.

— Деда, ты своим чесночным соусом провонял половину салона. Народ ругает плохую вентиляцию. Решили, что запах из двигательного отсека.

Немолодой мужчина с довольным видом промокнул губы салфеткой и вернул в рюкзак остатки продуктов.

— За что люблю третий класс: виртуальному персоналу до тебя нет никакого дела. А сейчас, если ты не против, Лана, я поксмарю после ужина.

— Угу. — Девочка-подросток кивнула и плавным движением высокользнула из объятий кресла. — Если что, я у ромба.

— Давай, давай, полюбуйся на звёздочки. Кто знает, куда мы попадём, если окажемся в числе избранных и гуриндо нас кинут на Перекрёсток... Будут ли там звёзды.

— Звёзды есть и будут везде, — убеждённо ответила девочка, названная Ланой. — Только они... — Она запнулась, о чём-то подумала и коротко завершила: — Бывают разные.

Дед хмыкнул, внимательно посмотрел на внучку, хотел что-то сказать, но тоже, поразмыслив, решил промолчать. Видимо, это для них было привычно: дважды подумать, прежде чем высказываться вслух. Слово, как известно, вылетит — не поймаешь...

Возле иллюминатора к этому моменту уже собралась группа зевак. Они глазели на корабли, проплывающие мимо на фоне вечного, неизменного лика Вселенной — тьмы, испещрённой блёстками света. Лана приблизилась к глазеющим пассажирам, и вдруг в её штанину сзади что-то вцепилось. Девочка-подросток дёрнулась вперёд и резко обернулась, готовая сразиться с любыми неожиданностями... Крохотная девчушка, годиков трёх от роду, стояла перед Ланой с поднятой ручкой. Малюсенькие пальчики шевелились, будто всё ещё пытаясь ухватить складки ткани, выскользнувшие из них.

— Дарова! — выпалила она с детской непосредственностью, опустила руку и улыбнулась до ушей, продемонстрировав свои редкие зубки.

— Привет, — ответила старшая девочка и тоже улыбнулась. Для этой крохи Лана, видимо, решила сделать исключение, пообщаться с нею. Подобно тому, как её дед попытался выделить из общей массы фермера, вслух размышлявшего об устройстве миропорядка, но говорун не оценил приглашение к диалогу.

Что-то противоречивое и странное было в этом ребёнке, но лампы светились совсем тускло и не позволяли сразу разобраться, что именно. Экспресс третьего класса в режиме ожидания уменьшал кондиционирование, температуру и, конечно же, уровень освещения.

— Ты что-то хотела, крошка? Может, потерялась?

— Не-е-е, — покачала головкой девчушка. — Вон моя мама, она меня пустила гулять.

Ручка вновь поднялась, и указательный пальчик ткнул в маму. Дамочка в дешёвеньком дорожном комплекте, с виду лет сорока, не меньше, флиртовала с бывшим офицером ныне разбитого мятежного космофлота мира Ндресиней. Тот, чудак, почему-то до сих пор носил бесславную форму. Хотя не исключено, что бравому вояке и надеть-то больше нечего. Парочка наверняка образовалась здесь, на корабле, и теперь эти «третиесортные» явно планировали укрепить знакомство. Понятно, зачем дочку отпустили гулять.

— У тебя есть... тегми... тер... — попыталась трёхлетка выговорить слово, труднопроизносимое для маленького ребёнка.

— Терминал, — помогла ей Лана. — Да, есть. А тебе зачем?

— Я хочу знать. Может, дома стало тепло, пока мы летели...

— Как, говоришь, называется твоя планета?

— Рабичч-девять.

На лице старшей девочки появилась гримаса жалости, которую она тотчас стёрла, чтобы не смутить ребёнка. Всем известно, мирки наподобие этого — планеты-свалки. Их несмногочисленные обитатели — обслуживающий персонал утилизирующих заводов. Низкая температура там обычно поддерживается специально, чтобы замедлить процессы разложения отходов. Экологическое состояние таких миров плачевно, здоровые мужчины быстро утрачивают силы, и женщины старятся гораздо быстрей. Родить на такой планете означало приговорить собственного ребёнка к тяжёлым хроническим болезням.

Теперь Лана наконец-то распознала странные признаки в облике девочки. Удручающие свидетельства раннего увядания: бесцветные глаза, впалые щёчки, сухая тонкая кожа и... седина в мышиного оттенка волосиках. Этой несчастной крохе больше, чем кому бы то ни было внутри этого корабля, необходимо попасть на Перекрёсток. Возможно, слухи о волшебных особенностях этой планеты имеют под собой какую-то реальную основу. Тогда у малышки случится другая, быть может, неизмеримо лучшая жизнь... если на Богодане она станет избранницей гуриндо и они перенесут её со спутника на планету.

Ответ на запрос о текущей средней температуре Рабичча-9 не заставил себя долго ждать. В одной из вселенских мусорных урн было ничуть не теплее, чем всегда.

— Солнышко, а кто тебе сказал, что должно потеплеть? — спросила Лана маленьку девочку.

— Дяди с визора!

— Ох уж эти визорные дяди... — сокрушённо покачала головой девочка-подросток. — Знаешь что, а давай знакомиться. Меня зовут Светлана, но ты можешь меня называть... — глаза старшой собеседницы озорно сверкнули, — тётя Ла.

— А я Бася! Ты красивая, тётя Ла. Когда вырасту, хочу быть похожей на тебя.

«Тётя Ла» вздохнула. Она-то прекрасно понимала, почему этого хочет девчушка и насколько трудновыполнимо подобное желание... если гуриндо проигнорируют соискательницу с девятого Рабичча. Тогда Бася, рождённая на свалке, в лучшем случае доживёт до сорокалетнего возраста, а уже в тридцать будет похожа на старушку. И по канонам, принятым у её расы, не бывать ей даже хорошенькой, не то что красивой.

Отвернувшись, Лана прикусила губу, чтобы сдержать эмоции. В поле зрения девочки вновь оказалась мамаша Баси: женщина перешла к активным действиям и гладила руку случайного знакомца, лежащую на своём плече. И чем думала эта девица, когда решилась рожать, прекрасно зная, что ребёнку доведётся обитать на Рабичче? Хотя скорей всего она даже не понимала, что делает. Ведь «даме», которой лишь с виду не меньше сорока, на самом деле от рода не больше двадцати. И ей тоже хочется успеть пожить, да чтоб «всё как у людей» случилось... Но вот что любопытно, как же она сумела заработать достаточно средств, чтобы вырваться со свалки и оплатить перемещение к Богодану себя и дочки?

— Хочешь, фокус покажу? — спросила старшая девочка. Не дожидаясь ответа, выхватила что-то из подсумка на пояске. — Смотри, с виду вроде бы простая бумажка...

Маленькая девочка кивнула и в свою очредь спросила:

— А что такое форкус?

— Сейчас узнаешь! Смотри, что будет...

В этот миг кисть руки Ланы дёрнулась. Её терминал внезапно подал вибросигнал. Но в данный момент девочка-подросток решила не делать пауз в представлении.

— Бам-пара-рам, еники-беники. --- Она быстро складывала листок бумаги, её пальцы бегали как заводные, затем бумажный комок спрятался внутри ковшика сомкнутых ладоней. — Бим-сало-бим, три раза подуть, фу-фу-фу, и-и-и... фокус-покус!

Ладони разомкнулись.

Удивлённому взору ребёнка предстал дивный цветок с тонким стебельком и пышным бутоном, и не важно, что сложенный из бумаги. Бася в своей коротенькой жизни наверняка не видела ничего более удивительного. Малышка захлопала ресницами, её ротик открылся и забыл снова закрыться, а ручонки невольно потянулись к произведению искусства оригами.

— Держи, это тебе.

Левое запястье Ланы вновь ощутимо вздрогнуло. Терминал «ужалил» хозяйку сильнее, требуя обратить на себя внимание.

— Ой! Какой красивый форкус! — Девчушка бережно взяла подаренный ей цветочек, поглядела на него широко распахнутыми глазами и подняла взгляд на Лану. — Тётя Лата, наверно, сказочная фея?

— Не наверно, Бася, не наверно. — Старшая девочка подмигнула младшей и правой рукой погладила мышиные с проседью волосики. — Точно так...

В этот миг прямо перед иллюминатором возник самый настоящий... боевой катер. Ощетинившийся жерлами и стволами лучевых и прочих орудий хищный силуэт появился внезапно, и пассажиры, столпившиеся у «ромба», разом смолкли.

Лана тоже не договорила фразу, она крепко, словно испытав внезапную боль, стиснула губы и вскинула запястье, окольцованное литермином. «ИтМак» тотчас высветил объёмную проекцию катера, позаимствованную им из памяти видеосенсоров пассажирского экспресса, и сопроводил изображение колонкой тактико-технической информации.

— Можно, я маме покажу?

— Что?.. — спросила Лана, покосившись на Басю. — Ах да, конечно, только не забудь сказать ей, что это от доброй феи.

Последние слова она договаривала на ходу, через плечо, потому что уже сделала несколько быстрых шагов по направлению к своему деду. В бою ей положено находиться рядом с ним, прикрывать спину и выполнять указания старшего воина.

— Мда-а, не попытать нам счастья в гуриндовой лотерее... — произнесла девочка-подросток. Но даже тени сожаления в её голосе не промелькнуло.

То, что катер вполне может заявиться по их две души, не вызывало у неё сомнений.

Нескончаемое преследование различных вражеских сил длилось ровно столько, сколько она себя помнила. По словам дедушки, даже больше — с момента её рождения. Кто угодно и что угодно, в любое из мгновений, само не подозревая, могло выступить в качестве проводника вселенской воли. Настигнув беглецов, исполнить вынесенный приговор.

Орудием убийства способна обернуться даже эта девчушка с ранней сединой в волосах. К счастью, не пришлось сворачивать ничью шейку, защищаясь от внезапной атаки какого-нибудь гуманоида метрового росточка, замаскировавшегося под детёныша человека.

Дед, конечно же, только сделал вид, что дремлет. Он внимательно следил за внучкой и наверняка не приветствовал тесное общение с потенциальным врагом.

— Оно и к лучшему. Вообще незачем было тащиться в это паломничество для слабаков, — убеждённо произнесла Лана, вернувшись к нему. — Сам же с пелёнок мне вдалбливал, что лёгкие пути ведут в тупики.

— Ты права. В минуту слабости возникла у меня идея проверить, бывают ли исключения из правил, не подтверждающие их. Совсем уже старый я, коль допустил, что конец нашего пути обнаружится здесь. Откуда вечному миру взяться в точке пересечения мириадов эгоистичных интересов соискателей...

— Раньше, чем ты совсем постареешь, я превращусь в старую деву, — не менее убеждённо заявила внучка.

Даже гипотетически представлять, что с нею будет, когда он *совсем постареет*, девочка не желала. Хотя дед учил её, что жизненно важно — всегда стараться предвидеть варианты. По возможности, все до единого.

...Не знаю достоверно, что в процессе перехода испытали остальные, но лично мне было, мягко говоря, не по себе, особенно в начале. Подозреваю, браться за руки совершенно не обязательно, но локосианка настояла. Думаю, для неё это — принципиальный момент. Наверно, хотела всех нас сплотить, хотя бы простейшим способом, символично. Или же ей таким образом проще контролировать процесс?

Дрогнула душа и натурально опустилась в пятки, когда багровое закатное солнце, волны лимана и сосны на берегу начали растворяться, сменяясь мутно-жёлтой пеленой. Свирепо закружила голова, ускользнула из-под ног почва и вышибло дыхание, будто сильным ударом порыва ветра в лицо. Замельтешили, калейдоскопически сменяясь, неразборчивые, трудноуловимые картинки... Почему-то возникла мысль, что это пролетают мимо бесчисленные миры.

Когда я был совсем крохотным пацанчиком, бабка мне рассказывала, что в юности она и её ровесники часто водили хороводы вокруг жарких высоких костров и распевали народные песни. Слова одной из них я смутно помню, там что-то говорилось о пущенном с горы колесе, которое загорелось и превратилось в солнце. И я, четырёхлетний мальчионка, перед сном представлял чудо солнцеворота, и затем снилось оно мне. Теперь вот — повторилось, только наяву. Громадное бурлящее светило, взгляда не хватит объять, и цвета такого же, как в детстве звёзды в окне, когда засыпаешь и видишь их сквозь прикрытые веки... Пульсирует, манит, притягивая к себе.

Солнечное колесо закружило, набирая темп, и вместе с калейдоскопом зумых обрывков уже доносились мириады голосов, клокочущая смесь звуков... А потом я исчез, ни мысли, ни чувства, ни воспоминания. Сколько времени меня не существовало, трудно сказать, может, секунду, а может, век.

Потом вновь начал вспоминать, а значит — существовать. Хотя первые мгновения ничегошеньки толком не соображал, просто БЫЛ, возможно, нечто подобное ощущают младенцы сразу после рождения. Когда извилины опять начали шевелиться, я осознал, что куда-то испарилась большая часть моей одежды и боевой экипировки, а из оружия при мне остался лишь единственный «огнестрельный» пистолет.

Ну что ж, воистину новое рождение, и как положено, фактически в голом виде.

Башка мутная-мутная, как с добротного перепою, только вот боли нет и все ощущения притуплены. Хоть имя-то своё помню? Помню. Виталий. Жизненный, значит. Ага, с этим порядок, значит, и с любой другой оказией разберёмся, на-деюсь. До жути неприятно, оказывается, это «бесцельное» перемещение. Отчаянный прыжок через провал неизмеримой глубины, в неведомые дали, распостёршиеся на пресловутом «том краю» пропасти... Стоишь в одной из точек родной планеты, в милом глазам и сердцу месте, и вдруг всё вокруг тебя начинает сыпаться, растворяться, стремиться в небытиё. И сам — валишься туда же.

Возвращаешься в себя, вокруг снова что-то есть, и ты сам есть, но в упор неясно, где же ты есть, неясно, что с тобой и как дальше-то быть... Да уж, мы с Алексом и сами немало... пошныряли по мирам, коротко выражаясь. Но у нас это получалось как-то иначе, куда менее болезненно и обескураживающе. Не выворачивало нас шиворот-навыворот. Не прокручивало сквозь мясорубку между входом и выходом. Не растирало жерновами реальностей, которые мы совмещали на неуловимую дольку наносекунды...

Вероятно, из-за того, что мы спринтеры. А эта неимоверная девушка, на порядок перещеголявшая всех нас, способна управиться с кардинально большими величинами, пространственными и временными. Она бегунья на супермарафонские дистанции. Мы-то, по сути, в сравнении с нею... так, спортсмены-любители. Не лишённые способностей, однако... звёзд с неба не хватающие. Ха! Неожиданный каламбур. Но суть отображает более чем точно.

Уж кому-кому, а сей схватить удалось.

Вот она, рядом. Дрожит, обессиленная, судорожные объятия телохранителя её ничуть не согревают, он сам аж посинел на морозе. Я тоже застыл, торчу, как обледеневший столб... Но путы оцепенения помогает разорвать ор Алекса, взбешён мой подопечный не на шутку, а что кричит, не разобрать, хотя нетрудно догадаться. Принц всегда найдёт повод для недовольства, а тут целый пучок разнообразных причин.

— Где мой лучевой дальнобойник?! Вы хоть представляете, чего мне стоил его эксклюзивный тюнинг??!

Ветер разносит голос по тёмной, промороженной степи. Колючий, пробирающий до костей, корёжащий тело ветрюган, прямо свирепый зверь, а не движение воздуха.

Как бы нам здесь не подохнуть от банального переохлаждения...

Белая крошка, непонятно откуда взявшаяся, осела на губах и щиплет глаза. Решаю, что снег, но вдруг Ильм подаёт голос и уверенно сообщает: «Это химия». И вправду, снег не имеет вкуса, да ещё такого противного, кисло-солёного. Интересно, что за бородатый дядя посаливает нас сверху и зачем?.. Чёрт, никак не возвращается ясность мыслей, даже не представляю, что делать дальше! Никаких вариантов. С детства не помню себя таким беспомощным и растерянным. Сводит с ума кошмарная вонь, как на городской свалке, врывается в ноздри, прямо насилив обоняние...

Неожиданно встревает подопечный Ильма, подначивает моего за то, что принц и не подумал поделиться одеждой с бедняжкой Тич, а о потере какого-то лучевика скорбит. Я-то не удивлён. Во имя собственного выживания Алекс способен продемонстрировать классические примеры поведения законченного эгоцентриста. Лёха, Ильмов воспитанник, наверняка возмущается из искреннего благородства, но разве это важно. Итог мне всё равно известен — драка. Моему только дай повод.

Немедленно отвлечь его, направить воинственную энергию по другому руслу...

Кошмар, неужто я босой?! Опускаю взгляд вниз. Нет, слава богам войны, боевые берцы по-прежнему на мне, просто до того холодно, что конечности отнимаются. Надо двигаться. Не спим, не спим! Замёрзнем!

Коллега-восславянин оценивает ситуацию одновременно со мной. Стартует, решительно увлекая за собой Лёху. Начинаем движение, наконец-то! Межзвёздные маршброски — это круто, круче некуда, круче только сами звёзды, однако царица полей, как ни крути, — пехота. Уж что-что, а поля здесь явно не в дефиците, степь да степь кругом!

Что с небом-то? Ни звёзд, ни туч, сплошная серая пелена с багровыми подтёками, откуда периодически сыплятся мусор, в основном мелкий, а иногда и опасно крупный. На какую же иномирскую помойку нас занесло?!

«...они уходили в свой последний, самый важный поход. Из людей того мира их не провожал никто. Так они думали. Но ошибались!»

«Им вслед смотрело не только заходящее солнце? Ты раньше не говорил, что на том берегу был кто-то ещё...»

«Я много чего не говорил раньше. Или недоговаривал. Настало время... э-э... попытаться рассказать, как оно было в действительности. Или хотя бы приблизиться к действительному. Светлана, ты уже... девочка не маленькая. Я ждал, когда ты подрастёшь. Во-первых, всё, мною сказанное тебе, необходимо не просто принять к сведению, но и понять. Во-вторых, информация, которую я тебе наконец-то передам, настолько важна, что...»

«Вот этого лишний раз не повторяй, хорошо? А то меня пафос момента переполнит, и я лопну. Понимаю, деда, прекрасно понимаю. Я ведь уже девочка не маленькая. И в-третьих?»

«Что в-третьих?...»

«Ну, обычно всё-всё на три порции разделяется. Бог троицу любит, три попытки, три желания, с каждой точки пространства возможны три пути дальнейшего следования, и всё такое прочее...»

«Да? В-третьих, говоришь... Я пока не придумал, но, погоди, третий пункт не менее пафосный!»

«Хочешь отшутиться, деда? Точно недоговариваешь, знаю-знаю тебя! Ну, лады. Если думаешь, что мне пока ещё

рано узнавать о чём-то, значит, так оно и есть. Может, ещё немного подрасту, совсем перестану быть девочкой...»

«Не в этом дело. Я не пытаюсь что-либо от тебя утаивать, Лана. Ты уже достаточно... э-э... взрослая. Просто о некоторых вещах с ходу не расскажешь. Чтобы понять историю, необходимо узнать предысторию...»

«А разве я не знаю её? Ты же мне в общих чертах расска...»

«Ты сама и ответила на свой вопрос. В общих чертах. А понимание сути-то в деталях скрывается... Давай-ка я вкратце повторю то, что рассказывал тебе раньше!»

«Хорошо, господин учитель, повторяем пройденное. Я вся внимание!»

«Вижу, вижу! Уж чему-чему, а внимать ты наловчилась не то слово. Училась прямо на ходу, параллельно со мной. Мне ведь тоже пришлось... э-э... тренироваться сказки сказывать. Точно так... Значит, дело было в одном из миров одной из бесчисленных планетарных сот. В нужное время и в нужном месте оказались шестеро человек. Двое из них были... ну, скажем так, избранниками Локоса и Земли. Потому что их специально подготовили к грядущей битве. Великие воины, досконально изучившие искусство войны. Обучались они в лучшей из возможных военных школ. Ремесло воина осваивали не по учебникам, а прямо на полях сражений. Учителями их были величайшие полководцы историй всех планет той соты, а также искусные мастера коллективного боя и разнообразных единоборств. Свои зачёты и экзамены эти курсанты сдавали с ходу, на практике, как в эпохальных сражениях и глобальных баталиях, так и в потайных операциях. Сдавали только на отлично, иначе просто не выжили бы. В подобной школьной программе не предусмотрено перезаменовок...»

«Да-да, я всё помню, дедушка, ты мне ещё в детстве рассказывал сказку о чудо-богатырях, волшебнице и змее поганом, что вознамерился истребить ту ячейку миров. Сейчас я подросла, кое-какого ума-разума набралась, и мне интересно, зачем ты это делал? Подготавливал меня к основному повествованию или отправлял зашифрованное послание в моё будущее?»

«И то, и другое, Лана. Хвалить мне тебя, не перехвалить, всё-таки до чего быстро ты повзросла... И то, и другое, моя девочка. Во-первых, при удачном для меня развитии событий, если бы я остался жив... в чём я тогда вовсе не был уверен... именно детская сказка послужила бы своего рода подготовительным классом. Во-вторых, я подстраховался на тот случай, если ты меня потеряешь в дороге. Рассчитывал, что ты вспомнишь, когда наступит... э-э-э... урочный час. Воспользуешься подсказками, сохранёнными памятью, и правильно истолкуешь мою сказку про шестерых героев. Сейчас нужда в этом отпала, тебе не придётся ломать голову над моими сказочными метафорами и аллегориями, я жив, и... м-м-м... поделюсь информацией о том, как оно происходило на самом деле...»

«Да уж, детской сказкой ты от меня теперь не отделешься...»

«Так о чём я рассказывал?.. Вот незадача, сбылся... Ага! Двое великих воинов. Кто такие, откуда взялись настолько уникальные, спросишь ты с закономерным интересом, не с неба же они свалились... И вот сейчас мы подошли к необходимости совершить краткий экскурс в самое начало этой запутанной истории.

Собственно, каким образом появился тот легендарный отряд? Всё началось... Скажем так, началось с двух мужчин, неожиданно вырванных из привычных сред обитания, лишённых своей родины, планеты Земля. Они оказались в самой гуще военных действий. Бойцов в прямом смысле перебросили в... м-м... незнакомую местность. Войска, как известные им, так и многие неизвестные, армии всех времён и народов воевали там, зачем-то бились меж собой в нескончаемом сражении. Опытным мужчинам, далеко не беззащитным, поначалу довелось основательно побороться за свои жизни, настолько велика была концентрация разномастных солдат на территории. Но достаточно скоро им становится ясно, что всё происходящее, вся эта неимоверная, будто разыгранная на натурных киносъёмках битва — в действительности мастерская инсценировка. Причём режиссируют военной постановкой никто иные, как... м-м-м... назовём их ино-мирянами. Точно так. Всё это затеяли обитатели планеты

Локос, осевого мира той соты. В отличие от землян для них не являлся тайной факт существования природных пространственно-временных переходов, и с помощью машин локосиане могли преодолевать... Ты успеваешь за мыслью? Эта новая сказка... э-э-э... не слишком ли взрослой у меня получается?»

«Да, да, конечно, успеваю. Я хоть и не получила диплом, но, как ты помнишь, без пяти секунд выпускница университета, далеко не самого худшего в обозримой Вселенной...»

«Помню, помню, куда ж я денусь! Уж кому-кому, а мне категорически воспрещено забывать... Так вот, эти локосиане обладали гораздо более развитыми технологиями. Они собрали... э-э... коллекцию землян и поместили их на искусственно сотворённую планету с коротким названием Экс. Будто экзотических животных, иномиряне отловили избранных искусных воинов, а также изъяли виднейших полководцев земной истории вместе с их войсками. Сгребли в кучу забавы ради и стравили между собой армии Земли разных эпох. Для собственного увеселения превратили целую планету в арену для гладиаторских боёв... и наблюдали за полученным действом. Такое вот себе... м-м... эти локосиане устроили кровавое развлечение.

Непрерывная прямая трансляция с гладиаторской планеты велась на весь Локос. Однако ход развития зрелища нарушил все предварительные сценарии. Реальные события отмели все планы устроителей. Земляне, покрушив друг дружку от всей души, всё-таки разобрались, кто им истинный враг. Они объединились и выступили против Локоса. Да, ни много ни мало — объявили войну цивилизации, на порядок более развитой. Даже по сравнению с эпохой истории Земли, из которой были изъяты самые продвинутые из землян. То есть из первой половины двадцать первого века от Рождества Христова... Ты должна помнить, я тебе рассказывал об этом лестосчислении и о пророке, именем которого оно было названо...»

«Помню, само собой. Куда я денусь... Ты мне категорически велел ничего не забывать. К тому же обо всём, что касается миров той соты, рассказываешь не по одному разу!»

«Молодчина, достойно парировала. Моя школа!.. Точно так. Повторение — мать учения, как говорил один из... э-э...»

наилучших воинов Земли, которого на самом деле выкрали и переместили на Экс, хотя его современники были свято уверены, что собственноручно похоронили генералиссимуса в Александро-Невской лавре... Так вот, уровень развития цивилизации Локоса в чём угодно превосходил Землю, только не в военном сphere. Много времени миновало с тех пор, как на Локосе, центральном мире этой соты, отгремела последняя война. Его изнеженные обитатели, наблюдавшие битвы разве что в исторических хрониках и в трансляциях с Экса, пороху не нюхали, кровь не проливали и в грязи не валялись.

Ни один из локосиан представления не имел и на собственной шкуре не испытал, что такое настоящая война, которая бушует вокруг тебя, а не по ту сторону экрана... В общем, объединённое войско землян покинуло Экс, переместилось на Локос и атаковало противника. В том же, что эта ударная сила вообще возникла, немалая заслуга тех двоих мужчин. Хотя не они возглавляли атаку, и без того великих полководцев хватало, но именно эти двое первыми разобрались в происходящем и стояли у истоков возникновения сводной ударной армии.

Правители Локоса поспешили капитулировали. А вот обычные жители начали сопротивляться, причём не на шутку! Сражения завязывались далеко не игрушечные, оружия на высокоразвитой планете хватало. Отсутствовало лишь желание его применять, ведь локосиане давным-давно утратили дух воина. Но многие из них неожиданно для самих себя не пожелали мириться с оккупацией землян. Словно, насмотревшись реальных трансляций с Экса, кое-что вспомнили о войне, дух воина всплыл из глубин памяти и вернулся к ним... Однако неизмеримо более искусные в смертоносном ремесле земляне сломили сопротивление неопытных локосиан, уничтожили немалую часть населения и заняли практически всю поверхность планеты. Некоторые из выживших, несломленные, отступили вниз, на подземные уровни, и там спрятались. Отгородились крепко-накрепко. Просто так, с наскока, атакующие не сумели прорваться... Наступательная война перетекла в осадную, невыгодную для землян. Наиболее стратегически важные объекты находились именно там, в подземных индустриальных секторах.

Впервые с момента начала сражения против землян, атаковавших Локос, у коренных обитателей этого мира появилась надежда. Они собирались с силами и готовились к более эффективному противостоянию оккупантам. И вот тогда война неожиданно для всех внезапно прекратилась. Начались переговоры, которые завершились перемирием. Выяснилось, что тактические цели успешно достигнуты.

На самом деле правители Локоса вовсе не для кровавого развлечения призвали отборных воинов истории войн Земли, не для забавы устроили на Эксе планетарную арену. Нет! Совсем наоборот. Таким способом они, во-первых, действительно создали армию лучших из лучших, способную помочь локосианам вновь научиться воевать. А во-вторых, вернули в сознание самих локосиан концепцию реальной войны, и в-третьих, как следствие, были мобилизованы все имеющиеся силы... Да, да, главное противостояние ещё только намечалось.

Всё это... э-э-э... тренировочное побоище было устроено во имя стратегической цели. Ради того, чтобы, объединив усилия, хотя бы попытаться дать главный бой. Потому что надвигалась угроза, общая для всех. Более чем смертельная опасность, грозившая уничтожить все человечества восьми планет этой локальной соты...

Вижу по глазам, Лана, хочешь уточнить, поэтому сразу отвечаю. Точно так, ты правильно поняла, это именно они, Чёрные Звёзды.

Локосу, осевому миру той соты, а также Земле и прочим шести планетам космической ячейки предстояло исчезнуть с лика Вселенной. Их жители оказались абсолютно беспомощны перед надвигающейся карой небес... Общая беда сближает, и разобщённые люди той соты вновь объединились в единое человечество.

Потому был столь символичен любовный союз, возникший прямо на поле битвы. Разделённые линией фронта, преодолели вражду и полюбили друг другу дружку локосианка, дочь одного из семи верховных правителей Локоса, и славный герой-землянин. Один из тех двоих мужчин, которые сыграли не последнюю роль в слиянии народов. Второй воин, его боевой побратим, так уж вышло, к тому времени погиб в...

ну, скажем так, в схватках за будущее этого единого человечества. Точно так. Лана, хорошенько запомни это словосочетание, битва за будущее человечества...»

«Запомню, не беспокойся, деда. Оно имеет особое значение?»

«Тебе предстоит разобраться насколько. Придёт время, сама поймёшь, надеюсь. Сейчас просто запиши и размести на одной из полочек памяти... Так вот. Их любовь сама по себе сыграла далеко не последнюю роль в примирении народов. Вот только наслаждаться завоёванным семейным счастьем землянину и локосианке довелось недолго.

Была сформирована специальная группа. Перед её бойцами командующие поставили задачу почти запредельного уровня сложности: отправиться навстречу Чёрным Звёздам и произвести... м-м-м... разведку боем. Разобраться, что за на пасть, что за силища такая немереная, стирая по ходу другие ячейки, нацелилась на их соту... В составе разведгруппы отправились за пределы родной соты и они, любящие друг дружку мужчина и женщина. Двое, что сумели отыскать друг дружку через линию фронта войны, разделявшей планеты... Лана, из того ряда домой вернулся лишь один человек. Локосианка, жена землянина, дочь семиарха, того самого правителя Локоса, который изначально всё это затеял. Именно он инициировал появление на Эксе планетарной гладиаторской арены, и так далее, ты уже знаешь...»

«Дедушка, а что случилось с остальными разведчиками? Её любимый муж погиб?...»

«Доподлинно неизвестно. Эта информация была настолько засекречена, что... Возвратившись домой, женщина обнаружила, что Локос изменился намного сильнее, чем задумывалось её отцом. Война вернулась по полной программе, и локосиане при активном участии импортированных воинов-землян вовсю сражались уже между собой. Отец бесследно исчез в огненной круговерти, и дочери бывшего правителя больше не на кого было рассчитывать.

Люди будто забыли о приближении... э-э... полного конца света. Но только не она. В разведке боем ей довелось увидеть наступающий мрак собственными глазами. Поэтому женщина понимала, как никто другой в соте, чем грозит на-

ступление вселенской тьмы. Для неё это была абсолютно реальная угроза, а не мифический апокалипсис.

И она разработала свой стратегический план. Жена первого из героев восьми человечеств той соты, сама герояния под стать мужу, она приступила к осуществлению запланированного, не гнушаясь никакими средствами... и достигла положения, равного тому, что ей полагалось по праву рождения. Став правительницей, она возглавила одно из сильнейших новообразованных государств Локоса и на некоторое время, приложив титанические организаторские усилия, отсрочила грозящий конец света.

Прочие миры той ячейки уже сгинули во тьме беспамятства, Чёрные Звёзды добрались до них, и проходы между планетами исчезли. Только Локос женщине удалось каким-то образом... э-э... скажем так, закансулировать. Спрятать от карающих дланей Вселенной. Это было жизненно необходимо для того, чтобы успеть вырастить сына. Именно в него, своего ребёнка, вкладывала она все надежды на спасение Локоса от вселенской расправы. Хотя бы Локоса...

Верховная главнокомандующая желала, чтобы мальчик вырос и стал идеальным воином. Он с детства постигал искусство войны в лучшей военной академии Локоса. Затем мать отдала повзрослевшего сына под начало старого боевого товарища, в прошлом — друга её покойного мужа. И младший, и старший воины обладали особыми талантами... Чем-то подобным природа наделила и тех воинов, что отправились в разведку, из которой вернулась только одна женщина.

Без всяких машин и устройств эти двое тоже могли освобождаться от привязки к пространственным координатам. Более того, они ещё и умели избавляться от власти линейного течения времени. Поэтому напарникам не составило труда отправиться в поистине долгий поход. Они просочились на Землю. Причём в самое что ни на есть прошлое — до момента исчезновения этой планеты в пасти Чёрных Звёзд. Ведь относительно закансулированной реальности Локоса настоящего и будущего Земли уже просто не существовало. У Земли, стёртой в сороковых годах двадцать первого века от Рождества...»

«Но как же...»

«Светик, я понимаю, что тебе хотелось бы узнать точное объяснение механизма подобных манипуляций с пространством и временем, однако я не...»

«Хорошо, хорошо, давай дальше. Когда совсем вырасту, сама разберусь...»

«Да, всему своё... гм... время. Так вот, уж кому-кому, а локосианам на собственных шкурах довелось испытать, что в ратном деле землянам равных нет... Точно так. Мать-воительница питала небеспочвенную надежду, что в глубинах прошлого Земли, в нескончаемой череде бесчисленных войн, сыну откроется великая формула победы. Именно ему предназначалось стать тем, кто сумеет одолеть врага, страшнейшего во Вселенной, стирающего целые миры с её лика.

Присматривать за сыном и его наставником Верховная назначила свою особую помощницу, девушку с ещё более невероятными талантами. Способную проникать сквозь время и пространство и вести наблюдение за кем угодно, когда угодно, где угодно. Наблюдательница незримо следовала за двумя воинами и докладывала госпоже обо всём, что происходило с ними...

Именно она случайно обнаружила ещё двоих воинов. Ей удалось отследить аналогичную спарку, которая занималась тем же самым. Наставник и ученик скользили по времени и пространству сквозь строй войн и реально становились частичками военной истории. Неожиданно выяснилось, что младший в этой другой паре — не кто иной, как ещё один сын не возвратившегося из разведки мужа Верховной... Чистокровный землянин, рождённый от другой женщины. С которой его отец повстречался до того, как был рекрутирован локосианами на гладиаторскую планету Экс.

Ещё большей неожиданностью было то, что эта... не-предвиденная спарка каким-то образом... э-э... вытеснила с Земли принца, сына Верховной, и его наставника. На самом деле посланцы Локоса совершили свой учебный поход не на Земле. Им довелось выживать на фронтах войн прочих шести планет соты. Вдоль огненных вех земной истории как раз путешествовали сквозь время те вои... так сказать, парал-

льельные воины. Этот другой сын, землянин, и его старший товарищ, возникший неожиданно, будто из ниотку...»

«Деда, то есть на самом деле эти две пары как-то между собой... э-э... взаимосвязаны?»

«Вот именно. Девушка-наблюдательница понимала это и не спешила докладывать госпоже об этих, если можно так выразиться, незваных дублёрах, которые внесли помехи и смешали все карты. Вначале она хотела сама во всём разобраться, выявить причины, что привели к этому взаимному наложению... Дальше — больше. Оказалось, что появление на полях боёв этой другой пары... не только не позволяло сыну Верховной перемещаться в прошлое Земли, но и не давало вернуться в будущее Локоса, преодолеть... так сказать, барьер времени и возвратиться домой, внутрь закапсулированной реальности. События приняли опасный оборот. Процесс обучения, которое принц проходил якобы на Земле, затягивался. Сын всё не возвращался, и Верховная начала что-то подозревать...»

«Она сама вмешалась в...»

«Нет, Лана. Она не успела... или не сумела, хотя тоже обладала способностью перемещаться во времени и пространстве. Случилось так, что главной угрозой замыслу Верховной оказалось другое. Подробности я тебе расскажу позже, а вкратце — произошло вот что. Боевые пути братьев по отцу в силу разных причин вдруг превратились из параллельных в пересекающиеся. Двое сыновей героя, чистокровный землянин и наполовину локосианин, встретились. Соединились в одной точке пространства, в одном и том же мгновении...»

Опасаясь непредсказуемых последствий прямого контакта, наблюдательница была вынуждена проникнуть туда же и тогда же. Из тайной, незримой преследовательницы девушка превратилась в непосредственную участницу. Она это сделала без проблем, ведь её запредельные таланты не ограничивались лишь умением подглядывать... За неё последовал и личный телохранитель, который по приказу Верховной неотлучно находился рядом. Для прикрытия они даже были официально женаты, и для сторонних глаз охранник отлично играл роль любящего мужа.

Девушке-то пришлось следить за сыном Верховной и другими воинами не один год. И всё это время она прожила в обычной, неприметной квартирке в глубине одного из подземных локосианских городов. Подобный способ сокрытия важнейшей деятельности гораздо эффективней, чем тайный спецбunker. При условии, что рядом находится надёжный человек, день и ночь тебя охраняющий, о тебе заботящийся... Ведь никто в целом мире понятия не имел, каким судьбоносным для закапсулированного Локоса делом занимается... э-э-э... женская половинка супружеской четы, обитающей в стандартном жилом секторе. Кроме самой Верховной и этого особо доверенного бойца, приставленного ею к наблюдательнице...»

«Хочешь что-нибудь хорошо спрятать — положи это на видном месте...»

«Умница! Ты всё правильно поняла, Лана. Так вот, братья встретились. Долго стояли и смотрели друг другу в глаза, лицом к лицу, очень похожие один на одного. Два брата, два воина, два ученика отборнейших воинов старшего поколения...»

И рядом с ними, плечом к плечу с учениками, встали их наставники. Прекрасно знакомые друг с другом, в прошлом боевые товарищи... Появление учителя земного сына было огромной неожиданностью для учителя принца. Ведь когда отец этих двоих сыновей набирал отряд для легендарной первой разведки боем, то будущего наставника принца он оставил вместо себя, руководить... Управлением спецопераций сводной армии всех народов и времён Земли. А другого бойца взял с собой, принял в разведотряд... Из того рейда, как всем было известно, на Локос возвратилась лишь женщина, которой предстояло родить ещё одного, локосианского сына героя и для спасения мира стать Верховной Главнокомандующей. Но, как оказалось, не всё так однозначно с героями, вроде бы стёртыми с поля боя...»

«Да-а уж. Судя по всему, что я успела узнать о мироздании, его истинная планировка обычно не совпадает с кажущейся. Люди предполагают, а боги располагают...»

«Точно так. Хочешь насмешить богов — поделись с ними планами. Неожиданности всегда поджидают за пово-

ротом... Кто бы мог предположить, например, что девушка-наблюдательница отнюдь не иллюзорно влюбится в земного сына? И что это... э-э-э... непрогнозируемое чувство вынудит её реально вмешаться в события, стать их непосредственной участницей... Да и сама она как-то не учла, что верный телохранитель тоже обладает особыми способностями.

Предусмотрительная главнокомандующая просто не могла приставить к ней обычного человека. Впрочем, наблюдательница вообще практически не замечала своего номинального супруга, она всецело отдавалась проницанию сквозь время и пространство, которое год за годом отнимало почти все её силы. Тем не менее муж-охранник, как я уже говорил, последовал за нею. Он проник с Локоса в прошлое другой планеты и притаился неподалёку в засаде, держа на прицеле четверых незнакомых ему офицеров... Затем он понял, что его жена не собирается возвращаться домой, в закапсулированное будущее. Потому что она больше не намерена оставаться наблюдательницей.

Боец присоединился к группе и отправился в дальнейший путь вместе со всеми. Ничего другого ему просто не оставалось. Как он сам мысленно выразился, *пора к ним присоединяться. Ну что за армия! Офицеры сплошь, ни одного солдата. Надо исправлять кадровый перекос*. Хотя вообще-то по воинскому званию он был далеко не рядовым. В реестре локосианской армии идеальный солдат значился капитаном научно-технических войск, а истинный ранг знала только Верховная, которая нашла его, распознала особые таланты и правильно воспитала. Точно так же, случайно, в кровавом хаосе фронтового госпиталя, она когда-то подобрала девочку, наделённую запредельными способностями... Неудивительно, что у главнокомандующей имелся опыт воспитания и обучения детей!»

Глава шестая НА ПРОРЫВ

Эту игру в стороннего наблюдателя Лана придумала добрых полжизни тому назад. Уже как минимум на протяжении шести лет она отстранялась, рассматривая себя и деда как бы со стороны. Вначале баловалась, вроде для тренировки, а потом это отстранённое мысленное «повествование от третьего лица» вошло у неё в привычку. Бывало, что она даже читала информационные лекции сама себе, дескать, «от автора». И мысленно же комментировала происходящее от лица «стороннего рассказчика».

Чтобы выдержать напор грозящей неизбежности и сделять вид, что эта судьба уготована не ей, особенно часто Лана прибегала к мысленному отстранению, когда дед вновь принялся напоминать историю похода. Ту самую, которую она уже слышала в сказочном варианте, когда была совсем маленькой девчонкой. Испамного старше крохотной Баси, встреченной в планетарном челноке на подлёте к Богдану.

Им с дедом на этот спутник так и не довелось попасть...

Лана тогда вообще активно противилась этой идеи. Деда вдруг осенило, что к искомой цели можно пробраться короткой дорогой. По имевшейся информации, правдивой лишь условно, мир Перекрёсток являлся уникальным исключением из общего правила сотовой структуры «внепространства». С него якобы можно было перейти в любую из сот Вселенной, буквально — любую. Однако возможность сменить опостылевшую среду обитания на другую, желаемую, получали не все. Только разумные существа, которым посчастливилось оказаться на поверхности Перекрёстка, спрятанной под облачным покрывалом, непроницаемым для обычных средств передвижения. Учёные терялись в догадках и блуждали в гипотезах, но не могли объяснить феномен. На космолёте любой системы выключались техногенные устройства, стоило им углубиться в клубящийся слой... Поэтому на планете оказывались лишь те желающие, что попадали в число избранных гуриндо, разумными обитателями Перекрёстка. Эти Гуриндо каким-то образом, «на себе», транспортировали

иномирян с Богодана на планету. Между прочим, аборигены из родного мира дальше спутника не уходили, по слухам... С чего бы, спрашивается? По какой причине настолько сильная привязанность к родине у существ, по праву рождения имеющих реальную возможность выбирать любую другую планету?

Ох, далеко не всё так просто с этим Перекрёстком... Недаром «возвращенцы», немногочисленные любители перемены мест, которые не решились уйти в другие миры и вернулись в космопорт Богодана, практически ничего не рассказывали о том, что с ними происходило на поверхности. Видимо, на судьбоносном распутье их рассудки не выдерживали мучительной необходимости выбора — единственного, без вариантов, на всю оставшуюся жизнь... Гуриндо тоже иногда ошибались, выбирая соискателей, на самом деле не готовых к безвозвратному уходу, к перемене судьбы.

Лана была почти уверена, что аборигены Перекрёстка забракуют их с дедом, но не могла полностью исключить возможность избрания. Поэтому опасалась встречи с гуриндо, которой так хотел наставник. С тех пор, как она достаточно подросла для того, чтобы иметь право совещательного голоса, Лана предпочитала полагаться на своё собственное чувство направления. Прямо как та девушка из истории, о которой снова напоминал дед.

Только вот ей в отличие от проводницы группы воинов нельзя проявлять свои истинные способности в открытую. Преследующие силы тотчас же засекут «источник возмущения». Обычно и постоянно они чуяли опосредованно, только отзвук, эхс. Поэтому натравливали разнообразные «несчастные случаи», использовали в качестве подручных средств какие угодно инструменты, от бытовых приборов до конкретных живых существ. Но если применять способности намеренно, то в ход могут пойти средства посерьёзней, вплоть до стихийных катаклизмов и локальных армагеддонов. Вот и приходилось путешествовать «на попутках», вместо того чтобы прямым курсом и на полном вперёд следовать к предполагаемому местонахождению искомой цели. Так что общественному транспорту — честь и хвала! Не будь его, об активном поисковом рейде оставалось бы лишь мечтать. До-

велось бы сиднем сидеть на берегу реки и маяться в надежде, ожидая, пока течение само принесёт «труп врага».

Однако разумные существа, населяющие соты, увязали их между собой путями сообщений. Честь и хвала общественному транспорту!.. Куда бы, по ходу, ни заносил он путников. Вот как, например, занёс на планетоид Любовь. Весёлая, ничего не скажешь, получилась тогда остановочка в пути.

Именно после неё дедушка возобновил свои рассказы о походе «волшебницы» и пятерых «богатырей».

Лана дурой себя не считала. Сопоставив поступки и слова, она заподозрила, что дедушка всерьёз думает о достаточно скором приближении собственной смерти. Чем ещё объяснить его авантюрную идею пройти к искомой цели быстрым путём, напрямик, не путая следы?

Идея провалилась, потому они так и не узнали, имелся ли у авантюры шанс воплотиться в реальный результат. Им довелось улепёстывать из окрестностей планеты с красноречивым названием Перекрёсток. В той точке мироздания, по слухам, можно было действительно ВЫБРАТЬ дальнейший курс. По собственному желанию и усмотрению. Не придерживаясь сотовой «очерёдности», отправиться в любой мир. Не с осевого на осевой пройти и так далее, последовательно, а сразу переместиться куда хочешь. Такое вот аномальное исключение из всеобщего правила... Причём на саму планету обычными способами никак не попасть. Желающих со спутника переносят гуриндо, на собственных горбах, так сказать. Собственно, откуда известно, что с этой планеты можно перебраться в другие миры, — неясно. Однако стойкое убеждение в этом бытовало. Видимо, эта информация просочилась от тех, кто реально перенёсся.

Но в любом случае точка, в поисках которой Лана с девушкой, перемещаясь на «перекладных» и «попутках», преодолевая тормозящее сопротивление преследующих сил, прорывались и рыскали по ячейкам Вселенной, явно расположена не там. Лана была уверена, что мимо цели не проскочила бы. А к планете гуриндо она не испытывала ничего, кроме скептического недоумения. Эта сказка была не из тех, в которые хочется верить.

Однако не было никакой другой возможности воспользоваться «естественным» прямым путём, предположительно ведущим к цели, потому дед и клюнул на приманку. Они-то способны свободно перемещаться без всяких аномалий, они сами себе «аномалии», но им НЕЛЬЗЯ. Поэтому и вынуждены пользоваться «общественным транспортом», честь ему и хвала. Вынужденные «сидеть на берегу реки», вместо трупа врага давным-давно дождались бы явления врага живее всех живых, разъярённого и во всеоружии.

Но как бы ни запутывали они следы — преследующие уже настигают, фактически дышат в затылок. Недавно старший обмолвился, что, как только внутика достаточно вырастет и наберётся ума-разума, она наконец-то сможет пользоваться своими истинными способностями без опаски. Потому что охотятся на самом деле не за ней, а за ним. Она же — в «слепом пятне», её не видят. Ведь, по идее, для преследующих сил она вообще не существует. И если оно точно так, говорил дед, то именно это даёт надежду на успех.

Вот только ему, живому «маячку», поскорей бы убраться вон и не отсвечивать, не быть движущейся мишенью, которую не выпускают из перекрестия прицела.

Лана об этом не хотела даже слушать. Само собой. Она была согласна хоть каждый день сражаться с настигающими врагами, только бы дедушка оставался рядом. Единственный человек, который не промелькивал «за окнами» экспресса, уносящегося в неизвестность, а находился рядом, по эту сторону иллюминатора.

Теперь она уже была достаточно взрослой, чтобы понимать — рано или поздно всё на свете заканчивается, но...

Категорически с этим не соглашалась. И это несогласие было чем-то само собой разумеющимся, как необходимость дышать. Что совсем не удивительно для разумного существа, которому предстояло жить, чтобы помнить то, чего нет, и не забывать тех, кого нет...

— Светик, о чём задумалась? — спросил девочку-подростка её спутник. Они стояли у станционных ворот, створки которых немного раздвинулись, пропустив пару новоприбывших, и тотчас же сомкнулись за их спинами. Эти двое.

экипированные по-дорожному, только-только прошли сквозь портал, и сомневаться в их статусе не приходилось.

— Прорываться надо, — решительно ответила младшая спутница. — Не в том смысле, что рвануть напрямик, кинжалом атаковать, но...

— Ты знаешь, в каком направлении? — перебил старший. — Если да, то почему нет! Хоть сейчас... — Он резко замолк, не договорив, криво улыбнулся и добавил: — Не сходя с места.

— Точно так, не сходя с места, далеко ли уйдёшь. — Девочка вздохнула. — Эх-х-х, если бы знала...

— Вот поэтому от досужих размышлений на тему «кабы молодость умела, кабы старость могла» предлагаю перейти к конкретным действиям. Глянь туда, левее. Видишь?

— Вижу, вижу, — проворчала девочка, даже не скосив глаза левее, не то что лицо не повернув в том направлении. — Только вышли, сразу увидела.

— Не сомневался. Что сразу. Зря я тебя воспитывал, что ли... Калибр у набедренной пушки ковбоя неслабый, потому не рыпаемся.

— Я знаю, он местный шериф, сейчас этот увалень на конец-то подвалит и обязательно спросит, зачем пожаловали в их славный городишко.

— Эй вы, кто такие, какого чёрта припёрлись?!

— Ну вот, а я что говорила, — буркнула младшая из новоприбывших. В этот момент она очень напоминала не девочку-подростка лет тринадцати-четырнадцати, а умудрённую жизненным опытом старушку. — Этот ещё достаточно вежливый, как по мне...

— Да так, прогуляться решили, достопримечательности местные глянуть, ну и там парочку ваших банковских заведений грабануть походя, — непринуждённо улыбаясь и шутовски жестикулируя, начал тараторить старший, — но не переживайте, потом мы обязательно отправимся дальше своей кривой дорожкой...

— Ага, клоуны, значится, гастролирующие? У нас тут комики недолго шутки шутят. — Приблизившийся к залётным посетителям усатый мужчина явно сам себя тешил иллюзией, что смотрится донельзя внушительно, как настоя-

ший страж законности, только вот огромное пивное брюхо уже мешало ему выглядеть особью прямоходящего биовида. — Официальное предупреждение. В Устюках проживают суровые челы, так что не сильно изумляйся, умник, ежели вдруг твою башку передом назад кто-нить вывернет. И дитям тут совсем не место. Наехало, понимаешь, любителей халявы, красные бобы им в...

Дальнейшее бурчание якобы грозного аборигена прышлые не сумели разобрать. Потому что «шериф», определив в паре хорошо одетых туристов типичных гостей из урбанизированного мира, потерял к ним интерес. Какие такис могут исходить проблемы от дряхлого старикана и девчонки-тинейджера, к тому же городских, а они все лохи по умолчанию!

Усатый, пыхтя, неуклюже развернулся на сто восемьдесят градусов и утопал обратно. К своей конторке, чтобы там, удобно откинувшись на спинку кресла, попивать красное пиво и поджидать очередных туристов, решивших посетить Устюки в самый разгар «бобовой лихорадки». Фильтрационный пост, не хухры-мухры. Вдруг через портал возьмёт, да и заявится по-настоящему опасный тип! Документы у гостей спрашивать не принято, смысла нет, всё равно не проверишь подлинность удостоверений множественных миров. Но хотя бы своими глазами глянуть никогда не лишне.

— Вот так всегда, — подмигнул младшей туристке ё спутник, — как легко обманывать людей. Хочешь скрыть правду, выложи её в чистом виде, демонстрируя все свои тридцать два... ну или сколько там у кого в наличии.

— А то я не знала! Неоднократно проверяла, и на тебе тоже... — Девочка лукаво улыбнулась, сверкнув собственными тридцатью двумя, и сменила тему. — Мне интересно, что этот ходячий бурдюк имел в виду, когда упоминал халявщиков? Каковых, если я правильно поняла, нужно в обязательном порядке фаршировать местными сельскохозяйственными культурами через отверстие, для этого не предназначеннное.

— Думаю, мы довольно скоро это узнаем, — проговорил старший, взглядом показывая на скучавшего поодаль тощего парнишку в рабочем фартуке и нарукавниках. Тот сидел на

скамеечке передвижного торгового лотка, окружённый стопками газет, журналов, брошюр, и жадно сверлил глазами новоприбывших.

— Деда, с каких это пор ты дисплею личного терминала предпочитаешь реликтовые печатные издания?

— Да вот, буквально полминуты назад начал. Как в дисплей своего литермина глянул, так и воспыпал страстью к местной прессе, — ответил старший с ехидной улыбкой, которую можно было истолковать не иначе, как демонстрацию его умственного превосходства, правда, пока неизвестно в чём выражавшегося.

Девочка молниеносно вскинула запястье, тоже окольцованное терминалом, и пролистнула странички информационных проекций.

— Да-да, и непременно обрати внимание на идентификацию сетей, — продолжал ёрничать мужчина. Причём складывалось впечатление, что это детское подтрунивание ему нравилось, как будто взрослый, глубоко пожилой человек давно играл с девочкой в шутливую игру «Кто из нас сообразительнее?», но побеждал при этом не особенно часто.

— Не может быть! — Девчушка из умудрённой жизненным опытом старушки опять превратилась в подростка с широко раскрытыми глазками и личиком, выражавшим неподдельное удивление. — Разве такое бывает? Неужели в мире, где есть порталы, может не идентифицироваться ни одной общественной, частной или хотя бы пиратской, левой сети? Чистый нуль. Только закрытая сетка порталной станции светится, если сетью можно назвать разводку связей от центрального нанокомпа к автоматическим створкам дверей, сканеру, турелям и системе самоуничтожения...

— Дикий-дикий планетоид, — совсем разулыбался старший, развёл руками и неторопливо зашагал прочь от станционных ворот.

Девочка вскинула бровки, поджала губки, выразив этими гримасами, что шокирована захолустьем, в которое их занесло, и отправилась вслед за своим дедом. Они шли к выходу по припортальному павильону, внутренний интерьер которого выглядел вполне стандартно — панели нейтральных тонов, неяркие светильники и минимум предметов мебели.

Именно там, у выхода, и пестрела «раскладушка» с прессой, нарушая окружающую монотонность.

— Доброго сбора, человески, что вы мне можете предложить? — оживился парень, когда путники задержались у его лавчонки.

— Э-э-э... а разве не ты нам должен что-то предложить? — удивился старый турист.

— Та не-е-е, — махнул рукой юноша и тут же подтёр нарукавником свой веснушчатый нос. — Я здесь у приезжих скучаю их журнальчики, рекламки и прочую фигню, чтобы клиентам в салуне папика было чем руки занять, а то набегаются по полям, наковыряют красных, нажусят тсx незрелых, что сдать не получилось, и айда вечерком ломать нам столы-стулья от дури бобовой. А папик-то мой умный чел, приметил, что обдолбаные красняком, стоит им увидеть картинку хоть какую, втыкаются и рассматривают, не отрываясь. Вроде как откровение искали-искали и вдруг узрели собственными глазами! Так что и посетители довольны, и чиниться поменьше стало. А нынче ёщё ж сезон... э-эх!

— Любопытно-любопытно, — встягала в разговор девочка, — красные бобы, это не семена ли прехсы, содержащие фиерин? А разве они не классифицируются как запрещённый наркотик в подавляющем большинстве миров, до которых добрались образцы?

— Ну да, они самые. — Говорливый пацан скорчил удивлённую рожицу. — Вы что, разве не на сбор урожая к нам приехали?! А насчёт запретной наркоты, так она у нас легализована. Ясный боб, через портал её не протянешь, сканеры засекут, турели разметелят в пыль, зато у нас тут самый крупный в окрестных сотах фрипорт, халява — веcЬ магнитическая!

— Ну а что же местные печатные издания? — напомнил старший путешественник о теме, его интересующей.

— А что местные? — пожал плечами парнишка. — Изначально только пара дюжин здешних читать умели, вот для них «Голос Оврагов» с новостями выходит, без картинок почти. — Закупщик продемонстрировал скрученную в трубочку невзрачную чёрно-белую газетку, которой он отгонял местных назойливых мошек, даже в павильон просочивших-

ся. — Но как узнали, что земля наша бобыши принимает, сразу и понаехали ещё больше отребья всякого на заработки. Им бы дури, танцев, мордобоя да борделей побольше. Стремлять меньше стали, спасибо участковым инспекторам, и то хорошо.

— С вами всё ясненько... Тогда как насчёт этого первоклассного товара? — Турист выхватил из своего походного рюкзака стопку иллюстрированных журналов и затряс ею перед носом парня, который от этого неожиданного изобилия открыл рот и впал в состояние, близкое к фрустации.

— У меня... столько денег... нету с собой, — судорожно глотнув слюну, жалобно промямлил парень, но тотчас же проснулась его деловая хватка, видимо, доставшаяся по наследству от папика. — Но я выпишу вексель, который вы сможете обналичить в салуне папки, да и ночлежка у нас куда лучше, чем у барыги Симора!

Пожилой турист отвел в сторонку свою юную спутницу, чтобы пошептаться с ней.

— Что делать будем, Лана? Назад, через этот портал, нам пока нельзя. В этой заповедной дыре наверняка в ходу только наличные, — начал старший. — Предупреждаю сразу, снарягу я этим селянам за десятую часть цены не собираюсь продавать...

— Дедуль, пресса у тебя откуда? — Девочка с интересом смотрела на ворох полиграфической продукции в руке старшего.

— А-а-а, так это я их трубкой скрутил, когда вырубал мужичка из наружки на той стороне. Иначе не оторваться было... Только я без перчаток был, ну и не оставлять же оружие преступления на месте преступления, а вдруг какие-нибудь результаты анализов совпадут с занесёнными в базу. Мы уже не один круг нарезали по этой Вселенной, и без того доброжелателей хватает. Я тебе говорю о том, что скорей всего к другому порталу нам придётся на... э-э... на «верблюдах» добираться.

— Да уж, деда, после таких твоих подвигов... А я в это время сопела в две дырочки на кроватке в мотельном номере, всё веселье пропустила. Жаль... — Девочка улыбнулась. —

Ну ладно, давай узнавать, что лопают эти местные верблюды, и приступим к твоему плану.

— Это к какому такому моему? — прищурил один глаз старший.

— К тому, что ты местному стражу порядка выложил. Пошутил, называется. Или не шутил?

Старший не ответил. Нахмурился и вернулся к лотку парнишки.

— И на сколько векселёк выпишешь? Небось и на денёк пожить-покушать не хватит? Может, кто больше даст? — прищурил уже оба глаза мужчина.

— Шутить изволите? — взмахнул рукой пацан и тут же, наморщив лоб, что-то быстро подсчитал в уме, чтобы не упустить выгодного клиента. — Ну, если особо не жировать, суток пять проживёте у нас. Но выпивка, дурь и девки за свой счёт! Хотя дурь у нас практически бесплатная.

— В отличие от девок и выпивки? Ладно, так и быть, по рукам! — Старший из путников протянул парнишке импортный полиграфический скарб и добавил: — Тогда и газетку твою как бонус!

Скупщик закивал, тут же выхватил журналы из рук пришлого и отправил их в скрытый под прилавком ящичек, опасаясь, что мужчина передумает и продаст всё конкурентам. Которые, «паршивцы, чтоб им всю жизнь красные незрелости доставались, сами ничего придумать не могут, зато идею папика стырить — всегда пожалуйста!».

Заполучив скучную толику монеток, вексель и подробное описание, как проследовать в «Красный Попрыгунчик» — салун отца этого юного проныры, — странники миновали на входе-выходе таможенные сканеры. Впрочем, устройства реагировали лишь на тех, кто изъявлял желание покинуть планетоид через портал. В пришедших извне грозные турели огнемётов даже не нацелились, и двое туристов беспрепятственно вышли из куполообразного павильона.

На смену матовому освещению и кондиционированной прохладе внутреннего микроклимата снаружи навалилась вязкая жара. Всё здесь было красным. Красное светило и такая же красная пересушенная почва. Сейчас в этом мире было явное утро. Вдоль практически пустой центральной улочки

ки растянулись деревянные жилые конструкции, в большинстве своём прямоугольной формы, с такими же прямоугольными иллюминаторами. Простенькие рекламные вывески, украшавшие витрины, информировали об узких специализациях того или иного заведения, а их плоские лайтбоксы с неработающей сейчас подсветкой, поскрипывая, болтались на ржавых кольцах креплений при редких порывах ветра. В конце улочки виднелась просторная площадь с сухим фонтаном, а за ней — большущая цилиндрическая башня с трехзубцем на вершине, видимо, предназначенная для духовных сборищ и очищения совести жителей городка.

Из местных обитателей наблюдалась только парочка офицеров местной стражи порядка в форме и пяток забулдыг. Первые сидели неподалёку, на террасе полицейского участка, откинувшись на спинки деревянных же, скрипучих стульев. Они точно так же, как их коллега в павильоне, грозно поглядывали из-под краёв своих широкополых головных уборов, готовые в любой момент пустить в ход стволы, рукояти которых выглядывали из набедренных кобур. А вторые, несколько типов убогой наружности, в лужах собственных испражнений, похрапывали рядом с дверями трёх местных салунов, вероятно, будучи не в состоянии после вчерашнего веселья доползти до своейnochлежки.

— Нам сюда. — Старший из туристов переступил через смердящее бессознательное тулowiще и направился к двустворчатому подобию ворот, прорезанному под вывеской «Красный Попрыгунчик». Девочка-подросток неотступно следовала за ним.

В напрочь прокуренном помещении дремали за столами десятка полтора местных запылённых верзил в потёртых одеждах. Все они были вооружены набедренными «стрелялками», хотя и поскромнее полицейских, но вида не менее угрожающего. За стойкой бара, подперев рукой лысую голову, мирно досматривал сны хозяин этого заведения.

Папик бойкого парнишки выглядел таким же пронырой, как и его сын, и был облачён в точно такие же фартук и нарукавники. Как только старший из путников вошёл и глянул на него... он сразу же стал пятиться задом к выходу, подталкивая туда же ничего не понимающую спутницу. Но доска

напольного покрытия, пронзительно скрипнувшая под его ногой, разом вырвала из состояния дрёмы всех присутствующих. Бармен-хозяин сначала выпучил глаза, как гигорт в процессе спиривания, а потом расплылся в такой широченной улыбке, что, насчитываясь у него во рту сто тридцать два зуба, видно было бы их все до единого.

— Ба-а-а, знакомые всё лица! И кто-о к нам пожаловал?! — протяжно изрёк хозяин, извлекая из-под прилавка большущее трёхствольное ружьё, судя по калибру, стреляющее небольшими яблоками. — Я знал, я знал, что этот день настанет!

Некоторые из клиентов заведения тотчас выросли из-за столов и угрожающе опустили раскрытые ладони. Их пятерни неподвижно зависли на рукоятями, готовые в любой миг сомкнуть пальцы, выхватить оружие и изрешечивать приспешников до последнего заряда.

Старик застыл на месте. Он медленно поднял руки вверх, пристраивая кисти за головой. Там под воротником опытному наблюдателю возможно было различить небольшой бугорок потайного кармашка. Младшая же его спутница в это время, пристроившись за спиной пожилого мужчины, старательно изображала детский испуг. При этом она незаметно, бесшумно размыкала шов поддона его рюкзака. Спустя мгновение оттуда скользнули в её ладошки два миниатюрных, но от этого ничуть не менее смертоносных лучевых пистолета...

Настрой на подъёме, внутренний «курсоуказатель» безошибочно подсказывает направление, и мужчины перестали бросаться в крайности. Неожиданно приятна саднящая боль в запястьях, принявших основную нагрузку, тяжесть оружия. Можно сказать, с боевым крещением. Нападение своры успешно отражено. Расстреляли всех этих зверюг ещё задолго до того, как хотя бы один из них приблизился на расстояние убийственного прыжка.

И, впервые во взрослой жизни, я почему-то совершиенно не боюсь открытого неба, распростёртого над головой. Сама себе удивлена, но — не боюсь ни капельки! Будто небо ино-

го мира совершенно по-другому «открыто», чем родного. Небеса Локоса ежесекундно норовили обрушиться мне на голову, когда необходимость вынуждала меня появляться на открытой поверхности. Небо Земли тоже, кстати, нависало угрожающее, но в реальности, во плоти, я пробыла на этой планете потомственных воинов так недолго, что не успела испугаться по-настоящему. Просто не до того мне было тогда, вся энергия ушла на сплочение мужчин в походный боевой отряд.

А сейчас я по-прежнему в тонусе, во всех смыслах. У нас хорошая команда подобралась, правильная во всех смыслах. Сейчас главное — не расслабляться...

Стоп. Улавливаю. Серьёзная угроза где-то рядом с нами, многое опаснее бешеных псов.

Странно, что в окрестностях не видно ничего нового, только наша группа и голая степь. Глаза не распознают ничего опасного, но я ведь чётко ощущаю смертель...

Взорвалась поверхность земли, осыпая нас грязными комьями и рваными стеблями. Мы бросаемся в разные стороны, рассредоточиваемся. Уши резануло шипящее чавканье, лицо обдало раскалённым воздухом. Нечто неживое, но длинное, гибкое и быстрое, как змея, ослепило нас густым белым дымом. Крутится, извивается, бросается на движущиеся объекты, вторгшиеся в его зону поражения...

Всех моих мужчин я теряю из виду, глазами никого из них не различить в сплошном мороке. Цепляюсь за подобие ориентира, когда слышу откуда-то слева вскрик Тегра:

— Прячься!!

Что-то болит, очень сильно, остро, я не могу понять, что именно, и это мешает сконцентрироваться.

А потом чудовище внезапно возникает из муты, стремительно приближается прямо ко мне, норовит наброситься. Я отстранённо, совсем не испытывая страха, узнаю в распахнутой пасти ножи, пилы, ковши, свёрла, лопасти, лезвия, топоры и всякое такое прочее. Причём всё это не останавливается ни на миг, оно режет, крутится, рубит, сверлит, пилит, скрежещет...

В этот патовый момент до меня *наконец-то доходит, что я всем своим организмом* здесь, посреди поля неведомо-

го иного мира, а не в своей кроватке, в укромной, защищённой со всех сторон комнате уютной квартиры, спрятанной в глубине жилого сектора города. Я растерянно понимаю, что это — настояще боевое столкновение, а не дистанционное подселение в чей-нибудь разум. Фактически первая в моей жизни реальная, лицом к лицу, встреча со смертоносным, ужасным монстром.

Здесь, прямо на поле брани, я, именно я, а не какой-то другой человек-источник, органами чувств и разумом которого я, как обычно, пользуюсь для добывания информации!

Оцепенев от нахлынувшего и раздавившегося меня ужаса, крепко-крепко зажмуриваюсь, как маленькая девочка, в страстной надежде, что если его не видеть глазами, то страхолудное чужище исчезнет само по себе!..

Мужские руки подхватывают меня, оттаскивают прочь и швыряют наземь. Оказывается, это я сама летела в частокол клинков, а вовсе не пасть мчалась на меня. Моё реальное тело засасывала в своё адское нутро змееподобная машина, кем-то сформированная для убийства.

— В яму, и не выс-совывайс-с-ся... — сипит чей-то севший голос, и я пытаюсь распознать чей, но не успеваю.

Я и забыла, что реальный страх — самое мерзкое из чувств. Теперь вспомнила. Останавливаются мысли, парализуется воля, тело обездвижено леденящим дыханием бездонной пропасти небытия, заглянувшей прямо в глаза. Сейчас, когда моя помощь более чем когда-либо пригодилась бы команде, я отползаю в неглубокую яму, прячусь, чтобы вжаться в сырую землю и трястись исключительно за собственную шкуру. Не помню, чтобы в моей взрослой жизни мне раньше бывало настолько же противно... и стыдно.

Думала, что полностью готова к настоящей угрозе? Оказалось, не-ет! В реале смерть напомнила мне, что она неизмеримо страшнее воспоминаний детства. Много времени прошло после нашей последней встречи лицом к лицу, немало лет, и я подзабыла. Дура какая, ты думала, что всё-всё помнишь, была уверена, что война тебе известна не понаслышке?! Не тут-то было. Совершенно не готова к близкой

встрече со старой знакомой! Предательская самоуверенность подставила не хуже провокатора...

О боже, из чего они стреляют?! Я ведь и в этом подвела их, растеряла оружие. Надрываясь от натуги, когда совершила перемещение команды, избавилась от «лишнего» груза. По сути, оставила каждому из мужчин всего лишь по одной единице вооружения... Тегр Линн кружит вокруг ямы, на дне которой скорчилась я, и стреляет, непрерывно стреляет из чего-то, наверняка это он запретил мне высовываться, да я и не думаю высовываться. Я много чего не думала, как выясняется. А подумать надо было. Прежде чем...

Глухой хлопок, возможно, первый шагок к нашей победе. Резкий запах разливается в воздухе, и без того зловонном, меня чуть не вывернуло рвотным позывом, хорошо, что ела давным-давно. Я не страдаю брезгливостью, навидалась всякого, но возникла чисто физиологическая реакция на определённый состав газа.

Беспокойство за мужчин оттесняет-таки панический страх. Волнение становится до того нестерпимым, что вопреки приказу решаюсь высунуться.

Они ухитрились вспороть брюхо металлической змее и повредить жизненно важные элементы системы. Агонизируя, созданная для разрушения тварь накинулась на ближайшую доступную цель и попыталась сожрать собственный хвост. Валяется теперь без движения, закольцовавшая, в груде собственных техновнутренностей. Да-а, смрад от неё исходит убийственный, но мужчины словно бы и не замечают его. Огненная ярость битвы ещё бурлит в их жилах. Моя герои!

— Госпожа, дозвольте почистить вашу одежду.

Снова он мсня вынуждает краснеть. Бой даже не окончился, а хранитель моего тела опять за своё... Алекс добивает мелких тварей, выскочивших наружу из потрохов конвульсирующего монстра. Лёшка, кстати, ему составил пару и поддерживает огнём. А вот наши ветераны, будто сговорившись, отступили на несколько шагов в сторонку и многозначительно молчат.

Не нужен мне особый статус в отряде, я буду сама себя защищать, у меня свои методы. Умение проницать растёт во

мне постоянно, с каждым шагом приближения к цели, и другие способности тоже не собираются загухать и блекнуть. Поход к звёздам уже начал изменять меня ещё неведомым, но бесповоротным образом, я чувствую, силы во мне становятся всё больше, будто подключилась к вселенскому, неисчерпаемому источнику питания. Раньше-то приходилось довольствоваться локальным... И я абсолютно уверена — поход изменит не только меня. Всех нас.

И пускай, пускай нешуточно печёт обожжёно бедро, сквозь рваную дыру штанины просматриваются коричневые волдыри, стёрто до крови плечо и на пальцах кровь. Зато я уже почти освободилась от страха и самый главный урок усвоила. Очень своевременный урок.

Я предупреждена. Война напомнила мне о своей смертельной сущности, дохнув прямо в лицо, и вот теперь уж точно я не расслаблюсь.

Нападение диких псов показало, что я способна хладнокровно сражаться в реальном бою. Да, я спасовала перед этим скачущим трубопроводом, но совсем ничего не боится только труп. Совсем ничего не бояться я категорически не согласна. Будем жить!

— Всё нормально, с кем не бывает, госпожа, эффект внезапности штука сильная, я вот как-нибудь расскажу вам по секрету, что со мной было в первом бою, так...

Вдруг понимаю, что голос обычно немногословного супруга меня раздражает. Это не хорошо, это неправильно, однако факт. Точнее, неприятен даже не голос как таковой, а этот его прорезавшийся успокаивающий тон. Ты ещё по головке меня погладь, заботливый!

Всё никак не может устаканиться во мне осознание, что он здесь, рядом, реально. Что номинальный «муж» оказался не просто охранником и надзирателем, приставленным ко мне Верховной, а таким же, как я, таким же, как прочие мужчины отряда. Он тоже «носитель хроносом», если уж сумел последовать за мной сквозь никем не измеренное расстояние, разделяющее Локос и Землю, и неожиданно возник судьбоносным для всех нас вечером на берегу лимана, впадающего в земное Чёрное море.

* * *

Как бы я ни дирижировала, Тегр Линн Пален будет играть собственную партию. Партитуру которой написала не я.

Из пятёрки мужчин, четверых из которых я детально изучила за несколько долгих лет, проведённых в незримом межпланетном преследовании, по приказанию Верховной, самым незнакомым оказывается собственный муж. Все эти годы он, молчаливый и неприметный, провёл рядом со мной, неразлучно. Охранял моё тело, ухаживал за ним, в прямом смысле обеспечивал функциональность... Но это задание *ему давала не я*. Как и приказ официально зарегистрировать «брак» со мной.

«Коротко не объяснить, как она это делала. Перенесение материи в пространстве, телепортация живой плоти, практическая возможность перемещения объектов во времени... Очень непростые для понимания вещи, тем более когда... э-э... нечто подобное вытворяла именно она. Уверен, что у неё имелись свои приёмы, собственные, как говорится, из личного арсенала. Точно так... Для подобных способностей живого разума, вероятно, невозможно вывести какие-либо закономерности. Общие рецепты со стопроцентной гарантией результата при всём желании не составить...»

«К чему эти рассуждения, дедушка?»

«Я веду к тому, что сейчас описание методики дальнего перехода не столь важно, как бы это ни интересовало тебя. Важен сам факт... м-м... прокола за пределы соты, в мир другой восьмипланетной ячейки. Причём это проницание было совершено даже не с осевой планеты, что вполне осуществимо с помощью машин. На осевой планете возможно соорудить порталы, открывающие особые внепространственные проходы, которые перемещают из соты в соту, а не к семи периферийным планетам. Благодаря их наличию, сама знаешь, осевой мир и является центральным в ячейке... Но наша девушка уж точно обошлась без помощи каких-либо технологических устройств. Самостоятельно перемещаться в пределах миров родной соты умели и остальные пятеро, что они с ус-

пехом и делали, но только она... уверенно владела поистине запредельными возможностями. Самая настоящая Владка. Поэтому я так и называл Тич Эйлес Кену... Лана, ты чего насупилась?»

«В упор не вижу причин радоваться. Ничего нет интересней, чем приобретать новые знания, а ты опять говоришь, что «сейчас не столь важно!»»

«Не переживай, радость моя, теория от тебя никуда не денется. Впрочем, как и практика. Тому, кто в движении, ни отсидеться не удастся, ни отлынивать... Поверь мне, сейчас действительно не время. Это знание из тех, которые противопоказано получать отрывочно, нахватываться по верхам. Если образно... ты же не хочешь уподобиться глупому мальчишке, который нарыл в сетевой базе данных схему усовершенствования двигателя атмосферного летательного аппарата, переделал свой самолётик и вывел его на высокую орбиту. Помнишь, чем расплатился безрассудный мечтатель? Когда мы через ту ячейку проходили, все выпуски новостей трубили о дерзком покорителе космоса...»

«Да помню, помню, деда! Погиб он, сморозился в со-сульку, а если бы не замёрз, то задохнулся бы, болтаясь в вакууме... Кто ему доктор! Мечту надо осуществлять с помощью мозгов, сердце только курс указывает. Флайеры же не предназначены для космоса, вне плотных слоёв атмосферы они вообще неуправляемы...»

«Небесная музыка есть в каждом разумном, но слышать её остро способны лишь немногие...»

«Ладно-ладно, сообразила я. Ты уже говорил, дьявол скрывается в деталях, и злостное пренебрежение ими чревато тяжкой расплатой... Но я дождусь объяснений. Надеюсь, этот час наступит раньше, чем я стану твоей ровесницей!»

«Это не от меня зависит, Лана... В каком-то смысле от тебя самой, но не только. Подозреваю, сама отлично разберёшься, когда наступит вре...»

«Не юли, дедушка. Скажи прямо. Мол, умненькая ты девчонка, Светлана, для своих лет даже слишком, но до взрослой тёти ещё расти и расти тебе...»

«Ну, не так уж и долго осталось ждать... Ладно, слушай дальше, умница моя. Коротко говоря, она как бы взяла спут-

ников в охапку и вместе с собой закинула их в ближайшую вероятностную точку начала пути. Точно не могу сказать, чем она руководствовалась при выборе вектора движения, скорее всего первый шаг был сделан фактически наугад. Главным было убраться прочь из ячейки, и ей это удалось провернуть более чем успешно.

С первой... э-э... точкой приземления шестерым не повезло, мягко выражаясь. Угодили они в тот ещё мирок. Вероятно, имелось у планеты и название, но имена собственные номерных трэшканов обычно никто не помнит и почти не употребляет. Превращённые в свалки миры этого класса не самое, так сказать, величайшее достижение прогресса. Любая цивилизация неизбежно испр... э-э... производит массу отходов своей жизнедеятельности, и не все из них есть возможность переработать и утилизировать. Вот и договариваются несколько смежных сот, выделяют планету, которую по каким-нибудь причинам уже не жалко добывать... Обычное дело в общем-то, однако наши-то шестеро военных впервые выбрались за пределы родной ячейки и потому знать не знали... всё то, что нам с тобой, например, прекрасно известно. Не гrimасничай, красавица, я знаю, что ты знаешь, но лишний раз не повредит напомнить. У природы множество реальных причин не восторгаться жизнедеятельностью разумных существ.

Таким образом, экологическое равновесие на трэшканах даже не в плачевном состоянии, оно попросту отсутствует. Людям без защитных приспособлений выживать на планетах-свалках проблематично, если вообще можно. Впрочем, чаще всего миры, обречённые на подобную участь, изначально не пригодны для обитания, но конкретно этот, как ни странно, являлся исключением. В атмосфере всё ещё содержалось достаточно кислорода, чтобы не умереть от удушья моментально, а с помощью фильтров-концентраторов какое-то время этим воздухом можно было даже...»

«Это глупо, деда. Зачем гробить планеты, пригодные для жизни?»

«Конечно, глупо, Лана, но когда это мы, разумные, отличались особым умом и сообразительностью?.. Разумный и умный — не синонимы, к сожалению. Будь иначе, у нас не

возникали бы трудности перевода в процессе общения с матерью-природой... Давай-ка по порядку. Так вот, очутился наш отряд на холодной и мрачной равнине, под вечно свинцовым небом. Плотность нагромождения отходов в этой местности ещё не достигла уровня непроходимой свалки, но в пейзаж уже вписалось множество холмов неестественного происхождения. С неба сыпался мелкий серенький пепел-снег, это были продукты сгорания мусорных капсул в плотных слоях атмосферы. Хотя далеко не всё успевало сгорать, иначе там вообще ничего бы не осталось, кроме пепла... Сильный ветер гонял между холмов всю гадость, которую сумел оторвать от поверхности. То тут, то там из-под неё сквозь спрессованные залежи отходов вырывались гейзеры летучих продуктов их разложения. Некоторые из этих газов были очень даже горючими, и... м-м-м... междухолмовые долины озарялись вспышками самовозгораний.

Оружия у наших героев при себе осталось немного. Для Тич это был первый опыт прорыва за пределы соты, и она предпочла освободиться от груза, чтобы не надорваться. Позднее она разбралась, что не вес и не масса имеют значение, но что было, то было — первый шаг в бесконечность незрячно обезоружил команду. Поэтому в распоряжении имелся только необходимый минимум. Базовая походная экипировка и фактически по единице вооружения на каждого. Замечено это было не сразу, воины после удачного перехода впали в эйфорию, осознав, что наконец-то отправились в спасательный Поход, тот самый, к которому все готовились настолько тщательно. У некоторых членов отряда чуть ли не вся предыдущая жизнь на подготовку ушла...

Но радость эта быстро улетучилась. Раньше, чем глаза, ослеплённые переходом, приспособились к новоявленной картине мира и разглядели мусорную равнину во всей её мрачной красе в кавычках, уши уловили тревожные сигналы детекторов полевых блоков жизнеобеспечения. Содержание токсичных веществ в атмосфере значительно превышало допустимые нормы. Да и не нужны были никакие приборы, чтобы ощутить разницу между чистым прохладным воздухом у реки, на берегу которой все шестеро стояли мгновением раньше, и этой жуткой смесью газов, которую представ-

ляла собой атмосфера этого трэшкана. Все бойцы, кроме Тич, не мешкая нацепили защитные маски. У девушки защиты не было, она вообще практически без подготовки, отчаянно ринулась с Локоса на Землю. Испугавшись за Дымову-младшего, землянина, поддалась мгновенному порыву, отбросила статус наблюдательницы и вмешалась в события. Так что переместилась Тич на речной берег в одежде, куда менее подходящей для дальних рейдов, чем походные комбезы мужчин.

Сама Тич была в шоке после перемещения и первые минуты мало что соображала, даже не поняла, что уже задыхается. Ситуацию спас, конечно, её телохранитель. Тегр Линн Пален, как всегда, оказался на высоте, и позже это будет подтверждаться неоднократно. У него-то имелся предусмотрительно захваченный резервный комплект средств индивидуальной защиты. К счастью, при переносе за пределы ячейки подсознание Тич не сочло вторую «аптечку» лишним грузом и не избавилось, как от тяжёлого оружия.

Локосианин вмиг «закупорил» всю голову девушки гермошлемом мягкого типа. Маленький пак он прихватил для себя и целый рюкзак для нужд подопечной, которую должен был хранить до последнего вздоха... Пока Тегр обматывал гермолентами тело обессиленной девушки и как мог подготовливал её к дальнейшим испытаниям, остальные мужчины рассредоточились. Кто-то из воинов просто осматривался, разведывал местность, а кто-то уже рефлекторно-привычно подыскивал огневую позицию для обеспечения безопасности всего отряда. Побродив немного по удручающим окрестностям, спустя четверть часа все они вернулись к проводнице и её телохранителю.

Бойцов отряда не на шутку озадачили результаты осмотра пересечённой местности, в которой они очутились. Много чего им довелось в жизни повидать, но даже они, бывалые солдаты, раньше не видели бескрайнюю свалку. А то, что вокруг скопившийся мусор, а не следы некоей глобальной катастрофы, стало ясно почти сразу. Кучи отходов в миллионы тонн несложно отличить от таких же огромных завалов, образованных разрушенными поселениями, и машин, перемолотых природными катализмами или свирепыми войнами.

Военные, оказавшись в незнакомой обстановке без карт местности и не распознав ни единого ориентира, который вывел бы их к здешней «цивилизации», обратились к Тич. Вопрос прозвучал закономерный: «И куда теперь?» Ресурс фильтров не вечен, необходимо отыскать среду обитания, не опасную для жизни человеческих организмов. Девушка, не долго думая, махнула рукой в одном из направлений, указала на одну из частей окружающей свалки, с виду ничем не отличавшуюся от других, и ответила: «Туда».

И вяло, понурившись, первой отправилась в указанную сторону. Прыжок в запределье Тич страшно утомил, поэтому она была немногословна. Прислушалась к... э-э-э... внутреннему зову и оповестила отряд. Но этого не понял один из Дымовых-младших, тот, который наполовину локосианин. Алексу показалось, что у Тич от перенапряжения съехала крыша... Лана, ты помнишь, что означает это выражение?»

«Обижаешь, дедуль. Я знаю ещё примерно сотни две словосочетаний на разных языках, означающих то же самое... многие из них куда грубее!»

«Хорошо... Хотя, конечно, хорошего в этом мало, девочкам лучше не знать таких слов. Но ты же у меня девочка... э-э-э... единственная в своём роде, причём в буквальном смысле. Так вот, горячий Алекс, не получив никаких разъяснений, с подозрением отнёсся к тому, что проводница легко-мысленно отправила весь отряд в совершенно случайном, как он решил, направлении. Тем более что вид и поведение Тич действительно были похожи как минимум на последствие серьёзной контузии. Истинную причину этого можно было определить при желании, но Алекс не стал разбираться, и в нём зародилось недовольство. Понимаешь, Лана, он всегда стремился держать под контролем всё происходящее, его так воспитывали всю жизнь. Молодой воин, которому предстояло стать величайшим полководцем Локоса, рассчитывал лишь на собственные силы и на своего наставника, прикрывавшего спину. Но ведь и старшего напарника в любой момент могут убить — на войне как на войне... Доверять людям Алексу только предстояло научиться, и как покажет время, этот курс обучения ему достанется недёшево.

Цепочкой все остальные потянулись за Тич в указанном направлении. Шли молча, погрузившись в свои мысли. А мысли, как потом выяснилось, у всех были хмурые и неприятные, тяжкие. Спустя пару часов пути им всё ещё не встретились ни малейшие намёки на какое-либо изменение в пейзаже. Ресурсы фильтров исчерпались на четверть. Тич к этому моменту уже едва плелась, повиснув на плече у Тегра.

Терпение Алекса иссякло, и он стал ворчать себе под нос. Сначала боец негромко ругал мусор под ногами, желая примерить белые тапки всем, кто «это производит». Дальше больше. Принц начал задавать вопросы. «Мы хоть правильным курсом чешем?», «И сколько нам ещё это дермо ногами топтать?», «А что мы вообще тут забыли?».

Тич всё ещё пребывала в трансе и не слышала его злых выкриков, большая часть её разума заблокировалась, организм восстанавливал силы, потраченные на стайерский пространственный скачок. Алекс же, решив, что его попросту игнорируют, начал отпускать оскорбительные словечки в её адрес... То ведьмой назовёт, то дохлятиной, то просто дурой.

Лёша, Дымов-землянин, недолго терпел, он вежливо попросил Алекса заткнуться и своими ходулями молча перебирать. Слово за слово, и вспыхнула настоящаяссора между двумя молодыми. Их наставники поначалу никак не реагировали, только переглянулись и брели, даже не делая попыток вразумить кого-либо из братьев.

Лёша сообщил Алексу, что если тот передумал и не верит в способности проводницы, то может сам по себе валить на поиск Чёрных Звёзд, для отряда это будет лишь плюсом. Вызывающе хохоча, Алекс ответил согласием и незамедлительно обозвал всех неудачниками и слабаками, а молодого землянина и вовсе слюнтяем, идущим на поводу у ненормальной девки. И в подкрепление своей правоты посулил оторвать кое-кому голову.

Срочно требовалось вмешаться старшим воинам. И они вмешались...

Тегр замер в недоумении, не веря глазам своим и ушам. Наставники, восславянин Ильм и землянин Виталий, даже не старались утихомирить своих учеников. Наоборот, они вмешались, чтобы яростно критиковать оппонентов, и опусти-

лись до прямых оскорблений, до словесной грязи. Пожилые фактически подстрекали молодых к поединку, как к единственному и неоспоримому способу определения правоты. Между наставниками, как выяснилось, тоже пролегала пропасть давней распри. И расхождение во мнениях было настолько кардинальным, что найти компромисс можно было разве что чудом.

Вот так, едва начавшись, поход на Чёрные Звёзды мог бесславно и скоропостижно окончиться. Но внезапно между братьями, схватившимися за оружие, возникла Тич, о которой разъярённые мужчины, казалось, уже позабыли. Худенькая девушка вклинилась между двумя здоровяками, уперлась своими слабенькими ладошками в их могучие торсы, сдержала воинственный порыв и неожиданно твёрдым, сильным голосом молвила буквально следующее...

Остановитесь! Остановитесь и прислушайтесь к себе, говорила она, загляните внутрь себя. Откуда взялись чёрные мысли в ваших головах, разве они ваши собственные? Неужели такое поведение достойно воинов, призванных спасать миры? Что же вы так легко поддались воздействию? Мы вступили на тропу последней войны, напомнила Тич, и эта война объявлена врагу не привычному, мы ищем встречи с противником небывалым, самому мицрозданию бросили мы вызов. У него в арсенале бесчисленное множество способов уничтожить нас, и сделать это в открытом сражении — самый маловероятный из них. Неужели вы думали, иронично спросила девушка, что нас поджидают армии вооружённых до зубов солдат? Или космические флотилии, рои боевых звездолётов с эмблемами Чёрных Звёзд на бортах? Такого врага побеждать — особого ума и способностей не понадобится...

И тогда все четверо одумались, вспомнили старый, как само мицроздание, принцип — чтобы ослабить врага, необходимо посеять раздор в его рядах. Что с ними и было успешно проделано. Лёша густо покраснел и тотчас извинился, его напарник Ильм присоединился к нему. Виталий Иванович Сидоркин, ошалело покрутив головой, проворчал что-то наподобие «бес попутал» и энергично перекрестился. Удивил Алекс. Насупив брови, полукровка оглядел всех, пожал плечами.

чами и обезоруживающе улыбнулся, а потом, представь себе, аккуратно взял Тич на руки и молча понёс девушку в указанном направлении. Она даже не стала протестовать, хотя предпочла бы, чтоб другой из братьев догадался так сделать... Буквально через десяток шагов она заснула на руках Алекса.

Мужчины несли Тич поочерёдно. Спустя несколько часов пути вдали, на смутно проглядывающейся линии горизонта, наконец-то появилось нечто, издалека очертаниями похожее на строения. Воины разбудили девушку, и дальнее отряд продвигалась очень осторожно. Неизвестно, насколько враждебные обитатели могли там обнаружиться.

То, что издали показалось похожим на город, при ближайшем рассмотрении оказалось кольцевым, баррикадным нагромождением металлических конструкций вокруг комплекса больших куполов. Вполне вероятно, это было чем-то вроде энергетической станции.

Ещё на подходе бойцы нашего отряда заметили широкие и очень высокие человекоподобные фигуры стражей, облачённых в устрашающую броню. Они стояли на гребнях высоких стен периметра этой своеобразной крепости. Через оптику можно было рассмотреть, что доспехи представляли собой спайку железа, шерсти животных, пластика и всевозможного мусора. Что за оружие держали в руках эти великаны и какой огневой мощью оно обладало, по внешнему виду определить было невозможно. Но удалось рассмотреть, что к стволам большого диаметра крепились огромные и тяжёлые штык-ножи, придающие оружию сходство с алебардами. Это в свою очередь информировало о том, что охранники достаточно развиты физически, чтобы ловко управляться с этим громоздким вооружением.

Наши приняли решение не выдавать своего присутствия как можно дольше и, подкравшись максимально близко, в деталях изучить поселение и его обитателей.

Увиденное напоминало съёмочную площадку сериала в жанре постапокалипсис, что-нибудь с названием вроде «Викинги термоядерной пустыни». Подобия дорог, протоптаных в слоях мусора, вели сюда со всех сторон свалки. Они заканчивались у огромных ржавых ворот, устроенных в пе-

риметре, склёпанных из лоскутов разных листовых металлов. Под стенами крепости на кольях красовались разлагающиеся головы, по виду вполне человеческие, только размерами в несколько раз больше.

На стенах и на вершинах смотровых башен просматривались некие аналоги допотопных баллист. Сразу становилось ясно, что обитает здесь воинственное племя, а высокие стены и орудия на них предназначены явно не для развлечений. Что происходило внутри, за периметром, в станционном комплексе, разобрать было сложно. Там сновали какие-то фигуры, но чем они занимались, толком не рассмотреть сквозь баррикадные завалы.

Дыхательные фильтры к тому времени уже практически исчерпали свои ресурсы. Разумнее всего было бы обогнуть эту мрачную крепость десятой дорогой, но именно это обстоятельство не позволило пройти мимо. Оно просто-таки вынуждало наших поступать неразумно. То есть обратиться за помощью к аборигенам и попросить приюта...»

Глава седьмая ОБХОДНОЙ МАНЁВР

Красная равнина, беспощадно прожаренная светилом за долгий день, казалась бесконечной. Расстилалась она до самого горизонта, где перетекала в марево красной атмосферы. Лишь кое-где монотонность зыбкого полотна нарушали овраги и трещины. Там и сям из красной почвы торчали исполинские столбы бобового дерева, словно нацеленные в небо пушки. Любой отдельно взятый прехса выстреливал рой своих незрелых семян каждый раз, как его накрывала скучая тень облака, что случалось нечасто. Залпы эти сопровождались гулкими раскатами опустошившихся бобовых стручков.

Бобы ядовито-зелёного цвета, как предначертала им здешняя природа, влетали в розовое тело облачного скопления, напитывались там драгоценной влаги, в считаные мгновения дозревали и меняли свой окрас на зрело-красный. При этом стремительном созревании, как побочный продукт разложения растительных ферментов, в них щедро выделялся

фиерин. Именно он привлекал сюда толпы любителей «халывного» кайфа. Эти бродяги после того, как землю накрывал град семян, готовых к прорастанию, тут же кидались выковыривать их из твёрдой иссущенной почвы, в которую бобы внедрялись благодаря высокой кинетической энергии, приобретённой в результате свободного падения с огромной высоты.

Подымая за собой шлейфы пыли, издавая пронзительные звуки, по равнине бежали две верховые ящерицы с всадниками в наспинных кожаных сёдлах. Немного впереди, крепко скимая вожжевые отростки гребня своего скакуна, нёсся пожилой мужчина. Следом за ним параллельным курсом, отставая всего на полкорпуса, чтобы не глотать пыль, поднятую лапами, на таком же ящере передвигалась спутница, девочка лет четырнадцати. Красная пыль забилась в волокна ткани их комбезов, а капюшоны и маски-платки покрыла толстым слоем, отчего казалось, что путники являются ожившими, движущимися участками этой бескрайней равнинны.

— Деда-а, у меня слабый сигнал к востоку от нас! — стараясь перекричать клокотание загнанных ящеров, сообщила своему ведущему девочка и указала рукой направление.

— Да, теперь вижу! Судя по маркеру, это маяк межпланетного транспорта, совершившего посадку. Думаю, скоро прибудем на место. Только смотри мне там, без самодеятельности на этот раз. От номеров, подобных тому, что ты в салуне выдала, мои седые волосы скоро начнут выпадать! — Старший из всадников тоже старался перекричать клёкот ящеров. — Космодром свободная зона, там нас не повяжут за шестерное убийство, это плюс! Однако любому из дружков убиенных никто не запретит пристрелить нас без суда и следствия. Минусы свободной территории также очевидны!

— Можно подумать, для нас во Вселенной найдётся хотя бы одно местечко, где при нашем появлении совсем никто не подумает о расправе, в очередной раз перепутав наши персоны с ненавистными лично ему, по какой-либо причине... Оч-чень я сомневаюсь, дедушка, что в Устюках имеют прямое радиосообщение с площадкой базирования ракетных

планетарников! Я читала об особенностях здешней бобовой атмосферы, очень сильные помехи вносят стручковая пальба. А телеграфных столбов, как видишь, не наблюдается. — Юная всадница потянула вожжи, отклоняя ящера от прежнего курса, в сторону засечённого сигнала, и продолжила, максимально возможно повернув голову назад, к своему собеседнику: — Это главный, большой плюс, на космодроме ещё ничегошеньки не знают о перестрелке. Осталось нам успеть до того, как туда прискакет из Устюков пузатый комиссар собственной персоной с компанией своих подручных!

— Куда мы денемся, успеем, — проворчал себе под нос старший, с некоторым запозданием скорректировав направление бега своего ящера, и пришпорил ездовую зверюгу. В результате поворотного манёвра уже девочка стала лидером, и ему не хотелось глотать пыль из-под лап её скакуна.

Вечерело, край светила почти коснулся горизонта. Двое беглецов некоторое время продолжали скакать в полном молчании, но спустя полчаса старик его нарушил.

— Лана, я вот что подумал... — неуверенно начал мужчина и замолчал, собираясь с мыслями. Неизвестно, расслушала ли девочка его слова сквозь шум, поднимаемый ящерами.

Она услышала.

— Да, дедуль?! — Младшая из двоих повернула голову к спутнику и приблизила свою ящерицу ровно настолько, чтобы та не смогла запутаться мельтешащими когтистыми лапами в лапах ящера дедушки.

— Думаю, ты права! — Низ лица мужчины скрывал платок, но судя по выражению глаз, что виднелись сквозь круглые овальные стёклышки его дорожных очков, можно было понять, что он очень сильно озадачен какой-то сверхсложной проблемой.

— Что ты имеешь в виду? — Младшая прищурилась в точности как её дед. Сосредоточенный взгляд девочки свидетельствовал, что она готова во вскоружии воспринимать любую, даже самую неожиданную информацию.

— Я решил, что мы всё-таки должны рискнуть. — Собрав это, мужчина опять замолчал, вытянул паузу под стать великому театральному актёру, окончательно сформу-

лировал мысленно для себя и продолжил вслух: — Попытаемся прорваться. Когда будем в точке, из которой можно смыться в нескольких направлениях на выбор... ну, ты понимаешь, о чём я... тебе наконец выпадет шанс использовать истинные способности для определения верного курса. Я помогу, конечно, поддержу и стабилизирую, если понадобится.

— Но тогда меня засекут! — вскрикнула девочка. — Уловят не звук, не эхо, не тень, мелькнувшую на грани восприятия рядом с тобой, а новую цель в полный рост!.. И примутся за нас всерьёз, по-взрослому, уже не будут загонять и пинать с помощью случайных встречных и всяческих локальных катализмов...

— Ты это мне будешь говорить?!? Задача в том, чтобы вовремя смыться, ещё до того, как точку накроет цунами ответной реакции. Главное, что мы наконец-то совершим марш-бросок в нужном направлении, а не куда придётся, в порядке отступления с поля боя! — закончил старший озвучивать свою мысль. Утвердительно кивнул и добавил: — Ты уже достаточно выросла, чтобы я в этом не сомнева...

— Дед, и что же тебя вынудило отменить приказ быть... э-э-э... обычной девочкой?!

— Хм, это ты-то обычная?! Даже не используя истинную силу, ты дашь стоочковую фору не только любой ровеснице, но и...

— Не пой дифирамбы моей уникальности, я уже прекрасно знаю себе цену! Лет пять как...

— Это да-а!.. Повзрослела ты рано, мягко выражаясь!

— К счастью, это так!

— И опять ты права, на удивление. Сегодня определённо твой день! Отвечаю на вопрос о причинах. Последней каплей, переполнившей флягу, была эта перестрелка в салуне. Точней, её непосредственный участник. Хозяин салуна — бывший контрабандист, лет восемь назад наши с ним дорожки пересекались, и я его сделал чуток беднее. Ты не можешь помнить, тогда я ещё хулиганил в одиночку и старался дела проворачивать быстро, вернуться поскорей. Тебя вынужден был оставлять в номерах мотелей или на платных игровых площадках. Я добывал какие-то средства для пропитания и на билеты, но главное, искал информацию, которая могла

хотя бы намекнуть, в каком направлении делать следующий шаг. В тот раз я использовал этого живчика. Так вот, что он здесь делает? Не находишь ли ты совпадение... не совсем случайным?! — Глаза деда испытующе смотрели на внучку сквозь окуляры очков.

— Восемь лет наза-ад!.. — Девочка резко осадила своего ящера, едва не кувыркнувшись через его головной гребень. Скакун стал как вкопанный и протяжно заквакал, выражая радость по поводу внезапной передышки. — Ты хочешь сказать, что впервые с тех пор тебя не просто с кем-то перепутали, как обычно, восприняв тебя кем-нибудь другим?

Пожилой мужчина по инерции проскакал дальше, но тоже осадил рептилию и вернулся к спутнице.

— Привал в самый раз. Наша чешуйчатые лошадки сдохнут раньше, чем мы достигнем цели, — прокомментировал он после того, как его скакун, также издав квакающую руладу, успокоенно замолк.

Старший спрыгнул с седла, снял бурдюк с водой и поднёс его шлангообразный отросток к чешуйчатой морде ящерицы. Та сразу же в него вцепилась и принялась жадно глотать воду, которую выдавливал из этой ёмкости её хозяин. Девочка последовала примеру старшего и проделала всё это в полной тишине с не по-детски суровым лицом, погружённая в свои мысли. Видимо, потрясение, вызванное осознанием некоего факта, было слишком велико даже для её закалённой нервной системы.

Когда удовлетворённые рептилии завалились на пузо, отдыхая после трудов тяжких, их всадники присели на корточки друг против друга, и старший устало произнёс:

— Да. Я наконец-то встретился со своим собственным, нажитым по ходу врагом. В этот раз те, кто исполнил роли нападающих, не были марионетками, невольно вовлечёнными в охоту на меня.

— Но как же так, дед?! Мы же всегда шли из осевого мира в осевой. Только иногда, по мере надобности, сбегали в тупиковые ветки. Но ведь потом же проскакивали обратно. Всегда, насколько я помню. Или я... чего-то не знаю?

— Что я могу тебе на это сказать, Лана... — ответил старший. Его глаза, на время лишённые очков, печально

смотрели на внучку. — Это мицдание, его планировку нам постигать и постигать. Если выдастся такая возможность. Я как-то уже говорил и сейчас повторю: вполне допускаю вероятность, что нас вообще никто и ничто не преследует. Нам просто фантастически, фатально не везёт.

— Получается, что мы шли, шли по кругу и сейчас вернулись? — озвучила младшая удручающий вывод. — Всё зря?

— Ну, почему же зря? Факт, не нашли мы то, что искали, иначе не сидели бы здесь сейчас, а... Но, во-первых, отрицательный результат — тоже результат. Да я как-то и не рассчитывал, что будет легко и просто... А во-вторых, понимаешь, Светланка, я выбрал эту стратегию бега по единственной осевой сквозь миры, когда ты была ещё маленькая, по одной лишь причине.

— Чтобы не вступить в одно и то же гуано повторно. — Младшая опустила взгляд, мгновенно ставший злющим-презлющим. В сё мозаике ответов на важные вопросы стало меньше на парочку незаполненных гнёздышек. Но радости это ей не принесло, ни капельки.

— Точно так! Были б мы были простыми, не... э-э-э... не мечеными обитателями этой Вселенной, могли бы осесть на некоторое время, заработать побольше законным способом и отправиться дальше на поиски. А так, в режиме перманентного бегства, велик ли выбор других способов? Особенно когда ты была ещё совсем крохой, и мало того что не помогала мне ещё, но и постоянно требовалось решать проблему, где и как тебя оставить, чтобы вернуться и обнаружить в той же точке. Мне тогда пришлось немало... м-м-м... покуролесить. Для межзвёздных бродяг законных способов добывать информацию, изыскать средства и найти возможности продолжить путь почти не существует... Можешь себе представить, сколько доброжелателей в кавычках останется позади при таком образе существования. Но я добился своей цели. Получил отсрочку, ты уже далеко не кроха и всё ещё жива. Считай, что это были квалификационные забеги перед тем, как начнётся взрослый марафон по пересечённой местности.

— Точно сказал. Уж кому-кому, а мне грех жаловаться на отсутствие практики бега по пересечённой местности... — Девочка зачем-то быстро глянула в маленькое круглое зер-

кальце, возникшее в её ладошке словно из ниоткуда, показала сама себе кончик язычка и спросила у отражения: — Ну что, красна девица, молодая да ранняя, довольна собой? Прими поздравления с досрочным получением аттестата зрелости.

— Красна, верно подмечено, — улыбнулся мужчина, бросив быстрый взгляд на окрестности, безнадёжно красивые. — Во-от, теперь мы наверняка знаем, что существуют, как бы это сказать... осевые петли. — Старший перевёл взгляд на отдыхающих рептилий, оценивая, готовы ли те продолжить движение вперёд. — То, что реально можно непропрыгнуть из одной ячейки в другую, не пересекающуюся с ней, это для нас давно не новость, а вот сам факт существования подобной петли наводит на мысль, что... можно допустить реальность некоего... скажем так, узла петель.

— Вселенский перекрёсток? — И девочка искривила губы в улыбке, но саркастической.

— Не напоминай мне о том помрачении рассудка, жестокая! Я-то уже разобрался, что ушлыс гуриndo используют особенности экосистемы своего мира, чтобы заманивать легковерных сонскателей лучшей судьбы. На самом деле они наверняка каким-то образом аннексировали все инопланетные корабли, которые пытались просочиться сквозь их непроглядные облака. А возвращенцев, промыв им мозги, изредка отпускают обратно. Для поддержания прибыльного мифа, что Перекрёсток якобы реально способен открыть внепространственный проход в любую точку... э-э... в любой пиксель картины бытия, которую мы зовём Универсумом. В подобный узел, если он существует, просто так, за здоровьё живёшь, туристам не попасть, точно так. Слишком важный уголок в планировке мироздания.

— Да, у любой петли есть свой узел, смыкающий концы, и в нашем случае, я уверена, мы вернулись на исходные вовсе не случайно и не просто так. Думаю, такое искривление осей действительно вызвано какими-то неимоверно могучими силами и... значит, мы не просто фантастически неувезучие дед и внучка с прогрессирующей манией преследования. Нам реально есть от чего убегать. Этим и заняты мы... гм, сколько я себя помню. Значит, он не одну петлю

сети стягивает, а сразу все, этот твой супер-пупер-узел... А давай-ка назовём его полем вечного мира, а? По аналогии... с противоположным полюсом состояния, который порождает явление, благодаря которому мы здесь оказались. Ну, ты понял, о чём я, не надо напоминать, что искали герои заглавной сказки моего детства и отрочества. Знаешь, я почему-то испытываю стойкую уверенность, что в этой... э-э-э... точке обмена сетевым трафиком любые брожения, шатания, возмущения и потрясения категорически противопоказаны. Чтобы не рассыпалась вся сеть, которая держится на...

— А вот на этом мы пока что с тобой... ха, закруглимся. Всё-таки каким он может быть символичным, язык наших предков, из-за чьих ошибок мы... здесь и оказались. Нам пора. Если это поле существует, то нам — именно туда. Ради этого любой риск становится оправданным. И я испытываю стойкую уверенность, что мы... или хотя бы ты обязательно найдёшь его.

— И это, можно сказать, в-третьих. Я помню, в сказках непременно разбивается на три пункта, а героев ждут три дороги. — Девочка не улыбалась. Она уже стояла возле своего ящера и тянула его за упряжь, подымая на чешуйчатые лапы для продолжения пути. — Только знай, если ещё раз намекнёшь, что не вечен, я для тебя выстрою многоэтажную конструкцию из некоторых лексических единиц великого и могучего языка предков. Взрослая уже, сам сказал, мне теперь можно.

Когда местное светило скрылось за горизонтом, на равнину опустилась долгожданная относительная прохлада ночных. Две луны этого мира, как пара огромных ночников, осветили всё вокруг, изменив красные дневные оттенки на ночные — бледно-голубые. Всадники, неустанно скачущие сквозь ночь, не разбивали лагерь и не останавливались на ночлег. Они стремились всё дальше, вперёд, туда, где в районе космодрома уже можно было невооружённым глазом различить огни космических кораблей. Один из них как раз заходил на посадку, а другой взлетал. На следующем, который взлетит, можно добраться к соседней планете. Той, что входила в совершенно другую ячейку из восьми миров. До-

бираться к ней обычным путём, по сети проходов из осевого мира в осевой мир, пришлось бы с дюжиной «пересадок». Информацию удалось добыть в осевом мире ЭТОЙ соты, из которого двое разновозрастных путников и попали в бобово-красные Устюки.

Помимо доставшихся от природы мгновенных переходов из мира в мир, на доступном человеческому разуму уровне бытия прихотливо разбивающих все планеты на ячейки, объединённые во вселенскую сеть, живые разумные использовали и собственные наработки. Да, от мгновенности перемещения они были ужасно далеки, и пользование ими обычно сопровождалось многими проблемами, а зачастую было просто реальной угрозой для жизни. Зато появлялась возможность прокладывать рейсы из мира в мир по собственному усмотрению, не всегда сверяясь с «утверждённым расписанием», навязанным звёздами. Да, это было связано с огромными энергетическими затратами и прочими тяжёлыми проблемами. Однако умные люди то в одном, то в другом мире рано или поздно осознавали, что надо освобождаться. Что необходимо учиться не привязывать свои судьбы к природной транспортной сети. Что жизненно необходимо искать альтернативные способы передвижения...

Спину искололи их взгляды, воздух пропитан испугом, он был здесь и до нас, но после нашего появления нарастает с каждой минутой.

Звенившая тишина.

Попрятались, затаились. Могут резко наброситься из-за любого угла. Твари. Мы видели парочку вдалеке. Твари. Иначе не скажешь.

Максимально активизирую периферийное зрение. Тич рядом. До чего же она всё-таки хрупкая, даже по сравнению с худощавой комплексией своего сопланетника Тегра. Как уберечь такую?!

Мы — вторженцы, чужаки, нарушившие привычный уклад местных обитателей, нам нужно дать отпор, выдавить, словно болезненную занозу. Жду. Пора бы кому-то объявиться.

Убогое до жути место. Что здесь было раньше? Город? Кто в нём жил и куда все подевались? Без надлежащего ухода и присмотра здания осыпались. Ещё интересно, почему здесь намного теплее, чем в поле? Резкий, неестественный перепад температур.

Мохнатое тело выныривает из бетонного рукава и суетливо скрывается в косых перегородках. Неотступно провожаю его стволом, стрелять не буду. Алекс недоволен.

— Ты его сейчас пожалел, а за поворотом он на нас двухтонную плиту сбросит и будет ржать над получившимися блинчиками!

Пожалел? Я задаю себе этот вопрос: пожалел? Вряд ли. Не вижу смысла стрелять без явной необходимости. Да и патроны не казённые. Когда удастся пополнить боезапас, знают разве что наши боги войны, если они за нами следят и здесь. Что вовсе не является шуткой, если вспомнить, сколько лет за нами издалека неотступно присматривала эта девушка, обладающая невероятной силой, скрытой внутри хрупкого тельца. Мы и сами не слабаки, но она... Да, она такая одна. Мне другой в любом случае и даром не надо.

Полное отсутствие дороги. Разломы, насыпи, ухабы. Передвигаемся как в мелкогорье. Растительность отсутствует, просто нет её здесь, и всё тут. Алекс замыкает, тактически надёжный тыл, можно не оборачиваться. Основное внимание на передний край... и на локосианку.

Мой обострённый опасностью слух улавливает шёпот, сопение. Кожей ощущаю ненависть и страх тварей. Столкновение неизбежно, понятно.

Бдительность, собранность, готовность.

А вот и «хозяева горы», давно пора. Что ж вы так далеко сгруппировались? Ближе, ближе подходите. Правильно, к чему тянуть, давайте сразу решим, у кого сильнее дух.

Невооружённым глазом отлично видно, что эти члено-векообразные в конечностях сжимают не энерганы, не пулевые автоматы даже, а дубины различных «модификаций». Все наши соглашаются с моим категоричным предложением, мотивированным необходимостью экономить немногочисленные заряды. Таким образом, мы пойдём врукопашную.

Тегр извлекает из сапога личный босовой нож, ни у кого, кроме локосианина, холодного оружия не осталось. В конце концов, если схватка не в нашу пользу сложится, кто мешает применить имеющиеся «стволы»? Зря, что ли, наши предки в сплошной череде войн эволюционировали и совершенствовали технику вооружений... Ну и *довоевались* в итоге, не то слово. До самого до конца. Не факт, что победного.

Напрасно переживал, не стоило входить в изменённое состояние воина. Противник, превосходя нас количественно в несколько раз, оказался никудышным. Безумная ярость слабых разумом животных.

Главное, Тич позади, в тылу, надёжно опекаемая Тегром, вооружённым настоящим клинком. Мы четверо испробиваем дугой встречаем нападающих. Первая волна — ещё куда ни шло. Хаотичная масса, бессистемная атака, жутковатая внешность полуживотных-полулюдей... Это несколько сбивает с толку, лучше б они просто зверями были. Алекс в своём стиле. Оттянул на себя основную массу и ломает их одного за другим, методично и беспощадно. Мы довольствуемся остатками. Дерутся они, конечно, как школьники. Палки держат слабо, поставленного удара нет, полное отсутствие техники. В отчаянии начинают кусаться, царапаться, неуклюже, неумело пытаются бороться. Жалко их, всех придётся вырубить, у них мозгов не хватит сдаться на милость победителей. Алекс, не страдая гуманизмом, ломает хребты, оставляет после себя на камнях бездыханные мохнатые кучи. Бессмысленная бойня, будь она неладна, зачем они ввязались в неё?! Как для людей, у них почти не работает соображалка, а для зверей — недостаточно развит инстинкт самосохранения.

Лезвие Тегрова ножа остаётся сухим. Тич выдаёт несколько слов о том, что убивать было не обязательно, Алекс только фыркает. *Непрошибаемый*.

Его учитель позвал нас, он изучил кожные покровы ещё живого противника. Под коричневой шерстью проглядывается татуировка. Неизвестный мне знак, несколько сплётённых лучами звёзд, и слова под ним, начертанные незнакомыми литерами неведомого языка. Вполне вероятно, что некий сумасшедший профессор вывел новый вид обезьянь и

затаврил всех... А я, оказывается, не люблю генетику! Недаром в моей родной стране эта наука какое-то время была под запретом.

— Сдаётся, уловил я, — вмешивается мой наставник. — Сей символ напоминает ячейку миров. Вы, земляне, до скончания времени окаянного в дальний космос выйти не успели, а вы, локосиане, ужо позабыли, как устроено мироздание... У нас же одно из крыльев летучей пехоты схожий знак носило. И девиз, под звёздами начертанный, гласил «Токмо Победа!». Я знался с воями теми. Не последние в рати Союза Восславянского.

Мы осматриваем почти все тела и обнаруживаем на каждом детали, свидетельствующие, что некогда эти особи были людьми. Что случилось с ними и не ждёт ли подобная участь нас? Этот вопрос не может не мучить.

Продолжаем слоняться по развалинам города. Тич упорно твердит, что следующая «подозреваемая» точка здесь.

В нас швыряют с безопасного расстояния всякими нечистотами, кривляются с верхних этажей развалин, корчат рожи, издают противные крики. Тва... нет, мне уже не хочется их называть тварями. Несчастные. Я бы лучше погиб в бою, чем влечь существование вот так, бывшим человеком, потерявшим память.

«...К стене периметра, с высоко, демонстративно поднятыми руками, приблизился один боец. Молодой землянин Лёша. Остальные члены отряда, в ожидании реакции аборигенов, прятались в укрытии. Воин окликнул стражей и попытался завести разговор, но ответом ему был выстрел из настенной баллисты. Благо реакция его никогда не подводила, он мигом скользнул в сторону, а холмик запрессованного мусора, на верхушке которого Лёша только что стоял, пронзил гарпун, ржавая труба с сазубреным наконечником. Стражи периметра зарычали и принялись суетиться, загромыхало железо под ногами великанов. В Лёшу полетели ещё два гарпуна, а следом за ними аборигены метнули в него не-

сколько трезубцев, железяки поменьши. Ловко увернувшись и от них, молодой воин вырвал ближайшие... э-э... вилы, торчащие из мусорогрунта, выпрямился и принял красноречивую, вызывающую боевую стойку.

Большие парни радостно загалдели на местном наречии, предвкушая развлечения, и затрясли оружием. Оно, кстати, действительно оказалось чем-то вроде огромных алебард. Пятеро из них, спрыгнув с гребня многометровой стены вниз, подняли ударами ног тучи пепла и под одобрительные завывания соплеменников окружили молодого воина. Ростом противники оказались чуть ли не вдвое выше, но Лёшу это не испугало, само собой.

Наш молодой прыгал, кувыркался, уворачиваясь от рассекающих воздух лезвий, и беспощадно бил в ответ, поражая гигантов своими вилами. Полуметровые острые зубья находили слабые места в доспехах, вонзались в широкие щели на стыках асимметричных пластин, с хрустом погружаясь в тела нападавших. Но аборигенам эти колющие удары, похоже, казались не более опасными, чем дружеские тумаки. Боли они явно не чувствовали, и хотя истекали чёрной кровью, но атаковали ещё яростнее.

После каждого успешно проведённого Лёшем удара неуклюжие великаны всё больше впадали в состояние, похожее на безумие берсерка. Удары молодого воина лишь добавляли им яростного рвения. Действуя в одиночку, было неразумно использовать стандартную тактику поединка, парировать удары, отвечать на них, наносить ранения, ослабляя врагов. Этих здоровяков нужно было просто убивать, быстро и расчётливо, поражая жизненно важные центры.

Землянин это понял. После очередного уворота он высоко подпрыгнул, целясь своим трёхзубым копьём в решётчатое забрало одного из нападавших. Раздался характерный металлический скрежет, от которого невольно свело скулы всем, кто слышал. Арматура зубьев вклинилась в решётку шлема, а сам шлем пробила насквозь.

Поражённый ударом в голову абориген выпустил из руки свою алебарду, схватился за древко трезубца, намертво заклинившегося в его шлеме, и замер. Остальные нападавшие тоже остановились как по команде. Сильно удивились,

что тяжёлая туша их товарища плюхнулась на землю и несколько раз конвульсивно дёрнулась. Видимо, впервые за длительный срок они наблюдали гибель своего соплеменника.

С оглушающим грохотом распахнулись ворота крепости, в открывшийся проём высыпались ещё десятка три верзил с разномастным оружием ближнего боя. Ни арбалетов, ни луков, ни тем более огнестрельного или энергетического оружия у них не наблюдалось. Лёша выхватил из кобуры свой плазменник, не отобранный у него волею Тич в момент переброски в иную соту, и опрометью помчался к воротам. Оставшиеся в живых четверо великанов опомнились и бросились его догонять, но каждый из них успел сделать лишь по паре-тройке прыжков, прежде чем замертво рухнуть с пропущенной головой. Их настигли выстрелы со спины. Прочие бойцы нашего отряда присоединились к молодому землянину и вступили в битву.

Целая команда, что возникла неожиданно, словно из ниоткуда, и вмиг расправилась с четырьмя стражами, здорово озадачила выскочивших из крепости обитателей. Лёша же, воспользовавшись их замешательством, проскользнул, в буквальном смысле, между ног одного из великанов. Очутившись внутри периметра, землянин уже взбирался по лестнице, ведущей на гребень кольцевой стены.

Защитникам крепости недолго пришлось торчать, не сходя с места, выбирая, что же делать, догонять одного маленького шустрой человека или нападать на целую группу. Основные силы нашего отряда, с Алексом в авангарде, издавая яростные боевые кличи, ринулись в атаку. Местные вояки приняли вызов и тоже бросились навстречу им, размахивая своими огромными орудиями смерти. Закипело яростное сражение.

Тич пряталась в отдалении, под защитой Тегра. Локосианин, экономя немногочисленные боеприпасы, оставшиеся в его распоряжении после переброски, одиночными отстрелывал тех великанов, которые приближались к девушке на опасное расстояние и могли непосредственно угрожать её жизни. Его меткие выстрелы также высадили мозги паре громил из тех, что непосредственно рубились с Алексом,

Ильмом и Сидоркиным. Троим нашим в эти минуты приходилось несладко. Скудный босзапас иссяк, а на земле трупами валялись ещё далеко не все великаны... Алекс и старшие воины увязли в суворой рукопашной.

А тем временем с гребня стены, издавая отчаянные гортанные вопли, срывались вниз трёхметровые стражи. Это сражался Лёша. Тела упавших нанизывались на шесты с головами, что торчали из мусора у подножия стены. Хотя это и не убивало великанов, однако, пока они неуклюже корчились на кольях, пытаясь стащить с них себя, в бою участвовать не могли... точно так, при всём желании не смогли бы. В упор расстреляв оставшихся на стене стражей из ручного плаズменника, Лёша встал к баллисте и редкими, но точными выстрелами начал приколачивать к мусорной почве аборигенов, сражавшихся внизу. Позже он признался, что сам удивился неожиданной меткости. Хотя с подобным оружием ему раньше и доводилось иметь дело, однако системы катапультного типа обычно не являли чудес прицельной стрельбы. Ильм тогда ещё улыбнулся загадочно и высказался в том смысле, что духи войны явно с самого начала похода благоволят к маленькому, но удаленькому отряду...

Пробитые насквозь ржавыми трубами исполинских гарпунов обездвиженные гиганты хрюкали и харкали кровью, но всё ещё отчаянно пытались дотянуться до врагов когтистыми ручищами. Никто из аборигенов даже не думал сдаваться, все сражались до смерти. И все они её обятый не избежали.

Ильм и Виталий бились в спарке, используя трофеиное оружие гигантов. Старики наши, слажению орудия алебардой и огромным подобием меча, старались повреждать или начисто отрубать аборигенам ноги или руки, тем самым либо обездвиживая их, либо лишая возможности яростно размахивать... э-э... мегатесаками. Алекс же, как самый быстрый и проворный из троих, окончательно добивал ослабленных и обездвиженных врагов, банально отрезая им головы своим длинным боевым ножом.

Когда под безжалостными ударами свалился последний из выскочивших наружу гигантов, сражение переместилось внутрь крепости. Вчетвером наши воины быстро зачистили территорию сразу за воротами и уже ворвались в плюзовой

аngар, который функционировал на удивление исправно. Оказавшись внутри комплекса, отрядники наконец встретили аборигенов без доспехов, в повседневной одежде, а точнее, без неё, и разглядели их... м-м... во всей красотице. Человекообразные, клыкастые и когтистые твари, зеленоватую кожу покрывали многочисленные уродливые шрамы, да и токсичные отходы оставили на местных обитателях свои неизгладимые следы. Тела гигантов обросли собственной густой и длинной шерстью, которую наши поначалу принимали за одежду, сшитые из шкур животных. Какие-нибудь половые различия не просматривались, как и не наблюдалось особой разницы в поведении существ. Все они как один яростно атаковали чужаков. Но особи меньшего размера, ростом примерно как люди, среди них имелись. Этих можно было условно называть детьми, хотя детишки тоже все без исключения вели себя точно так же агрессивно, как и взрослые.

Стремительно перемещаясь по обширным и просторным, но заваленным всяческим мусором коридорам и залам станции, наши бойцы доводили начатое до логического финала. В данном случае — до полного истребления враждебного племени. Дипломатию разводить с зеленокожими тварями не получилось бы, в этом почти сразу пришлось убедиться. Двигаясь дальше, вынужденные продолжать этот безжалостный кровавый рейд, наши достигли помещений, напоминающих разделочные цеха скотобоен... Только здесь, подвешенные за ноги и рёбра на ржавых крюках, рядами висели разделанные человеческие тела. Обычных людей, таких же, как и сами отрядники... И хотя эта картина ужасала, но всё же вселяла надежду. Значит, на этой планете можно встретить не только позеленевших монстров-переростков. К тому же, истребив людоедов-мутантов, заработаешь репутацию избавителей, так сказать, национальных героев... Ну или просто заключишь со здешними человеками дружеский союз, заручившись поддержкой. Надо же было как-то определяться в этом омерзительном мусорном мире, раз уж занесло сюда...

Схватка шла на убыль, всё меньшее и меньше выскакивало навстречу нашим воинам человекоподобных монстров, обезображеных губительным воздействием токсичных, ра-

диоактивных и ещё невесть каких отходов. Все коридоры и комнаты вокруг центрального купола были зачищены, и бойцы уже изучали покрытую слоем окислов схему помещений станции, обнаруженную на стене одного из шлюзов. Судя по этой схеме, большая часть технических уровней, складов и сам реактор станции находились в подземном комплексе. С нижними уровнями поверхность связывал единственный тоннель, и вход в него располагался в центральном куполе. Дальнейший путь нашего отряда вёл именно туда.

Все шлюзовые створки были закрыты. Большая их часть обесточилась, и стальные переборки наглухо отрезали центральный купол от периферии. И всё же наши бойцы отыскали один шлюз, индикаторы которого тускло, но всё ещё светились. Очень слабо помигивал красный датчик, судя по всему, предупреждающий о том, что нарушена герметичность помещения, расположенного за ним. Ильм, тот ещё специалист по взлому всевозможных электронных и механических замков, не мешкая открутил щит панели управления и принялся копаться в электронных кишках устройства. Спустя несколько минут со страшным скрежетом створки шлюза наконец-то разошлись в стороны, и отряд, уже в полном составе, проник в центральный купол, где их поджидал большой сюрприз... Большущий, если не сказать огромный, причём в буквальном смысле этого слова.

Арка купола была частично разрушена, и ветер сюда наёс всевозможных нечистот. Под аркой некогда размещался ухоженный парк-сад, но, будучи заброшенным и подвергаясь действию различных агрессивных веществ, он превратился в хаотичное переплетение стволов и листьев растений-мутантов, дополненных вездесущим мусором. И над всем этим уродским садом возвышался холм, усыпанный осколками костей. Что-то наподобие варварского трона увенчивало его вершину. На этом сооружении и восседало огромное чудовище. В тот самый момент своими кривыми жёлтыми клыками оно смачно грызло... э-э-э... тушку человека. Над деревьями раздавался отчёлывый хруст дробящихся костей. С виду этот обжора был таким же, как и другие мутанты, но раза в два выше и шире своих соплеменников и раз в двадцать страшнее. Шлем гада оставлял открытыми лишь его

челюсти. Остальные части головы и шеи были скрыты под толстыми стальными пластиинами, усыпанными острыми шипами, рогами, крюками и всевозможными висюльками. Так же, впрочем, выглядели и все остальные элементы брони мутанта, в которую было буквально... э-э... вковано его тело.

Монстр углядел ворвавшихся под купол пришельцев, вскочил с трона и отбросил недоеденные человеческие остатки. Вскинул над головой штуковину, похожую на огромный карданный вал, обмотанный чем-то клочковатым и ощетинившимся многочисленными шипами. Вой, который громила издал, был протяжным и низким, от него задрожали все стены, переборки и разрушенные перекрытия купола. Эта психологическая атака подействовала на всех членов отряда, кроме Алекса. Полукровка улыбнулся этак кривенько, иронично хохотнул, бросил в ответ что-то наподобие: «Рейд-босс, блин, я танкую!», и атаковал великана. Этот опрометчивый поступок едва не стоил ему жизни, но духи войны были действительно благосклонны к избранному, и Алекс всё-таки успел уклониться... Характерный свист обмоток электромагнитного ускорителя раздался, когда наш принц уже преодолел половину расстояния до мутанта. Ряд стволов мутировавших растений, от трона до толстой стены купола, разлетелся в щепки. В точности вдоль оси полёта металлической болванки, которая с бешеною скоростью выметнулась из раструба оружия этого монстра... Лана, ты уже поняла, что штуковина в лапах зелёного гиганта была не каким-нибудь магическим жезлом власти, а самим что ни на есть электромагнитным ускорителем? Неслабый, надо отметить, агрегат, примерно такие монтируются на лапы полевых терраформеров и скальных везделазов. С их помощью в твёрдые скальные породы вбивают толстенные шлямбурные крюки, которым предстоит выдерживать многотонный вес этих машин. Если помнишь, где-то с год тому назад мы пересаживались на орбитальной платформе Целина восемьсот девяносто один, так вот, там в грузовом ангаре стояли подобные машины, их трудно было не заметить...»

«Помню, помню, не отступай от темы! Жду не дождусь...»

«Вижу! Не перебиваешь даже... Короче говоря, внучка, ты-то способна представить, какой же кинетической энерги-

ей должен обладать выпущенный из ускорителя высокоглес-
родистый крюк диаметром сечения около пяти сантиметров
и длиной чуть меньше метра, чтобы погрузиться в скалу по
самую тормозную шляпку с карабином... Так вот, от этого
страшного оружия, которое монстр сжимал в лапах, не спас-
ла бы ни одна преграда, за которую можно было бы спря-
таться в центральном куполе.

Локосианин Тегр вновь оказался на высоте, он мгно-
венно отреагировал на ситуацию. Бросил своё оружие с
последним, не до конца опустошённым магазином бли-
жайшему бойцу отряда, а именно восславянину, рывком
вскинул на плечо драгоценную подопечную свою, Тич, и
скрылся за створками шлюза. Это было самое полезное и
правильное, что он мог в критический момент сделать. За-
дача перед ним стояла по-прежнему сложнейшая, но — ос-
новная. Во что бы то ни стало сохранить жизнь проводни-
цы, ведь только она могла довести отряд к точке финальной
схватки, да и в грядущем последнем сражении проигранной
войны... э-э... сражении, которое они намеревались выиг-
рать, в отличие от всей войны, Тич могла оказаться далеко
не лишней, с её-то способностями. Догадывался ли верный
телохранитель, что его поджидало до и после решающей
битвы с Чёрными Звёздами... Предвидел ли нечто подоб-
ное? Эх, если бы он сумел тогда хоть одним глазком загля-
нуть в будущее...»

«Ничего себе! Вот это раззадорило тебя, деда, аж сам с
собой разговариваешь. Давай пока обойдёмся без лирических
отступлений...»

«Ох, прости, Ланочка, и правда, что это на меня накати-
ло... Слушай дальше. По силе зелёный супермонстр много-
кратно превосходил всех наших воинов вместе взятых, а по-
тому сразить гада требовалось хитростью и тактикой. Благо,
что ускоритель в руках чудовища, имевший огромнейшую мощ-
ность, обладал низкой скорострельностью. Прислушиваясь к
нарастающей тональности свиста, можно было предугадать,
когда именно оружие зарядится и произведёт следующий
выстрел. А происходило это один раз в сорок секунд, и наши
использовали эти секунды, чтобы нащупать слабое место в
броне чудовища.

Алекс атаковал первым, тем самым он привлёк основное внимание. Направил и привязал к себе ярость мутанта, что позволило остальным бойцам отряда занять тактические позиции вокруг монстра, окружить врага. Ильм из энергана Тегра пытался попасть в небольшую прореху, что имелась в доспехах гиганта, где-то в районе его шеи. Но увы, или монстр оказался слишком подвижным, или лучевик с кривым стволом попался, или что-то ещё, однако старый воин раз за разом промахивался. Единственное, чего восславянин достигал своими выстрелами, так это то, что мутант временно переключался на него, оставляя без внимания других воинов. И тогда уже в Ильма, раз в сорок секунд, выпуливались смертоносные железяки. В промежутках между выстрелами чудовище хватало у себя из-под ног большие обломки конструкций купола и метало их в старого воина. На счастье Ильма, эти глыбы увязали в сетях лиан и переплетениях древесных стволов, изменяя траекторию своего полёта, и не поражали восславянина...

Остальные бойцы, располагавшие только холодным оружием аборигенов, выжидали удобные моменты, незамеченными подбегали со спины и били в коленный сустав мутанта, вкладывая в удары всю силу, какую только могли. Эти атаки оставляли всё новые и новые глубокие борозды на металле брони. Монстр же, заполучив очередной удар, свирепел всё больше, резко оборачивался и пытался своими ручищами ухватить обидчика. Ясное дело, что бесконечно вся эта суета продолжаться не могла... И вот, когда в очередной раз Лёша нанёс гаду сзади удар копьём, коленная броня не выдержала, и широкое остриё вонзилось в плоть, разрубая сухожилия и кости сустава. Повреждённая конечность мутанта подкосилась, тот упал на спину, едва не раздавив молодого воина. При этом падении большая часть кривых шипов и крюков на спинной пластине доспехов обломалась, а некоторые и вовсе вырвались с корнем, оставив множество мелких отверстий в местах креплений к пластине... Уже соприкоснувшись с полом, чудовище вывернулось и правой лапой схватило за ногу убегающего бойца. Буквально пара секунд оставалась у Лёши перед тем, как гигант должен был порвать его, как будто ветхую тряпку.

В этот миг, нечленораздельно заорав, на лежащего монстра бросился Алекс. Запрыгнув гаду на спину, принц яростно наносил удары, своим ножом и подобранным стилетом, метя по щелям и отверстиям в броне. Несколько его ударов, видимо, всё-таки достигли нервных центров гиганта, и монстр взвыл, хотя скорей всего не от боли как таковой, а от захлестнувшего бешенства, присущего всему этому злобному племени. Зелёный конвульсивно дёрнул конечностью, которая схватила Лёшу, и молодой воин, описав большую дугу над деревьями-мутантами, врезался в один из кривых стволов, потерял сознание и скатился вниз.

Тем временем гигант уже встал на колени и отчаянно пытался дотянуться другой рукой до Алекса, истязающего ему спину. Эта ручища орудовала жезлом ускорителя, как... э-э... спинной чесалкой. Несколько раз она прошлась по телу нашего бойца, разорвав ему комбинезон и оставив добрый десяток рассечений и порезов. Принц, достигнув своей цели, мог отступить на безопасную дистанцию, но, вероятно, ярость заполонила и его. Алекс пошёл ва-банк... Упираясь подошвами в крюки, оставшиеся на спине мутанта, он продолжал безжалостно кромсать тому спину, неизбежно загоняя бешенство монстра к точке кипения.

И гигантский самовар действительно вскипел! Безумие накрыло мутанта, он отшвырнул в сторону свой смертоносный жезл и, орудуя уже двумя руками, вознамерился во что бы то ни стало сцарапать воина со своей спины. Не достигнув успеха и на этот раз, гигант попытался раздавить Алекса. Гад извернулся и всей массой тела, спиной вниз, плюхнулся на месиво бетона и лиан с торчащей щетиной ржавой арматуры... Только вот молодой воин мгновенно сориентировался, за секунду до падения спрыгнул с монстра и побежал прочь, петляя по лабиринту сада. Зелёный мутант взвыл и на карачках бросился за ним, преследуя Алекса, разрывая и раскидывая в стороны хаотичные плетения растений. Причём делал он это настолько стремительно и напористо, что почти сразу догнал нашего. Более того, тварь умудрилась загнать Алекса в угол и уже занесла над ним лапу, чёрную от своей же крови, чтобы превратить человека в бесформенное месиво кишок, мяса и костей.

Принц был обречён, и спасти его могло лишь чудо... Остальные бойцы отряда на подмогу никак не успевали. Тегр выглядывал из-за края створки люка дальнего шлюза, в бес силии сжимая кулаки, Лёша неподвижно лежал у подножия дерева, а Ильма и Виталия, которые остались у подножия тронного холма, вообще не разглядеть было в сплетениях мутной растительности. А на Алексея неотвратимо опускалась лапа смерти с корявыми пальцами и огромными когтями...»

«Ой, деда, что за ужасы ты мне рассказываешь на ночь глядя! Я хоть и не маленькая давно, но всё же... переживаю ведь за наших! Или у тебя действительно припасено какое-то чудо, раз ты делаешь театральную паузу перед смертью одного из главных героев?»

«Точно подметила, Лана. Действительно, чудо. И на этот раз — чудо техники. Алекс не слышал характерного свиста электромагнитного ускорителя, он просто увидел, как голова мутанта вместе со шлемом превратилась в красно-чёрное облако брызг крови, мозгов и осколков брони. Обезглавленное тело монстра обрушилось наземь прямо у ног молодого воина и окатило Алекса струёй горячей крови...»

Когда туловище гиганта рухнуло, открыв обзор, принц увидел своих спасителей. Ими оказались старшие воины. Ильм стоял на колене и держал на плече тяжеленный корпус ускорителя, исполняя роль опоры для орудия, а Сидоркин, прищурив один глаз, всё ещё смотрел вдоль ствола, не имея более надёжного ориентира для прицеливания.

Так закончилась эта кровопролитная схватка. Ещё на один шаг продвинулись наши героя по нехоженой тропе отчаянного похода в неизвестность...»

Глава восьмая СЕТИ ВЕСЁЛОГО РОДЖЕРА

Следом за глухим ударом электромагнитов, прилипших к шлюзовому ободу, по корабельным внутренностям пронёсся отвратительный, полоснувший по ушам скрип амортизаторов переходной банки. Старый потрёпанный челнок флота

снабжения, некогда принадлежавший вооружённым силам Союза Тысяч Миров, пристыковался к одной из длинных, гибких «колбас» причала. Они свободно болтались в пространстве и состояли только из сцепленных шлюзовых блоков, без стержневого каркаса.

Такой вопиющий факт несоблюдения правил безопасности, допущенный при сооружении космобазы, давно повлек бы за собой вполне законные возмущения владельцев кораблей и магнитом притянул бы акул из всевозможных госинспекций, если бы не один момент. Хозяевам этого порта, как, впрочем, и владельцам всех пристыкованных к нему кораблей, в буквальном смысле было начхать. На все вместе взятые правила, инспекции, комиссии и вообще на весь космос за пределами родимого астероидного облака.

Подавляющее большинство здешних обитателей занималось двумя вещами: ожиданием доставки свежей партии любого товара и подстереганием очредной эскадрильи штурмовиков или истребителей регулярного флота, осмелившихся переместиться в один из секторов этого ада и прорвавшихся сквозь плотную завесу облака астероидов. На товаре можно ручки и другие части тел нагреть, а правительственные вояк — растерзать на трофеи. Чтобы тем неповадно было. Чтобы знали все, охочие сунуться без приглашения: даже если удастся пытками или подкупом выудить координаты у кого-нибудь из посвящённых, случайно отловленного или соблазнённого посулами, — главной проблемой будет уже не сюда попасть, а живьём вернуться обратно.

В реальном космосе это светило издавна было окутано плотным облаком астероидной сферы, надёжно охраняющей секреты этой системы, а сама сфера ещё и «задымлена» газо-пылевым субстратом. Свидетельства ужасной катастрофы, некогда погубившей здесь планеты... Гремучая смесь газа, пыли и астероидов делала систему звезды Адога-209 бесполезной даже для самых отчаянных старателей. Соваться в мутную взвесь осколков без проводника было смерти подобно. Координаты месторасположения безопасных для жизни точек выхода из природных внепространственных тоннелей знали немногие. После гибели планет любой из выходов теперь вёл в «пустоту» вакуума, но — условную. Наобум под-

строившись на какую-нибудь из конкретных «частот» в пределах диапазона прохождения, корабль вполне мог материализоваться внутри крупного скального обломка или совместиться с роем мелких осколков. Да и пыль, внезапно въевшаяся в ключевые узлы звездолёта, — не подарок, а совсем наоборот.

Поэтому очень мало кто из потенциальных новопринявших осмеливался соваться в мутное пекло, не ведая, в какой именно «чистой» точке возвращаться в реальное пространство. Кто-то или что-то, уничтожившее здешние миры, разнёсшее планеты вдребезги, постаралось на славу. Оно лишило разумных возможностей пользоваться переходами без проблем. Даже тех, кто владел отработанными технологиями доступа к природным тоннелям.

Зато отсюда, если уж разумное существо здесь выжило и разведало «космоторию», оно могло переместиться за тридевять миров, в иные «пиксели Вселенной». Было бы желание. В своё время у этой звезды была очень даже обильная планетарная система, и каждый из здешних миров, конечно же, входил в какую-нибудь из ячеек. Причём все до единого они были осевыми, центральными в своих сотах! Так что уж где-где, а здесь выбор имелся богатый, с каждой «развилки» по семь дорог... Раньше проходы были привязаны к планетам, как и положено, теперь же «болтались» в пространстве, но *они продолжали существовать*. Вот что главное.

Тех разумных, что здесь обитали теперь, это обстоятельство более чем радовало. Именно оно давало им возможность жить. Снабжать и поддерживать на плаву объёмный мир-убежище размером с целую солнечную систему.

Самыми первыми сюда, убегая от правосудия, заявились преступные элементы цивилизаций миров, входящих в те же ячейки, что и планеты, некогда разнесённые вдребезги. Осуждённые за свои злодеяния на смертную казнь и не имея других убежищ, преступники хоронились среди осколков некогда уничтоженных планет. Те, кому посчастливилось выжить, совершив переходы в неизвестность. Они-то и создали здесь временные приюты для себе подобных. Затем сюда «с пересадками» начали подтягиваться маргиналы из более дальних ячеек миров, прослышавшие о здешней пират-

ской вольнице... Спустя века здесь, в астероидном поле размежом со звёздную систему, у потомков изгоев и свежеприбывающего пополнения уже имелось организованное, суровое и сплочённое братство, живущее по своим законам. Именно это братство и владело главными секретами этого зыбкого мира и пользовалось ими себе на пользу.

Просачиваться сквозь коктейльную взвесь астероидов, камней, камешков и пыли могли только те, кто ведал конфигурацию стабильных, но жутко извилистых фарватеров, а также имел доступ к маячной системе. Эти маяки, подводящие корабли к разведанным точкам ухода в различные другие соты миров, начали устанавливать ещё первопроходцы, следующие поколения продолжали развивать систему и неукоснительно, тщательно поддерживали её в исправном состоянии. Неудивительно, что самыми влиятельными членами братства являлись непосредственные хранители секретов. Обладание хотя бы частицей этой информации давало перспективу и серьёзно увеличивало возможности.

Одним из таких посвящённых и был человек, капитан этого потрёпанного корабля, что только-только пристыковался к базе корсарского братства. Сейчас шкипер парил в невесомости перед шлюзовым люком и с широченной улыбкой на лице прощался с двумя своими пассажирами. В одном из них по размерам и говору угадывался взрослый человек, а в другом, судя по относительно небольшому росту, особенностям сложения и характерному прищёлкиванию в разговоре, — прямоходящий разумный инсектоид, строением тела похожий на гуманоида. Точней определить не представлялось возможным, потому как они оба носили шлемы полностью закрытого типа, без обзорных щитков, а морфоскафандры не позволяли рассмотреть их истинный внешний вид. Единственное, что ещё можно было о них сказать, отталкиваясь от доступных параметров, — эти двое были профессиональными боевиками или наёмными убийцами. Об этом красноречиво сообщала экипировка, навешанная на внешние крепления скафандров, и следы «скользящих» попаданий зарядов различного типа оружия.

— Рад был! Очень рад нашему знакомству! — Довольный капитан на прощание крепко сжимал руку большего че-

ловека и с энтузиазмом её тряс. — Если где-нибудь ещё пересечёмся, снова провернём что-нибудь эдакое!

— Обязательно провернём, — заверял из ретрансляторов шлема голос человека. — Твой гонорар мне и моему напарнику очень даже по душе пришёлся!

Инсектоид, парящий рядом в невесомости, поднял основную пару своих руко-лап, отчего зашевелились под скафом прочиеrudиментарные отростки-конечности, и выдал серию щелчков, которую незамедлительно перевёл и озвучил женским голосом электронный искусственный мозг корабля.

— Кр'Акар желает вам долголетия и удачных авантюров в будущем, капитан.

— И тебе удачи, мой членистоногий подельник. — Капитан не решился пожать лапу разумному существу иного биовида, лишь приветственно помахал рукой.

Судя по тому, как быстро сменилось выражение лица капитана, можно было предположить, что он побаивается этих опасных и непредсказуемых в своём поведении коротышек. Боится, но уважает.

Распростившись, двое новоприбывших впорхнули внутрь причальной шлюзовой «колбасы» и, ловко отталкиваясь от её внутренних стен и скоб, полетели в направлении соединительного перехода на саму базу.

Как только наёмники влетели в последнюю шлюзовую камеру, их стала быстро опускать на условный пол нарастающая искусственная гравитация, и в основной причальный блок они уже вошли, уверенно ступая ногами по неровному, много раз залатанному покрытию палубы.

Пройдя секции более дорогостоящих, стационарных причальных гнёзд, головорезы шагнули под купол местного бара. Хотя это заведение баром можно было назвать лишь условно. Да, здесь было множество столиков и стойка с разного рода питьём и продуктами, но основное предназначение этого места выражалось на местном сленге тремя буквами: К.П.Д. Купить-продать-договориться. Именно этим здесь и занимались фактически все до единого посетители заведения.

Боевики абсолютно уверенно и спокойно пролавировали между столиками с разношёрстными авантюристами, бары-

гами, контрабандистами и просто подонками. Внимание всех перечисленных категорий местного социума они привлекали своим многочисленным оружием и снаряжением, размещенным в кобурах, петельках, кармашках, примотавшихся на поясах, спинах, бёдрах, руках, лапах и прочих частях тела, там, где они не сковывали движения профессиональных говорезов. Тот наёмник, что был человеком, остановился рядом с местным барыгой, который сдавал частные каюты, и без торга купил у того карточку на трое суток пребывания. После чего наёмники, ни секунды не задерживаясь, покинули это всегда людное местечко.

Но спустя несколько часов сюда вернулся, уже без своего напарника, один из них, человек. Он подсаживался по очереди за все столики в транспортном секторе, где по негласным правилам обычно сидели капитаны кораблей или их непосредственные помощники. Тут можно было узнать, кто и куда собирается в ближайшее время совершать переход. И, как полагается, за определённую плату «упасть на хвост» нужному транспорту. Расспросами, собственно, и занялся этот до зубов вооружённый, никому из местных обитателей не знакомый тип.

А в это время его напарник-инсектоид проделывал то же самое, но только на противоположном конце станции. Там, где были пришвартованы корыта покрупнее катеров, размерами с канонёрские лодки или малые эсминцы. Собственно, в этом секторе в основном и парковались именно канонёрки, в большинстве своём переделанные под грузовые корабли. Конечно, эти грузовики в обязательном порядке были густо утыканы орудийными турелями и пусковыми установками.

Инсектоид только-только подсел за очередной столик, к хозяину ещё одного грузовоза, в стандартном приветствии поднял лапу вверх и пронзительно издал серию щелчков. Объективы двух встроенных в передний сектор шлема видеокамер, которые транслировали картинку окружающей среды на проектор внутренней стенки закрытого шлема инсектоида, заметно шевелились, обозревая потенциального собеседника.

— Не-е-е, дружок, я по-вашему ни бэ ни мэ, — отмахнулся от собеседника средних лет коротко стриженный муж-

чина с длиннющим уродливым шрамом через всё лицо. — Нормальный слэнгер не по карману мне, да и клиентов, знающих человеческие языки, хватает, так что пользуйся услугой своего толмача, если хочешь о чём-то со мной договориться.

Инсектоид издал ещё несколько серий щелчков, после этого проделал какие-то манипуляции в нижней части своего шлема, и его лингвистический модуль, который местный обитатель окрестил слэнгером и толмачом, начал через ретрансляторы выдавать вполне человеческую речь.

— Да, капитан, я воспользовался своим модулем, — сообщил «насекомый».

— Другое дело. — Космический бродяга криво улыбнулся, откинулся на спинку своего стула и сцепил пальцы замком в районе живота. — Слушаю тебя внимательно.

— Спрашиваю. Какой из сетевых порталов и как скоро ты собираешься посетить и сколько будет стоить мне и моему напарнику проезд на твоём корабле?

— Странный вопрос... Обычно у меня сначала узнают, туда ли я лечу, куда им нужно. После начинают торговаться. — Капитан корабля по-настоящему удивился. — Сдаётся, тебе равнобедренно, куда лететь. Я наблюдаю за тобой с момента, как ты здесь появился... Я так понял, ты уже говорился о цене со всеми предыдущими кэпами, с которыми успел потолковать. Их корабли, я в этом уверен, собираются проходить чуть ли не в противоположных направлениях. Никогда не бывает, чтоб все ломились в одну сторону... Не думаю, что наши культуры разнятся настолько, что мне в упор не понять мотивы твоих странных действий.

— Любопытство, капитан? Это свойство имели почти все особи твоей расы, что встретились мне. Никого из них не привело оно к счастливому финалу, — изрёк инсектоид и добавил после небольшой паузы: — Я правильно выразился?.. Хотя для тебя сделаю исключение, так уж и быть.

— Правильно, правильно... Да уж, будь так любезен. — Кисти рук корсара разомкнулись и рефлекторно потянулись к лучевикам, висевшим на поясе. Последняя фраза наёмника казалась безобидной, но с этими нечеловеками ухо надо держать востро, ещё вострее, чем с обычными бандитами. —

И будь добр, сделай что-нибудь с тембровым диапазоном слэнгера. Ты, наверное, не догадываешься, но такие голоса у наших самок, ещё не способных размножаться... девочки, так мы их называем. Мне как-то не по себе от несовпадения... э-э... формы и содержания.

— С этим ничего не поделать. Я снял этот модуль с трупа убитого мной детёныша, и настройки вшиты соответствующие. Довольствуйся тем, что есть! — Трофейный лингвомодуль инсектоида был настолько высококлассным, что передавал эмоциональный окрас речи, в данном случае гневный.

Руки капитана дёрнулись повторно, но он решил больше не испытывать судьбу на прочность. В глазах матёрого космического волка мелькнула тень вполне обоснованного страха перед этим малорослым разумным насекомым. Инсектоиды с точки зрения людей, которые сами далеко не ангелы, были тварями агрессивными, опасными, быстрыми, непредсказуемыми и кровожадными. При этом очень сообразительными и хитрыми. Убить одну такую насекомину было достаточно проблематично для двоих-троих людей, что уж говорить про одного, пусть даже опытного корсара.

— Ты сам распознал, каким ремеслом я зарабатываю на пропитание. И ты понял, что мы с напарником здесь впервые, прилетели на попутке из другой соты, — начал наёмник; дождавшись осторожного утвердительного кивка собеседника, продолжил: — У нас ещё остались невыполненные заказы, и сейчас мы выстраиваем логистику наших перемещений, то есть последовательность исполнения. Тебе ясно, для чего мне нужна предварительная информация? Надо учесть все возможные векторы перемещений отсюда к планетам других ячеек.

— Ответ вполне обстоятельный и удовлетворительный. Я слышал, что вы народ скрупулёзный. — Капитан оторвался от спинки своего стула и облокотился на столик. — Но есть одно большое НО, и видимо, потому, что вы здесь новички, этот фактор не учли.

— Говори прямо, человек. — В звонком голосочке слэнгера прозвучали нотки раздражения.

— Вольные торговцы по большей части пользуются односторонними порталами. Сеть миров не особо нас жалует.

Мы не в ладах с законом, сам видишь, потому во многие миры нам лучше не соваться. Так что, если вы окажетесь на борту корыта, которое здесь проходит какой-нибудь из порталов, то скорей всего получите билет в один конец. Чтобы вернуться обратно сюда, вам придётся делать огромный крюк. И не факт, что он в обозримом будущем подвернётся, этот обходной путь, ведущий сюда из точки, в которую угодите. — Корсар криво улыбнулся и развёл руками. — А мой «Бизон» как раз следует в Олькидур, и там нас очень сильно недолюбливают.

— Погоди, капитан... Я пока даже не пытаюсь понять, что ты подразумеваешь под односторонними порталами, но даже если они есть, то откуда знать, где окажешься, пройдя через него? Тем более если может не быть путей возвращения. Откуда информация-то?! — В девчачьем голосочке наёмника звучали нотки удивления. — Или я что-то не так понял? Может, в моём переводчике усечённый словарь?

— Ну-у, вы точно издалека, ребята! — Корсар развёл руками и спросил: — Тебе что, лекцию по истории нашего мира выдать?

— Обязательно. Хотя бы краткую. Могу отдельно заплатить за информацию. Я смотрю, ты человек знающий и язык у тебя хорошо подвешен... Я правильно выразился?

— Сколько? — живо поинтересовался словоохотливый корсар.

— Пять. Устроит? — Объективы неподвижно смотрели в лицо человеку, и у корсара наверняка должно было возникнуть ощущение, что это глаза собеседника испытующе впредились в него. Отказать капитан не смог, хотя оплата была смехотворной. На пару порций выпивки едва хватило бы.

— За короткую — вполне. Ладно, разжую, как ребёнку. Не обессудь, голосок у твоего толмача совсем детский... Если от природы существуют пути, благодаря которым можно сразу перейти с одной планеты на другую, расположенную в совершенно иной точке космоса, значит, это зачем-то нужно? Нас не очень волнует зачем. Главное, что мы научились проходить туда-сюда. Сеть внепространственных проходов, увязывающих планеты в восьмёрки миров, — природная, и это ключевое слово. Они есть независимо от нас, а мы просто

научились ими пользоваться. Именно поэтому не было необходимости изобретать машины, которые сами бы такие проходы каким-то образом сотворяли. Надо было изобрести машины, которые открывают закрытые двери. Дверные ручки или ключи от замков... Хотя проходы больше похожи на радиоканалы, чем на двери. Они множественные, широкодиапазонные. Накрывают весь мир, а не один конкретный квадратный метр. И если знать, как суметь воспользоваться этой множественностью, можно не только из мира в мир перескакивать, но и в пределах одного мира перемещаться. Люди издавна используют это свойство, вычленяя отдельные частоты из общего спектра, чтобы устраивать порталы ближней дистанции... Но вернусь к односторонним каналах, о которых ты спросил. Все дороги между мирами, сходящиеся в этом мутном облаке, были когда-то двусторонними, конечно, и то была эра процветания нашего братства. Но цивилизации многих миров, расположенных на тех концах проходов, или недостаточно развиты, или, наоборот, хорошо развиты. Первые нас боятся, вторые ненавидят. Или наоборот... Сообразив, что имеют дело с несанкционированными проникновениями и вторжениями, они разрушили или заблокировали наши стационарные порталы, которые были сооружены на их концах проходов. И сколько наше братство ни пыталось отстраивать станции заново, они снова подвергались санкциям разного рода. В тех мирах не желают потоков нелегальных товаров, и налёты наши им почему-то не по душе, кхм... Так что в большую часть миров нынче можно заслать всех желающих лишь в одном направлении, и то не особо прицельно. Без приёмника на той стороне перемещение получается как бы слепым, никогда не знаешь, куда тебя занесёт, в пределах одной планеты, понятно. Только вот сегодня на берег океана, а завтра в самый его центр. Чтобы ты себя представил легче, это подобно ленте в направленном воздушном потоке. Один конец ленты закреплён, а другой свободно трепыхается на ветру вдоль направления, куда дует поток. Привяжи тряпичку к вентилятору, увидишь...

Кстати, выяснилось, что степень разброса в прямую зависит от тяжести перемещаемого. Чем больше масса, тем сильней рассеивание. Человек почти наверняка угодит на поверх-

ность планеты, а корабль, особенно большой, может и отбросить от неё достаточно далеко, в ближний космос... Вообще я считаю, что нам лучше развивать настоящую астронавтику, чтобы самим создавать проходы, а не посыпать корабли в существующие каналы. Ракетные движители разного рода вообще для ближайших перелётов, а различные конструкции двигателей гипердрайва, те, что пытаются копировать естественные проходы и летать между звёздами, или слишком тихоходны, далеко не мгновенны, или перемещают звездолёты в пределах видимости, так сказать. Прокалывают пространство по установленным, уже известным координатам, от вешки к вешке. Такая же сеть, только локальная, местного значения. Но Вселенная большая, и миров в ней невесть сколько, так что всякое может случиться. Надеюсь, где-нибудь уже додумались до какого-нибудь... супердрайва. На котором хоть в бесконечность проходи, если не боишься. Кто-то, вполне допускаю, может это вытворять силой мысли, так сказать. Может, слышал, болтают о живых существах со сверхспособностями? Которые, мол, без всяких порталов шастают по мирам. Я так не могу, жаль, зато многое отдал бы за возможность с помощью машин уходить в свободный внепространственный полёт. Создавать проходы самому... Но это мечты, мечты. А пока что шастаем по мирам украдкой. Не до жиру, быть бы живу. Если твой толмач справится с переводом этого выражения. За информацию ты мне заплатил, больше ничем помочь не могу в вашей логистике. Только пожелать удачных... ликвидаций.

— Благодарен. Отдельно, — инсектоид выложил на столик ещё одну монетку номиналом «5», — за бонусный рассказ о мечтах. Всё же, капитан, потрудись ответить на мой самый первый вопрос. — Инсектоид был невозмутимо спокойен. Он молча выслушал лекцию, прокомментировать не счёл нужным, хотя полученная информация должна была его как минимум огорчить. Для выполнения заказов наёмникам необходимо было вернуться в сеть «двусторонних» переходов.

— Ну, ты непреклонный парень. — Корсар ухмыльнулся. — Что ж, хорошо. Ровно через два цикла мой мальчик, «Плазменный Бизон», отчаливает от восьмого причала сек-

ции «ДЭ». Что касается оплаты, обычно я беру по пять сотен ингрэ со шлема, но в вашем случае я меньше чем за две тысячи с тулowiща рисковать не собираюсь. Хочешь, не хочешь, мне сиренево.

— Меня устраивают твои расценки, капитан, будем считать, что договорились. — Инсектоид сделал пометку в памяти своего наручного компьютера, встал и протянул свою лапу для рукопожатия. Совсем по-человечески. Так же, как и всем предыдущим корсарским капитанам, с которыми общался.

— Да, человек, — вдруг сказал наёмник, уже сделав первый шаг прочь от столика; одна из видеокамер шлема развернулась назад, так что оборачиваться инсектоиду нужды не было, — а кем ты был раньше, до того, как стал корсаром? Лекцию прочитал... как по писаному. Я правильно выразился?

— Любопытство? — ухмыльнулся капитан.

— Я долго живу среди людей, заразился. Ты прав. Извини, лишнее спросил.

— Отплачу той же монетой. Я почти уверен, что ничего нового не сообщил тебе. Зачем же понадобилось оплачивать сведения, и без того известные?

Ответа человек не дождался. Шустрый инсектоид уже достаточно отдался, чтобы проигнорировать вопрос, не опасаясь выглядеть невежей. Внутри базы живые разумные вообще старались вести себя спокойно и воспитанно. Любой конфликт жёстко пресекался группировкой, поддерживающей функционирование. Разборки в космических сооружениях чреваты серьёзными последствиями, поэтому обитающие в открытом вакууме поневоле становятся паниками. Кто головой не думает, долго не живёт...

Спустя несколько часов оба наёмника встретились в снятой ими меблированной каюте. Распаковав свой небольшой походный рюкзак, человек наконец-то снял шлем и выполнил несколько упражнений, разминая шейные мышцы.

— Ох-хо-хо, а у тебя шея не затекла, Лана? — обратился он к своему напарнику.

— Не то слово, деда! — ответил всё тот же девчоночный голосок, которым инсектоид беседовал с корсарами.

Хотя в эту секунду и второй шлем уже был снят, вместе с модулем-толмачом, встроенным в него. Под шлемом, как ни странно, оказалась голова не насекомого, а гуманоидного ребёнка. Девочки-подростка. Зачем она мимикрировала под живого разумного иного биовида, стало ясно из последующего разговора путешественников.

— Ну что, дедушка, глубокая маскировка не была на-прасной? — спросила девочка. Она ухватила руками ложные дополнительные конечности и потрясла ими. По выражению её лица можно было понять, что игра в конспирацию ей очень нравится.

— Шутишь?! — Мужчина хохотнул, но смех его был отнюдь не весёлым. — Если не каждый пятый, то каждый десятый уж точно из старых знакомцев. Увидь они меня без шлема, даже разговаривать не стали бы, как тот бармен в стране бобовой дури, накинулись бы и зубами горло перегрызли. Так что или надо пластимаску цеплять, или операцию по изменению внешности делать, или... ну ты поняла, разве что-то для солдата может быть привычней шлема? Сюда ведь, в это уникальное межзвёздное убежище, стекаются маргиналы всех мастей, а я с немалым их количеством пересёкся. Да и ты успела...

Внучка задорно рассмеялась, наблюдая, как её дед комично демонстрировал в лицах процесс перегрызания его горла толпой свирепых разбойников.

— Я тоже заметила некоторые знакомые физиономии. Как думаешь, кто-нибудь из них примет нас за других, чтобы потребовать по чьим-то векселям? — спросила она, обрывая смех. — Или нам следует опасаться только собственных грешков?

— В любом случае рисковать не стоит, делаем всё быстро, — продолжил уже серьёзным тоном мужчина, — ужинаем, сводим добытую информацию воедино и начинаем сдвигать с мёртвой точки... стрелочку твоего внутреннего компаса. А там уже по обстоятельствам. Если мы вернулись на круги своя, значит, пора переходить на другой виток спирали.

— Слушаюсь, ваше командирское главнейшество!

Девочка вытянулась в струнку и энергично откозыряла старшему, сначала правой, а затем левой рукой. Затем опус-

тила их, сделала шаг к старшему спутнику, подняла лицо и в упор посмотрела ему в глаза.

— Деда, скажи, а ты ведь знал о существовании ЭТОГО перекрёстка? Только мне раньше не говорил, таскал по всяkim там гуриндовым полям...

— Всему своё время, Светлана, — твёрдо ответил старик, не отводя взгляда. — Всему своё время. В любой школе есть циклы обучения. И экзамены, закрепляющие пройденный материал.

...В своё удовольствие она здесь живёт-поживает! Ух, стервоза!

Выглядываю из-за колонны. Тот, что слева, пальнул, дурячок. Гранату ему за это, и зачем выдал себя? Сидел бы в засаде и не дёргался.

Вдоль противоположной стены бежит Ильм, бьёт прицельно, короткими очередями. Благодаря его манёвру у меня появляется отличная возможность продвинуться вперёд на несколько метров и занять выгодную позицию. Теперь я прикрыт надёжно, меня не достать, пускай наёмники зря трят свои боеприпасы.

Братья прорвались в глубь зала, судя по грохоту, исходящему оттуда. Браво! Восславянин же, как я понял, решил обойти противника, надо помочь коллеге. Переползаю, сменив дислокацию. Даю прицельно одиночными из узкого проёма, здесь, внутри наваленных шкафов, темно, меня не видно, зато я всех вижу замечательно. Боевики падают один за другим, не могут сообразить, откуда ведётся огонь, мечутся в поисках убежища, а-а-а, паника, хорошо. Три одновременных взрыва, сыплятся обшивка с потолка, непроглядный дым, пыль. О, знакомые короткие очереди, можно выбираться из укрытия. Эффектное появление, коллега? Я одобрительно подмигиваю Ильму. Он кивком благодарит, и мы бежим дальше.

Здесь помещение сужается, зал превращается в коридор, и дальнейшему продвижению мешает цепь вражеских стрелков. Я раскаиваю «маятник», а Ильм, с моей помощью за прыгнув на стену, пробирается в переплетение труб и кабелей коммуникационной магистрали, идущей поверху, теряет-

ся из виду, и только по характерному звучанию его оружия я примерно определяю, где восславянин сейчас. Жизненно важно знать, где твой напарник, хотя бы для того, чтобы не зацепить его. Обидно будет помереть от руки своего. Даже если и был период, когда мы отнюдь не являлись друг другу своими. Всё-таки он всегда оставался и остаётся верным «затомом командира Дымова». В отличие от меня...

Эти полностью обмотаны бронёй, пока свалишь их, можно и самому пулю успеть получить. Ловите гранату! Пригибаются, взрыва нет, я лечу мимо, пользуясь паузой, указательный палец, конечно, со спуска не убираю. Ищу, где б укрыться... Открытое место, дьявол, негде прятаться, тянуть нельзя, пора исчезнуть с линий их прицелов, сейчас попадут... Классно придумал Ильм. Громадина из щитков, плат, кабелей валится сверху на бронированную пятёрку. Высокочастотные разряды убивают их, искры, молнии, агонии, всё как положено. Некогда любоваться, забыл о них, следую дальше. Восславянин снова рядом, плечом к плечу.

Мы в следующем зале, вот и центральный пульт. Как «грибок» зонтика, над ним непроницаемый покров, узкий люк намертво закупорен. Нам не пробраться туда в ближайшую сотню лет, материал этот не пробьёшь, не распишишь. По крайней мере средствами, имеющимися в нашем распоряжении.

Лёха с Алексом стоят рядом, сжимают своё тяжёлос оружие. Оглядываясь по сторонам, стерегут подходы, но скорее для проформы. Лёша брови хмурит, а мой — улыбается. Той, своей, злой улыбочкой, хорошо мне знакомой. Значит, всё, опасаться больше некого, все противники ликвидированы. Пытаюсь понять, кто из них справнее, вроде как одинаковые, братья.

Из прорези в полу поднимается здоровенный дисплей, в нём проекция расфуфыренной брюнетки, увешанной драгоценностями и затянутой в блестящую красно-чёрную кожу. Говорит низким, обволакивающим голосом. Предлагает сотрудничество, союз, сулит роскошь и блаженство. Потом сообщает, что нам её всё равно не достать, а у неё под боком звездолёт в шахте томится, она, мол, сейчас прыг в него и улетела, взорвав за собой планету. Ситуёвина хреноватенькая, если Жрадова не блефует.

Наша девочка говорит, что не блефует. Тич стоит немногоВпереди двух Алексеев и сосредоточенно смотрит на экран. Парни, не сдержавшись, дуэтом выдают крепкие выражения, комментируя происходящее, и локосианин моментально реагирует:

— Заткнитесь, вы мешаете госпоже.

Телохран сообразил первым, что неудивительно. Я же, как и остальные, не столько близкие к ней, просто не въехал сразу, что происходит, но внимательней приглядевшись...

Лицо Жрадовой изменяется, превращаясь из стервозного в глупое, речь замедляется, замедляется, пока не останавливается совсем. Хочешь верь, хочешь не верь глазам своим, но женщина безвольно поднимается и открывает люк изнутри. Камера всё бесстрастно фиксирует и нам демонстрирует. Её руки, голова повисают, как мокрое бельё на верёвке, короткие шажки, вытекающая из уголка рта слюна.

Вены, которые я раньше не замечал, вспухли на висках Тич, пальцы в судорожном «замке», аж костяшки побелели, сухие губы что-то монотонно шепчут. Глаза-щёлочки, зрачки с маленькие точечки. Что-то вроде направленной атаки, такого даже наши парни не могут учудить сквозь защиту. Вот и показала себя она снова, наша спасительница...

— Сто, пять, Бэ, — еле слышно бормочет девочка, — плюс, двоеточие, два, два, два...

Тегр записывает.

— Что за бред? — нетерпеливо перебивает Алекс.

Тут уж я не выдерживаю и показываю ему кулак. Он не может проигнорировать мой красноречивый жест и потихоньку ретириуется в сторонку... натыкается спиной на статую голого мужика с фаллосом вместо головы, единственную во всём зале, неизвестно как уцелевшую. Мужик с грохотом падает и разлетается на мелкие кусочки. Заваливается и Тич, закатив белки глаз, прямо на руки Лёхе.

Ну, Алекс!..

Будем надеяться, что наша девочка успела продиктовать код полностью.

И пойми его, паршивца, в таком случае! Специально он это сделал? Назло? Или действительно не хотел...

* * *

«Из верхнего купола в подземный комплекс наши герои спустились по тоннелю. Тёмный и широкий, вёл он круто вниз, с уклоном градусов тридцать. В таком стоило лишь разок споткнуться... и под жужжание тех автоматических гермопереборок, которые всё ещё функционировали, да отскакивая от переборок заклинивших, можно было очень быстро очутиться в конечном шлюзе подземки, пятьюдесятью метрами ниже поверхности. Судя по многочисленным колеям проржавевших рельсов, что тянулись вдоль тоннеля, там в своё время ходили платформы для спуска и подъёма. Теперь же весь путь чернел от наслоений некогда пролитых машинных масел, накопившейся грязи и спёкшейся крови.

Когда стихло шипение шлюзовых насосов нижнего уровня, один из створов, поскрипывая, отодвинулся в сторону, освобождая проход в подземный комплекс.

У всех бойцов отряда полевые датчики системы жизнеобеспечения, моргнув зелёными огоньками, погасли. Это значило, что газовая смесь в помещении признана вполне годной для дыхания. Наши сразу поспешили снять маски, чтобы сохранить оставшийся ресурс фильтров для экстренных случаев... И чуть ли не в один голос, хором прокляли того, кто калибровал значения датчиков. Дышать, конечно, этим воздухом было можно, но терпеть жуткую вонь — занятие не из приятных, мягко говоря.

Братья остались в шлюзовом ангаре вместе с Тегром и Тич. Обоих младших Дымовых сильно потрепало в последней схватке. Лёша только-только приходил в себя после сильного удара. Алексу вообще очень бы не помешала медицинская помощь. Тич, конечно, обработала ему раны на спине и вколола лошадиную дозу антибиотика, но спайка ран полевым медицинским kleem — временная мера. Настоятельно требовалось отыскать какой-нибудь настоящий госпиталь и уже там подлатать бойца на совесть.

Зачисткой подземного комплекса занялись старшие. В тусклом мерцании редких мутных плафонов системы освещения перед их глазами всплывали мрачные картины. Ес-

ли сверху, среди множества помещений, разделочные мясные цеха были скорее исключением, то здесь эту функцию выполняла почти каждая комната... Зелёные гады, обнаруженные в подземелье, выглядели неповоротливыми и жирными. Непомерно разожравшимися... Наверняка именно они занимались в своём племени вопросами... э-э... общественного питания. Расправа с отьевшимися мясниками не отняла много сил и времени. Но каково же было удивление старших воинов, когда они, перебив спящую охрану, добрались до центрального зала, переделанного в огромную клетку... Они встретили пищу зелёных аборигенов! Всё ещё живую еду...

Заметив какое-то движение в сумраке одного из коридоров, наши бойцы, оставшиеся в шлюзовой камере, вскинули трофейное оружие и подготовились к бою. Из темноты на них повалила целая толпа... И только Ильм, крикнувший «Свои!!!», вовремя удержал Тегра от метания осколочных гранат.

Один за другим из тьмы на свет выходили люди, облачённые в заношенные, много раз латанные гермокомбезы. Глаза освобождённых излучали страх вперемешку с лютой ненавистью. Можно было только догадываться, чего они насторожились в ожидании своей очереди быть разделанными живьём... Это были воины. Мужчины и женщины разных возрастов, хоть и перепуганные, изнурённые голодом, но всё же воины. Весь их внешний вид и поведение буквально сигнализировали об этом. Толпа уже успела обзавестись прутьями, обрезками стальных листов, кусками арматуры, и, как только эти люди оказались в освещённом помещении, почти все они, не говоря ни слова, без какой-либо команды, разбились на группы по три-четыре человека и заняли позиции на входах-выходах в ангар. Их горящие от жажды мщения глаза не переставая шарили по сторонам в поисках ненавистных зелёных великанов.

Наши бойцы молча наблюдали за действиями бывших пленников, но своего оружия не опускали. До тех пор, пока не заговорил один из нескольких местных, что остались в центре ангара вместе с Ильмом и Виталием. Что характерно, лингвистические модули-переводчики не издавали ни звука... Ну, практически. Только когда говоривший употреблял в

своей речи... э-э-э... непереводимый местный жаргон, тогда из динамиков сыпался русский мат. Выяснилось, что наречие, на котором эти люди общались, очень близко к славянским языкам родной соты наших бойцов...

Говорящий, по-видимому, лидер своих соотечественников, произносил фразы быстро, буквально выстреливал их. Имени своего он не назвал, лишь представился полковником некоей армии старков. Сначала этот полковник кратко, но достаточно пафосно сказал спасибо за освобождение своих людей и сразу же, без какой-либо паузы, отбросив официальный тон, по-деловому стал расспрашивать о боевой обстановке наверху, в лагере противника... И каково же было удивление бывших пленников, когда из... м-м-м... импровизированного доклада Ильма они узнали, что наши полностью уничтожили зелёных вместе с их главарём. Во взгляде полковника даже промелькнула тень недоверия ко всему, что сообщил восславянин, но сомнения недолго терзали командира освобождённых. Он быстро усвоил вводную информацию и принялся отдавать своим людям чёткие приказы. Бывшие узники мутантов тотчас же начали разбегаться по всему подземному комплексу.

Спустя минут двадцать в центре ангара выросла целая гора... Как показалось нашим бойцам, из всевозможного барахла. По большей части там были тяжёлые цилиндрические контейнеры с ручками для переноски, комбинезоны, пустые баллоны, видимо, для хранения сжатого воздуха, явное оружие энергетического типа и прочие, не особо поддающиеся описанию трофеи. Когда местные люди вновь собрались в ангаре и отрапортовали полковнику о выполнении приказаний, тот обратился к нашим воинам и предложил отправиться в куда более безопасное место. В укреплённый лагерь, базу армии старков.

Также он попросил наших принять участие в транспортировке жизненно необходимых трофеев. Коротко объяснив, что выживание в этом мире — занятие хлопотное, и пренебрегать любыми дармовыми ресурсами как минимум неразумно. Тем более что его самого и ещё нескольких человек людоеды поймали именно тогда, когда они пытались добраться до хранилища этой станции.

Наши не отказались, понятное дело, и уже через пять минут оправились в путь. Поверх своих комбинезонов они натянули местные гермоскафандры и шлемы, а всевозможными трофеинными вещами... м-м-м... навьючились до предела своей грузоподъёмности. Переход, надо отметить, был долгим и утомительным. Причём за всё время караван сделал единственный привал, и то лишь потому, что полковник заметил — Тич уже на пределе, её физические силы попросту иссякли... Тяжело ей далось, в общем, это перемещение, хотя оно было вовсе не межпланетным. Так или иначе, вечером отряд наконец-то вышел к горному массиву. На вершине одной из скал, несмотря на сгустившиеся сумерки, можно было различить некие строения, напоминавшие базу или станцию. Туда все и поднялись, используя для этого что-то вроде лифтов, такие металлические ящики с канатами...

Не случилось никакого радушного приёма и тем более празднования в честь гостей-освободителей. Как, впрочем, и не было заметно особой радости у встречавших. Возвращением в лагерь большой группы выживших никто не восторгался. Создавалось впечатление, что всё произошедшее ничем не выделилось на фоне повседневной обыденности. Какое-то подобие оживления поднялось, когда встречавшие сообразили, сколько цилиндрических контейнеров притащил с собой отряд. Как позднее выяснилось, эти контейнеры оказались универсальными топливными элементами для реакторов системы жизнеобеспечения станций.

Но всё же одна благодарность была выражена. Поблагодарил наших не кто иной, как полковник, и сделал он это после трапезы в просторной общей столовой. Алекс событие пропустил, им вплотную занялись местные врачеватели. Уже после того, как ужин закончился и помещение опустело, тот самый лидер освобождённых подсел к Тич и её спутникам. Нашим отрядникам после еды ничего не оставалось, как ждать, перешёптываться о своих впечатлениях и делиться наблюдениями.

Вот в этот момент к ним и присоединился полковник. Он поблагодарил за своевременное освобождение из плена и неожиданно представился как военный журналист Рыков... Причём, этак кривенько ухмыльнувшись, добавил: «Да-да,

вы не ошиблись, тот самый Рыков из «Вакуумной правды», который пропал три года назад!» Точно так. Далее он поведал печальную историю этого, как оказалось, достаточно молодого мира.

Было так.

Поначалу ноль-ноль-шестьсот-четырнадцать-ноль-пять-девяносто-вторую, а именно под этим шифром планета числилась в единой базе данных, выкупила компания, занимающаяся планетарной недвижимостью. Из-за выгодного расположения в кластере, рядом с транспортным перекрёстком, предпримчивые хозяева пытались сделать мир пригодным для жизни, а потом продавать участки всем желающим. Как толстосумам под роскошные поместья, так и просто переселенцам, подыскивающим себе новые дома... По разной цене, конечно, ты же знаешь, стоимость недвижимости сильно варьируется в зависимости от кондиций.

Так вот, на планете соорудили сеть модулей с энергетическими реакторами и технопарками разнообразных терраформеров, и процесс сокровения годного для обитания мира стартовал. Большинство модулей работали в автоматическом режиме, им требовались только незначительный сервис и периодические заправки топливом. Меньшая часть модулей была обитаема. Их населял обслуживающий персонал со своими семьями и, конечно же, руководящие инженеры, которые отслеживали и корректировали процесс терраформирования.

Первым делом была изменена атмосфера. Спустя достаточно небольшой срок после начала трансформации на планете уже можно было дышать, не прибегая к помощи автономных дыхательных систем и даже обычных фильтров... В ещё «недостроенный» мир начали прибывать поселенцы, жаждущие получить существенные скидки. Они заранее выкупали скальные участки, которым со временем предстояло обернуться цветущими садами... Немало их было, таких. Люди выкладывали сбережения всей жизни, чтобы заполучить себе и своим потомкам в вечное пользование толику недвижимости.

Но сделать атмосферу пригодной для дыхания гораздо проще, чем поддерживать её в таком состоянии. Террафор-

мировщики зарядили топливом, перенастроили и подготовили модули ко второму этапу перестройки экосистемы планеты... которому не суждено было начаться. Что именно произошло, никто так и не узнал, но поговаривали о странном... э-э... скажем так, «несчастном случае». В результате него в тектонических пещерах сначала погибли две тысячи служащих компаний, которых туда один чёрт знает зачем понесло, а позднее — почти столько же военных, посланных за ними. Компания не в состоянии была выплатить сразу такое огромное количество предусмотренных контрактом компенсаций, она неожиданно для самой себя очутилась на грани банкротства, и дорогостоящий процесс терраформации остановился. Судебные тяжбы лишь усугубили ситуацию, и, чтобы покрыть долги, планета была продана с аукциона вместе со всем оборудованием.

Новый хозяин, а точнее, хозяйка была координатором частного флота. Этим эвфемизмом прикрывалась предводительница банды пиратов. Ирра Жрадова, именно так её звали, выложила кругленькую сумму за недоделанный мир. Разумеется, ушлая патронесса межзвёздных шакалов не пожелала вкладываться дальше. Ведь нужно было потратить не менее серьёзные средства на завершение процесса и затем ждать долгие годы, пока свежеиспечённый приватный райский сад отобьёт свою себестоимость и будет приносить солидный доход. Жрадова и члены её шайки хотели получить всё и сразу.

Выгодное расположение планеты открывало множество вариантов её использования. Ирра выбрала самый недостойный из них, тем не менее способный приносить высокий стабильный доход. После определённых юридических манипуляций планета получила официальный статус галактической свалки...

Переселенцам, уже выкупившим участки, деньги, разумеется, не вернули. В подобном случае, по закону, обеспечить этим людям достойные условия обитания должен был новый хозяин. Ирра и обеспечила... Она предложила им жить либо в своей резиденции, центральном модуле-мегаполисе, либо на любых других обитаемых станциях и работать утилизаторами на её частной планете-свалке. Разумеется, живой

труд на мусорных мирах воспрещается всё тем же законом, и за подобные нарушения предусмотрены суровые штрафные санкции... но — лишь в том случае, если кто-нибудь об этом заявит в суде. Владельцы участков были крайне возмущены и в поисках справедливости решили обратиться в суд центральной планеты кластера. Однако хитрая пиратка активировала всеволновой подавитель и заглушила все средства связи на планете, а её подручные на своих кораблях взяли в блокаду околопланетное пространство. С той поры никто без ведома пиратов не имеет возможности ни покидать планету, ни опускаться на её поверхность.

Сотни тысяч поселенцев и бывших работников терраформационной команды стали заложниками нового порядка, который навела здесь банда Жрадовой. Дешевле было держать людей под контролем, превратить их в стадо животных, сделать так, чтобы за пределами мира их голоса никто не услышал, чем реализовать законное право на достойный уровень существования. А бесчинства и преступления, которые совершали Ирра и её головорезы, поддерживая установленный режим, не оставляли пиратам ни единого шанса на милость правосудия. Поэтому меньше всего они бы хотели, чтобы их гнусные деяния получили огласку. Разбойники и до этого не отличались человеколюбием, сама собой, но здесь, ради удержания власти, они... э-э... превзошли сами себя.

Владельцы участков и бывшие служащие компаний, которые принимали условия новой хозяйки, превращались в самую дешёвую рабочую силу кластера. Но всё же большинство поселенцев и работников не захотели становиться стадом бесправных животных, которых стригут и забивают на мясо. Они объединились в сообщества и организовали мощное сопротивление. Разразилось настоящее восстание.

Повстанцы захватывали станцию за станцией и всё ближе подходили к центральному комплексу. Им нужно было всего лишь добраться до резиденции Ирры, захватить подавитель, отключить его и подать сигнал бедствия. Тогда на планете для прояснения ситуации высадились бы подразделения регулярной армии, эффективно противостоять которым пираты были не в состоянии при всём желании.

Только вот сила в конечном итоге оказалась на стороне Жрадовой. Пиратка ведь имела коды доступа ко всем терраформационным сооружениям планеты. Взяла, да и перепрограммировала все штатные автономные системы модулей, настроила на уничтожение повстанцев, превратив орудия созидания в средства уничтожения. Вмиг взбунтовавшиеся по всей планете машины застали повстанцев врасплох и нанесли тяжёлый урон. Восставшие понесли огромные потери, и поначалу успешная кампания захлебнулась в крови и хаосе.

Многих оставшихся в живых Ирра даже не стала отлавливать и уничтожать, понадеявшись, что повстанцы со временем сами вымрут от ухудшения экологического состояния. Она попросту стянула машины-убийцы со всего мира в плотное многокилометровое кольцо вокруг своей резиденции. Это кольцо местные прозвали Мёртвым Поясом. Пройти сквозь ряды металлических монстров было практически невозможно, но даже если бы и ухитрился добраться в центральный комплекс какой-нибудь небольшой отряд — его шансы на успех практически равнялись нулю. Резиденция буквально кишила криминальными соратниками Ирры, которые слетелись на её планету, как мухи на гниль...

Повстанцам ничего не оставалось, как выживать, планировать и готовиться ещё к одному отчаянному штурму центрального комплекса. Их некогда единая армия постепенно распалась на разрозненные группировки, что во многом облегчило жизнь Жрадовой. Но подлая Ирра решила ещё и перестраховаться. Она отправила к повстанцам якобы вольного торговца, просочившегося через блокаду. Корабль выгрузил партию медикаментов. Среди обычных препаратов был некий адаптин-один-эм. Это чудо-средство, по идее, должно было многократно укрепить человеческий организм и таким образом помочь поселенцам адаптироваться к неизбежно ухудшающимся параметрам окружающей среды.

И средство действительно помогло. Тела людей, принявших это лекарство, начали разительно изменяться. Люди перестали болеть и получили возможность безопасно перемещаться по загрязнённым территориям. Даже смогли нормально дышать здешним воздухом со смертельным для

обычного человека содержанием токсинов. Но это была лишь одна сторона медали. Организмы этих несчастных изменились и значительно окрепли, а вот нервная система стремительно атрофировалась. Эти существа практически не чувствовали боли, были сильны, как буйволы, но отупели фактически до животного уровня. Со временем эти мутанты сбились в племена и стали пожирать единственную легко-доступную пищу на планете. Потомков людей, которым не достался тот самый адаптин...»

«Разделяй и властвуй. Старо, как... Но люди раз за разом наступают на те же самые грабли. Так что же там с Рыковым? Он полковник или журналист, я чего-то не...»

«Он журналист. Но военный. В звании полковника. Армии испокон веков никак не обходятся без представителей древнейших профессий, что первой, что второй... Точно так. Знаменитый в том кластере деятель СМИ, он прилетел в поисках очередной сенсации, информация-то имеет свойство просачиваться, как её ни удерживай... И был разоблачён. При попытке к бегству его яхту подбил планетарный штурмовик, и она потерпела крушение на территории старков, одного из племён бывших постанцев, где полковника и подобрали местные жители. Рыков прижился, даже стал одним из авторитетных...»

Глава девятая ОГНЕННЫЙ ВАЛ

Дикий вой аварийных сирен наполнил все помещения незадолго до того, как саму космобазу несколько раз сильно встряхнула серия взрывов. Основное освещение погасло, замельтешили оранжевые аварийные мигалки. Из всех интеркомов внутренней связи донеслось тревожное оповещение.

— Нас атакуют!!! Всем капитанам кораблей немедленно вступить в бой! Защищайте базу от торпедных атак! Не дайте им разрушить шлюзы и хранилища! — надрывно кричал чей-то голос.

По коридорам, не проявляя каких-либо признаки паники, стремительно носились люди. Каждый знал, куда ему бежать

и что делать в данной ситуации, которые, судя по всему, здесь возникали нередко.

В это время в одной из приватных кают жилых секций над бесчувственным телом девочки-подростка склонился пожилой мужчина и отчаянно тряс её за плечи.

— Лана, очнись!! Лана, быстрее!!! — надрываясь не хуже командира базы, орал мужчина.

Девочка наконец открыла глаза, по ним можно было понять, что она сейчас находилась в заторможенном состоянии. Возможно, после какого-то потрясения или травмы. Не без помощи старшего она, пошатываясь, встала на ноги.

— Что случилось, деда-а?.. — Медленно поведя головой, девочка оглянулась по сторонам.

— То, что и должно было случиться: помогая тебе, я конкретно засветился, и нахлынула волна ответной реакции. — Мужчина говорил торопливо, взахлёб. — Лана, скажи, мы не зря всё это натворили?

Девочка прикрыла ладонями глаза, встряхнула головой, и когда её глаза мужчина увидел вновь, это уже был взгляд взрослого, сосредоточенного человека, полностью готового к действиям.

— Не зря, — сухо отрезала младшая и, быстрым движением натянув свой шлем, продолжила: — Нам на причал среднестоннажных. Причальное гнездо Д-8, «Плазменный Бизон».

После этого сообщения, ничего не говоря, мужчина тоже натянул свой шлем, вскинул на плечо рюкзак, и напарники плавно выскользнули из каюты в тоннельный коридор базы. Там слаженно метались её обитатели. Девочка с дедушкой, ловко лавируя между ними, просочились в конец коридора и нырнули в трубы аварийных спусков, работавших по принципу водной горки и уводящих на нижние палубы, к грузовым причалам.

На условно нижних палубах сейчас был сущий ад. Видимо, прямиком сюда приспела пара вражеских торпед. Несколько отсеков были разворочены, несколько перекрыты аварийными створками, со стен и потолков везде свисала и искрилась проводка. Множество трупов без гермошлемов болтались в невесомости коридоров, что вели к причалам.

В самом куполе причального блока зияли две огромные пробоины, прожженные беспощадным огнём, через них виднелась мутно-молочная дымка сильно разреженного газа, окружающая космическую базу, поглотившая всё вокруг. Под куполом в невесомости кувыркались тела обитателей и обломки причальных конструкций, часть тел уже остывала, но несколько десятков корсаров в скафандрах ещё пытались, оттолкнувшись от тел своих менее удачливых собратьев, долететь до шлюза какого-нибудь из пришвартованных кораблей.

Девочка и дедушка с горем пополам пробрались в купол и сейчас, держась за скобы настенных лестниц, пытались рассмотреть сквозь весь этот хаос, во вспышках мигалок, маркировку уцелевших причальных шлюзов. На их счастье, причальное гнездо Д-8 в данный момент не пустовало. Сейчас у входа в этот шлюз парил в невесомости человек с мягким прозрачным гермошлемом на голове. Он отчаянно жестикулировал кому-то, кувыркавшемуся под сводом причала, призывая ускорить его перемещение на борт корабля. Но потом разочарованно махнул рукой в ту сторону, не дождавшись, и канул в глубине шлюза.

Путешественники, для всех окружающих выглядевшие наёмниками, заметили, что капитан не собирается больше никого ждать. Сильно оттолкнувшись от стены, они быстро пролетели расстояние, отделявшее их от причального гнезда. Девочка оказалась удачливее, она точно попала в цель. Сначала в распахнутую диафрагму шлюза, потом в шлюзовой блок канонёрки, и тут же распласталась на его полу, оказавшись в поле действия искусственной гравитации корабля.

Старшему её напарнику пришлось некоторое время карабкаться по приваренным на стенах скобам до входа в шлюз. Он поспел как раз вовремя. Влетел в шлюзовую трубу, здесь попался на глаза спорящему с девочкой капитану, своим появлением прервавшим их перебранку, выкроил для себя ещё несколько мгновений на преодоление расстояния, оставшееся ему до корабельного шлюза. Как только мужчина упал на пол отсека, шлюзовые створки наглухо сомкнулись. Капитан канонёрской лодки, извергая гневные ругательства в адрес

пришлых, снянул с себя эластичный шлем, ткнул сенсор интеркома и, через слово изрыгая ругань, приказал своему пилоту экстренно отчаливать. Раздался протяжный скрип металла, и канонёрку слегка качнуло. Но от причала она отвалаила беспрепятственно.

— Слушать сюда! — яростно крикнул неожиданным визитёрам капитан; сейчас он очень мало напоминал самого себя, вежливого и интеллигентного собеседника за столиком бара. — На время боевых действий вы не пассажиры, а члены команды! Подчинённые МНЕ члены команды! Не выполните приказ — сожгу на месте! Ясно?!

— Точно так! — слитно отчеканили наёмники. — Что делать?

— Врубились, хорошо! Человек на кормовое орудие, насекомый в мидельную башню! Только, суки, не сбейте наших. Свои зелёные, чужие красные, жёлтых недобитков валите по желанию. Давайте, бегом-бегом-бегом!!!

Отмахнув руками, указав каждому направление, в котором нужно бежать, сам капитан пропустил к мостику, где его уже заждался второй пилот.

Девочка, маскировавшаяся под инсектоида, впорхнула в сетчатую полусферу мидельного орудия и сразу же, умостившись в несколько великоватом для неё кресле, схватилась за манипуляторы спарки мощных веерных бластеров. Находившиеся в спящем режиме приборы установки ожили от прикосновения оператора. Под сферой башни появилась ещё одна сфера, голографической проекции, с шевелящимся плетением разноцветных тактических линий, предоставляющих опытному стрелку массу полезной информации. Красные, зелёные и жёлтые мигающие окружности на этой проекции сразу пометили цели в зоне поражения орудия. На дисплее локатора мельтешило огромное количество разноцветных точек, они отображали положение всех кораблей в пространстве.

— Ох-хо-хох, веерный бластер, какое неприятное воспоминание, — сожалеющее вздохнула и проговорила девочка. Тут же, выхватив взглядом пролетающий над ней штурмовик, прошлась по его брюху двумя волнистыми голубыми молниями.

Подбитый вражеский «борт» пыхнул облаком чёрного дыма и исчез в яркой вспышке взрыва своего реактора. В мертвой тишине вакуума его беззвучное уничтожение выглядело особенно зловеще.

Канонёрская лодка отдалась от базы и, выполнив манёвр, заняла место в строю таких же кораблей, успевших покинуть ангары и причалы. С позиций этой цепи бой вокруг космобазы был виден как на ладони. Несколько сотен вражеских стервятников набросились на оплот корсаров и уничтожали все малые корабли, что не успели взлететь. А те, что всё-таки успели, лихо маневрировали между зависшими в пространстве скалами астероидов и достаточно успешно уничтожали врага. Базу окружала защитная конструкция, напоминавшая сращённые вместе противотанковые ежи. Попасть сквозь такую плетёнку в тело самой станции ракетой или торпедой было крайне проблематично, учитывая тот факт, что толщина слоя этого защитного хаоса колючек составляла добрую сотню метров.

Строй двинулся на врага. Одиночные штурмовики врага, пытавшиеся атаковать корсарские корабли, буквально испарялись под шквалом совместных залпов. Корсары медленно, но уверенно накрывали базу сетью противоракетного огня, при этом немалым количеством автоматических установок и орудий с ручным управлением беспощадно выжигались все вражеские корабли, до которых только можно было дотянуться залпами. Подбитые корабли корсаров теперь могли спрятаться за этой стеной из огня и брони. Но прятались лишь те, у кого орудия выходили из строя. Все, кто мог продолжать бой, добивали остатки роя вражеских штурмовиков. И когда в яркой вспышке аннигиляции исчез последний, в эфире раздался слитный радостный рёв защитников базы.

Но радость эта была лишь кратковременной. На локаторных экранах появилось ещё одно скопление атакующих врагов, с противоположной стороны. И пока строй корсаров, разделившись на четыре сегмента, облетал базу, чтобы сомкнуться на обратной её стороне в такую же непробиваемую и смертоносную стену, враг успел выпустить несколько десятков торпед. Продолговатые яйцеподобные заряды в плазменных оболочках понесли свой смертоносный «подарок» базе.

Часть из них была уничтожена катерами и канонёрками братства, но всё равно больше дюжины торпед достигли намеченной цели и, насквозь прожигая слой защитных рамных конструкций, впились в модули корсарского оплата.

Ярчайшие вспышки боеголовок торпед полыхнули и погасли, и глазам тех, кто наблюдал за прорывом со стороны, с кораблей, предстала гибнущая, расколотая на шесть частей космобаза. Все капитаны без промедления бросились выделять отчаянные манёвры в попытках избежать столкновения с разлетающимися осколками взорванного оплата корсаров. Немало кораблей, защитные экраны которых не были достаточно мощны, пулей летящие куски пробили навылет или разрубили на фрагменты. Но многие, в том числе и «Плазменный Бизон», успели отступить, чтобы перегруппироваться и дать новый отпор врагу.

В эфир сыпались отчаянные приказания выживших корсаров. Капитаны братства не собирались сдаваться, даже потеряв основную базу. Поредевшие канонёрки и эсминцы выстроились заново, катера заняли свои позиции в этом строю, и зверски потрёпанный флот корсаров приготовился к отражению решающей атаки врага. А военные тем временем атаковать не спешили. Более сотни крестообразных хищников, сгруппировавшихся в штурмовые клинья, висели в пространстве и, казалось, чего-то ожидали.

Вдруг в тумане окружающего пространства стало в буквальном смысле проявляться всё больше и больше силуэтов вражеских катеров, и среди них — десятки полноценных канонёрок. В отличии от корсарских лодок, с которые за ненадобностью снимались тяжёлые осевые орудия, на военных они стояли, и первые залпы, испарившие несколько кораблей в строю обитателей туманности, засвидетельствовали их реальную мощь. Тем временем силы атакующих всё прибывали и прибывали, буквально материализуясь из пустоты, и спустя пару минут их количество перевалило за несколько сотен против полудюжины эсминцев, нескольких десятков канонёрских лодок и неполной сотни катеров обороноящихся. Как подобное количество кораблей могло незаметно просочиться во владения корсаров, для гибнущих защитников так и останется загадкой...

Узрев многократное численное превосходство врага, капитаны кораблей недолго думая поступили так, как им велел кодекс братства. Все эсминцы, канонёрки, истребители, штурмовики и прочие корабли изгоев отважно кинулись врассыпную, стремясь затеряться в астероидном поле. Теперь каждый из них был сам за себя. Всех капитанов сейчас волновал лишь один вопрос — выживание конкретного корабля и его команды. Выжившие когда-нибудь соберутся опять и построят новую базу. Или присоединятся к группировкам других оплотов. Главное, чтобы было кому собраться и присоединиться.

«Плазменный Бизон», выполнив хитрый манёвр, выбросил облачко контрмер навстречу летящей стайке вражеских ракет и скрылся за телом ближайшего крупного астероида. И вот так, от астероида к астероиду, канонёрка уходила прочь от армады военных, неизвестно откуда взявшись в этом секторе космотории корсаров. Лучевики и плазменники стреляли не переставая, сбивали ракеты и катера преследователей, пока лодка не скрылась в молочной взвеси туманности среди каменных глыб распостёршегося на миллионы и миллионы километров астероидного поля...

Спустя минут десять после того, как стих последний залп корабельного орудия, интерком канонёрки ожила.

— Внимание всем членам команды, — раздался голос капитана лодки, — оставайтесь на своих боевых постах. Корабль, как и планировалось, совершил переход на Олькидур. И чтобы все мне оставались в состоянии полнейшей боевой, пока нас не засосёт в портал! Конец связи.

«Плазменный Бизон», как корабль-призрак, плыл в газовом тумане меж скал, парящих в пространстве. На борту все пребывали в нервном напряжении, каждый миг ожидая внезапной атаки врагов, но окружающий космос оставался мёртвым и спокойным.

Капитан лодки очень хорошо знал своё дело, и корабль тайными тропами пробрался к практически заброшенному даже местными обитателями сектору. Здесь в пустоте висела скала, внутри которой первопроходцы когда-то выдолбили пещеры и обустроили станцию. К телу скалы, как гигантское кольцо серьги, была приделана огромная диафрагма про-

странственного портала. В последнее время этот портал работал в автоматическом режиме, а на самой станции обитали и следили за работоспособностью оборудования двое составившихся членов братства, можно сказать, местных пенсионеров.

Как только капитан отправил на частоте станции приобретённый им одноразовый код активации, диафрагма портала раскрылась, и внутри портального кольца вспыхнул стремительный энергетический «водоворот» ярко-синего цвета. «Бизон» едва коснулся огненной синевы баковыми конструкциями и был тотчас мгновенно втянут в коридор внепространственного прохода, переместивший лодку прочь от перекрёстка миров, который на звёздных картах в памяти своих литерников девочка и её пожилой спутник почему-то отмечали как «Узел Весёлого Роджера»...

Хватит! Достали! Ух, как же они меня бесят!

— Женщина, кого ты воодушевляешь своими дешёвыми приёмчиками?! Я вёл за собой целые народы, ятопил в крови города, за меня шли на верную смерть, ни секунды не мешкая, и считали за счастье умереть ради моей победы. А ты меня лешишь?! Пусть каждый занимается своим делом. Ты — показываешь направление, мы с брательником пробиваем дорогу, старики на подстраховке, ну а с твоим «хвостиком» всё ясно и...

Тегр шевельнул левой рукой, опущенной под стол, болван, думает, я не увижу! Надеюсь, он собрался подрочить, а не ухватил оружие, иначе...

Заканчиваю:

— Не надо корчить из себя гуру, без нас ты никто, потому ешь и помалкивай.

Братец медленно откладывает ложку, шумно сглатывает в наступившей тишине, так громко, что кажется, этот горловой звук отдаётся эхом. Я глубоко вдыхаю сырой, затхлый воздух, насыщая кислородом кровь, возможно, понадобится.

— Сейчас же извинись перед девушкой.

Родственничек, не заводи меня! Не то быть беде...

— Хлопаки, давайте молчаливо завершим трапезу, — аккуратно вставляет Ильм, как всегда, дипломатичный. — Остынем, заспокоимся да всяко обсудим.

— Я к ложке не притронусь, пока он не возьмёт обратно свои слова.

— Лёш! — Это уже наша добренькая навигаторша тявит. Даже сейчас она жаждет манипулировать нами.

— Ведь это именно благодаря тебе стал возможен наш поход. А потому или пусть он просит прощение...

— Или что?..

Тегр, на то и телохран, уже обхватил Тич и в сторону, на пол откатился, выхватил пистолет. За миг до того, как я опрокидываю на Лёху деревянный стол. Доски ломаются о подставленные локти, как спички, Ильма задевает краем, губу враз рвёт. Надо им всем преподать урок и брать командование в свои руки!! А то неясно, кто главный, какой-то у нас безголовый отряд. Не ставить же бабу полководцем!

Блин, куда он делся?! Удар в мой висок, подсечка. Лежу на камнях, на лоб падает Лёхина пятка. Ну, хватит играться, не дети. Замедляю время, перетекаю в боевой транс. Какое всё-таки приятное состояние! Получи. Первая подача проходит, он даже не пикнул, гора-парень. А как тебе такое? Хлесткий незаметный выпад ногой с обманным финтом, и братец отлетает к стене. Надо закрепить успех. Провожу комбинированную серию ударов колени-локти. Припёртый спиной к каменной стенке, он вязнет в моих руках и ногах, многие удары проходят, соперник никнет, и я понимаю, что близится переломный момент поединка, который явно будет в мою пользу. Лёха с отчаяния идёт на риск и меняет стиль, но это, ясно, уже не помогает, лишняя трата сил, ускоряющая его поражение. Хорош парень, наша кровь, давно не встречал соперника достойнее...

Резкая темнота, вспышка. Всё размыто, фокус отсутствует. Собираюсь с силами, а сил-то и нет уже. Он поддался, тактика, сука, такая, а я потерял бдительность, возомнив себя победителем. Ё-моё! Обмануть ухитрился, меня! Так всё естественно выглядело, блин, что делать дальше... О, вижу, как пошёл точечный удар кончиками трёх пальцев, прямо в сплетение нервных меридианов, и ведь попадёт же... Уххх,

как больно! В такие моменты даже хочется сдохнуть. Но боль слегка отрезвляет. Несётся кулак в солнечное сплетение, по идее, предыдущий удар должен был меня парализовать, а этот добить, но хрен вам, забыли, с кем дело имеете! Уворачиваюсь, работаю на противоходе, бью ребром ладони в кадык. Попадаю, жаль, несильно, Лёшка тоже не пальцем деланный — подныривает под руку, целит в яйца. Ну конечно, не дождёшься, проще не мог атаковать?.. Ага, это захват, оказывается. Где же бросок? Не выйдет, перемудрил. Получай же!

Чья кровь, моя или брата? А-а, какая разница, у нас ведь с ним одна кровь. Жаль, буду скучать по родственнику. А он по мне скучал бы, интересно?

О, второе дыхание открылось! Лёшка тоже не собирается сдаваться. Налетает, входит в раж. Я уже не защищаюсь, пытаюсь только уворачиваться и бью в ответ. У нас обоих уже мало что получается, но сегодня кто-то должен умереть, и я не остановлюсь, пока этого не случится. Всё прочее в жизни меркнет и становится не важным, когда смерть жаждет своего урожая...

Мы абсолютно равны по силе, по ходу, помереть доведётся обоим. Выстоять, держаться до последнего, Лёха тоже измотался.

Тич прикрыла лицо руками, кажись, ревёт девчонка. Тегр неодобрительно качает головой, а пошёл он, не его собачье дело. Оба наставника пытаются остановить нас, разнять, слова их не рассышать, а сил у них уже не хватит, чтобы нам помешать. Лёха своего Ильма третий раз отбрасывает в сторону, я, само собой, пользуюсь его заминкой. Вот как сейчас.

Ух, как он шикарно открылся, н-н-на...

Брат успевает отклониться, и моя разящая рука по инерции ломает шейные позвонки... моему учителю!!! Как я мог его не заметить!!! Смерть мгновенная, наверняка старик ничего и почувствовать не успел.

— Шо ж вы накоили, сынки, шо ж натворили?! Виталь Иваныч, ну чего ты, рази ж так можна...

Ильм горестно склоняется над телом моего учителя.

Моего... бывшего... учите...

Я смотрю на свою дрожащую руку и только чудом сдерживаюсь, чтобы её не отгрызть. Брат разворачивается и бредёт прочь. Я пустой, как выброшенный барабан, исчезли все чувства, добрые и злые. А может, добрых и не было вовсе, и когда спрятались злые, осталась лишь пустота.

«После беседы с полковником Рыковым наши уединились в выделенном им бараке, дождались возвращения Алекса из лазарета и принялись обсуждать всё, что узнали. Пока другие спутники вели дискуссию на тему, является ли именно эта планета искомым пунктом назначения отряда, Алекс жадно поглощал синтетическую еду, захваченную для него из столовой, и очень внимательно слушал. В итоге обсуждения общее мнение склонилось к тому, что эта мусорная язва на теле Вселенной хоть и ужасна, но в данный период слишком... э-э-э... скажем так, молода. Поэтому недостаточно болезненна, чтобы мать-природа её заметила и пожелала выжечь. Следовательно, нет особого смысла лезть в эпицентр здешнего... э-э-э... очага воспаления мозгов и искать то, что там пока не может быть найденным в принципе.

На этом и остановились. Было принято решение хорошенько выпасться и уже после сна вновь прыгнуть в космическую неизвестность... Конечно же, обзаведясь припасами и раздобыв новую амуницию взамен той, что была вынужденно оставлена на родине. Тич не пообещала, что на этот раз не исчезнет большая часть снаряжения, но уверяла, что постараётся сделать всё возможное, и тут же уснула.

Восславянин Ильм и землянин Виталий Сидоркин уединились за столиком в уголке пошупускаться о своём, о ветеранском, так сказать. Только эти шушукания были просто ширмой, прикрытием... Особая фляга Сидоркина, глоточек за глоточком, опустела, пособив расслаблению напряжённых мышц старых воинов. Достаточно скоро вся команда уснула богатырским сном... ну, почти вся, да, да, не смотри на меня такими удивлёнными глазками. Конечно же, ветераны договорились меж собой и одним глазком, подрёмывая, караулили посменно, храня покой молодых спутников и спутницы.

Ранним утром всех разбудили радостные восклицания Тич. Девушка тормошила спящих, торопясь сообщить важнейшую новость. Ей ночью явилось озарение, и она уже знает, куда отряду держать курс. Бессцеремонно разбуженные, ориентировочно в пять утра по их биологическим часам, воины кривили недовольные гримасы, ведь, руководствуясь указаниями проводницы, им предстояло отправиться в самое пекло. То есть в неприступную крепость Ирры Жрадовой, предварительно миновав стальное кольцо машин-убийц и покрошив на салат толпы наёмников в самой крепости. Но перечить локосианке никто не стал, у бойцов не осталось иного выхода, как окончательно довериться ей...

Стоило Тич закончить свою возбуждённую речь, в дверь кто-то постучался. Это был полковник Рыков, он пригласил членов отряда на совет штаба армии старков. Это предложение, учитывая озарение Тич, случилось весьма кстати, и спустя десять минут вся команда в полном составе уже сидела в просторном сферическом помещении за круглым столом в окружении десятка штабистов.

Естественно, первым вопросом местного главкома было: «Кто вы, собственно, такие?» Чёткий ответ, без паузы выданный Ильмом, гласил: «Мы офицеры спецназа приватной. глубоко засекреченной армии эм-эс-вэ. Что означает Миротворческие Силы Вселенной. Территорией влияния не ограничены. Выполняем операции по удержанию мира в любой точке, где требуется мир поддержать». Надо отметить, позднее восславянин не избежал расспросов наших, которые интересовались, с чего бы это он вдруг придумал и выдал такое. В ответ Ильм затаённо улыбнулся и лаконично отбоярился: «Почему нет?» А тогда, утром, предводитель старков задал ещё несколько вопросов, прежде чем уяснил, что не получит он больше никакой информации, при помощи которой сможет идентифицировать бойцов этой загадочной команды.

Зато на вопросы о цели визита на эту проклятую планету старки получили более чем информативные ответы. Разумеется, Ильму и Виталию довелось разыграть небольшой спектакль, сымпровизировать подходящую для мозгов штабистов историю. Дескать, их группа, подобно Рыкову, искала прояв-

ления социальной несправедливости в этом кластере. Дабы искоренить оную несправедливость и точно так же, как и полковник, они шестеро угодили в ловушку Ирры, остались практически с голыми руками в центре загрязнённых территорий. И теперь не успокоятся, пока не уничтожат эту шайку пиратов под корень, а вся правда о здешних бесчинствах обязательно будет обнародована в цивилизованных мирах.

Дальнейшее проходило в... э-э... красиво выражаясь, в тёплой атмосфере приподнятого эмоционального тонуса. Главком ознакомил нашу команду со всеми проведёнными старками операциями, целью которых был прорыв через блокадное кольцо в центральный комплекс, и описал причины, по которым все атаки терпели поражения. Много времени ушло на изучение текущего положения дел. Самой сложной задачей, как и предполагалось, было просачивание сквозь «Мёртвый пояс». Противостоять машинам, патрулирующим эти территории, люди не могли. Оружие, что у них имелось, не могло причинить ощутимого вреда вражеской технике. В то время, как эта самая техника была способна залить всё пространство вокруг себя дождём из снарядов крупного калибра, ураганом потоков плазмы и, для верности, ещё пройтись сверху фотонными резаками.

Вооружение повстанцев не обнадёживало ни разу, мягко выражаясь. Практически всё, что у старков имелось в наличии, было собрано, отремонтировано и модернизировано из мусора, который скидывался на планету. Случалось повстанцем находить и работоспособные устройства среди обломков разбитых мусорных капсул, но почти всё найденное безнадёжно устарело и было списано в цивилизованных мирах. Единственной машиной, которая потенциально смогла бы уничтожить терраформер, переделанный в шагающий танк, была огромная и прожорливая стационарная «лезка». Оружейники повстанцев пытались смонтировать это лучевое орудие на небольшой гусеничной платформе, чтобы хоть условно считать его мобильным.

После детального изучения всех имеющихся данных Ильм предложил местному повстанческому штабу план действий. План этот был не хитрым, но успех операции во многом зависел от действий членов нашего отряда. Старший во-

ин предложил атаковать машины в одном из узких мест пояса. Хотя такие места лишь условно, в кавычках, можно было назвать узкими. Отутюженное механоидами кольцо имело одинаковую ширину по всему периметру, но в некоторых местах, под слоем мусора, имелись законсервированные шахты, которые доставали до лабиринтов естественных тектонических пещер. Многие из этих пещер, если верить старым данным геологической разведки, сохранившихся на горной базе повстанцев со временем активного морфинга планеты, вели под центральный терраформирующий комплекс. То есть в аккурат под резиденцию Жрадовой...

Старкам необходимо было уничтожить несколько шагающих танков, для того чтобы небольшой отряд проскочил вне зоны вражеского огня и успел добраться к ближайшей шахте, распечатать её и скрыться в пещерах до того, как в место прорыва стянутся техника, патрулирующая соседние сектора. Костяк этого отряда, конечно же, составят спецназовцы МСВ, а усилят его отборные повстанцы. Успех штурма, таким образом, будет зависеть от удачливости этого отряда...

Предложенный план одобрение получил не сразу. Главком не пожелал рисковать жизнями своих солдат и единственным лучевым орудием, для того, цитирую, «чтобы отряд суицидальных психов погиб тем способом, которым им взбреднуло сгинуть». Но полковник Рыков неожиданно поверил, что наш отряд способен совершить то, что не удалось старкам раньше, и он долго и нудно убеждал штабистов, напоминая соратникам, что незнакомцы уже показали свои фантастические способности, когда самостоятельно, без какого-либо специального оружия, вырезали целое племя мутантов. В подкрепление самим бойцам нашего отряда пришлось продемонстрировать на местном тренировочном полигоне чудеса военного искусства, чтобы их стали воспринимать как непобедимую штурмовую группу, прошедшую не одно сражение и погибать, даже ради великой цели, совершенно не намеренную. Так или иначе, а к концу третьих суток пребывания наших героев в лагере старков главком и штабисты наконец согласились одобрить план, и был отдан приказ приступить к его реализации.

Лёша всерьёз занялся «лезкой», а точнее, мобильной платформой. Потому как лучевое орудие было ужасно громоздким, прицельный огонь могла обеспечить разве что подвеска... м-м-м... очень гуттаперчевая. По рекомендации Лёхи на основную платформу смонтировали подвеску горного везделаза, напоминающую железного паука... А уже на эту конструкцию приладили лучевое орудие.

Ильм и Сидоркин, находясь под впечатлением битвы с зеленокожим великаном-мутантом, предложили использовать для борьбы с машинами тип оружия, новый для этой цивилизации. Сняв с нескольких оставшихся разведчиков-везделазов электромагнитные ускорители шлямбурных крюков, старшие воины приступили к их модернизации. Хоть это и были уменьшенные копии того оружия, из которого по ним палил великан, но облегчить их до такой степени, чтобы один человек смог не только держать ускоритель, но и эффективно вести из него огонь, оказалось делом не простым. Благо, что восславянин, выходец из мира, где энергетическое оружие использовалось веками, собирая-разбирал любые лучемёты с завязанными глазами. Его знания очень помогли, к тому же несколько основных модулей в этих системах, различных по типу, были идентичны.

Алекс ничего не делал. Он лишь ознакомился с наличным арсеналом старков, выбрал себе что помошнее и провалился на койке весь остаток времени.

Тегр Линн, используя непредвиденную передышку, изучал документацию и, ради спортивного интереса, сравнивал характеристики вооружения местной цивилизации с аналогичными локосианскими разработками.

Тич большую часть времени проводила в ангаре, где модернизировали «лезку», больше путаясь под ногами у Лёши, нежели помогая ему. Но молодой воин был абсолютно не против внезапного интереса девушки к стационарным гигаваттным орудиям. Он с превеликим удовольствием удовлетворял её любопытство своими разъяснениями...

Рано или поздно любая подготовка к войне оканчивается... Войной, точно так. В назначенный час все штурмовые группы заняли свои позиции на границе «мёртвого пояса». Штаб повстанческой армии несколько дополнил план, пред-

ложенный нашими, и первым начал атаку отряд специальног назначения старков. Эти отчаянные и смелые люди на диаметрально противоположном, относительно местоположения наших воинов краю пояса создали убедительную видимость прорыва. Они использовали взрывчатку, чтобы поднять шум, и открыли бешеную стрельбу из заранее подготовленных окопов. Естественно, большая часть техники стянулась в ту зону конфликта, и в секторе прорыва нашего отряда остались лишь патрульные шагающие танки.

Без промедления началась вторая фаза операции. Ловко управляя платформой «лезки», Лёша первыми же залпами разрезал на несколько частей ближайшие гигантские терраформеры, увешанные орудиями. К запечатанной шахте устремился отряд подрывников во главе с Ильмом.

Алекс остался подстраховывать брата. Сидоркин командовал подчинённым ему отрядом старков, которые подстраховывали, как могли, «лезку»... А Тегр с Тич прятались среди навалов мусора. Локосианину нужно было дождаться сигнала подрывников и быстро провести локосианку к шахте. Для этой цели его специально снабдили найденными в мусоре и восстановленными полицейскими силовыми щитами. Эти штуковины могли выдержать несколько серьёзных попаданий из любого вида наземного оружия.

Как только самоходное орудие старков себя обнаружило, на него моментально устремились все механоиды сектора. однако Лёша успевал резать их и одновременно маневрировать, уходя от ответных залпов. И когда в точке предполагаемого входа в шахту прогремел мощный взрыв, а в небо взлетела зелёная ракета, молодой землянин полоснул лучом последнюю крупную машину, которая сумела подобраться почти вплотную к его орудию.

Этот импульс слишком запоздал. Боекомплект терраформера сдетонировал, и от близкого взрыва погибли несколько десятков солдат армии старков. Лёшу и уцелевших членов отряда спас опытный Ильм. У старых воинов со временем развивается безошибочное чутьё на смерть. Сама знаешь, на моём примере могла убедиться... Восславянин, за мгновение перед взрывом, успел завопить: «На землю!!!» Почти все, подчинившиеся команде беспрекословно, выжили.

Облако дыма от полыхающих остатков механоида послужило хорошей дымовой завесой для основной части нашего отряда. Большинство оставшихся в живых людей без особых проблем добрались ко входу в шахту. В пещеры спустились наши шестеро и десяток выживших бойцов армии старков. Они успели прорваться до того, как дым развеялся и узкий проход вновь накрыл плотный огонь врага.

В подземных лабиринтах можно было бродить целую вечность, так и не найдя выхода, но у нашей команды имелась собственная, так сказать, нить Ариадны — Тич. Девушка неустанно форсировала свои особые способности, и отряд достаточно быстро оказался у замурованного выхода одной из сотен пещер. Судя по состоянию пеноблоков, его замуровали давно, ещё во времена морфинга планеты. Тич уверенно сказала, что путь ведёт прямиком сквозь эту стену. Недолго думая кладку подорвали.

По ту сторону оказался запылённый склад научного оборудования. Он явно находился где-то под центральным комплексом... Но, невзирая на то, что склад был давно заброшен, его система безопасности сработала исправно. Под страшный вой сирен наши бойцы рассредоточились по достаточно большому помещению и стали поджидать местную охрану, которая могла появиться в одном из четырёх закупоренных шлюзов.

Ожидание было напряжённым и неожиданно долгим. Только спустя полчаса один из старых ржавых шлюзов, отчаянно скрежеща, распахнулся. В помещение влетела дымовая шашка, и следом за ней, даже не дождавшись, когда удущливый дым заполнит склад, ворвалась пиратская стража. Видимо, бравые гвардейцы Жрадовой решили, что старая сигнализация прогнила насквозь и сработала в результате короткого замыкания, поэтому не торопились спускаться в подземные склады для проверки, и если в конце концов спустились, то исключительно для «галочки» в рапорте. Не ожидали наёмники встретить что-то реально опасное на этих уровнях. Именно поэтому, вломившись сразу всей толпой, они погибли буквально от пары залпов из ускорителя Сидоркина. Бронебойные стержни, предназначенные для уничтож-

жения важных электронных узлов под железной обшивкой техники, прошивали навылет мягкую человеческую плоть. Как вбежали друг за дружкой охранники, так и попадали на пол, как ряды костяшек домино...

Наши, захватив трофеиное оружие, ринулись внутрь комплекса, уничтожая всех и вся на своём пути. Теперь отряд вели солдаты-старки, их всех годами натаскивали для боёв в этих коридорах и помещениях. Каждый из этих бойцов, будучи разбуженным глухой ночью, мог выдать полную информацию, куда и как необходимо продвигаться, чтобы быстрей оказаться в реакторном отсеке, где находился все-волновой подавитель. Эти солдаты фанатично рвались вперёд и были готовы отдать свои жизни, лишь бы взорвать проклятый «глушак», подарив шанс своим уцелевшим соратникам послать в космос сигнал бедствия.

Но когда отряд пробился сквозь немногочисленную охрану в тот самый просторный ангар, где должен был находиться пресловутый «глушак», там их поджидал неприятный сюрприз от Ирры. А точнее, ловушка. Оказалось, что этого устройства здесь давно нет и в помине, а на его месте стоят шеренги роботов внутрикомплексного обслуживания, вооружённых тесаками, цепными и циркулярными пилами и прочими режущими инструментами. Поставить всё это мясницкое оборудование на некогда безобидные машины у хозяйки вполне хватило большой фантазии...

Отряд слишком поздно понял, что попал в ловушку. Тяжёлые створки ворот с грохотом сомкнулись за спинами людей, и ряды машин ожили...

Описывать в деталях эту схватку не стоит. Скажу лишь одно. Она протекала стремительно и была серьёзным испытанием на прочность для всей команды. В замкнутом помещении с голыми стенами и толпами металлических врагов, пусть даже вооружённых холодным оружием, нужно было очень сильно постараться... воистину умудриться выжить. Бойцы опустили оружие, раскаленное от непрерывной стрельбы, только тогда, когда последний робот-кран упал на бетонные перекрытия пола, извергая снопы искр и клубы густого чада. Тяжелейшая битва завершилась победой наших... Спецназовцы МСВ уцелели в полном составе, отде-

лавшись лёгкими ранениями, а вот старки погибли почти все. Только двое выжили, да и те были серьёзно ранены.

Створки ангарных ворот поддались лишь после третьего взрыва. У Ильма до того расшатались нервы в последней схватке, что он стал допускать просчёты в подрывном деле. Серия витиеватых ругательств слетала с его перекошенных от злобы губ, когда он закладывал очередную партию взрывчатки. Все отлично понимали старого вояку и знали, что ему просто необходимо немного времени на восстановление душевного равновесия, потому и не придавали значения его возне.

Разворотив проход, отряд ушёл из ангарса. Наши затерялись в подземных коммуникациях комплекса, чтобы выработать, так сказать, дальнейший план действий...»

Глава десятая ВЕРБОВЩИК МОЗГОВ

Ш-шикнул пневматический привод, захлопывая белую ячеистую створку двери за спиной человека в военизированной форме, вошедшего в помещение. Человек на несколько секунд задержался возле проёма входа комнаты допросов и вперил пристальный, изучающий взгляд в заключённого. Тот был электромагнитными кандалами прикован к прочному металлическому креслу, установленному напротив прозрачного столика. Одет он был в обтягивающую одежду ярко-зелёного цвета, из тонкой материи, а его шею окольцовывал тюремный усмирительный ошейник. Несмотря на свой очень даже немалый возраст, заключённый всё ещё пребывал в отменной физической форме, о чём свидетельствовали бугры далеко не дряблых мышц, пропивающие сквозь эластичную ткань тюремной робы.

— А я почти готов был смириться с тем, что неуловимый Седой так и останется не пойманным до конца существования Вселенной. — Человек в форме, на лице которого сияла довольная улыбка, не торопясь направился к столику, не сводя взгляда с узника. — Грешным делом, я даже подумал, что надо мной решили подшутить, когда в самый разгар

долгожданного отпуска вдруг получил сообщение о перехвате опасного рецидивиста, по всем параметрам совпадающего с легендарным Седым. Но идентификационные анализы заставили меня наплевать на двух моих исключительно сексапильных подружек, на элитные напитки, на эксклюзивные блюда лукияской кухни, на прочие райские наслаждения... — Говорящий выдержал драматическую паузу и закончил резко, коротко, будто гвоздь в крышку гроба вбил: — И вот я здесь!

Человек в форме сокрушённо покачал головой, уселся в удобное кресло напротив заключённого и положил на стол перед собой литермин класса «три миллиона». Это позволяло предположить, что по душу узника явился офицер достаточно высокого ранга. При этом, судя по всему, функционер некоей структуры абсолютно специального назначения, если даже военные не стали допрашивать узника и его спутницу, терпеливо ожидая прибытия этого не особенно приятного на вид деятеля.

— Мы знакомы? — произнёс заключённый. — Где-то пересекались?

— Нет. К великому моему сожалению, нет, — развёл руками бледнолицый, похожий на ожившего утопленника, засунутого в сухую униформу, — в лучшем случае я успевал лишь глотнуть пыли из-под ваших ног. Вам всегда удавалось скрыться до того, как мы накрывали координаты вашего очередного возникновения. Итак, приступим.

Дознаватель лёгким касанием активировал свой мегатерминал, и над столом развернулась трёхмерная проекция с рассортированной по виртуальным ящичкам информацией. Спецагент, ловко манипулируя затянутыми в перчатки ладонями, стал извлекать и демонстрировать нужные ему файлы.

— Я начну, а вы поправите, если допущу неточность. — Сумрачные глаза следователя продолжали пристально изучать допрашиваемого. — Имён и прозвищ у вас слишком много, чтобы их перечислять, но более всего вы известны под кличкой Седой Нянь, потому что повсюду таскали за собой несовершеннолетнего ребёнка биовида человека, женского пола. Вам инкриминируются многочисленные убийства, ограбления, кражи, разбойные нападения и тэ дэ и тэ пэ. —

Следователь поставил быстрое автоматическое пролистывание собранных по многим мирам информационных пакетов. — Количество угнанного вами транспорта впечатляет, а нанесённый материальный ущерб — поражает. Более чем в ста мирах вы заочно приговорены к смертной казни. Впервые засветились вы на Олени, с тех пор я и мои коллеги идём по вашему криминальному следу, в качестве которого зачастую обнаруживаем горы трупов и лужи крови по колено... Многие ваши преступления становится возможным вычислить лишь по почерку, но есть и немало прямых свидетельств, к примеру, записей скрытых камер обчищенных вами организаций и заведений. Также информация, неоспоримо свидетельствующая о ваших преступлениях, извлечена из памяти случайно оказавшихся в месте очередной резни уборочных и прочих машин...

— Есть смысл мне рассказывать, что я и кто я? — с на-смешливой интонацией прервал монолог следователя заключённый. — Переходите непосредственно к делу. Если нас не казнили армейские за компашку с пленными корсарами, значит, вы питаете ко мне корыстный интерес.

— Этой демонстрацией, — человек в форме обвёл руками мелькающие данные, — я преследовал одну лишь цель. Вы должны понять, что мне ничего не помешает прямо сейчас сделать с вами нечто подобное...

Человек в форме выхватил из очередного кубика картинку и растянул её на всю проекцию. Объёмное изображение показало, как в просторном шлюзовом ангаре, прикованные к трубам, тянувшись вдоль стенки, стояли все члены команды «Плазменного Бизона» и отчаянно выкрикивали слова проклятий в адрес военных, системы и всего человечества вместе взятого. Капитана канонёрки среди них бывший пассажир «Бизона» не заметил. Бездушный голос через ретрансляторы прочёл изгоям приговор, и шлюзовые створки начали размыкаться, выпуская в пустоту космоса весь воздух из этого помещения. Запись крупным планом показала безобразные предсмертные судороги корсаров, и, когда перестал корчиться последний из них, картинка погасла.

— Скромно промолчу о том, — продолжил бледнокожий, — что мы способны натворить с вашей юной спутницей. Кстати, о ней. — Дознаватель извлёк очередную видеозапись.

запись и запустил её в проекцию. — Довольно любопытный экземпляр, доложу я вам. Перед тем, как увидеться с вами, я предварительно мило пообщался с нею.

Как только на проекции появилось изображение плачущего ребёнка, пожилой мужчина дёрнулся в кресле. Возможно, он жаждал придушить собеседника, но конечности узника надёжно удерживались электромагнитными замками. Девочка-подросток, с виду лет тринацати-четырнадцати, сидела за столом на табурете, в каком-то другом помещении, но перед этим же бледнокожим и жалобно скулила, закрыв ладошками лицо. Позади неё башнями высился двое крепких вооруженных охранников, которые весело скалились, наблюдая происходящее.

— Ещё раз спрашиваю, кем тебе приходится этот человек? — задавал девочке вопросы следователь. — Ты знала, что он опасный рецидивист, приговорённый к смерти во многих мирах сети?

— Я ничего не зна-а-аю, вы меня с кем-то перепу-утали-и-и!.. — завывал несчастный ребёнок.

— Ну ладно-ладно, успокойся. — Дознаватель в проекции встал со своего стула и склонился над девочкой, пытаясь погладить её по растрёпанной головке. — Только скажи нам, пожалуйста, кто ты и откуд... да-а-а-а!!!

Последнее слово бледный вдруг буквально проорал, потому что девочка неожиданно вскочила, схватила и вывернула его руку, затем молниеносно уронила этого немаленького мужчину лицом прямо на стол, стоящий перед ней. Продолжая выворачивать руку шипящему от боли следователю, девочка взмахнула ногой, подцепив табурет, на котором только что рыдала, и, продолжая движение ноги, отправила это металлическое сиденье в голову одному из охранников, ринувшихся на помощь дознавателю, а другому, завершая мастерское, отработанное движение, въехала каблуком в его квадратную челюсть. Пока первый из охранников боролся с табуретом, а второй, обмякнув, оседал на пол, девочка рубящим ударом по шее отключила следователя и моментально юркнула под ноги разгневанному вояке, отбросившему в сторону табурет, чтобы тот, споткнувшись о её тело, со всего размаха плашмя рухнул вниз.

Это падение было очень неудачным для охранника, падая, он раскроил себе череп об угол стола и тут же, конвульсивно подёргавшись на полу, умер. Девочка и не подумала растеряться или замедлить темп. Выхватив из поясных кобур обоих охранников шоковые разрядники, уцепилась обеими руками за ворот мундира следователя, при этом не выпуская из них шокеры, и быстро поволокла бесчувственное тело к сканеру замка бронированных дверных створок. Как только сканер опознал сетчатку глаза высокопоставленного офицера, створка открылась, и девочка, отбросив тело, скользнула в коридор... На этом запись прерывалась.

— Там дальше она ещё парализовала шокерами и выругала голыми руками добрую дюжину солдат, встреченных на пути, — пролил свет на дальнейшую судьбу девочки следователь, — пока случайно не вбежала в одну из казарм элитных космодесантников. Спецназовцы взяли её исключительно численным превосходством... Спецназовцы, представляете... маленькую девочку! Ай-ай-ай!

— Что вы с ней сделали, уроды! — гневно выкрикнул заключенный и дёрнулся в кресле так сильно, что конструкция натужно заскрипела.

Тут же подоспели трое военных, переминавшихся с ноги на ногу неподалёку, и, оставаясь на безопасном расстоянии от разгневанного старика, направили ему в голову свои парализаторы.

— Ничего сильнодействующего, пусть отдыхает в изоляторе. — Следователь жестами приказал охране вернуться на места и не маячить перед столом. — Поначалу мы решили, что это взрослый гуманоид, прикидывающийся человеческим ребёнком, что было бы логичным для существа, что с помощью морфо-скафандря маскировалось под инсектоида, но результаты анализов нас приятно удивили. Не волнуйтесь, пока ей ничего не грозит, агрессивное поведение наши эксперты списали на ПМС, так что мелкие шалости мы ей простили. У этого подростка может быть очень... м-м-м... завидное будущее, впрочем, как и у вас. Но в том случае, если мы всё-таки... договоримся.

— Договоримся о чём? — Пленник прищурился и стал сверлить глазами следователя, как будто пытался мысленно

влезть в бледноликую голову и выудить оттуда правдивую информацию.

— Договоримся о сотрудничестве, конечно. Поначалу мы очень хотели вас попросту настигнуть, отловить и ликвидировать, но после долгих лет преследований и многократного изучения вашего дела... э-э... у моего непосредственного начальства неожиданно возникли перспективные, далеки-дущие планы... Касающиеся вас обоих. — Следователь гаденько ухмыльнулся и украдкой глянул на следящую камеру, что висела в углу помещения.

Запись с неё не только сливалась в специальную базу данных, но и транслировалась в одну из комнат блока изоляторов. В этой комнате сейчас находилась та самая девочка. Под её левым глазом красовалась небольшая гематома, а нижняя губа заметно припухла от удара. Она напряжённо, ни на секунду не отводя глаз, смотрела эту трансляцию, которую ей организовали по не совсем понятным причинам её тюремщики. Кроме охранника, случайно угодившего виском об угол стола, больше никого эта не по годам развитая девочка, к счастью, здесь не убила...

Впечатление, словно мы взорвали Вселенную. Как будто уже победили и больше не надо никуда идти, потому что некуда, и остаётся лишь одно — создать свою, новую.

Но, увы, всё далеко не так.

Что же теперь делать, дальше-то куда? Голова чумная, я словно пьяная. Тёплая тяжесть внизу живота. Гормоны взбунтовались после... встряски. А необходимо сканировать, продолжать нащупывать, не терять сигнал. Трудно быть серьёзной, когда по телу хаотично бегают звенящие токи, так и тянет бросить всё и, смеясь, побежать по цветочной поляне, держась за руки с любимым, навстречу чудесному закату. И такая фантазия, как ни странно, сейчас не кажется банальной, пошлой. Так хочется быть с ним рядом, чтобы больше никого, только мы вдвоём. На необитаемом планете, на всей планете — мы одни. Рай!

Мечта, мечта...

Как нам теперь себя вести, после этой ночи? Теряюсь в мыслях, такого ещё не бывало. Кровь играет, бурлит... За-

бавно, чувствуя себя идеально здоровой, хотя что касается идеальности здоровья — это про Алексея. С ума сойти, как много переполняющих ощущений! Столько, что все не помещаются в сердце, да и голова идёт кругом. Уже скучаю, а ведь не отдалилась и на двести метров. Вот бы никогда не разлучаться, стать единым целым, слиться...

После того, как сумела открыть межсотовый биопортал, и после нелепой, неожиданной гибели Виталия я была уверена, что сильнее стрессов не бывает и быть не может.

Ошибалась.

Из глубин памяти опять подымается прозрачное медузообразное, умеющее летать. Существо, лишённое интеллекта, не наделённое личностью в нашем понимании, что и сбило меня с толку, поначалу никак не могла войти в контакт. Неизвестный мне комплекс инстинктов, реакций, импульсов — некая альтернатива нашему разуму, субстанция иного плана. Когда оно проглотило Лёшу, я подумала, что всё кончено, отчаянно попыталась спасти, вернуть и лишь тогда, с перепугу сумев наконец-то подселиться в парящую над нами сверхсущность, поняла, что столкнулись мы не с врагом и сопротивляться не нужно.

Может быть, Ничто-Нигде-Никогда — тоже портал? Некий мегапортал, замкнутый на себе, с входом, но без выхода, и растёт по принципу катящегося со склона горы снежного кома... И добраться до него можно только по определённому маршруту обычных порталов. Маршруту, который я ещё не распознала. Но даже если проложу его и мы доберёмся, как же нам остановить этот убийственный вселенский механизм? А если и мы, как другие миры и разумы, «намотаемся» на растущий ком?.. Всё это очень сложно. Но что радует: появились хоть какие-то версии толкования сути явления, прозванного нами «Чёрными Звёздами». Надеюсь, процесс подсознательного осмысления сдвинулся с мёртвой точки, и мое сознание получит ответ... раньше, чем я погибну по пути к цели.

Всё, моя внутренняя антенна не работает, сигнал теряется где-то здесь, у ручья. Надо взять себя в руки, пока беды не случилось, а то я как слепая. Вода тёплая, даже почти горячая, с солёным привкусом природного антисептика, отлично.

Бьёт, вероятно, из самого низа водоносных слоёв. Интересно, какой была эта планета до глобального погрома?

Умываюсь, хорошо, расслабилась. Прерывает удовольствие внезапная жаркая волна в голове: опасность! Мои сенсоры при необходимости работают по-прежнему, в этом смысле организм — без негативных перемен, что весьма обнадёживает. Даже наоборот, проницания стали более чёткими и глубокими. Вот сейчас я, например, вижу, как высокое продолговатое яйцо, которое на самом деле не яйцо, странным образом активизируется, выдавливается из тела планеты, и... Ой, да это же самый настоящий «челнок»! И он собирается взлетать на орбитальную базу. Именно там, я уверена, наконец появится возможность ухватиться за ускользающий...

Вот он, след, несомненно! Мне обязательно нужно попасть туда, пока «горячо»! Страха нет, меня переполняет абсолютная уверенность в правильности действий. Значит, вперёд... Но как же ребята?! Как же Лёша, он ведь будет дико переживать, да и Тегр не обрадуется, ах, Тегр...

Рискну, команда догонит, потом всё поймут, не дураки.

К тому же по всем признакам и ощущениям становится ясно, что я приглашена, именно приглашена, без попыток захвата. Орбитальная лодка гостеприимно открывает широкий проём, и манипуляторы выкладывают ступени, по которым очень удобно взобраться вверх. Какой же всё-таки диковинный с виду кораблик, раньше никогда такие не встречались. Вот ведь, оказывается, даже из камня можно строить летательные аппараты. Правда, камень, вполне возможно, выступает как маскировочная обшивка, а начинка, наверное, более привычная. Сейчас выясню...

Да, я уже приняла решение.

Поэтому становлюсь на первую ступеньку лестницы, уводящей вверх.

«Жрадова сформировала себе и своей банде маленький рай в центральном комплексе. Можешь себе представить, какими параметрами должна обладать среда обитания, чтобы отъявленные головорезы, пираты, наркоторговцы и прочие...

м-м-м... маргиналы, слетевшиеся туда, искренне считали этот оазис порока настоящим раем для себе подобных.

Вторжение нашего отряда в это райское местечко вызвало серьёзный переполох. Никто не ожидал, что кто-нибудь сможет преодолеть кольцо Мёртвого пояса и усеянные турелями неприступные цитадели самого комплекса. Но предусмотрительная Ирра учла и этот вариант. Она перевела систему безопасности в осадный режим. И теперь за каждым углом, в каждом коридоре, на каждом перекрёстке нападающих поджидали блокпосты, баррикады, сотни машин-убийц и нанятые хозяйкой живые убийцы всех мастей.

Путь к центру управления, где находилась предводительница банды, был слишком долг и тяжёл даже для профессиональной армии, оснащённой современной бронетехникой. Наши это поняли, столкнувшись с первым же укреплённым блокпостом. Тогда воины отступили назад, в глубь складских лабиринтов... увы, при этом потеряв двух последних солдат армии старков.

Неожиданно Алекс, который обычно был сторонником грубой силы и лобовых атак, поднял взгляд на ржавую вентиляционную решётку, изрёк локосианский эквивалент земной поговорки «Умный в гору не пойдёт — умный гору обойдёт!» и предложил миновать все засады, баррикады и блокпосты ползком, по вентиляционным шахтам. Всем пришлась по душе идея, простецкая до смешного и, видимо, по этой причине не пришедшая сразу. Отряд просочился в вентиляционную систему и отправился дальше, к своей цели...

Структурно комплекс походил на пирамиду, где на самой вершине и находился бывший центральный пульт управления морфинга планеты. Теперь — пульт управления «глушака» и орд механических убийц. Станция была огромна, и самая главная часть системы жизнеобеспечения соответствовала её потребностям. По этим тоннелям можно было прыгать и бегать, не опасаясь стукнуться головой о потолки. Однако наш отряд продвигался очень медленно и осторожно, чтобы не поднять шум и не выдать своего присутствия. Как и в подземных пещерах, роль путеводной нити исполняла Тич, от неё поступали указания, на каких перекрёстках и куда сворачивать.

На пути к вершине, через сетчатые окошки вытяжек, наши герои собственными глазами видели ужасные картины... э-э... процветающих в логове Ирры бесчинств и издевательств над обычными людьми. Теми, кто пожелали оставаться в живых и потому вынуждены были среди головорезов обитать. Не буду описывать в деталях всю эту мерзость, только скажу, что реализаций таких диких, извращённых фантазий никто из членов отряда не видел раньше. Хотя сама понимаешь, Лана, много чего им довелось пережить на полях сражений многих войн... Ощущения безнаказанности и все-властвия породили монстров, по сравнению с которыми даже военные преступления могут показаться почти безобидными играми.

Все бойцы нашего отряда старались не смотреть на эти бесчинства. Все, кроме Алекса. Он, наоборот, старался увидеть и запомнить всё. Невыносимая злоба и лютая ненависть росли в нем, делая его сильнее. Его рука всё крепче сжимала рукоять ножа при одной мысли, что клинок без усилий войдёт Ирре в грудь по самую рукоять... Эта мысль раз за разом искасала его лицо дьявольской улыбкой и зажигала в глазах демонические угольки. Только этого никто из членов команды не видел — Алекс замыкал строй. И лишь у Тич сердце сжималось в комочек от страха, ведь она напрямую воспринимала это нарождающееся цунами ярости...

Практически весь путь прошёл гладко, но в самом конце их ждал неприятный сюрприз в образе огромного автоматического чистильщика вентиляции. Обыкновенная «жестянка», комок железа вперемежку с пластиком, без какого-либо серьёзного электронного мозга. Не управляемый никем чистильщик следовал простейшей программе, заложенной в него давным-давно. Малюсенькая микросхема в глубине механизма содержала информацию о маршруте, по которому он должен был курсировать, и отдавала элементарные команды сервоприводам.

Железяка растопырила своё трансформируемое тело по всей площади сечения вентиляционного короба и надвигалась на наш отряд, поглощая в воронку своей стальной зубастой пасти всё, что ей встречалось на пути. Скорее всего эта машина предназначалась для очистки вентиляции от парази-

тов всех мастей, но, прекрасно зная, насколько больное у Ирры воображение, можно было предположить, что хозяйка запустила это чудище в тоннели для того, чтобы бесправные несчастные обитатели комплекса не смогли тут прятаться и задарма дышать её чистым воздухом.

Несколько выстрелов из ручного плазменника всего лишь оплавили кривые загребущие когти на конвейерах все-поглощающей «морды». Даже выстрелы из электромагнитного ускорителя не помогли. Бронебойные стержни прошли чистильщика практически навылет, но многочисленные приводы сотен колёс перераспределяли нагрузку, заменяя выведенную из строя механику. Железяка была сродни насекомому, стальная сороконожка. Сколько лап ей ни отстрели, на сколько кусков ни разруби — они будут ползти дальше, каждый фрагмент отдельной дорогой. Даже если бы удалось за клинить мясорубку пасти, то она, подобно прессу, всё равно раздавила бы тела наших героев.

Пока вся команда пыталась остановить то, что практически нереально было уничтожить без тяжёлого вооружения, Алекс принял единственно правильное в подобной ситуации решение. Он крест-накрест вспорол лучевым резаком брюхо вентиляционному туннелю под собой и прыгнул вниз, прямо на головы группы подручных Жрадовой. Это были не роботы, а живые люди в цветастых одеждах, с экзотическим оружием в руках. И если бы их основной задачей действительно являлась охрана Ирры, а не удовлетворение её похотливых фантазий, то... прожили бы они секунд на двадцать дольше.

Остальные члены отряда не заставили себя долго ждать. Один за другим они быстренько высыпались из вентиляции, на уже мёртвые тушки гвардейцев... Огляделись и оценили ситуацию. Отряд очутился в длинном коридоре. С той стороны, откуда наши приползли, в самом конце коридора, стояли на страже два шагающих погрузчика-utiлизатора. Машины уже начали разворачивать свои неуклюжие корпуса, готовясь двинуться в наступление.

Наверняка о местоположении отряда уже знали все здешние механические убийцы и поспешали на перехват... Но успеть было можно. Благо, что до центрального поста управления, к которому наши стремились, оставалось про-

бежать по этому коридору каких-нибудь метров сто. Только вот в самом конце путь преграждала огромная бронированная гермодверь. Нужно было успеть вскрыть этот люк и справиться с теми, кто обнаружится за ним, ещё до того, как подоспеют механоиды.

И тут, как говорится, не было счастья, так несчастье помогло... Раздался оглушающий скрежет металла, и наши бойцы едва успели отступить, перед тем, как сверху, окончательно разорвав вентиляционку, рухнул вниз тот самый монстр-чистильщик. Он начал раскрывать и перестраивать своё «тело», пытаясь максимально захватить пространство для очистки, и трансформировался до тех пор, пока его щупы не упёрлись в стены. Получился этакий гибрид цепной пилы и газонокосилки, и он пополз навстречу прибывающей армии других роботов.

Отряд не стал терять времени, и почти мгновенно все бойцы очутились у... м-м-м... блина гермоляка, ведущего в командный пост. Пока Ильм устанавливал взрывчатку, Алекс и Лёша срезали петли и толстые стержни запоров по всему периметру. На это ушло не меньше четверти часа. И если бы не столпотворение, разразившееся в коридоре благодаря чистильщику, погибли бы наши, все до единого, в лапах механических монстров. Точно так! Именно там и завершился бы их отчаянный поход в никуда и в нигде, незнамо за чем. И не рассказывал бы я тебе сейчас о злоключениях последних шестерых живых разумных той стёртой соты, если бы... Не гримасничай, Светик, я знаю, ты не любишь сослагательных наклонений. Вот и не буду тебя грузить.

Ну вот, значит, в том самом месте, где чистильщик столкнулся с погрузчиками-utiлизаторами, образовалась, так сказать, пробка. Корпуса механоидов друг друга заклинили намертво. И в этом месиве увязали всё новые и новые прибывающие машины. Смрадная вонь гари и удущливый чад наполнили пространство.

Некоторые роботы пытались преодолеть эту стену из своих... э-э... ну-у-у ладно, назовём их соплеменниками. Но как только кому-то из механоидов хоть частично удавалось выдвинуться из этой кучи, он тотчас получал точное и смертельное для него попадание из бронебойного ускорителя. Эта

не пыльная и даже, по сути своей, забавная работёнка досталась Тегру и Тич. Бесценная для отряда девушка подсказывала своему верному стражу, где находятся уязвимые места той или иной машины. А у него в распоряжении было предостаточно времени, чтобы прицелиться по практически неподвижной цели и поразить её электронный мозг... ну или другой жизненно важный элемент, превратив тем самым очередного монстра в ещё один стальной клин, укрепляющий пробку.

Когда подготовительные манипуляции с дверью были завершены, по команде Ильма все отошли от неё на безопасное расстояние и распластались ничком. Прогремел взрыв. Тяжеленный блин люка влетел внутрь контрольного узла, расплющивая на своём пути охрану и круша небольшие баррикады, сооружённые гвардейцами на скорую руку. Вслед за многотонной железякой влетели два ангела смерти, Алекс и Лёша, круша на своем пути всё, вся и всех. За ними ворвались их наставники, так же умело сея смерть. Тегр и Тич остались в коридоре следить за дамбой из корпусов механидов, потому как на данный момент прущие с тыла роботы являлись не менее опасными противниками, и если эту дамбу прорвало бы, пиши пропало...

Конечно, в зале было немало головорезов, которых Жрадова всегда держала при себе, но это были всего лишь люди. Их навыков и опыта хватило на то, чтобы продлить себе жизнь на несколько лишних минут. Как только стих последний выстрел, смолк последний звон клинка, четверо наших штурмовиков окружили кресло главного оператора комплекса. Сейчас оно представляло собой роскошный трон, на котором шипела от ярости и злости разгневанная фурия — собственной персоной главная пиратка, Ирра Жрадова... Да, да, я давно заметил, как ты морщишься при звуках этого премиального словосочетания. Согласен, бывают же у... э-э-э... ну ладно, у людей, бывают же имена и фамилии, нарочно не придумаешь... Так вот, она была облачена в блестящие одежды, сработанные из переплетений чёрных кожаных ремней, в лучших традициях стилистики садо-мазо. С хорошим вкусом У дамочки явно были проблемы, но далеко не самые неразрешимые, с момента появления в её логове наших бойцов...

Бешено ругаясь, Ирра вскочила со своего трона. Она угрожала и запугивала, мол, сдавайтесь, пока не поздно, иначе тысячи машин и матёрых убийц схватят дерзких вторженцев и устроят такую длительную и извращённую казнь, каких Вселенная ещё не видывала! Заговаривая зубы и компостируя мозги, Жрадова подходила всё ближе и ближе...

Мужчины недооценили противницу, посчитав, что полу-голая безоружная стерва, смахивающая на карикатурный персонаж, не представляет особой опасности. Они осматривали помещение, прикидывали, что делать дальше, и ждали, пока хозяйка угомонится. И лишь отчаянный вопль Тич из коридора спас воинов. «Берегитесь!» Наша волшебница почуяла опасность вовремя, а мужчины, уже доверяя ей на все сто процентов, мгновенно кинулись врассыпную.

Там, где они только что стояли, просвистел молекулярный кнут. Он разрезал камень, тела убитых и стальную арматуру ближайших гламурных колон, понатыканных по всему помещению, совершенно одинаково. То есть как бритва маргарин. Главная пиратка ещё несколько раз успела взмахнуть своим коварным незримым оружием, рассекая чудаковатые статуи и диковинную мебель, до того, как Алекс отстрелил ей кисть правой руки. Ирра взвыла и рухнула на колени. Она завывала, как раненое дикое животное, и всё кричала, кричала...

Кричала, что нельзя её убивать, что только ей известны коды центрального пульта, а роботы будут следовать последнему приказу и после смерти хозяйки. Потом она вдруг изменила тон голоса и стала предлагать нашим героям разделить с ней власть, каждому мужчине пообещала самые высокие придворные титулы и по дюжине юных наложниц, которые периодически будут заменяться более молодыми и упругими девами, и вообще всю оставшуюся жизнь сулила донельзя сладкую и беззаботную. Но теперь уже воины всё ближе и ближе подходили к ней, и по выражению их лиц Ирра поняла, что пощады ждать не стоит...

Тут в зачищенный зал вбежала Тич и предупредила, что давление наступающих усилилось и дамба из роботов вот-вот прорвётся. Девушка потребовала от Жрадовой остановить механоидов, на что та рассмеялась и в ответ потребовала

ла, чтобы наши воины бросили оружие и сдались ей на милость.

Времени на споры совсем не оставалось. Тич удручённо вздохнула и красноречивым жестом показала своим спутникам, что делать. Воины схватили Ирру, связали и положили на пол перед Тич. Нашей девушке ничего не оставалось, как влезть Жрадовой в голову.

Она, образно говоря, грубо взломала Ирре мозг, вошла в её память и извлекла оттуда всю нужную информацию. При этом наша девушка не церемонилась, выжигала всё осталъное, из-за чего была полностью разрушена личность Ирры Жрадовой. Можно сказать, что грозная фурия в одночасье превратилась в овощ. Конечно, Тич могла бы оставить гнусной пиратке память, что для живого разумного существа равнозначно жизни как таковой, но... разве можно оставлять жизнь подобным особям?! Да, эта Ирра была очень яркой представительницей образчиков, из-за которых в миры и являются Чёрные Звёзды... рано или поздно.

Тич не теряла ни секунды, она выковыряла из памяти Жрадовой коды доступа к центральному терминалу и уже вовсю колдовала над ним. Девушка проявила сообразительность, достойную самого опытного воина. Впрочем, таковым она и была, ведь столько лет незримо сопутствовала четвёртым будущим соратникам в беспримерных «курсах молодых бойцов», проложенных по фронтам войн их родной ячейки... Ну вот, она отправила команду коррекции всем механизированным убийцам на планете, в модуле распознавания целей «свой-чужой» поменяв местами эти самые цели. И теперь механоиды накинулись на ничего не подозревающих пиратов, наёмников и прочую шваль, обитавшую в комплексе и за его пределами.

Второе, что сделала Тич, это отключила все «глушаки» на планете, а этих устройств, судя по данным, насчитывалось более двух десятков. Так что план несчастных «старожителей», стремившихся вывести из строя единственный на планете, как они думали, генератор помех, был изначально обречён на неудачу.

Исчезли помехи, ожил планетарный эфир. Выйдя на связь со штабом, наши бойцы услышали и увидели неимо-

верное ликование всех штабных старков. Остальное было делом техники. Все убежища и базы известили о победе повстанческих сил, и со всей планеты в центральный комплекс начали стягиваться многочисленные караваны измученных поселенцев. Не было предела их радости. Наконец-то пала невыносимая тирания! Сколько подобных режимов довелось испытать на своих шкурах различным народам во все времена, но эйфория, вызванная свержением ненавистной власти, у всех цивилизаций одинакова. До следующего воцарения тирана, пресекающего разгул... э-э... демократической вольницы. Круговорот истории, нам ли не знать...

В общем, пока наши мужчины отдыхали, залывали раны и производили профилактический осмотр уставшего от пальбы оружия, старки добивали оставшихся в живых угнетателей и устраивали поселенцев в центральном комплексе. Они избавились от «новой» хозяйки, теперь им вновь предстояло устанавливать «старые» порядки... Но это уже точно наших отрядников не касалось. Тич всё колдовала и колдовала над пультом. Просматривая массивы давних-предавших технических отчётов, ещё периода морфинга планеты, она искала подтверждение своей догадки, ещё не высказанной спутникам. Проводница предполагала, что здешняя язва разума на теле Вселенной гораздо... э-э-э... более застарелая, чем казалось на первый взгляд. Значит, вероятность найти здесь то, что они ищут, ради чего отправились в звёздный поход, очень велика. Первый же шаг в неизвестность мог привести к цели. И Тич накопала-таки задокументированные доказательства в пользу своего предположения. Это ей стоило неимоверного напряжения мозгов, за которое пришлось расплачиваться очередным приступом изнеможения. Впрочем, почти всё, что наша волшебница делала, требовало подобного напряжения...

Тич созвала всех наших и поведала им истинную, но мало кому известную историю этой планеты. Оказывается, этот хоть и безжизненный, но выгодно расположенный мир и раньше попадал в поле зрения разных деятелей, о чём свидетельствовал засекреченный архив, который хранился на сервере бывшего директора компании, занимавшейся здесь терраформированием. Но все экспедиции бесследно исчезали на

этой планете. А точнее, исчезали люди, бросив свои корабли, лагеря и всё дорогостоящее снаряжение. Таким образом, эта планета издавна приобрела в окрестных секторах дурную славу. Но директор компании разгадал секрет. Он понял, что опасность исходит из недр планеты, а точнее, из тех самых пещер, по лабиринту одной из которых наши герои проникли в комплекс.

Этот предпримчивый человек, перед тем, как строить станции и серьёзно обосновываться на планете, отправлял сюда фрилансеров с единственной миссией — найти и запечатать все существующие на планете естественные пещеры, которые имеют выходы на поверхность. Платил директор щедро, о чём упомянуто в его личном дневнике, поэтому в желающих недостатка не было. А то, что некоторые наёмные разведчики исчезали бесследно, списывалось на проблемы с их устаревшим оборудованием. Очень долго хранил свой секрет директор и серьёзно пресуспел в морфине планеты. Естественно, он следил, чтобы все проходы в пещеры были тщательно замурованы. Но однажды он умер... А новый директор, разумеется, из свойственной всем разумным любознательности решил вскрыть несколько пещер и узнать, что же скрывал старый глава компании.

В запретные пещеры спустились несколько групп учёных, и далеко им ходить не пришлось. Первое, что они там обнаружили, — это следы очень древней неизвестной цивилизации. За антикварные инопланетные артефакты можно было заполучить огромнейшее вознаграждение, особенно если иметь дела с правительствами миров. Опять же, можно было развивать прибыльный туристический маршрут... Недивительно, что новый глава компании отправил исследовать пещеры многочисленные группы своих подчинённых. И, разумеется, связь с ними пропала... В отчаянии на их поиски директор отправил военных частной армии компании, которые также бесследно растворились во тьме подземелий. После чего, ясное дело, поднялся громкий скандал, все исчезнувшие люди были признаны погибшими при невыясненных обстоятельствах, а дальнейшую историю старых владельцев планеты члены нашего отряда уже знали из рассказа полковника Рыкова.

Выслушав Тич, наши стали готовиться к очередному марш-броску в неизвестность. Но Алекс не мог уйти... э-э-э... не попрощавшись с Иррой. Он приблизился к ней, посмотрел прямо в эти младенческие, ничего не понимающие глаза и всадил зазубренный нож ей в живот. И не остановили его ни крики Тич, ни просьбы обоих наставников, ни стальные руки Лёши. Дело было сделано. Причём Алекс считал, что Ирра ещё недостаточно заплатила за свои злодеяния. Её смерть нужна была ему для утоления жажды ненависти. Он стоял и смотрел, как жизнь медленно покидала Жрадову, как её тело подёргивалось в предсмертных судорогах. Насытившись этим зрелищем, он молча выслушивал тирады своих товарищ. Ничто на свете не могло убедить его в неправильности содеянного. Зло можно победить только адекватным злом, был свято убеждён воин, рождённый от союза живых разумных двух миров — Земли и Локоса...

Тич обречённо вздохнула и прекратила распекать Алекса. Она уже поняла, что нравоучения принцу — что слону дробина, а уже надо было уводить отряд в пещеры.

Наши попросили людей полковника Рыкова замуровать за ними вход в пещеру навсегда, а катакомбы, ведущие к ним, подорвать. Они предупредили старков об опасности, исходящей от древней злой силы, которая там обитала. И чтобы эта чернота не поглотила всех обитателей мира, посоветовали её... м-м-м... не будить и постараться с ней не соприкасаться.

Дождавшись, пока отряд скроется в глубине пещер, старки взорвали проход и залили его сверху несколькими слоями быстро застывающего цементирующего раствора. Затем, отступая, последовательно устраивали завалы в каждом из тоннелей катакомб. Полковник Рыков, как ты могла уже понять, был неглупым человеком...

Тем временем пещера уводила наших героев всё дальше и дальше от поверхности. Здесь повсюду были однообразные голые стены. Здесь отсутствовала какая-либо живность. В этой темноте и пустоте не было ни единого намека на опасность, но, невзирая на это, бойцы отряда были начеку. Все мужчины держали оружие наизготовку, ведь было неизвестно, когда именно на них соизволит напасть нечто и чем

именно оно может оказаться. Самый худший из всех страхов начинал стучаться в их сердца — страх неизвестности.

Они шли часов пятьдесят, без долгих остановок, принимали пищу на ходу, короткие привалы для сна случились всего пару раз, минут по сто двадцать, не больше. Здесь не было ни утра, ни дня, ни вечера — только тихая ночь сырых камней. Однообразие сводило с ума. И вот наконец впереди в свете фонарей возникло нечто, нарушившее опустылевшую монотонность... При ближайшем рассмотрении оказалось, что это остатки лагеря поискового отряда военных, некогда сгинувших здесь. Старые палатки, прогнивший генератор и десяток самоходных транспортировщиков, обвешанных неплохо сохранившимися рюкзаками со снаряжением.

В глаза не бросались никакие явные признаки борьбы с кем-либо, не было видно и останков солдат. На длинном раскладном столе расставлена пластиковая походная посуда. Лагерь выглядел так, словно все люди в нём попросту испарились в одно мгновение.

Изнурённые до крайности наши наконец-то решили, что пора бы сделать привал. Алекс и Лёша встали в охранение. Их старшие товарищи занялись самым важным на данный момент делом. Ветераны устроили техосмотр старым «самоходкам», потому как на транспорте перемещаться гораздо быстрее и веселее, чем на своих двоих. Тич и Тегру ничего иного не оставалось, как, смахнув пыль со стола, приступить к приготовлению скромной трапезы. Впрочем, по сравнению с беглым перекусом на ходу...

Генератор удалось отремонтировать, Сидоркин заменил его вышедший из строя двигатель на движок одного из разобраных транспортировщиков. И под тихое урчание обновлённого источника питания, в мертвенно-бледном свете лагерных ламп, они приступили к трапезе. И никто из отряда в данный момент не ожидал активизации той силы, против которой они выступили, покинув родные миры... Более того, никто даже не мог вообразить, что их истинный враг в точности повторит тот же тип атаки, которому уже подвергся отряд, едва появившись на этой планете. Только в этот раз удар сфокусируется на одном из его членов. Даже умница Тич, чрезмерно утомлённая нагрузками, позволила себе расслабиться...

Ничего худого не ожидая в ближайшие полчаса хотя бы, все кашали, перебрасывались шуточками и улыбались. Лишь Алекс поглощал еду молча, о чём-то сосредоточенно размышляя. Тич захотела отвлечь его, но шутка, адресованная принцу, не порадовала его, а напротив, разозлила. Мышицы Алекса напряглись так, что затрещала одежда. Он посмотрел на девушку с неприкрытым агрессией и злобно прошипел что-то вроде: «Сама ты недалёкая, и шутки твои глупые!» Тич промолчала, а вот Лёша не стал терпеть подобного обращения с девушкой. Молодой землянин, и это было видно невооружённым глазом, уже испытывал к локосианке чувство куда большее, чем дружеское.

Лёша сказал Алексу о том, что Тич старается подбодрить его, приурка, но братец, как чмо болотное, погрузился в себя, любимого, и маринуется в фекалиях собственных сомнений и страхов. Сказал о том, что другие тоже пребывают не в лучшем состоянии духа, но тем не менее, как истинные воины, контролируют себя... Договорить Лёша не успел.

Что тут началось! Алекс всыпил, он вскочил и начал орать в полный голос. О том, что какие, в заднице, воины?! Слепо идти за поводырём — это удел овец! Она сама не знает, куда ведёт отряд. Сегодня планета с отправленной атмосферой, завтра пепел атомной пустыни, послезавтра — какая-нибудь пустота космоса или протуберанцы сверхновой. А откуда известно, что впереди не ловушка, подстроенная Чёрными Звездами?! Эта дура тощая даже и вякнуть не успеет, простите, я не права! Да и на кой чёрт они потом надобны, её дурацкие извинения?!

Лёша, само собой, бурно возражал. Алекс завёлся ещё больше и бросился на землянина. Словопрения переросли в жестокую схватку. Молодые воины моментально впали в состояние боевой ярости, с ходу навесили друг другу по несколько ударов в полный контакт. Наставники попытались их разнять, но оба, получив по суровому удару в голову от Алекса, растянулись на холодных камнях пещеры. Сверкнули ножи, разъярённые Лёша и Алекс ходили кругами, выжидая мгновения, чтобы броситься на противника, и неизвестно, чем бы в конце концов закончился этот танец смерти...

Неожиданно раздался отчаянный женский крик. Оборвавшись, он сменился прерывистым рыданием, и этот плач навзрыд остановил молодых воинов. Они будто вмиг протрезвели, опустили ножи и растерянно обернулись... Ильм, шатаясь, пытался встать. Восславянин держался за челюсть, ударом в неё Алекс отправил старика в нокаут. Виталий же так и остался лежать. Глаза старого землянина были широко раскрыты, его нос неестественно искривился, из ноздрей текла кровь. Над телом причитала Тич.

Произошло непоправимое. Подчиняясь великому закону вселенской глупости, один из величайших воинов всех эпох и народов, переживший бесчтные военные кампании, случайно погиб. Погиб глупо и бессмысленно, от руки своего же лучшего, любимого ученика. Тщательно культивируемый инстинкт убийцы сработал в осатаневшем Алексе автоматически. Принц прямым беспощадным ударом сломал учителю нос, и осколки костей вонзились в мозг.

Когда ужас произошедшего дошёл до сознания Алекса, он бросился к Сидоркину, начал его трясти, кричал, умолял Вселенную вернуть землянину жизнь. Вой страшный, нечеловеческий наполнил пустоту тёмной пещеры... Прояснившись, разум Алекса искренне раскаялся в содеянном, но уже ничто не могло вернуть к жизни человека, по сути, ставшего принцу вторым отцом... Так и простоял один из младших Дымовых на коленях перед остывающим телом соратника Дымова-старшего и продолжал стоять даже после того, как Ильм и Лёша подняли Виталия Ивановича и завернули в ткань палатки.

Алексу понадобилось полчаса, чтобы взять себя в руки и встать с колен. Остальные, также раздавленные случившимся, ожидали, не нарушая гробовой тишины. Принц поднялся, в полном молчании вырезал лучевиком глубокую нишу в стене пещеры. В ней и похоронили великого воина Земли и Локоса. В руки ему вложили клинок, негоже солдату безоружным являться с рапортом о пройденном земном пути... Молодой землянин, по месту рождения будучи одной веры с Сидоркиным, прочитал отходную молитву, и слова православного канона очень кстати прозвучали в подземелье, как будто так и надо. Нишу закрыли стальным листом от основания генератора. На нём и начертали имя погибшего.

Горевать было некогда, наш отряд отправился дальше. До трагедии наставники успели оживить три транспорта. Топливо из остальных слили и распределили поровну. Тич и Лёша оседлали первый, за ними следовали Ильм и Тегр, который был недоволен подобным распределением мест, но в скорбный час не перечил своей драгоценной подопечной. Алекс, молчаливый и хмурый, замыкал конвой. С ним никто ни о чём не заговаривал...

Ехали часов двадцать с лишним, настороже, с оружием в руках. Расслабляться себе больше никто не позволял, даже во время короткого привала, минут девяносто на сон, а точнее, на полудрёму. Враг так и не проявил себя. К исходу суток, за очередным поворотом, открылась огромная каменная зала. Свет фонарей выхватил разноцветное великолепие форм и цветов в лабиринте сталактитов и сталагмитов. В центре, как бы на подиуме, возвышалась ступенчатая пирамида, на её вершине чернел загадочный не то монумент, не то обелиск. Отряд спешился и осторожно приблизился к этому сооружению. На вековой пыли, покрывающей ступени, видны были несколько рядов следов. Их, вероятно, оставили исследователи, сгинувшие в этих пещерах.

Наши поднялись к вершине. Обелиск покрывали незнакомые письмена, идентифицировать и перевести которые не сумели универсальные лингвистические модули. Тич беспрерывно всматривалась в эти символы, несколько раз входила в транс, пытаясь уразуметь, что же делать дальше? Ответа не было. Полное, так сказать, радиомолчание на нематериальных, энергетических уровнях, ни одной подсказки. Всё, что девушка знала и в чём не испытывала ни малейшего сомнения, — поредевший отряд находился в нужном месте, они добрались именно туда, куда следовало.

Однако ничего не происходило.

Мужчины пытались сдвинуть этот обелиск в надежде под ним отыскать какую-нибудь подсказку. Но чёрная глыба не смещалась ни на микрон. Лезвия клинков и выстрелы из оружия не оставляли на её поверхности ни единой царапины. Оставалось загадкой, кто и чем начертал эти символы. Несколько зарядов взрывчатки тоже ничего не изменили.

Тупик.

Наши в полной растерянности присели на ступенях. Дальше идти было некуда. Все подумали, что Тич ошиблась, и уже морально подготавливались к межпространственному скачку в другой мир. Тоже радость ещё та. Сделаешь шаг — и окажешься прямо в раскалённой атмосфере какого-нибудь газового гиганта. В мирах родной ячейки они хотя бы примерно представляли, в какую среду попадут в результате перехода...

Тем временем накопившаяся усталость, несколько суток без нормального сна сотворили своё чёрное дело. Вся команда уже просто засыпала на ходу, валилась с ног. Отряд спешно развернул спальные мешки, и люди мгновенно погрузились в тягучий сон. На карауле остался Алекс, он вызвался сам, боль потери и угрызения совести не давали ему покоя. Наворачивая круги вокруг вершины пирамиды, он всё думал, думал...

В тяжких, тоскливых раздумьях миновало часа три. И вдруг неясная тревога зацепила край сознания Алекса. С каждой секундой это тревожное ощущение усиливалось. Каравальный хотел разбудить Ильма, но тот уже и сам проснулся, впрочем, как и все остальные. Напоминаю, при всех различиях общим у разумов избранных было, несомненно, наличие уникальных свойств, те самые пресловутые хроносомы. Точно так. В той или иной степени все они были... э-э-э... сверхчеловеками. Апофеозом неординарных возможностей разума, конечно, была Тич. Наш волшебница проснулась раньше всех и, когда вопросительные взгляды четверых спутников скрестились на ней, однозначно подтвердила тревогу Алекса. Что-то опасное приближалось к ним. Тич вошла в особое состояние и мысленно отправилась навстречу приближающейся опасности, чтобы идентифицировать её. Никогда прежде девушка не ощущала такого ужаса, хотя уж кому-кому, а ей довелось пережить столько, что на десяток насыщенных жизней хватило бы. Каждое нервное волокно в её организме звенело и извивалось, нестерпимая боль наполняла тело и не давала увидеть эту сущность, застила приближающееся... Вдруг Тич закричала надрывно, оборвала крик на полузвуке и потеряла сознание... Тегр подхватил обмякшее тело, вынес на самую вершину и положил в центре. Воины окружили её с четырёх сторон, полные решимости лицом к лицу встретиться с любым ужасом...

сом Вселенной и биться с ним до последнего вздоха последнего из живых!

Внезапно пещерный сумрак зала осветился слабеньким сиянием, оно исходило из жерла одного из тоннелей и усиливалось прямо на глазах. Раздался пронзительный звук, он хлестал по слуху, резко меняя тембры с низких на высокие и обратно... Из жерла вылетело что-то большое и ослепительно-яркое. Подобного существа никто из воинов никогда раньше не видел. Рассмотреть его было очень больно в буквальном смысле слова. Его прозрачное сферическое, желеобразное тело светилось, казалось, всеми видимыми глазами частями спектра. Двигалось оно быстро и непредсказуемо, облако из множества тонких щупалец окутывало медузоподобное тело.

Лёша и Алекс первыми выдвинулись на перехват неизвестного чудовища. Они рассредоточились, чтобы напасть с двух противоположных сторон. Существо взлетело под купол и на несколько мгновений застыло в воздухе, перекатывая свои тонкие конечности волнами. Это было бы очень красиво, если бы не было настолько смертоносным... Разразилась стрельба. Алекс открыл огонь из магнитного ускорителя и выпустил последний десяток бронебойных стержней. Железяки прошли сквозь тело твари беспрепятственно, разве что слегка изменив оттенки свечения.

Существо стремительно ринулось на стрелявшего. Оно схватило Алекса своими нитевидными щупальцами и всосало в распахнувшуюся пасть. Тело Алекса отчётливо просматривалось внутри чрева, почти прозрачного... Лёша в ужасе наблюдал, как оно быстро распадается на атомы, рассасывается там, внутри, прямо на глазах. Уже через несколько секунд от Алекса и тёмного пятнышка не осталось. Лёша наконец вышел из оцепенения, выстрелил из плазменного ружья. Существо дёрнулось от прямого попадания и отступило на несколько десятков метров, но лишь для того, чтобы, обойдя Лёшу с тонной, накинуться на Ильма и Тегра. Сводящий с ума звук почти не позволял сконцентрироваться для эффективного противостояния.

Два славных воина отчаянно сопротивлялись, но тоже исчезли во чреве монстра. После этого существо зависло над телом Тич и, казалось, что-то высматривало, отчего-то коле-

балось... Лёша бросился на выручку. Разряды плазмы отогнали монстра, однако повреждений не нанесли. Похоже, это оружие могло лишь причинить существу боль, но не убить. Монстр описал пару кругов вокруг пирамиды и опять стремительно ринулся в атаку.

Лёша кувыркался, прыгал, стрелял. Вёл бой так искусно, как только был способен. Но тварь была очень проворной, несмотря на свои внушительные размеры, да и энергоресурс Лёшиного оружия постепенно иссяк. Пришлось констатировать печальный факт — весь отряд отборных воинов оказался абсолютно бессильным перед одним-единственным созданием Вселенной, пусть и непривычно выглядящим, но... У Лёши даже промелькнула догадка, перед тем как тварь поглотила его. Он решил, что эта вот квазимедуза — самая что ни на есть чёрная звезда. Враг, против которого организован поход, ведь был поименован «звездами» произвольно, чисто по аналогии. Но то, что морещилось космически-гигантским, настоящим китом по сравнению с крохотными частичками планктона, которым оно питается, на самом деле вполне могло быть сопоставимо по размерам с носителями разума, для поглощения которого оно и существовало...

Тишина вновь завладела подземным миром. Светящееся нечто зависло над телом Тич. Оно не трогало девушку, а терпеливо ждало чего-то. В ожидании прошло несколько минут. Тич очнулась, открыла глаза и посмотрела на светящийся сгусток. Он тотчас же приблизился к ней вплотную. Будто ждал, пока она обратит на него внимание, воспримет, и только после этого у него появится возможность продолжить. Девушка обратила внимание, ещё и как! Если бы у светящегося имелись глаза, то можно было бы сказать, что их взгляды встретились и скрестились. Но глаз не было, поэтому точнее будет сказать, что скрестились их... разумы.

На исчезающе-малый, почти неуловимый миг они слились, превратились в единое целое. Но цепкая память Тич всё же кое-что успела... э-э... схватить и удержать, перед тем, как её тело бесследно растворилось в... непроглядной прозрачности, скажем так. Явление этого сгустка света, оснащённого хватательными нитями и пастью, нежданно-негаданно, но беспощадно поставило точку. Изнурительное, смертельно

опасное продвижение по самому первому миру, на котором очутились воины отряда за пределами родной ячейки, оборвалось так же резко, как и начиналось. К тому, что смерть всегда дышит в затылок или смеётся прямо в лицо, нашим было не привыкать. Но раньше они хотя бы имели возможность свериться с картами местностей, по которым пролегали линии фронтов. Шагнув за пределы, они психологически подготовливались к чему-то совершенно новому, поразительному. Но выяснилось, что и по ту сторону, за бездонной космической пропастью... всё как у людей, скажем так. Такая же война. Тот же вечный поход всех против всех. Неужто живые разумные просто не способны существовать иначе? Напрашивался единственный, ни разу не утешительный вывод: для того, чтобы наполнить жизнь смыслом, им необходимо постоянно воевать друг с другом.

На этом и мы поставим точку. Тебе уже известно достаточно, чтобы иметь представление о реальной истории этого похода, и на его основе ты самостоятельно разложишь мемо-записи по полочкам в памяти. Вдруг тебе понадобится сделать это без моего участия...

Не смотри, не смотри на меня круглыми глазами, Лана. Я сказал, что на этом... хм, мы закруглимся, и своего решения не изменю. Учись терпению. Это главное качество воина. Всё не сила. Вот бы один из героев этой истории своевременно об этом вспомнил...»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Призыв

Под лежачий камень вода не течёт. И ещё одно подходящее выражение нашлось в одном из наречий мира Земля. Действительно, покой — враг памяти.

«Только мёртвые не имеют привычки помнить». (Заблуждение, естественно, в свете того, что мы узнали о реальных мёртвых, но у человечества подобных заблуждений множество, и оно цепко за них держится.)

Что я такое? Мечта, видение, память. Человек умирает, а что остаётся? Душа? Говорят, душа живёт вечно... Но ведь ПАМЯТЬ — это и есть душа. Значит, где-то, как-то память о каждом человеке сохраняется. Возможно, у Вселенной где-то и есть свои мемоархивы, в которых записывается всё и вся. Есть или нет, нам не ведомо.

Поэтому в любом случае не помешает подстраховаться.

Очень хорошо, что в команде двое, которые раньше фактически находились по разные стороны баррикад. Один сходил в разведку боем и вернулся из отчаянной вылазки чуть ли не единственный из всех. Второй оставался в крепости и на своей шкуре испытал, что такое осада. Приверженцы разных тактик... для стратегического замысла это на пользу, на том и строился расчёт. Даже если кто-то из них погибнет. Даже если погибнут они оба. Даже если погибнут другие. Даже если погибнут все... кроме последнего.

Глава одиннадцатая

ПЛЕННЫХ — БРАТЬ

Два истребителя-бомбардировщика, угодившие в сектор обозрения одного из следящих устройств, на огромной скорости пронеслись над подземным заводом, скрытым лохматым зелёным покровом лесного массива. Только и успели воздушные машины скинуть несколько мощных зарядов на маленькую расчищенную взлётно-посадочную площадку.

И хоть оба пилота были достаточно опытными, больше они не выполнили ни одного манёвра. Система ПВО сработала чётко. Как только пара боевых флейтеров вышла из режима невидимости для бомбометания, по ним был открыт плотный заградительный огонь. Раскатистые звуки двух взрывов свидетельствовали факт их последней посадки. Возможно, пилоты и успели катапультироваться, но всё произошло настолько стремительно, что на этот счёт возникали сильные сомнения.

И всё же со своими задачами за эти считанные секунды пилоты справились. Они успели поразить обе цели. Одна из них уже догорала в клубах густого чёрного дыма на раскуроченной площадке. Это была яхта класса «Призрак Императора», начинённая высококлассными компонентами технологии невидимости. Обычно такие летающие лимузины использовались для транспортировки особо важных пассажиров. В другую цель промазать было просто невозможно — это был сам военный завод, раскинувшийся под поверхностью планеты на несколько квадратных километров.

Две продолговатые бомбы, вонзившись в землю, выпластили себе тоннели в толстом слое железобетонных защитных перекрытий завода и проникли внутрь комплекса. Но ни одна из них так и не взорвалась. С громкими хлопками стенки этих бомб разделились на лепестки и разлетелись окрест, сметая всех, кому не поздоровилось оказаться поблизости. Оголившаяся сердцевина оказалась ничем иным, как противоверегрузочным модулем с человеком внутри.

Две капсулы внедрились в разных помещениях завода, но выскочившие из них бойцы в штурмовых скафандрах высшей защиты очень быстро объединились в пару, уничтожив всех попавшихся им на пути сотрудников безопасности подземного комплекса. Они были разных размеров, один большой, другой заметно меньше, но оба — одинаково стремительны и беспощадны. Если судить по элитным боевым скафандрам, стоимость которых могла составить годовой бюджет небольшой колониальной станции, это были специально отобранные кадры, такие системы кому попало не доверят. Но одна деталь абсолютно не вязалась с экипировкой спецназовцев: тюремные контроль-ошейники, виднеющиеся

на их шеях сквозь забрала шлемов, которые убийцы не удосужились даже затемнить.

Перемолвившись жестами на особом наречии профессиональных воинов, они продолжили своё кинжалное наступление, сметая на своём пути всех, кто пытался воспрепятствовать их стремительному продвижению. Высокий шёл впереди, а меньший, прикрывая спину напарнику, отставал от лидера на несколько шагов.

Пронзительный сигнал тревоги и заполошные вспышки авариек наполняли все цеха, лаборатории и коридоры. Группы рабочих в спешке покидали производство, а сотрудники безопасности завода занимали позиции во всех стратегически важных местах. Стальные аварийные переборки наглоухо закупоривали многие помещения и проходы к ним.

Но это почему-то совершенно не остановило вторжения, и спустя считанные минуты комплекс содрогнулся от взрыва. Следом за толчком погас свет. Всё оборудование, работавшее от центрального энергетического генератора, замерло, многие системы безопасности, в том числе и система ПВО, переключившись на резервные источники питания, стали работать на двадцать процентов своей номинальной мощности и десять процентов функциональности. Темноту в коридорах нарушали лишь мертвенно-белые лампочки аварийного освещения. Они питались от автономных батарей.

По одному из коридоров завода очень быстро и организованно продвигался небольшой отряд хорошо вооружённых людей в армейских комбинезонах. Они сопровождали человека в цивильной одежде. По его виду можно было судить, что солдаты охраняют далеко не последнего облечённого властью представителя человеческого сообщества. Этот человек подходил к сканеру очередной переборки, закрытой по сигналу тревоги, и открывал её на несколько десятков секунд, пропуская свой отряд сопровождения в следующую секцию. Открыть аварийно закупоренные двери любого объекта могла лишь «персона номер один» на этой планете. Этот штатский и являлся номером Первым.

Открыв которые по счёту створки, отряд очутился внутри шестиугольного перекрёстка комплекса. В центре этого помещения, внутри кольцевого баррикадного нагромождения

столов, стульев, шкафов и продовольственных автоматов, спрятались бойцы службы безопасности завода. Все они были на взводе. Судя по сообщениям, вылетающим из их переговорных устройств, кто-то, пробивая бронированные огнепроницательные перекрытия, стремительно продвигался в их сторону, уничтожая при этом все импровизированные блокпосты их коллег.

Охранники комплекса узнали, конечно, очень важную персону, они стали отчаянно кричать и жестикулировать, предупреждая вошедших о приближающейся опасности. Но как только отряд продвинулсья на несколько шагов в сторону прохода, необходимого идущим, глухой удар в одну из бронированных переборок, перекрывающих входы в помещение, заставил всех обернуться. Бойцы сопровождения и забаррикадировавшиеся охранники вмиг умолкли и вскинули своё оружие, нацелив его в направлении звука.

Бронированная переборка издала дерущий морозом по коже скрежет и следом за ним звуки, схожие с теми, что издают лопающиеся стальные струны. В свете аварийного освещения на переборке появилось и стало расти маленько пятнышко, покрытое инем. Пятно быстро расплзлось под звон трескающегося от низкой температуры металла. Удар с той стороны переборки впрыснул в помещение металлические раскрошившиеся ошмётки. Появилось небольшое равногое отверстие, в которое незамедлительно влетел длинный цилиндрический предмет.

С криками «Бомба!» сотрудники безопасности комплекса нырнули в укрытие. Большинство бойцов сопровождения прыгнули на пол, прикрывая головы оружием и руками, а остальные, теряя драгоценные секунды и рискуя своими жизнями, подхватили охраняемую персону и укрыли за баррикадой. Но ожидаемого взрыва не последовало. Цилиндр зашипел и выбросил густые клубы горячего и едкого дыма, которые в считанные секунды заполнили помещение целиком.

Все, кто был в герметичных шлемах или успел натянуть дыхательные маски, открыли шквальный огонь по разрушенной переборке. Они стреляли вслепую, потому что в этом густом дыму не было видно даже кисти вытянутой перед со-

бой руки, а высокая температура самих частиц этого тумана делала бесполезными тепловизоры, встроенные в шлемы солдат отряда сопровождения. Густое облако завесы лишь меняло общий свой оттенок под вспышки оружейных залпов.

В грохоте стрельбы никто даже не услышал, как на потолке открылась заслонка вентиляции, через которую в комнату проникли посторонние. Тут же один за другим стали доноситься тихие, приглушённые хлопки и гортанные «гы-ки». Кто-то быстро и безжалостно уничтожал всех в этом помещении. Причём этот кто-то наверняка преспокойно видел сквозь эту непроглядную дымовую завесу.

Звуки стрельбы обороныющихся быстро стихли. В белом облаке раздался крик очень важной персоны, но и он стих после глухого звука удара. Одна из бронированных створок на секунду приоткрылась, пропустив уже бесчувственное тело человека «номер один» и его новых сопровождающих.

Спустя время подоспевшая сюда гвардия, здоровяки в тяжёлых скафандрах, обнаружила в этой комнате раскиданные по полу тела людей, убитых холодным и «горячим» оружием, о чём свидетельствовали колотые раны открытых участков и прожёенные отверстия в лёгкой броне, не рассчитанной на противодействие попаданиям мощного энергетического оружия. Персоны «номер один» среди них не было.

Очень важный человек в этот час, связанный по рукам и ногам, только-только приходил в чувство на берегу небольшого лесного водоёма, к которому выходила большая труба удаления сточных вод завода. Над выкраденным боссом стояли оба его похитителя в своих навороченных скафандрах и ожидали эвакуации.

— Сколько бы вам ни заплатили, я дам в три раза больше! — прия в себя, тотчас выкрикнул Первый, затравленно смотря на головорезов. Забрала шлемов теперь были затмнены, и разглядеть лица наёмников захваченный не смог.

— Пашь прикрой, не шуми, — посоветовал тот из боевиков, что был повыше ростом и посолидней габаритами.

— Вы знаете, кто я?! У меня огромные возможности и связи, я могу... — продолжил было пленник, но тут же за-

молчал, потому что второй головорез, пониже ростом и более подвижный, подскочил к нему и приставил длинное лезвие своего зазубренного ножа к его горлу.

— Дед, в принципе нам нужна только его голова. — Судя по голосу, сообщила об этом... юная девушка?! Она предложила своему напарнику: — Давай избавим себя от лишних хлопот.

Пленник шумно сглотнул и испуганно посмотрел на второго, мужчину, в ожидании его судьбоносного решения.

— В принципе да, — ответил тот после небольшой, но мучительной паузы, чем вызвал выражение неописуемого ужаса на лице важной персоны, но спустя секунду добавил: — Хотя, если подумать, доставив его живым и в одном куске, мы заработаем больше бонусов.

— Ах да, я и забыла. — Девочка убрала нож и оставила в покое перепуганного пленника.

— Как... кие ещё б-бонусы? — Губы связанного человека тряслись от страха.

— Это такая валюта, единственная, интересующая нас, — ответил мужчина. И просветлил забрало шлема.

— А-а-а, так вы цепные псы, которых спустили на меня эти ублюдки! — Пленника озарило, как только он заметил тюремный ошейник, и он даже позволил себе зло пошутить в адрес подневольных исполнителей: — Каково это, ощущать себя цепными животными? Ошейники не жмут? Вам всё равно не сломить сопротивления...

Девушка прервала речь пленника, впрыснув транквилизатор в его кровь маленьким медицинским пистолетом.

— Ещё немного, и мне будет наплевать на бонусы, хотя его сравнение очень точное. — Девушка убрала инструмент, потом резко обернулась в сторону водоёма. — А вот и эвакуатор.

По поверхности озера бежала сдва заметная рябь — след от антигравитационной тяги летательного аппарата. Самого аппарата видно не было, он летел, полностью закрытый от взглядов «полем призрака», но стоило только ряби коснуться береговой полосы, перед боевиками в воздухе проявился транспортный челнок, на борт которого они и взобрались, первым загрузив очень важное тело.

Спустя несколько часов в свою просторную, но достаточно скромную каюту на разведывательном крейсере, уносящемся прочь от второй планеты звезды, известной под именем Кааз, вошли двое: очень пожилой мужчина, можно сказать, старик, и девушка лет шестнадцати-семнадцати. Это были те самые спецназовцы, что навели шороху на секретном военном заводе одной из пограничных планет, на которых отсутствовали порталы межмировых переходов.

Пограничными такие миры считались лишь условно. Через эти миры нельзя было пройти дальше, используя естественные внепространственные коридоры. Местные изоляционисты, достаточно развитые, но обособленные цивилизации, препятствовали созданию вселенской сети порталов и агрессивно реагировали на вторжение любых нарушителей их территориального космоса.

Войдя в каюту, уставший мужчина сразу завалился на свою широкую койку, а девушка присела на край своей. Вид у них обоих был жутко измотанный.

— Эх, как хорошо просто лежать, — вслух подумал воин-ветеран.

— Да, эта вылазка и меня выжала до капли, — подтвердила девушка, — деда, скажи мне одно...

— Что, Лана? — Мужчина приподнял голову с подушки и подпёр её рукой.

— Готова поклясться, что не только я пользовалась своими... ну, ты понял. — Девочка помнила про ошейник, который сейчас вполне мог транслировать их разговор в центр контроля испытуемых.

— Да, ты права, и мне пришлось пару раз прибегнуть к... нечестным приёмчикам, но по-другому было не выжить. — Дед подтвердил догадку внучки. — Целый завод всего на двоих бойцов, пусть и в суперскафах, — это не просто перебор. Это либо признак завоёванного доверия или... совсем наоборот, провокация.

— Тогда вполне закономерно напрашивается ещё один вопрос... — Девушка прищурилась, ожидая, что старик озвучит очевидное.

— Где ответная волна? — Дед загадочно улыбнулся, подмигнул внучке и не замедлил с ответом: — А мы бы-

ли на самом её гребне, потому ты и не заметила саму волну.

— Та-а-ак, — младшая встала, упёрла кулачки в бока и потому стала похожа на букву «Ф», — я требую от вас объяснений, заключённый ноль шестьсот двадцать девять восемьдесят три. Вы, похоже, намеренно прокололись?

— Всему своё время, Лана, — мужчина ткнул пальцем в свой ошейник, указав этим жестом, что точная информация — не для чужих ушей, и вернул свою голову на мягкую подушку, — ты лучше иди уроки делай или отдохни. Крейсер, насколько мне помнится, до мобильного портала часа три летит. Потом сам проход в пересадочную осевую, потом из неё в соту питомника... это ещё полчаса на всё про всё. Ну и затем тихим ходом в город — ещё пять с половиной часов. Итого — девять часов тебе до занятий в гимназии, а мне до обучающих тренировок по рукопашке с толпой неуклюжих контрактников и таких же лузеров, как мы.

— Эх-хе-хех. — Девушка улеглась на свой лежак и поправила пальчиком смеившийся ошейник. — Иногда я думаю, деда, а оно того стоит?

— Поверь мне, Лана, стоит, — ответил дед, задумчиво сверля взглядом потолок.

— Ладно, я лучше посплю. Кстати, бонусы! — Внучка слегка обрадовалась, вспомнив хоть маленькую, но приятную вещь, и хитро глянула на деда искоса. — Мы их заработали ровно двести сорок на двоих. А мне ведь столько и не хватало для посещения концерта знаменитого Аво-ла-Бао. Помнишь, я тебе говорила, что он в столице будет всего один день?

— Интересно, а как же моя доля бонусов? — Дед опять приподнял голову с подушки и скорчил обиженную гримасу. Хотя игривое выражение его глаз явно свидетельствовало о том, что он их уже уступил младшей.

— Ну, всё лучшее — детям. — Юное создание пожало плечиками и очаровательно улыбнулось.

— Хм, где ж в этой каюте детей-то найти... — совсем постариковки проворчал старший, поудобнее устраивая голову на подушке.

* * *

С чего бы ему столь надрывно кашлять, нашему тщедушному локосианину? Сей газ едкий, горький, противный до беса, истинно так, однако не смертельный ведь, и перетерпеть можно. Он же, мало того что первым сдался, ещё и надрывался до рвоты, народ страшал. Что занимательно, одежда с оружием непонятно куда подевались, трёмся тут честной компанией, как в парной, бухыкаем, словно дружно поперхнулись студёным квасом. Скорей всего так оно и есть, порешили нас перед приёмом помыть для пущей важности, да и заради дезинфекции. Боятся бацилл заморских... что уж тогда говорить о нас, воинах. Как бы со страху не перебили гостей хозяева, вероятный вред упреждая.

Вокруг защёлкало, и по нашим телам со всех сторон ударяют тонкие струи горячей жидкости. Гадостно щипля, она вязко сползает по коже. Становлюсь я скользким, ну чисто карась, и всё кругом такое ж, на ногах не устоять, похлеще льда... Падаю! Хватаюсь за Лёху, Лёха за братца, внучка за жучку, жучка за... В итоге все мы крутимся на полу, аки дождевые черви на дне банки, и продолжается сие непотребство, покуда весь пол не проваливается под нами. Нас торпедирует по широкой трубе, моё тело пребольно стукается о гофрированные стенки, и вот тут я бы не отказался подышать хоть прежним газом... Плюхаемся в молочно-белое, сразу окрасившись в соответствующий цвет — жидкий раствор впитывается в кожу. Белая вода, закружившись вместе с нами, наращивает темп, и нас мотыляет, словно портки в стиралке, верней и не скажешь. Да что ж за измывательство, убили бы сразу, пошто изгаляться-то?! И опять дно разошлось воронкой, и мы, засасываемые мощным потоком, несёмся далее, в неведомые недра исполинской «прачечной». На сей раз маршрут короче, воздуху для входа почти хватило, не пришлось прибегать к методе «озёрной утки». Но зато уж следующая ванна выдаётся куда чудней. Куриный бульон. Да, натурально пахнет варёной птицей и овощами, или это у меня уже рассудок мутится от свистопляски этаких кашелей? Горячо, опасно горячо, зараза. Вокруг разнообразные шматочки непонятно чего плавают, не-е, ну точно жаждут

сварить заживо в юшечке, я не удивлюсь. Вон Алекс уж красный, чисто рак, и глаза как у рака, навыкате, на такого посмотришь, враз пивка дерябнуть захочется. Взбешён до нельзя, ух, не позавидую тому из хозяев, кто первый ему попадётся под руку! Ура, пронесло, бульон утёк в узкие прорези, а мы остались. Молочная краска смылась, её заменили жёлтые ломтики, злобно шипя, они испаряются на телах, пар от нас валит, словно от чертей, такое ощущение, что вместе с телами нам промывают мозги. Но то всего лишь метафора, насильного вмешательства в мысли я не отмечаю. Мягкая поверхность под голыми ступнями завибрировала, пол погнал волну, и нас, как песчинки с ковра, вытряхивает в шлюз, открывшийся в высокой стене. Пролетев несколько заслонов обжигающей воды, мы погружаемся в жидкий лёд. При всём желании трудновато преувеличить, водица настолько холодна, что тотчас же спирает дыхание, и остается лишь ждать, когда сердце, пропуская удар за ударом, снова начнёт биться. Ей-боги, как тут не вспомнить нашу древнеславянскую былину про конька-горбунка. Теперича, после этаких тортур, надобно стребовать как минимум омоложения до девятнадцати лет, царевну-красавицу и обязательно что-нибудь ещё, чего пока не удумал, мозг отморожен. В таких дурацких ситуациях, когда мало что от тебя зависит, восславянскому человеку ничегошеньки не остаётся, окромя как шутковать...

Святые боги, неужто сие поругание кончилось?! С труdom верится!

Мы лежим, обессиленные и охреневшие, точней не скажешь, на мягких валиках. Приятно перекачиваемся, и нас обдувает тёплыми воздушными потоками.

— Это что, смирительные рубашки?!

Я приоткрываю глаза и вижу, как Алекс крутит в руках незамысловатые белые комбинезоны. Поднимаясь, чувствуя, как ноют суставы и кружится голова. Лёшка протягивает и мне один подобный костюмчик. Да, прикрыть наготу будет не лишним. И вправду шутовская одежонка — рукава висят, ноги в штанины не пролазят, и обтягивает, как педераста. Потешаются, не иначе. Дайте мне бластер.

Пытаюсь отвлечься от гневных порывов, рассматриваю помещение. Бедненько, пусто, неинтересно после купатель-

ных треволнений. Из мебели один станок с уже известными ворсистыми валиками, простые лежанки да овальный шкаф в центре, заезженный как мир светящийся потолок над головой, пара окон. Всё.

Лёшка места себе не находит, мечется туда-сюда, на ходу обсуждает с братцем план дальнейших действий. Алекс до того сбит с толку, что беседует с ним вполне мирно. Локосианин прилип к иллюминатору, медитирует, что ль, нашёл времечко... И вдруг зовёт нас Тегр, сообщает, что к станции, где мы заперты, летят серьёзные этакие кораблики, с виду военного типа.

Наконец-то! Стало быть, ещё повоюем.

«Ну, ты завернул тогда повествование, дедушка! Я ведь отлично знала, что это не окончание истории, но выглядело, как... полный конец. И что же? Дальше-то что было? Рассказывай, рассказывай. Если уж ты, по неизвестной мне причине, вдруг решил... э-э-э... опубликовать продолжение...»

«Светик, один мой давний приятель любил говорить: «Даже если кого-то съели, у него есть аж два выхода». Точно так».

«В общем-то не смешно ни разу... Дед, а я сообразила, кажется, что произошло. Это неудивительно, я ведь столько думала об этом. Иногда у меня возникает ощущение, что с этой историей я в буквальном смысле сроднилась, параллельно живу и в ней, чуть ли не с рождения. Вот, прошло столько времени с того момента, как ты решил поставить точку в предыдущей части рассказа, а у меня ощущение, что это случилось вчера, и паузы длиной почти в три года как не бывало!»

«И что же ты поняла, разумница?»

«Нет, сначала ты скажи. Мне о-очень интересно!»

«А мне интересно, что же ты всё-таки поняла?»

«Дед, я вот сейчас возьму и умру от любопытства, а ты будешь горько-горько плакать над моим остывающим тельцем».

«Ага, шантаж появился в арсенале? Да ещё и в такой жёсткой форме? Запрещённый приём вообще-то...»

«Запрещённый, но о-очень эффективный... правда ведь? Ты сам учил, что результативней всего именно запрещённые, поэтому их и стараются ограничить запретами. И я на практике убедилась...»

«Да уж. Подрастает молодёжь. Не жалеешь ты своего старика...»

«Деда-а-а! Ты меня столько томил ожиданием, можешь хоть сейчас не тянуть ящера за усы?.. Когда вожделенная цель близка, лишняя минута ожидания даётся трудней, чем годы неизвестности. Да-да, я прекрасно помню, что нет качества важней терпения, но... могу я хоть раз в трёхлетие пока-призначать?»

«Можешь, можешь. Ну ладно, слушай дальше, капризная ты наша... хм, какая же ты ещё девочка, оказывается! Такая большая, а ноешь...»

«Ну не мальчик же!.. Хотя иногда сама в этом сомневаюсь. А вообще за девочку ответишь. Нашёл девочку, тоже мне. Моё детство, похоже, кончилось в тот день, когда мы экстренно ретировались с планеты Рай...»

«Отвечу, отвечу... С момента твоего появления в мироздании отвечаю. Кому ж ещё... Такая судьба выпала нам, Светланка. Бездобного детства жаль, но главное, что живы...»

«Мне иногда Данилка снится, знаешь? Смешной такой... И мам Аня. Я знаю, что не родная она мама, но ведь меня выкормила, и... Что-то в груди щемит, когда просыпаюсь после таких...»

«Это сердце, моя хорошая. Точней, душа. У тебя она сохранилась, к счастью, и в этом твоё самое... э-э-э... скажем так, неоспоримое преимущество. Ну что ж, идём дальше. Так вот. Ты права, конечно же, до конца истории — ещё длиться и длиться походу... Нечто светящееся, встретившееся отряду наших героев, было... м-м... представителем древнейшей формы материи. Хотя даже это слово, «древнейший», не совсем адекватно для определения. Эта форма... э-э... не то сущность, не то создание, на самом деле ровесница мироздания. Так же, как и форма существования, которую наши люди прозвали Чёрными Звёздами. Немудрено, что внутренний курсоуказатель Тич вывел отряд в этот мир... Она верно по-

чуяла направление. И привела наших к... ну, скажем так, к близким родственникам Чёрных Звёзд. В любом организме много органов, по своим функциям они могут быть различными, но могут быть и схожими... Как в этом случае. Только в отличие от Чёрных эти сгустки производят локальное чистящее воздействие, так сказать, для местной очистки предназначены, тогда как Звёзды — последняя степень зачистки. Полное очищение...

Ну ладно, что-то я вперёд перескочил. Давай по порядку...

Это сущности, более чем сложные для понимания человеческого разума. Коротко говоря, они каким-то образом существуют одновременно в разных точках мироздания. На мусорной планете, можно так сказать, обитала лишь одна из частичек этого создания, другие же находились в совершенно других мирах. Поэтому всё, что полностью исчезает в одном месте, материализуется в другом. Как по трубе пылесоса, захватило и унесло... И сражаться не надо было вовсе, не только потому, что бесполезно. В отличие от пресловутых Чёрных Звёзд эти чистильщики не... м-м-м... не стирают. Они удаляют... э-э... инородные предметы, которым не положено находиться в конкретном уголке мироздания, засорять его своим присутствием. А теперь скажи, ты предполагала что-то подобное? Только правду!»

«Дед, кто ж тебе правду-то скажет... теперь. Да и ты всё равно усомнился бы, что я такая умная... Так что давай замнем для ясности, ладно?»

«Хех, да уж, умная-неумная, время покажет, но хитрюга ты, Лана, каких мало. Моя школа... Ладно, я продолжаю. Ты наверняка помнишь, что первыми в очередной мир отправились мужчины. Они, конечно же, после нежданной-негаданной переброски в другую точку Вселенной законно пребывали в шоке. Думали, что погибли, и вдруг воскресли. Но этот шок быстро исчез. Хватало новых контрастных ощущений. На смену отчаянной схватке во тьме пещеры явились ослепительный дневной свет и стремительное падение с десятиметровой высоты в кристально чистую воду лесного озера.

Глубина водоёма была невелика, и нашим бойцам не пришлось сдавать нормативы по плаванию в походном сна-

ряжении с оружием, хотя окунуться с головой в ледяную воду всё-таки довелось всем. Не став ждать, пока всепроникающая жидкость нащупает лазейки в относительно герметичных походных комбинезонах и начнёт обжигать своим холодом, почти все мужчины, подняв оружие над головой, шустро выгреблись на берег. Там они, как всегда не медля, определили выгодные позиции, заняли оборону и начали осматриваться.

В озёрной воде продолжал находиться Тегр. Его не беспокоил ни один из сотни вопросов, которые сейчас всплывали в сознании остальных бойцов. Его касался только один вопрос: «Где, на хрен, Тич?!» Верный телохранитель быстро сориентировался и, закинув за спину оружие, по грудь в воде терпеливо следил за медленно парящим над поверхностью озера существом, разительно похожим на то, которое их без всяких церемоний проглотило в пещере.

Локосианин не понимал, почему Тич задерживается. Неужели она сумела одолеть эту медузу и теперь останется в той пещере?! И никогда больше не воссоединится со своими спутниками... Тегр же не знал ещё, что светоносная сущность предназначена для всасывания... э-э-э... активно действующего, так сказать, разума. Оказывается, если живого разумного изъять из реальности в бессознательном состоянии, то в другом мире появилось бы только его тело, а... Сознание навечно потерялось бы между мирами, растворилось в энергии Вселенной. Чтобы оставаться отдельной одухотворённой сущностью, а не просто материальным объектом, человеку жизненно необходимо находиться... при памяти, так сказать. Всё в нас взаимосвязано — духовное, разумное и телесное... и друг без дружки живым быть не способно. Индивидуумом человека делает память, в широком смысле этого понятия, конечно. Именно она собирает воедино все ипостаси...»

«Точно так. Кому, как не мне, это знать...»

«Да, ты права, моя девочка. Не буду повторять прописную истину, просто к слову пришлось. Так вот, спустя несколько бесконечных минут мучительного ожидания существо ослепительно полыхнуло, резко усилив уровень сечения, и Тич, материализовавшаяся в этой вспышке, плюхнулась в воду. Тегр мгновенно бросился в облако

брьзг, очутился рядом с драгоценной подопечной и помог ей встать на ноги... Теперь и они присоединились к остальным членам отряда.

Мир, в который они угодили, с первого взгляда напоминал дикие лесные планеты, которых ещё не коснулись загребущие лапы цивилизации. Повсюду наблюдалось растительное буйство тропических джунглей, но стоило всмотреться повнимательней, разобрать, ЧТО именно густо оплетали лианы и во что впивались замысловатые ветвистые корни местных исполинских деревьев... Сразу становилось ясно — это место некогда было обитаемым, настоящим городом. И не просто городишком, а густонаселённым мегаполисом высокоразвитой техногенной культуры.

То там, то тут из слоёв листвы и перегноя выступали конструкции каких-то гигантских орудий, местами вокруг озера сохранились съеденные временем плиты, которые, по всей видимости, некогда покрывали все здешние поверхности. В само озеро диковинной змейкой вползала поросшая мхом толстенная сточная труба, по которой в водоём уже давно стекала лишь дождевая вода. Между высоченными деревьями просматривались оставы башен-небоскрёбов, а под ногами можно было разглядеть потемневшие обломки пластика и прочие медленно разлагающиеся следы цивилизации, сошедшей на нет...

Никакой угрозы для отряда пока не наблюдалось, а индикаторы модулей жизнеобеспечения зафиксировали сто процентно пригодную для дыхания атмосферу.

Выбравшись из озера, Тич проинформировала своих спутников, что успела соприкоснуться разумом с внутренней сущностью неимоверного создания, «на зубок» которому они попались. Разумом как таковым оно не обладало. Наличие собственной памяти у него, по-видимому, не предусмотрено... Зато удалось фрагментарно выхватить массив знаний, оставшихся в наследство от всех тех разумов, которые светоносное глотало раньше, с момента своего появления в структуре мироздания. Только вот сведения эти, затерявшиеся в памяти Тич, как песчинки среди густой ворсы мягкого ковра, ещё предстоит разбирать и сортировать. На поиск и осознание бесценных сокровищ древнего знания уйдёт нема-

ло времени и усилий, которые сейчас необходимо направлять на продвижение к цели...

Одно Тич знала точно — светящееся отправило отряд в подходящем направлении. И, вполне возможно, уже в этих джунглях они нащупают кончик путеводной нити, которая нацелит их прямой наводкой к истинным врагам, столкнёт с ними лицом к лицу. Фигурально выражаясь. Какое там, к чёрту, лицо у... э-э... явления природы, скажем так.

После упоминания о врагах вскинулся Алекс. Вот именно, природы, саркастически заметил он. Какие, на фиг, звёзды, если даже не получилось справиться с мелким подобием! Избранных подготовили к борьбе совершенно не с тем, что реально противостоит. Разве может человек, каким бы искусственным воином он ни был, победить саму природу? Каким мечом разрубишь звезду? Из какого ружья попадёшь ей в глаз?.. И первый раз за всё время похода Лёша нехотя поддержал сомнения брата. Но страстям не дали разгуляться старшие. Каким образом победить враждебную силу и что она собой представляет — все эти проблемы отложили на потом. Тич ещё не могла внятно ответить, что ждёт отряд впереди, но уверяла, что пока всё было сделано правильно. Во всяком случае, она так чувствовала, а её чувства не на пустом месте возникали...

Проверив оружие и снаряжение, отряд отправился сквозь джунгли курсом, указанным проводницей. Продвигались несколько суток. Не стоит описывать подробности этой экспедиции, скажу только, что где бы наши ни проходили, повсюду среди исполинских деревьев им встречались руины строений. Складывалось впечатление, что этот покинутый город простирался по всей площади мира.

Однажды по дороге встретились люди. Как и предполагалось, это были потомки всех тех, кто некогда исчезал в пещерах другого мира. Они преспокойно обитали в небольших поселениях. Жили беззаботно, растили детей, занимались охотой и радовались дарам природы. На удивление мирно. И это было подозрительно после всего, что довелось наблюдать и в чём пришлось участвовать раньше.

Незнакомцев эти незлобивые местные, само собой, встретили радостно и гостеприимно. Их старейшины хранили зна-

ния о том, как сюда попали предки. Они расспросили вновь прибывших, как обстоят дела на «исторической родине». Сильно удивились тому, что никто из пришлых ничего не знает о других планетах, кроме той, что превращена в свалку. Тич объяснила, что их компания побывала в том мире как бы проездом, а сами они родом из очень далёкого далека...

Старейшины предложили всем остаться в одном из поселений и наслаждаться жизнью на лоне природы, но пятёрка пришельцев задержалась всего лишь на ночь. И то лишь для того, чтобы обогатить местный генофонд. Об этом настойчиво попросили старцы. Просьба была серьёзная, и её нельзя было не уважить. В замкнутых обществах любой свежий геном — подарок. Впрочем, двое наших и без всяких просьб очень даже не прочь были. Третий не особо стремился, но... живой ведь человек, и мужчина вполне полноценный. И только четвёртый, молодой землянин, в эту ночь оставил без внимания местных красавиц. Он заверил Тегра, что спрavitся с обязанностями телохранителя более чем старательно, и уединился в одной из хибарок. Вместе с Тич, ясное дело... Конечно же, локосианин ни за что не оставил бы её без охраны, если бы она сама... ну, скажем так, сама не приказала номинальному супругу совершить акт супружеской неверности. Очень смущалась при этом, но была непреклонна и буквально потребовала отправиться исполнять просьбу старейшин.

Что происходило той ночью, тебе знать не обязательно, хотя ты уже и... большая девочка. Поутру они проснулись, рас прощались с туземцами и, пополнив запас провизии, двинулись дальше. Конечно, им хотелось бы разобраться, в чём подвох, почему местные не воюют и отчего такие мирные, но отряд поскорей ушагал прочь от греха подальше. Войну помянем, она и явится... Обсудив, сошлись на том, что это было приятное исключение из правил. Надо же хоть иногда получать подарки, а не пинки и тумаки.

По информации, полученной от старейшин, здесь повсюду простирались леса, кроме чёрной пустыни. Именно туда и лежал путь наших. Местные жители предупредили воинов, что местность эта проклятая и все, кто туда совался из любопытства, никогда не возвращались обратно.

На восьмые сутки перехода команда добралась на опушку, к краю лесного массива. Вид, открывшийся перед глазами, вызывал смутные чувства тоски и тревоги, но и поражал своей грандиозной масштабностью. На многие и многие километры, до самого горизонта, раскинулась техногенная пустота. Рядом с краем леса это были в основном руины, пересмолотые временем и природой. Но вдали из навалов строений, перемешанных со сгнившей техникой, поднимались редкие башни уцелевших зданий. А почти на самой линии горизонта зловеще чернела зубчатка конгломерата уцелевших небоскрёбов. Там начинались другие джунгли, насаждённые не матерью-природой, а живыми разумными, которых при всём желании не назовёшь исключением из правила.

Именно туда и необходимо было попасть нашему отряду. Все надели дыхательные фильтры и ускорили темп ходьбы, потому что полевые датчики зафиксировали повышенный радиационный фон и наличие в воздухе следов отравляющих веществ. Пусть и в не опасной для здоровья концентрации, но всё же.

Идти по раскатанным в блин руинам было трудно, однако ещё сложней стало перемещаться среди комплексов уцелевших зданий. Погибшая цивилизация, вероятно, не использовала наземные средства передвижения, предпочтя транспортные потоки рассредоточить в воздушном пространстве над городом. Пользуясь исключительно летательными средствами, жители города совсем не позаботились о дорогах на самом «дне» города. Пятерым нашим пришлось пробираться сквозь лабиринты зданий, зачастую используя скалолазное снаряжение. При этом постоянно надо было оставаться начеку, ожидая нападения неведомого врага... Сама окружающая атмосфера навевала нехорошие предчувствия. Наиболее странным показалось то, что никаких следов самих обитателей не наблюдалось. Никаких человеческих скелетов, никаких разбросанных черепов и груд костей. Жители мегаполиса как будто вознеслись в небеса не в переносном, а в прямом смысле, или испарились в одночасье, целиком и полностью, все до единого.

В мёртвом и молчаливом городе вообще не было ни одной живой твари, ни одного растительного побега. Это место

действительно выглядело проклятым, создатели авантюрно-приключенческих франшиз дорого бы заплатили за такую натуру для съёмок... Ясное небо, расстилающееся над землёй в других местах, здесь сменили серые грозовые облака, которые с наступлением вечера опускались практически до самого дна города, а днём поднимались над крышами небоскрёбов. Но дождя тут явно не случалось очень давно, о чём свидетельствовали толстые слои вековой пыли. Казалось, даже воздух здесь был мёртвым — за всё время движения по этим каменным джунглям ни разу не ощущалось ни малейшего порыва ветра.

Долго наши герои пробирались сквозь скелеты пустых небоскрёбов, завалы разбитых гравикаров и чёрт знает чего ещё, пока не вышли к странному полю. Оно всё было покрыто серыми плитами. На одинаковом расстоянии друг от друга, в строгом порядке, возвышались чёрные столбы с такими же чёрными полосами горизонтальных поперечных пластин. Эти конструкции, как ни странно, были похожи на железные искусственные деревья. Поскрипывая, они поворачивались, следя за движением невидимого сквозь облака светила, и чёрными листьями фотоэлементов жадно впитывали скучную энергию.

За этим садом искусственных деревьев начиналось ещё более неимоверное поле. До самого горизонта так же, в строгом порядке, рядами стояли огромные яйцеобразные коконы. Странные узоры покрывали всю их поверхность. Гармонию рядов то там, то тут нарушали пустые основания-гнёзда этих гигантских яиц. Складывалось впечатление, что из них некогда вылуплялись пластиковые, а может, металлические птенцы и, посвистывая сервоприводами, покидали гнёздышки.

Вечерело, и свинцовое небо опустилось низко, так, что верхушки яйцеобразных коконов погрузились в плотную пелену облаков. Здесь, на границе между двумя полями, и решили сделать очередной привал. Лёша и Тич снова, как все ночи после той, первой совместной, уединились невдалеке от основного лагеря в одной на двоих палатке.

Тегра очень раздражало это обстоятельство, ведь он не мог в эти часы в полной мере исполнять свои обязанности телохранителя. Но ничего не поделаешь — таковым было жела-

ние его подопечной. О другой причине раздражения локосианина никто вслух не говорил. Хотя все о ней прекрасно знали, и Тич первая. Но сердцу не прикажешь. Оно вообще чрезвычайно непредсказуемый орган — человеческое сердце...

Утром наших разбудил страшный грохот, который доносился со стороны поля коконов. Двое спящих вылетели из индивидуальных палаток, присоединившись к дежурному часовому, Алексу, и приготовились к бою с кем или чем угодно, кого или что Вселенная пошлёт. Облака уже поднялись достаточно высоко, и на фоне их ровной пелены во всей красе предстала воронка, ведущая прямо в небо. Как будто что-то очень большое стремительно там пролетело.

Первым заподозрил неладное Тегр, он бросился к большой палатке. Не обнаружив свою подопечную внутри, локосианин схватил молодого землянина за плечи и принялся его трясти, требуя рапорта, куда подевалась Тич. Лёша ответил, что она отлучилась по вопросам женской гигиены, а он счёл неприличным следовать за ней, мешать в столь интимном занятии. Тегр, не удержавшись, отвесил горе-влюблённому подзатыльник и бросился в том направлении, откуда донёсся грохот. Ильм и Алекс уже мчались тем же курсом. С четвертьминутной задержкой к марш-броску присоединился Лёша.

Добежав до места, где небеса были вздёрнуты воронкой, наши воины обнаружили пустое гнездо. Основание гнезда ещё было тёплым. Девушки, естественно, нигде не было, и на вызовы по переговорному устройству гермокомбинезона она не отвечала. Стало очевидно, что каким-то образом именно это «яйцо», вознёсшись в небо, унесло с собой и Тич. Мужчины внимательно присмотрелись к коконам. Непростая структура, выяснилось. Нечто вроде коктейля биогенной и техногенной составляющих. Машина пополам с организмом.

Алекс от безысходности пнул сапогом бок одного кокона и несколько раз выстрелил в него из пистолета. Пули отскочили, едва оцарапав поверхность. Но вдруг яйцо... ожило. Множественные узкие щели побежали по всей поверхности и засветились холодно-синим светом. Тёмный кокон неожиданно превратился в подобие рождественской ёлки с гирляндами.

Нарастающий свист внутри яйца вынудил бойцов немножко отступить. Разомкнулись несколько отверстий, из них выползли гибкие щупальца, которые целеустремлённо метнулись к людям. Не успели они и глазом моргнуть, как манипуляторы обвили туловище Тегра и оторвали локосианина от земли. Троє остальных воинов открыли шквальный огонь по кишкам манипуляторов, а когда они безвольно повисли, перенесли огонь на сам кокон, метя в отверстия. Яйцо тут же заискрилось от попаданий, вспыхнуло синим пламенем и спустя некоторое время взорвалось. Наши бойцы, ухватив выпавшего из щупалец Тегра, едва успели отступить на безопасное расстояние.

Держась подальше от остальных коконов, воины изучали обломки того, что взорвалось. Судя по ним, эта система была чем-то вроде транспортного устройства, возможно, даже эвакуатором. И мужчины решили отправиться вслед за Тич в другом таком же коконе. Оставалось надеяться, что у всех этих яйцеобразных челноков одна и та же конечная станция.

Ничего другого не оставалось. Наши поспешили свернули лагерь, возвратились на поле, «разбудили» пинками один из коконов и позволили его манипуляторам утянуть себя внутрь. Там их ждал сюрприз, подобия мягких лежаков, мест на всех хватило, ещё и незанятые остались. Прозрачный колпак накрыл каждого из воинов, и аппарат тотчас завибрировал от работы запущенных двигателей.

Когда стихла эта вибрация, стало ясно, что они вышли на орбиту. Иллюминаторов не было, и не посмотришь, что там снаружи. Наши ощутили невесомость, но длилась она недолго. Последовал резкий толчок, и ускорение вжало тела в лежаки. Туман в головах подкрепил догадку, что капсула прошла через створ ускорителя допотопной, инерционной транспортной системы и совершила скачок. Куда же они теперь мчались сквозь пространство?.. Можно было только гадать, но для воинов имело значение только одно. Куда бы их ни занесло, главное, чтобы они там нашли свою исчезнувшую спутницу, целую и невредимую...

Спасибо, Лана, что слушала, почти не перебивая. Видимо, за столь долгий перерыв ты и вправду соскучилась по

моим рассказам об отчаянном рейде, в который ушли самые последние живые разумные существа стёртой с лика мицдания ячейки миров».

Глава двенадцатая ВОИНЫ КОСМОСА

Сегодня на общее собрание выгнали абсолютно всех. Сектора кольцевого уровня брифингов были забиты живыми телами так, что каждый третий из присутствующих либо сидел на подлокотнике какого-нибудь из занятых кресел, либо стоял в проходах между ними. Всебий шум и гам «питомцев» выражал их сомнения и нерешительность — прямое следствие неопределенности сложившейся ситуации. Мир Питомника Организации на данный момент хотя и дал жёсткий отпор первой волне интервентов, но однозначно пребывал в патовой ситуации.

Эта планета не являлась осевым миром соты и находилась в условном пространственном тупике, как и положено тюремному заведению. На многие парсеки реального космоса вокруг не было ни одного обитаемого или необитаемого мира, не было даже перевалочной станции, до которой можно было долететь на тихоходных кораблях, не умерев от старости в процессе преодоления межзвёздного пространства. Сбежать отсюда в сеть ячеек миров можно было только через один-единственный стационарный портал-крепость.

Конечно, существовала теоретическая возможность, что заключённые невероятным образом смастерили что-нибудь аналогичное «одностороннему порталу», некое подобие джампера. Но такой способ бегства был бы глупейшим по двум причинам.

Первая из них — осевой мир этой соты, Перегрон, в который из тупика вёл природный внепространственный коридор, находился под абсолютным контролем Организации. Той единственной в обозримом космосе организации, которую все живые разумные, не боясь оказаться непонятными, называли просто Организация. Конечно, если предположить, что вечность есть и соты простираются бесконечно, то есть

общее количество планет не поддаётся конечному исчислению, можно с уверенностью утверждать, что далеко не все ячейки Вселенной хотя бы подозревают о существовании именно этого объединения разумных. Но к жизнедеятельности цивилизаций какого-то количества планет — пускай мизерного в сравнении с бесконечностью — Организация причастна, впрямую или опосредованно, и неустанно стремится увеличивать их число.

Вторая причина — простая, измышенная ещё фантастами древности, но по-прежнему неизменно эффективная. Тюремные контроль-ошейники, запрограммированные лишить головы всякого, кто несанкционировано покинет колонию.

— Отставить панику, обезьяны! — В центральных мониторах на все размеры диагоналей развернулась проекция головы Генерального Коменданта; зрешице, опротивевшее всем обитателям Питомника. — Сразу развею ваши радужные мысли, которые вам внушиает вражеский отдел агитационной войны. Никто из тех, кто носит ошейники, не выживет в случае сдачи в плен или захвата нашего мира солдатами врага!

Тишина в залах воцарилась гробовая. Более девяноста пяти процентов здесь присутствующих сейчас носили упомянутые ошейники, а оставшиеся уже настолько продались Организации или успели столько всего вытворить «во имя» неё, что сдача в плен для этих индивидуумов становилась возможной лишь в качестве трупов.

— Так что, девочки, успокоились и приняли как факт. Вы все в любом случае умрёте людьми Организации, — продолжил Комендант, — однако того, кто проявит себя в этой войне не только как воин-одиночка, цепляющийся за свою жизнёнку и ради этого совершающий чудеса героизма, но и как преданный солдат нашей армии, в случае нашей победы ждёт частичная амнистия и соответственно освобождение от ношения ошейника. А тех, кто уже частично амнистирован, ждёт полная амнистия со всеми вытекающими последствиями. Предупреждаю, за действиями каждого и каждой из вас будут следить ваши непосредственные кураторы. Они находятся в подземной сети бункеров, которая выдержит даже

тотальную ядерную бомбардировку планеты. И при первом же подозрении все дезертиры останутся без той части тела, содергимым которой, как выяснится, не умеют думать! Безмозглым головы без надобности. Вам необходимо сейчас устроить одно: вы солдаты, а я ваш главнокомандующий. И это полномасштабная война, а не боевые хирургические вылазки и коррекционные операции, в которых вы ранее участвовали. Нам противостоит хорошо организованный военный флот врага. Чтобы выжить, мы должны действовать сообща. Кто ослушается приказов своих командиров — вмиг станет балластом, от которого будут без сожалений избавляться.

Толпа безмолвствовала. Всем были прекрасно известны случаи неповиновения заключённых и следствия подобного безрассудного поведения. Абсолютно все присутствующие здесь пусть и под давлением обстоятельств, но в общем-то добровольно согласились на сотрудничество с Организацией. Они понимали, на что идут. Это были не просто разношёрстные преступники, приговорённые к смерти в различных миражах. Это были adeptы выживания, можно сказать, элита вольных межзвёздных хищников, отборные экземпляры индивидуальностей, не скованных моральными и этическими ограничениями социумов. Они годами успешно скрывались от закона, от обманутых ими криминальных авторитетов, от правительства и корпораций, от всякого рода спецслужб, «контор» и группировок. Многие преспокойно себя чувствовали даже в миражах, где война являлась постоянным образом жизни. И всех их объединяло одно — они были далеко не глупыми.

Им хватало разума, чтобы понять: директор Питомника сейчас говорил чистую правду, и единственный возможный вариант, при котором они останутся в живых, — это полная и убедительная победа над врагом. К тому же перспектива получения карт-бланша Организации в пределах контролируемой сети, предоставляемая в обмен на услуги по своей «природной специализации», не могла не привлекать «питомцев», обитавших сейчас в этом пенитенциарном «тупике». Везде и повсюду, так или иначе, в том или ином смысле, живые разумные заняты ВОЙНОЙ. И это, обладающему не только разумом, но и умом, выгодней всего примкнуть к

наиболее сильной из армий. А что в обозримом космосе найдётся сильнее той единственной Организации, которая действительно имеет право писать своё название с большой буквы? Проблемы, возникающие у отдельных её подразделений — всего лишь проигранные битвы. Шанс победить в войне выше всего не у тех, кто выигрывает все подряд битвы, а у того, кто ВЫЖИЛ и сохранил боеспособность для взятия реванша.

— Общие сводки о начале конфликта будут загружены в ваши личные терминалы, — продолжал сообщать Коменданта. — Информации мало, но это всё, что имеем. В двух словах опишу ситуацию, а точнее, то, что удалось узнать до потери связи. Противостоит нам флот императора Сокходзаймы Восьмого. Примерно сутки назад император разорвал мирное соглашение между своей империей и Организацией. Не мне вам объяснять, насколько мощна армия наших врагов. Центральный мир соты атакован и взят в блокаду по всем внепространственным коридорам, кроме нашего. Основной флот Организации в осевом мире полностью уничтожен превосходящими силами врага, а сама планета буквально окопалась в ожидании десанта. Судя по тому, что не было массированной бомбардировки, император желает оставить осевой мир пригодным для жизни. Но это совсем не относится к нашему периферийному мирку. Возможно, нас захотят попросту испепелить... Теперь что касается наших шкурок. Мы отбили первую атаку синемордых ублюдков, уничтожив четырнадцать тяжёлых и лёгких эсминцев, пять крейсеров и улей с парой сотен штурмовиков на борту. Скажу честно, нам попросту повезло, мы успели отключить основной орбитальный портал на нашей стороне. Поэтому канал, ведущий сюда из осевого мира, стал односторонним, ненацеленным, и эскадру врага хаотично раскидало по околопланетной космотории. Страй их был нарушен, и победа осталась за нами. Вторая волна по стандартам императорских генералов будет смертельной, как для нашего небольшого флота, так и для планеты в целом. Они не станут больше рисковать и отправят сюда, возможно, только один корабль. Это будет, как мы в штабе предполагаем, единственный на весь этот кластер сверхтяжёлый линкор «Якранати». Если, конечно, император

не даст приказ передислоцировать из соседней ячейки подкрепление...

По секторам пробежала волна недовольного гомона, и прозвучало несколько испуганных реплик, отражающих опасения и бесперспективность противостояния самой мощной машине смерти, известной этим людям. Почти все бывшие преступники отлично знали, что это за суперкорабль. Традиционное название «сверхтяжёлый линкор» очень условно отражало суть. Виртуальная симуляция уничтожения этого линкора была обязательна в курсе обучения Питомника, и по многолетней статистике до сих пор никто не смог даже виртуально его уничтожить. Максимум, что удавалось заменуемым «флотоводцам», — это в результате изощрённых манёвров провести ряд сверхприцельных точечных ядерных ударов и расчленить корабль на автономные части, такие же смертоносные, как и целый корабль, уничтожить которые так и не смогли остатки их виртуального атакующего флота.

«Якранати» — одно из искусственных воплощений смерти всему существу, гениальный продукт спайки фанатичных учёных и инженеров — состоял на вооружении флота империи Дза, основанной цивилизацией, зародившейся в соседней ячейке миров. В походном положении линкор напоминал длиннющую дубину, густо усеянную иглами разнокалиберных установок, орудий и ракетно-торпедных гнёзд. Такая форма позволяла ему пройти сквозь большинство «разводных» порталов, которые способны расширять диаметр проходного створа для крупнотоннажных грузов и кораблей. Но как только эта супермашина смерти выходила к месту сражения, она раскрывалась в «противотанковый ёж» с восемью шипами, распахивала чрево, многократно увеличивая размеры и мощь. Прямые атаки любого флота на этот линкор были обречены на провал.

— Тишина!! Я ещё не всё сказал! — проорал Комендант, вновь привлекая к себе внимание. — Если нападение будет происходить именно по такой привычной схеме, то у нас есть очень высокий шанс на победу.

Питомцы замолчали и стали внимать каждому слову, слетающему с губ их главнокомандующего.

— Разумеется, лучшие умы Организации продумывали план уничтожения подобного линкора и в конце концов составили особый сценарий. И под этот сценарий именно вы, солдаты Питомника, подходите лучше всего... — Комендант сделал небольшую паузу, и судя по направлению его взгляда, он смотрел на свой личный терминал; возможно, знакомился с полученным сообщением. — Ожидая атаку этого линкора, нужно готовиться заранее. Научный корпус вычислил область выхода объекта подобной массы из подпространства. И по всей этой области мы рассредоточим «мясовозы» штурмовых групп, оснащенные абордажными резаками. Как только линкор выйдет в реал из внепространства, все ближайшие десантные суда устремятся к нему. И чем быстрее они это сделают, тем меньше вероятность оказаться в поле плотного вражеского огня ещё до попадания в мёртвую зону обстрела тяжёлых орудий линкора и начала абордажа. Тогда уже — как кому повезёт. Кто явно не будет успевать — вернётся на планету для противостояния высадке вражеского десанта, на случай, если четырёхглазые отродья всё-таки решили оставить планету в пригодном для жизни виде. В это время счастливчики, оснащённые абсолютно всеми достижениями наших научных гениев, захватят либо обезвредят линкор изнутри.

По залу опять пробежал гомон сомнения и нерешительности. Поднаторевшие в войне умы многоопытных звёздных волков, что сейчас сидели на цепи у Организации, обсуждали озвученный план.

— Ладно, на этом мы и закончим пока. Проследуйте в свои жилые блоки для дальнейших консультаций со своими кураторами. Как мне только что сообщили разведчики, времени у нас не более часа до начала второй атаки, так что посторонитесь. — Проекционные мониторы погасли, и целая армия профессиональных воинов быстро и организованно покинула сектор брифингов.

...да что ж так медленно! По идее, их скоростной транспортник должен лететь быстрее, неспроста ведь облегчён, лишён всякого вооружения. Чем там Ильм с Алек-

сом занимаются, ходовая у них сбонит или что? Чего возятся, по плану они должны быть уже в зоне недосягаемости противником.

Мой истребитель...

«Это не истребитель», — сто раз повторяли релконы и терпеливо произносили длинное сложное название аппарата, а я всё равно продолжаю воспринимать его по-своему, уж больно похожа эта леталка на российский МиГ последней модификации, той, которую я успел застать, прежде чем восславянин изъял меня и определил в свои ученики. Безусловно, этот самолёт гораздо функциональнее и мобильнее, но, ёлки-моталки, до чего похож на земной! И внешне, и в управлении.

Эх, была где-то когда-то планетка такая, Земля... родина моя.

Истребитель слушается меня беспрекословно, всё получается без проблем — и пилотирование, и стрельба. Я словно часть машины или она часть меня, замечательное ощущение. Кружусь вокруг улепётывающего «ромба» и понимаю, что недостаточно быстро он от меня убегает, подозрительно даже. Может, сдерживают они его как-то дистанционно, со станции? Неустанно высматриваю угрозу. Все локаторы в отличном состоянии и предельно внимают, и это несмотря на то, что связь отвратительная, я не понимаю речь Ильма, столько помех, наверняка глушат. Релконовские штурмовики беспощадно поливают базу противника огнём, а выстрелы наземных орудий всё реже. Поднимается в воздух последняя, вероятно, группа перехватчиков и разбивается о дюжину штурмовиков, прикрывающих наш отход. Забирают с собой в небытие несколько релконовских машин, но что поделаешь — потери неизбежны.

Всё идёт к успешному завершению операции. Генерал и его мозги у нас, и мы практически ушли, ещё пара минут, и транспортник потом ничем не достать. Отпускаю «ромб», пусть легит дальше, и возвращаюсь к военной базе противника. Релконовская эскадра получает приказ потихоньку отходить, не прекращая огонь и не спуская с врагов глаз. Присоединяюсь к дуге штурмовиков, вместе со всеми выполняю приказ. Отходим хвостами вперёд, держа носы по ветру, мо-

лотя из всех орудий по станции. Хорошо, ёлы-палы, получается, объект противника наполовину разрушен.

Ну, не дадут красиво уйти! Основной локатор фиксирует сверхмощную установку ПВО, и откуда она взялась, ведь не было! Как по заказу консоль операционной панели выдаёт изображение. Валятся деревья на опушке, разверзается земля, из её глубин, вздымая клубы пыли, появляются на свет божий огромные чёрные трубы, спаянные в два ряда по шесть. Примитив, смешно даже, советский «Град», мне кажется, и тот покруче был. Примитив не примитив, а ракеты, блин, самонаводящиеся, сверхскоростные, неуязвимые, если верить локаторному анализу, а больше и нечему верить. Получив точные координаты, двенадцать крылатых ракет отправляются в нашу сторону. А сколько нас осталось? Десять релконовских штурмовиков, мой истребитель и транспортник с языком на борту, итого на каждого по... Арифметика до ужаса проста. Значит, повстанцы решили пожертвовать своим полководцем, наверное, этого следовало ожидать, но мы не ожидали. Генерала ведь можно было потом отбить, или выменять на релконовского пленного, или даже выкупить, в конце концов, как-то не по-людски это, ей-ей... И чего удивляюсь, спрашивается? Столько полей сражений прошёл и до сих пор не избавился от вредной привычки болезненно реагировать на отсутствие человечности у подавляющего большинства людей.

Комп истребителя, зря я его хвалил, как идиот повторяет, что не уйти, не подбить, никаким из доступных способов не защититься от ракет данного типа. А в штабе уверяли, что эта машина совершенна. Ладно, всё понятно, надо срочно что-то придумать, иначе всё пропало. А как насчёт того, чтобы схватить две?! Тогда транспортник получит возможность завершить побег.

В голове чётко и ясно раздаётся умоляющий призыв Тич: «Лёшенька, не вздумай! Уходи, спасайся, катапультируйся!»

Понимаю её отчаяние, но не могу следовать призыву. Дело не только в задании. Там, в «ромбе», Ильм и Алекс, а тут, как я уже отмечал, — простая арифметика.

Релконы взрываются один за одним, не пытаясь увернуться, понимают всё правильно, герои. Некоторые осознан-

но стараются захватить с собой хотя бы одну ракету, ничего у них не получается, а вот я — смогу. Хотя, чёрт подери, банально может не хватить оставшихся секунд... Напрягаюсь, концентрирую всю доступную мне силу и локально замедляю время. Расчёт верный, ошибки быть не должно. Раз, два, три...

Катапультируюсь. Одна ракета разносит мой истребитель. Взрывная волна придаёт нужное ускорение пассивной, неуправляемой капсуле, и она вместе со мной внутри мчится прямёхонько в последнюю ракету. Сейчас будет взрыв. Что поделаешь, на войне как на войне, потери неизбежны.

«Любимая, не забывай меня и, если можешь, прости, я не могу иначе...»

Да. Я не смогу жить дальше, расплатившись за эту возможность двумя другими жизнями. Собственного учителя и родного брата.

Как бы ни была война ненавистна мне, но я — воин.

«Космический полёт нашим показался томительной вечностью. Никто из них не имел понятия, что эта транспортная система появилась благодаря дальновидности мудрецов погибшей цивилизации. Они предошущали скорое приближение неотвратимой гибели своего мира и предприняли наивную попытку сбежать от Чёрных Звёзд. Чем дальше — тем лучше. В каждом из восьми миров успели соорудить...»

«Так, значит, планета-город, превратившаяся в кладбище без трупов... Это всё-таки они натворили, Звёзды? И что, кому-то удалось от них сбежать?»

«Да, высокоразвитую воинственную цивилизацию, на одну из планет которой забросило наших, полностью стёрли вселенские лекари, исцелившие обострение болезни жизни. Природа этой планеты, избавившись от гнёта разумных, уже окончательно подтирала всё их губительное наследие. На других планетах ячейки наверняка происходило нечто подобное. Но наши-то избранные ещё не знали, как именно происходит... э-э... конец света. Они в тот период были уверены, что вселенские убийцы целиком и полностью удаляют миры, напрочь изымают из оборота, так сказать...»

Однако не буду забегать вперёд, давай по порядку следования. Так вот, тихий свист генератора поля квазистатики, которым сопровождался перелёт, превратился в громкий гул и вибрацию, сотрясающую корпус. Челнок тормозил. Невесомость опять «наполнила» физическое пространство. Некоторое время спустя мужчины ощутили ещё один толчок. И всё это повторилось пять раз. Воинам стало ясно, что они летели от одного промежуточного ускорителя к другому по запутанному следу давно ушедшей в глубины космоса цивилизации.

И вот, когда в очередной раз загудело поле, гася перегрузки, и невесомость вновь завладела пространством, появился новый звук. Так грохочут ракеты, двигатели малой дальности. Толкая вперёд членок, сгорало топливо реактивных движителей. Рейс подходил к концу. Алекс, пиная коленом колпак, сбил несколько замков крепления, чтобы при необходимости неожиданно напасть на возможных врагов. Все напряжённо ждали, что же будет дальше.

А дальше последовал глухой удар и раздался скрежет металла. Кораблик пристыковался к чему-то, скорей всего к шлюзовому причалу какой-нибудь космостанции. Механизмы внутри ожили и увлекли капсулы с людьми по тускло освещённому коридору, выдавив их из членока сквозь брешь, разомкнувшуюся в корпусе.

Стремительное движение практически сразу оборвалось, и капсулы влетели в тёмное шлюзовое помещение. Колпаки лежаков открылись, и наши быстро осмотрели камеру, шаря по её стенам своими тактическими фонарями. Цилиндр шлюза был пуст. Лишь вдоль стен тянулись ряды лестничных скоб, и на самом дне виднелся большой люк с вентилем замка. Ни иллюминаторов, не источников света здесь не наблюдалось. Мужчины, оттолкнувшись от своих лежаков, поплыли в невесомости к единственному выходу из шлюза.

Вручную откупорив люк шлюза, мужчины очутились в таком же тёмном кольцевом коридоре цилиндрического сечения. Вдоль него виднелись небольшие иллюминаторы, чередующиеся с выходами из шлюзов, предназначенных для других транспортных капсул. Почти все эти шлюзы пустовали, кроме одного. Заполненная камера обнаружилась доста-

точно быстро. Через окошки иллюминаторов наши рассмотрели, что к ней пристыкован точно такой же яйцеобразный кокон. И свежие царапины на полуистлевшем декоративном покрытии коридора свидетельствовали о том, что здесь ещё совсем недавно что-то пролетало, неуклюже осваиваясь с невесомостью. Мужчины вполне логично предположили, что это была Тич, и отправились по следу.

Да, это была она. Девушка знала, что за ней на станцию обязательно явятся остальные члены отряда и будут её разыскивать. На всех перекрёстках и переходах, которые Тич пролетала, она сообразила нацарапать указательные стрелки, чтобы облегчить мужчинам поиск. На месте оставаться ей, разумеется, не позволило женское любопытство. Или она почувствовала, что станция не угрожает её жизни, и решила произвести осмотр.

Как бы там ни было, но каждый воин отряда был готов без промедления вступить в бой с любым врагом. Хотя, судя по всему, это сооружение было таким же мёртвым, как и мегаполис в «Чёрной пустыне», через который они пробирались. С единственным исключением — здесь сохранились истлевшие, зачастую превратившиеся в кучки праха мумии обитателей. Они были повсюду — в коридорах, на лежаках, в креслах. Складывалось впечатление, что все умерли в один миг, просто перестали жить, без каких-либо явных причин. Вот секундой раньше дышали, ходили, сидели на своих рабочих местах, трапезничали в столовой, просто отдыхали... и вдруг все в одночасье превратились в неживых. Кто-то или что-то просто-напросто вынуло из них разницу между живой и неживой материей.

Если принять за аксиому, что разум это аномалия жизни, жизнь это аномалия материи, материя это аномалия пространства, пространство это аномалия времени, а... ну, что там дальше и есть ли там что-то вообще, нам уже знать не дано... пока, во всяком случае... Так вот, если не подвергать сомнению эту последовательность, люди той цивилизации были исправлены полностью. Только аномальность улетевших на станцию, видимо, была диагностирована в другой стадии, раз их материальные оболочки не исчезли. Это я так, рассуждаю по ходу... Заметки на полях, скажем так.

А наши мужчины спустя десяток минут без особых сложностей обнаружили Тич в одном из больших прозрачных куполов станции. Она просто висела в невесомости и рассматривала черноту космоса, которую нарушали лишь россыпи звёздных блёсток и яркий кругляш какого-то неизвестного светила. В его системе и вращалась эта станция, полная высохших останков людей, разумы и жизни которых Вселенная смахнула со своего лика, почему-то оставив материальные тела.

Наружный вид станции удручал. Огромный комплекс, сейчас больше напоминавший груду металломата, был выстроен вокруг небольшого астероида. Очень много мусора и обломков летало вокруг него, а часть блоков станции были разворочены. Их даже не пытались восстановить. Судя по всему, все обитатели уже давным-давно покинули ряды живых, и, наверное, только благодаря надёжно спроектированной системе жизнеобеспечения на станции чудом сохранились условия, совместимые с жизнью людей.

Мужчины, перебивая друг друга, сразу же принялись отчитывать девушку за столь безрассудное поведение, но Тич, казалось, не реагировала на их ругань. Она продолжала висеть в пространстве купола, созерцая вселенский лик. И только когда Лёша схватил её за плечи и слегка встряхнул, ведущая отряда встрепенулась, очнулась и поведала мужчинам печальную историю этой соты. Откуда она её узнала, даже для самой Тич оставалось загадкой. Возможно, это знание было одной из песчинок информации, что достались ей в пещерах планеты-свалки.

История банальна настолько же, насколько и печальна. В мирах погибшей цивилизации война, по сути, не прекращалась. Состояние и ведение войны были излюбленным образом жизни и основным занятием. С начала здешней истории существовали несколько очагов непрерывных конфликтов, которые постепенно разрастались и захватывали планеты всецело подобно раковой опухоли. Миры были богаты на ресурсы, а женщины той расы вынашивали своих детей пять месяцев, по исчислению Земли и Локоса, и рожали не меньше чем двойню. Всё это стимулировало и постоянно поддерживало раздутым до небес пламя сражений.

Можно сказать, что восьми точкам мироздания, напрямую связанным между собой, выпала участь превратиться в самую что ни на есть... ну, скажем так, клоаку войны. И конечно, рано или поздно Чёрные Звёзды должны были учゅять самоубийственное желание смерти, непрерывно исходящее от этой цивилизации... раздутое до небес.

Умнейшие из здешних людей предсказали неизбежность расплаты и пытались сбежать как можно дальше от обречённых, заражённых планет, превращённых в множественное поле боя. Было организовано создание спасательных систем, чтобы жители, когда грянест... э-э... вселенский апокалипсис, смогли экстренно эвакуироваться. Дабы не исчезла эта раса с лика Вселенной. Уцелела, оклемалась и... продолжила воссать. До следующего... вселенского дня гнева, который снова можно пережить, если хорошо постараться. Так они планировали. Но чёрная тень настигла их в открытом космосе и накрыла... Возможно, поэтому уцелели тела. В назидание.

В точности такая же печальная участь ждала и миры той соты, из которой выступил в поход наш отряд избранных воинов. Не меньшего масштаба, всем планетам предстояло быть зачищенными. Все восемь миров ячейки в той или иной степени цивилизовали выходцы с Локоса, который долго избавлялся от агрессивных сородичей, высылая их в прочие миры. Но это не помогло, и вся сота... э-э... накликала вселенский гнев, привлекла внимание Чёрных Звёзд. Тем более что осевой мир, Локос, вновь стал воинственным, когда на него вернулись потомки высланных. Хотя, мне кажется, именно долгий мирный период истории этой планеты сыграл важную роль в том, что удалось отсрочить её зачистку...

Как бы там и тут ни было, оставалось не так уж много времени до мгновения «Икс», после которого от миров соты не останется и воспоминаний, потому что просто некому будет вспоминать... Лишь закапсулированный, прикрытый маскировочной сетью осевой Локос, отрезанный от других планет соты, ценой неимоверных усилий... э-э-э... тех, кто растянул и удерживал камуфляжную сеть, всё ещё продолжал БЫТЬ... Чтобы успеть организовать ответный удар. Это стало возможно благодаря способностям избранных, носителей особых, как их называли, хроносом... Обладавшие ими умели

перемещаться во времени и в пространстве по собственному усмотрению. Никто не гарантировал победы, конечно, но хотя бы попытаться... Какой же настоящий воин бросит оружие и безропотно подымет ручки вверх?!

Увиденное на станции воочию убеждало, что этого врага обязательно надо встретить лицом к лицу. Не бежать и не прятаться. Потому что от небытия не скрыться, нигде и никогда. Убегая от него, можно лишь отсрочить свою гибель. Запомни это, Лана, крепко-накрепко, когда-нибудь вспомнишь. Бегать можно очень долго, сверкая пятками и показывая спину, однако рано или поздно настанет час битвы, и доведётся повернуться к врагу лицом...

Так завершился ещё один этап рейда нашего отряда. Тич, безусловно, напала на след Чёрных Звёзд, но след этот хоть и оказался вполне отчётливо... м-м-м... вмятым в тело Вселенной, но всё же был очень застарелым. Враги здесь побывали давным-давно, без специальных исследований и не определить, насколько.

Делать нечего, наши стали готовиться к новому пространственному скачку. Вперёд по времени они перемещаться не имели возможности, врагов необходимо было настичь и остановить, если удастся, ещё до наступления часа «Икс»... кстати, очень символично, звучит почти как ЭКС, то есть «бывшее»... Эта дата непреодолимым барьером вздымалась впереди, постоянно напоминая им о том, что... э-э-э... что время не ждёт. Ха, до чего же точное в данном контексте выражение!.. Разумеется, наши исследовали станцию на предмет полезностей, которые бывшим хозяевам уже не понадобятся. Обшаривая модули, мужчины обнаружили более свежие останки. Это было всё, что осталось от тех несчастных, которых любопытство привело в «Чёрную пустыню»... Спасательные капсулы исправно спасали всех желающих. Не имея возможности вернуться назад, все они погибли от голода и обезвоживания в этой древней братской могиле.

Осмотр станции принёс и более полезные плоды. Отряд разжился скафандрами, предназначенными для выхода в открытый космос. Слои полимерных тканей и резервуары из композитных материалов время пощадило. Немного времени понадобилось военным, чтобы, проявив смекалку, соорудить

из имевшегося оборудования компрессор и наполнить баллоны дыхательной смесью.

Именно Тич, предошущая возможные проблемы, настояла на том, чтобы все облачились в эти самые скафандры. И вновь наши герои взялись за руки, готовясь к перемещению... только вот сомкнутых рук было уже на две меньше.

Ощущение опасности не обмануло сверхчувствительную проводницу.

После яркой вспышки перехода навалилась темнота. Такая же, что окружала станцию. Даже вид практически не изменился — звёзды, близкое светило... но вместо спасательного астероида в пространстве висел голубой шар неизвестной планеты. Станция исчезла, и вокруг зияла бесконечная бездна. Люди инстинктивно сцепились в плотный комок тел, чтобы никто случайно не отделился от группы и не сгинул в этой чёрной пустоте. И этот комок в круговороте звёзд погружался, казалось, в самую глубь вселенской пропасти...

Мужчины начали вслух недоумевать. Пребывая в замешательстве, заговорили абсолютно все, наперебой, даже Тегр. Но пуще всех разорялся, конечно, Алекс. Принц упрекал девушку в том, что она безбожно промахнулась, и требовал повторного перемещения отряда, хотя бы на поверхность той планеты, что синела неподалёку. В случае невыполнения требования грозился отколоться от группы и переместиться в одиночку, уж на этот прыжок его собственных сил хватило бы с избытком. Тич пыталась всех успокоить и уверяла, что они прибыли по назначению, а для повторного скачка, пусть даже ближнего, ей всё равно необходима некоторая передышка для того, чтобы собраться с силами. К тому же проводница допускала подобный поворот событий, иначе бы не настаивала на использовании скафандров.

Само собой, Алекс не выполнил бы свою угрозу. Хотя мужчины вполне сумели бы совершить следующий переход самостоятельно, но каждый перемещал лишь сам себя, и Тич осталась бы в вакууме одна. К тому же воинов могло разбросать по планете, опыта слаженных передислокаций вчетвером у них не было, до сих пор они путешествовали по мирам и временам только парами или в одиночку. Делать нечего, спутники Тич набрались терпения и стали ждать. Индивиду-

альное перемещение оставили на крайний случай, как аварийный выход.

Постепенно все угомонились, притерпелись к тошнотворному мельканию звёзд, которое возникло из-за вращения сцепки тел, и стали осматриваться. Спустя некоторое время зоркий Ильм заметил в ближнем космосе планеты огни некоего орбитального комплекса, о чём и сообщил всем остальным членам отряда. Сейчас эта конструкция находилась на теневой стороне, и видны были лишь тусклые огоньки и периодические яркие вспышки света непонятного назначения. Но по мере выхода из тени начала обрисовываться полная картина.

Из темноты медленно выплывал огромнейший корабль-база в окружении целой армады других, не таких больших кораблей, которые в свою очередь удивляли разнообразием конструкций. Это был целый орбитальный город. Даже не город, а целая орбитальная страна. Так что, по всей видимости, Тич действительно привела отряд в нужное место.

Надеясь, что их заметят, наши выпустили в сторону армады несколько сигнальных ракет, что не произвело должного эффекта, а лишь ускорило вращение сцепленных тел. Лана, чтобы ты себе немного представила, как себя чувствовали воины, припомни свои ощущения, когда ты маленькая каталась на каруселях в развлекательном центре Далоры. Помнишь, как визжала на «чёртовых лопастях»? И для тебя это продолжалось недолгих пять минут, наших же бойцов космический аттракцион вращал уже более получаса. Мужчины держались славно, а вот бедняжка Тич уже позеленела от круговорти. Эта болтанка, конечно, совсем не помогала ей восстановить силы.

Но что поделаешь, выходить из ситуации как-то надо. Наши продолжили свои попытки, они отправили на всех диапазонах, которые имелись в их переговорных устройствах, призывы о помощи. А Ильм извлёк отполированную разделительную пластину из магазина своего оружия и пускал солнечные зайчики, что было занятием весьма не простым, учитывая вращение группы. Но терпение и труд, как говорится, решат если и не все задачи на свете, то очень многие. В конце концов усилия увенчались успехом, их замети-

ли, и от орбитального скопления отделились несколько световых точек. Судя по внешнему виду приблизившихся кораблей, один из них был транспорт, конструкция прочих выдавала в них что-то вроде боевых штурмовиков. Хотя кто их знает, этих местных, вдруг это безобидные прогулочные катера, а большой-то как раз и окажется боевым...

В носовой части этого большого корабля распахнулась «пасть» люка, и пилот весьма искусно выполнил манёвр, в результате которого все пятеро наших очутилась внутри. Створы захлопнулись, и в отсек с шипением хлынула атмосфера, заполняя вакуум. Ильм разомкнул на миг свой скафандр, чтобы газовая смесь попала на полевые датчики комбинезона, и констатировал факт: воздух пригоден для дыхания и не содержит никаких отравляющих или парализующих примесей. Это обнадёживало. Если люди разных миров дышат одинаковым воздухом, значит, шанс найти общий язык гораздо выше.

Также опытный воин напомнил остальным, что нельзя «дёргаться» и в открытую демонстрировать оружие. Если бы аборигены хотели убить, они бы не забирали подобранных внутрь и уж тем более не наполняли бы шлюз дыхательной смесью. Необходимо оправдать доверие, показать, что пришельцы не несут угрозы. Раз уж не вышло попасть в этот мир незамеченными, то необходимо максимально возможно использовать местный ресурс для поиска интересующих следов.

Корабль доставил пятёрку спасённых на базовый гигант. И, разумеется, странников там встретили местные военные, вооружённые какими-то... э-э-э... «пукалками», небольшими по размеру, похожими на игрушечные пистолетики. Но любое оружие есть оружие, пластит с виду кажется тоже далеко не грозным комком глины. Хозяева, очень высокие и худощавые гуманоиды, чем-то похожие на кузнецов, хотя вполне... м-м-м... приматообразные, что-то выкрикивали на своём наречии, но лингвистические модули в этом хоре криков с ходу сумели распознать лишь некоторые смысловые единицы. Впрочем, и без слов было понятно, чего хотят местные от пришлых. Повинуясь, наши воины подняли руки, демонстрируя, что они пусты, и позволили себя разоружить, что в

невесомости выглядело весьма забавно. Но, судя по тому, как ловко и быстро справились с обыском и разоружением эти гуманоиды, можно было предположить, что к этому состоянию они более чем привыкли.

Дальше наших завели в просторную комнату, где их поджидал десяток руководителей, явно высокопоставленных «кузнецов». Оказалось, это местные военачальники, чуть ли не весь высший генералитет. С горем пополам, по мере обучения лингвистических модулей, удалось найти общий язык. Хотя сначала было трудно, но постепенно контакт наладился. Военным с военными общаться куда сподручней, чем со жрецами...

Да, в этом обществе были две правящие силы — светская и религиозная. Обе полноправные, и все важные решения принимались согласованно. Поэтому во время общения с местными командирами вдруг заявились... м-м-м... лидеры духовной ветви власти и без всяких предисловий объявили пятерых визитёров посланцами богов. Вот так, ни много ни мало! Дескать, пятерке мессий суждено помочь их вымирающей расе.

Эти космические скитальцы, как выяснилось, по своему статусу... э-э... настоящие вселенские беженцы. Поразительно, но факт, их предкам всё-таки удалось эвакуироваться ещё до того, как миры соты должны были подвергнуться зачистке. Теперь потомки беглецов неприкаянно таскались по космосу, опасаясь заводить себе новый дом на какой-нибудь планете. К этому явлению, которое наши привыкли звать Чёрными Звёздами, скитальцы относились как заключённые к тюремщикам. Приговорённые, но условно освобождённые под залог, на некий испытательный срок. Чёрная тень неотступно нависала над ними, именно на это и повелось чутьё Тич. Держа себятише травы ниже воды, пытаясь изжить из менталитета опасную для окружающей среды воинственность, которая привела их предков к грани стирания, эвакуированные поколениями скитались в космосе на своих судёнышках. В целях экономии энергии они даже не поддерживали искусственную гравитацию. Вот почему потомки так выглядели — невесомость отразилась на строении тел...

Но после многолетних скитаний армада была просто вынуждена искать планету. Невосполнимые ресурсы, как их ни экономь, как ни растягивай, как ни подменяй суррогатами, обязательно заканчиваются. Исключительно солнечным светом питаться «кузнечики» не научились, хотя солнечная энергия была для них большим подспорьем. Корабли-беженцы периодически останавливались в какой-нибудь солнечной системе и подпитывали батареи. Старались надолго не задерживаться, боялись, что их настигнут преследователи. Они почему-то свято верили, что в межзвёздном пространстве, подальше от звёзд и планет, палачи не казнят... Внепространственными проходами, связывающими планеты в сотовые восьмёрки, они тоже не пользовались, само собой. Вполне обоснованно полагали, что это верный способ обнаружить себя... Да, да, не смотри на меня такими грустными глазами, Лана. Я прекрасно помню, что ты давно жаждешь знать кое-какие подробности о природе Чёрных Звёзд, но всему своё время. Ты же у меня девочка терпеливая... когда захочешь.

Ну вот, подобрали эти космобродяги водный мир. Сплошной океан, без единого участка суши. И принялись напропалую выкачивать атмосферу, жидкость и пищу. Океанские фауна и флора вполне годились на консервы, а в здешней воде, очень насыщенной, растворены все необходимые для синтеза топлива элементы. Но процесс заполнения корабельных трюмов внезапно прервался. Оказалось, что у планеты есть хозяева, аборигенный биовид разумных, которые вначале не разобрались, что за напасть свалилась на них с неба... сама концепция передвижения в воздухе водными жителями воспринимается чем-то вроде космических полётов. Разобравшись же, что да как, океанские принялись уничтожать всех пришельцев. Обитатели океана не шли на контакт, они просто топили корабли, которые пытались качать воду или охотиться за местными китами. В качестве оружия аборигены использовали, конечно же, воду, и лупила жидкость не хуже твёрдой материи, поэтому ниже, чем на дистанцию полёта водяных струй, можно было снизиться разве что в бурю. а они случались нечасто. Космические скитальцы постепенно склонялись к мысли, что пора улетать, хотя им было очень жаль ретироваться, вода этого океана действительно оказа-

лась драгоценным ресурсом, а набрать её они успели от силы два-три процента от того объёма, что могли унести.

Но если брать воду силой, устраивая бомбометания и выжигая океанских огнём, то придётся втянуться в войну, и тогда наスマрку усилия нескольких поколений, что пытались перенастроить природу и сделать её мирной. Прочь заветы отцов и дедов, изживавших в себе желание решать проблемы силовыми методами. Однако если не пополнить ресурсы, очень скоро просто не на чем будет лететь дальше... Космический народ разделился надвое. Одна половина ратовала за войну, другая категорически возражала. И в этот решающий момент появились пятеро пришельцев, которые были идентифицированы как действующие, опытные воины... из которых никто никогда и не пытался изгонять дух воина!

Наши провели секретное совещание и четырьмя голосами против одного решили на правах божественных посланцев стимулировать войну, чтобы яростное пламя, вспыхнувшее с новой силой, вынудило силу Чёрных Звёзд проявиться в этой точке Вселенной. Тебе наверняка интересно узнать, кто был против... как ни странно, Алекс. Он не верил, что именно здесь находится ключевое для судьбы их родной сорта миров Поле Вечной Битвы, как однажды пафосно именовала Тич цель похода отряда. Та самая точка, в которой им предстояло встретиться с врагами лицом к лицу.

Вот так наши превратились в... э-э-э... наёмных полководцев. На войне друзей нет, есть только временные союзники. И каждый военный сражается за СВОЮ родину.

Никуда нам не деться от своей природы. Как её ни пытаются вытравить. Таковы уж мы, живые разумные. Сколько волка ни корми...

Все под войной ходим».

Глава тринадцатая ОСТРИЁ АТАКИ

На орбите Питомника, в пространстве, вычисленном светлыми умами Организации, неподвижно висели сотни десантных кораблей, или «мясозовозов», как их любили назы-

вать все без исключения вояки. Пилоты каждого из них напряжённо всматривались в чёрноту космоса и мозаику «радаров» в ожидании появления огромнейшего вражеского линкора. Остальные корабли Организации были построены сетью, таким образом, чтобы по возможности всё пространство простреливалось орудиями и ракетами. И хотя огневой мощи каждой отдельно взятой боевой единицы флотилии было бесконечно мало для схватки со столь могучим противником, но, отвлекая на себя огонь, крейсера, эсминцы и канонёрки могли дать шанс группам десанта, прикрываемым ими, в большем количестве долететь до линкора и взять его на абордаж.

Выходя из внепространственного коридора, огромная масса линкора, конечно же, спровоцирует сильнейшую ударную волну «выхлопа», который в одно мгновение вытолкнет из зоны материализации все десантные членки. И существовал, конечно, немалый шанс разрушения корпусов «мясовозов» от подобных критических нагрузок. Однако эта возможность была несущественной в сравнении со стопроцентной гарантией сразу оказаться в «мёртвой зоне» тяжёлых орудий линкора. Остальным десантным членкам, которые будут находиться слишком далеко и пилоты которых решатся рискнуть пойти на сближение, останется лишь пожелать пламенной удачи. Шансов прорваться к линии десантирования у них практически не будет.

Но один «мясовоз» сейчас находился совсем не в том месте, в котором должен был зависнуть, по плану коменданта Питомника. Своими посадочными опорами он прочно закрепился на вершине скалы, торчащей из поверхности естественного спутника планеты. С этой точки отлично обозревалось вероятностное пространство материализации не только линкора, но и его возможного незапланированного сопровождения в виде целой вражеской эскадры.

В креслах пилотов этого членка сидели два человека в боевых автономных скафандрах. Один из них был пожилой мужчина, второй — молоденькая девушка.

— Деда! — вдруг нарушила наряжённое молчание девушка. — Твой план хорош, конечно, и наш куратор в тебя свято верит, иначе даже не выслушал бы ту чушь, что ты ему

наплёт, и втайне от командования не выделил бы нам «мясо-воз», под завязку набитый атомными бомбами рюкзачного типа. Но меня смущает момент... Он же за нами следит. Даже если будут сильные помехи, он же всё равно заметит все... э-э-э... неестественные перемещения и сразу поймёт. Больше чем уверена, что после этого ты проведёшь остаток жизни с лабораторными электродами в попе, прошу прощения. А что будет со мной, боюсь даже представить.

— Лана-а, ох, — мужчина устало вздохнул, — я уже не помню, сколько миллионов раз говорил тебе, что всему своё время... Если я чего-то недоговариваю, то это не значит, что мной что-то упущено. Когда всё закончится, а возможно, и раньше, ты сама всё поймёшь. Расскажу тебе про одну вещь, в которую свято верил и продолжаю верить. Возможно, процитирую неточно, но главное не форма, а содержание. Есть одна древнейшая мудрость, она гласит: желаешь насмешить богов, расскажи им о своих планах. Перефразируя эти слова, я вывел для себя одну аксиому бытия, которой буду следовать до конца отпущенного мне времени. Звучит она так. Не произноси вслух о том, что запланировал сделать, даже в том случае, когда провальных вариантов попросту не существует.

— Да всё мне понятно, я давно за тобой приметила это суеверие, но всё же как-то очень... э-э... стрёмно производить действие, в котором не видишь смысла и логики. — Младшая из двух пилотов откинулась на спинку своего кресла.

— Давай лучше повторим. — Мужчина встал со своего пилотского кресла и принялся навешивать на себя контейнеры с портативными бомбами. — Когда всё завернётся с линкором, предоставим шанс нашим, но если их план даст хоть малую трещину, то мы реализуем свой. Как только я выхожу наружу, ты сразу меня пеленгуй и удерживай канал нашего с тобой взаимовосприятия, как мы это делали уже. Буквально сразу же наше дерзкое возмущение... м-м-м... эфира запеленгуется, и последует ответная реакция. Я более чем уверен, что сюда неосознанно, ведомые самим мирозданием, пожалуют не только линкор, но и солидная часть флотилии, что осаждает осевой мир. Тогда мне придётся заходить в гости ко всем и оставлять в их реакторных отсеках гостинцы. —

Старший похлопал ладонью по контейнерам с зарядами. — Максимум я на себе унесу три бомбочки, поэтому буду возвращаться много раз, и мне нужно возвращаться именно сюда, а не на поверхность спутника. Что бы ни случилось, держи канал! Так мне будет намного проще курсировать туда-сюда. Но обязательно при этом приглядывай за кораблями врага, а точнее, за их строем. Будешь мне подсказывать, кого в первую очередь испарять, чтобы наш флот меньше пострадал.

— Да всё я помню, дед! — Девушка явно нервничала, и нотки сильнейшего волнения сквозили в её голосе. — А что потом будем делать-то?!

— Вот ты неугомонная! — Дед не то сокрушённо, не то восхищённо покачал головой. — Я же сказал, скоро всё поймёшь сама, и к тому же это уже не твоя забота. Учись терпению, Лана, я не всегда... Так, внимание! — Старший резко прервал свою речь и пристально уставился в черноту космоса, усеянную мерцающими, будто иронично подмигивающими огоньками звёзд.

— Что, сейчас начнётся? — Девушка последовала примеру своего наставника и так же внимательно просканировала пространство взглядом.

Девушка «на все сто» доверяла чутью своего деда, которое и чутьём можно было звать разве что условно, после того, что она успела повидать. Не было в словарном запасе такого слова, которое адекватно отразило бы суть. Дед всегда знал наперёд, что должно произойти, ну, если и не знал всё в чётких деталях, то чувствовал общее направление потока будущих событий и умело лавировал по этому потоку. Это сверхчутьё — когда что-то, где-то, очень приблизительное, но схожее, мелькает на краю сознания. Лане это чувство было отлично знакомо, но дед — совсем другое дело. Он по-просту ЗНАЛ, и это придавало ему в глазах внучки почти божественный ореол. Старший пытался и её научить различать «зов судьбы», но каждый раз тщетно. Младшей это умение пока что не давалось...

Вспышка на фоне чёрного космического занавеса, после напряжённого ожидания, ударила по нервам многотонной кувалдой. Перед глазами возникла громадина линкора в мер-

цании «гирлянд» собственных многочисленных источников света всевозможного происхождения и назначения. Тусклые огни вспышек вокруг него обозначили устремившиеся к кораблю абордажные членки. Девушка и её наставник молча наблюдали за всем происходящим. Ожили передатчики, настроенные на три разных канала связи, и по кабине разлетелись непрерывные потоки приказов и команд.

Сверхтяжёлый линкор не стал раскрываться в «противотанковый ёж», он сразу открыл огонь по всему, что находилась поблизости. Рассеянная эскадра Организации начала стягиваться к «Якранати», ведя по крайним его частям энергетический и ракетный огонь. По утверждённому плану, прорыв абордажных команд должен был осуществиться в центральной части корабля, ближе к миделю, но это не спасло множество членков от дружественного огня. По центральному каналу то и дело пролетали сообщения о гибели очередного «мясовоза». Но, несмотря на эти потери, уже более десятка абордажных команд достигли своей цели и начали «прогрызать» себе червоточины в броне этого сверхгиганта.

Несмотря на плотный заградительный огонь, две торпеды достигли своей цели, и в баковой части линкора вспухли два ярко-жёлтых огненных шара. Эти прямые попадания уменьшили огневую мощь бака, и, видимо, этот факт вынудил капитана линкора отказаться от показательного бравирования в атаке. Корабль стал раскрываться, с каждой секундой увеличивая свою огневую мощь и критически уменьшая шансы противника на победу.

— Всё, Лана, наши сейчас обделаются на полный вперед, а для реализации моего плана нам необходимо достаточное количество выживших, — мужчина отстранился от иллюминатора, запотевшего от его дыхания, — начинаем план «Бэ». Эхе-хе, а нам ещё осевой мир отбивать!

— Чего?!! — только и успела выкрикнуть младшая перед тем, как её дед, стоящий мгновение назад прямо перед ней, вдруг бесследно исчез, даже не растворился в воздухе, а в буквальном смысле *пропал*.

Девушке только и оставалось, что прислушиваться к оперативным сводкам центрального канала связи и ждать.

Ждать... ох, как она ненавидела ждать. Это незамысловатое, элементарное занятие, ожидание, для неё всегда было страшнее самой изощрённой пытки.

«Плотный огонь ослаб в кормовой части! Внимание всем выжившим «мясовозам»! Заходите с кормы. Внимание всему флоту, сосредоточить огонь на баке линкора!» — надрывался командирский голос в одном из каналов связи.

Две небольшие вспышки последовали одна за другой в средней части линкора. И спустя некоторое время в эфир полетели команды совсем другого плана.

«Всем подразделениям отставить огонь! Наш десант вывел из строя центральный и аварийный реакторы «Якранати»! Враг функционален всего на десять процентов своей огневой мощи. Всем абордажным командам приступить к зачистке линкора. Захватываем его! Вперёд, ребята, с нами Организация!» — вырывался из динамиков воодушевлённый голос командующего.

Спустя несколько секунд после этого призыва в кабине членка, стоящего на вершине скалы, материализовался напарник девушки. Трёх атомных бомб, захваченных им с собой, при нём уже не было. Его скафандр дымился на плече. След от скользящего попадания сгустка высокотемпературной плазмы.

— Бегом-бегом! Помогай!! — проорал старший, указывая на контейнеры с неиспользованными зарядами. Сквозь иллюминаторы кабины он затравленно озирался в усеянную глазками-звёздами чернь космоса, будто она собиралась ворваться в кабину вслед за ним.

Девушка кинулась помогать ему, и когда последний заряд был пристёгнут к скафандру, двое людей снова вернулись к созерцанию наружного космоса, но теперь их волновал совсем не линкор. Они ждали ответную волну, свидетельство реагирования на дерзкое использование «расширенных» возможностей человеческого разума. И, спустя несколько минут в околопланетном пространстве действительно засияли кольцеобразные вспышки внепространственных разрывов. Эскадра имперцев в добрую полсотню кораблей различных размеров прошла к миру Питомника из осевого мира соты.

— Ну, я потопал. — Старший зачем-то глубоко вздохнул, задержал дыхание, как будто собрался нырнуть под воду, и вновь исчез.

С интервалами примерно в минуту исчезли в облаке огня три имперских крейсера. И дед опять появился в кабине, схватил ещё три контейнера и опять исчез. Так повторялось непрерывно, пока оставшиеся двадцать кораблей вражеской эскадры в панике не скрылись из зоны видимости на своих маршевых двигателях. Тогда дед появился и вновь исчез, последний раз за эту битву. Теперь наставник девушки навесил на себя не три, а четыре смертоносных ранца, которые совокупным весом критически сковали его движения.

Позже все узнали, что наряду с блестательными победами случилось и одно печальное поражение. По официальным данным, планетарную защиту каким-то образом пронзили четыре, видимо, совершенно секретных, неизвестной системы вражеских боезаряда. Они не взорвались сразу на поверхности Питомника, а пробурили себе подземные каналы и полностью испепелили бункер командования с центром управления контроль-ошейниками и всеми-всеми кураторами групп испытуемых. В огне исчезли и все записи, фиксировавшие ход этой загадочной битвы. Лучшие умы Организации даже спустя десятилетия так и не смогли понять, каким образом не столичный мир развитой соты, а обычная планета-тюрьма, используя свои не особо значительные ресурсы, захватила линкор-супертяж и полностью уничтожила эскадру, пришедшую ему на помощь. Но учитывая факт, что все заключённые продолжали сражаться дальше, даже узнав, что их ошейники отключены, и вырвали в неравном бою окончательную победу, высшее командование Организации приняло беспрецедентное решение.

Полной и безоговорочной амнистии подлежали все заключённые, выжившие в этом невероятном сражении.

...током бьёт, зараза. Малоприятно быть отвлекающим раздражителем. Вначале подставляться, а став мишенью, избегать поражения разрядом. Ещё больше, судя по всему, подобная затея не нравится Алексу, крупному и громоздкому

телу в плотной жидкости тяжелее, даже если оно облачено в скафандр с энергоусилителями. Наверняка нахватался он молний до россыпей звёздочек в глазах.

Трудно поверить, но факт. Ильм прилепил все три взрывкомплекта, этого более чем достаточно. Пульсирующий шар наотрез отказывался его замечать и метал смертоносные искры только в нас двоих. Отличная работа, Тич, впрочем, как обычно. Значит, уносим руки-ноги, времени в обрез, таймеры запущены. Плыём по отдельности, хаотично меняя траекторию. Видимость паршивая, чуть не напоролся на каменного ежа. Ядро, понятное дело, пускает нам вслед молнии, промахивается, мы уже далеко. Живое, чувствует свою кончину, как теленок, ведомый на заклание. А потому разряды лихорадочно частят, появляются гидравлические импульсы. Броня скафандра пока что сглаживает прямые попадания, но батареи надолго не хватит. Чепуха, прорвёмся, вот и лодка видна... Ильм приотстал, бедняга, может, застрял в липких жилах, тянувшихся от ядра до самой поверхности. Э-э, нет, он уже внутри, вон его физиономия маячит в иллюминаторе! Значит, это мы отстали, неудивительно, плыли-то несусветными зигзагами, нас Тич не прикрывала экстрасенсорным «зонтиком», да и энергия на исходе или топливо, на чём бы там ни работали эти скафандры, кипяток почти всё высосал. И несмотря на то что все эти факторы ей известны, голос Тич, звучащий в коммуникаторе, призывает поторопиться... Максимум мощности микротурбинам на стопах, выпускаю из конечностей ласты и гребу к лодке что есть сил. Алекс не отстаёт.

Поэтому мы успеваем.

Экипировка — настоящее чудо! Прекрасно расчехляется за секунды, её не требуется долго и утомительно сдирать с себя по частям. Несколько телодвижений, и скафы опадают на пол. Мы оставляем их лежать в буферном отсеке и следуем прямиком в рубку.

Тич, увидев меня, улыбается своей светлой, неповторимой улыбкой. Хотя, возможно, у меня галлюцинации на почве кислородного голодания, поди пойми эту женщину, ещё и беременную. Улыбается она и даёт полный вперёд, максимально полный в условиях жидкостной среды. Скорости

вполне хватает, чтобы нас припечатать к стене после резкого рывка. Ильм предусмотрительно занял место в штурманском кресле, где обычно сижу я. Какого ляда, спрашивается, если он не счёт в навигации?

Гравитация автоматически нормализовалась, благо такая функция предусмотрена, и мы получаем возможность занять кресла. Я устраиваюсь по левую сторону от жены, таким образом, она защищена от словесных нападок Алекса, которые вполне возможны после резкого старта. Но тот, на удивление, молчалив. Укрепился в лежанке поодаль от нас, выглядит спокойным и, кажется, всем доволен. Хотя я отчётил слышал, как он ударился затылком о пластиковую обшивку стены, очень характерный звук. По логике многих его прежних реакций Алекс сейчас должен бы закономерно, как он считает, возмущаться. Однако — молчит. Последнее время этот парень непривычно позитивен, даже начинает чем-то напоминать своего покойного брата. Права Тич, никому из нас просто так уйти в отставку не удастся при всём желании. Сколько нас было в начале, столько и останется до конца. Уменьшение количества тел, остающихся в строю, не принципиально...

А вот сейчас бабахнет, и нас по-любому зацепит. Обратно, наружу, проколоться мощности не хватит, поэтому надо отплыть как можно дальше от эпицентра. Там, на бомбах, стоит допотопный часовой механизм. Каждая секунда дорога...

БАБАХНУЛО!!!

Как почти всякий из живущих, я думал над тем, что же такое смерть. Отбрасывая религиозные толкования, старался самостоятельно прийти к ответу, что остаётся после того, как умирает физическое тело. Да, определённо, из остывающей биомассы высвобождается некая информация, это ясно. Но что с нею, душой ли, духом, не важно, как назвать, происходит дальше?

Может, она, как и тело, постепенно сгнивает? Растворяется в мироздании, как дыхание в толпе или слабое магнитное поле, оставшееся после разряженного носителя? И главный вопрос: буду ли я по-прежнему способен мыслить в том или ином смысле, потеряю ли свободу воли, останутся ли при мне прежние чувства или появятся новые?

Однозначен ли ответ, что после смерти всё кончится, выключится свет и больше не будет НИЧЕГО?

После взрыва я чуть было не получил ответ.

Но всё же — не получил. Это не было смертью, хотя сперва так показалось. Это было в сто раз больней, чем попадание пули в кость, и в тысячу раз кошмарнее, чем самый кошмарный сон. Но это была не смерть! Никто из нас просто не был готов к тому, что смерть — это ещё не ко...

«Сегодня я расскажу тебе о... совсем грустном. Буду краток, не та тема, на которую хочется говорить красиво и долго. Вообще, сама понимаешь, тяжеловато уединяться в подобных условиях...»

«Ничего, справимся, деда... Я начинаю догадываться, о чём ты хочешь рассказать, и ты прав, лучше об этом не... не разводить турсы на колёсах, я правильно вспомнила выражение?»

«Точно так, Светланка... тебе неправильно помнить никак нельзя, кому же ещё сохранять всё это, как не тебе... Так вот, наша Тич, само собой, не только ушами и глазами слушала и видела. Она вчувствовалась в оксан и выяснила, что обитатели его обладают свойствами, которые... ну, скажем так, все они были телепатами и имели коллективный разум. Их цивилизация пошла по биогенному пути развития. Конфликт двух рас возник из-за тамошних аналогов китов, которых пришельцы забивали в первую очередь, ибо в них была наибольшая концентрация веществ, нужных для синтеза топлива и, конечно же, для пищи. Оголодавшие гуманоиды, как только появились на орбите планеты, тут же кинулись бездумно забивать этот подвид, тем самым нарушая сложную экосистему всего мира. Тут-то и среагировали подводные разумные обитатели и встали на защиту своего мира от вторженцев. Они экстренно вывели живые организмы, которые и использовали в качестве оружия. Самые ходовые боеприпасы — аналоги головоногих разных размеров и начинок. Один из стратегических мозгоцентров при помощи удалённых разведчиков засекал входившие в атмосферу корабли мародёров и выпускал им навстречу ракеты-кальмары, кото-

рые разгонялись под водой и поражали цели. Имелись у них и бронебойно-зажигательные осьминоги, и осколочные кара-катацы, и прочие твари, в зависимости от цели, которую необходимо было поразить.

Гуманоиды пытались воевать с местными, но терпели поражение за поражением. Благодаря телепатическим способностям подводный народ узнавал, какой сейчас манёвр должен выполнить тот или иной нападающий, и бил на упреждение, по принципу: один выстрел — один труп. Подводники на контакт не выходили, потому что были уверены в своём явном преимуществе, а забой очередного крупного животного, необходимого для баланса экосистемы, лишь ужесточало её.

У наших возникла жестокая, но вполне логичная идея. Подманить на живца. Вместо того чтобы бегать за своей целью, привлечь внимание и притянуть к себе, в это место и в это время... Тич, опять же используя свои способности, незаметно подключилась к коллективному разуму и узнала, что военными операциями командуют некие огромные колонии организмов, сросшихся в мозголенты и соединённых в единую мозговую сеть. Выяснилось, что таких центров в планетарном океане не особенно много... Также Тич выяснила, что колонии водорослей, которые периодически появлялись на поверхности, — не что иное, как своеобразные солнечные батареи этих мозголент. Без солнечной энергии они погибали, потому были вынуждены иногда выдавать своё расположение таким вот образом. Естественно, когда один из мозгов «заряжался», его охраняла целая водная армия.

Наш отряд принял решение атаковать и уничтожить один из мозговых центров. Разработали план... Мужчины, будучи опытными воинами и благодаря своим особым способностям умеющие закрываться от телепатических вторжений в свои разумы, занимали пилотские кабины в самых навороченных штурмовиках гуманоидов. Таким образом, подводные бойцы теряли своё главное преимущество, их телепатия не засекла бы наших. Всё должно было решить умение пилотировать... Дальше — больше. Тич, узнав секреты подводников, разработала шлемы для пилотов-гуманоидов, которые несколько заглушали и искажали телепатиче-

ские... э-э... ну пусть будут волны. Вследствие этого воины пришлой расы уже смогли бы оставаться в живых, также используя свои навыки пилотирования.

И грянуло сражение. Лёша вёл торпедоносец с наиболее мощной боеголовкой, чтобы одним ударом грохнуть мозг. Ясное дело, подводная армия начала яростно сопротивляться. Сообразив, что ракетные кальмары уже неэффективны, они выпустили скатов-перехватчиков. Война, обоядная стрельба, стенка на стенку, можно сказать... Волна за волной уничтожались многочисленные разновидности подводной живности, и мозг принял решение эвакуироваться поглубже, он свернулся батареи и начал погружаться. Естественно, погружение прикрывала последняя яростная волна защитников. И Лёша на своём флиере с ходу занырнул в океан, чтобы выстрелить прицельно. Ну и... грохнуло так, что океан до неба вздыбился. Оказывается, этот мозг сам по себе был... э-э... взрывоопасным. Лёша вместе с ним и... Вижу по глазам, ты сразу поняла, о чём пойдёт речь сегодня. Однако война есть война. Это не детская игра в войнушку, где всё понарошку. Пусть даже и очень похоже на реальность, в воображении играющих...

Сказать, что Тич была в печали, — значит ничего не сказать. Но... хочешь не хочешь, надо продолжать поход, несмотря на потерю ещё одного бойца. Отряд и дальше разжигал войну, ожидая появления искомых сил, учувавших разумы воюющих, пустившихся во все тяжкие. Нашим необходимо было вызвать огонь на себя, встретиться с врагом лицом к лицу, чтобы сообразить, как его победить... Но вдруг оголтелая война прервалась. На связь телепатически вышел коллективный разум водного мира, и вышел он прямиком на религиозных лидеров гуманоидов. Это не военные, сама понимаешь, у них другие приоритеты, и войны они предпочитают вести иными средствами. Дипломатия, переговоры... И планы нашего отряда накрылись медным тазом. Настоящая война окончилась. Расы договорились о мирном и гармоничном сосуществовании. В конце концов, среды обитания у них ведь разные, а обмениваться нужными ресурсами — это уже торговля. Тоже война, но опять же иными методами. Не подпадающими под наказание.

Делать нечего. Тич, продолжая горько оплакивать потерю любимого мужчины, исполнила свой долг. Наши отправились дальше. Туда, куда их вёл зов судьбы...»

Глава четырнадцатая ТОЧКА ОТСЧЁТА НА КАРТЕ СВЕТА

Естественно, у вольнонаёмного служащего на порядок больше возможностей добывать нужную информацию, чем у заключённого или раба. За что и боролись. Служащие, конечно, бывают разного уровня доверия, но целенаправленно выстроить карьеру — дело техники.

Неограниченный доступ к информационным хранилищам Организации. Ни разу не воспользовавшись особыми способностями, заполучить его было... нелегко, мягко говоря. Но и не так чтобы невозможно.

Они искали данные, интересующие их. И попутно узнавали структуру, напористо распространявшую своё влияние на сеть миров. Где тайное, где явное, как получится. Чем больше и дальше, тем лучше. Но что самое важное, они нашли подтверждение теоретическому допущению. Непостижимое разумом, но такое желанное сходжение всех проходов существует практически. По имеющимся сведениям, в «центральном перекрёстке» побывал искатель Организации, человек, но он вернулся и сразу умер. Перед смертью успел только сообщить, что оттуда действительно можно попасть куда угодно. Это случилось много лет назад, и с тех пор не удалось повторно отыскать «пиксель» космоса, самый ценный для живых разумных...

В Организации, целью которой было поступательное объединение миров, не подвергалось ни малейшему сомнению, что самый. Двое членов структуры, не так давно и не совсем по своей воле присоединившиеся к ней, также не сомневались в этом. Но — по своим личным мотивам. Для них он являлся важнейшей пересадкой в пути. Им надо было отыскать одну-единственную, зато СВОЮ ячейку безбрежной сети миров. Ту соту, которую они искали столько лет, но

пока безрезультатно... Оставалось разве что вступить в корпус Искателей, непосредственно занимающихся расширением системы порталов. Двое и намеревались это сделать. Позже. Когда придёт время, ответил старший из двоих на вопрос младшей. Когда придёт время...

— Организация распространяет главное знание. Открывает для разумных всех рас и видов реальную возможность уйти. Выбраться из колыбелек родных миров. Это увеличивает шансы на выживание разума. К нам, разумным, мать наша Вселенная не очень-то благосклонно относится, как известно. Слишком уж много проблем мы создаём для её природы... Но живое хочет жить, а разумное тем более не желает терять накопленную память. А запертый в одном мире человек не может никуда выйти, если что... если вдруг цивилизации угрожает кончина. С этой точки зрения Организация — наиболее ценное достижение в истории жизни разумных. Потому и организация, что организует, соединяет миры, где возникла болезнь материи, разум... Но возникает вопрос вопросов. Почему Вселенная допустила возникновение и мирится с существованием этого достижения? Искоренением войн, которые в основном и наносят вред природе, эта структура уж точно не занимается...

— Точно так! Везде война, чуть ли не по всем ячейкам. Некуда мирному человеку податься. Исключения настолько редко встречаются... сразу закрадывается мысль, что-то здесь не так.

— Тем не менее. Бороться и искать, найти и не сдаваться. Монтгомо Ястребиный Коготь.

— Ты запомнила?

— Я всё помню. Ты же не только о рейде последнего отряда рассказывал.

— Да-а... Жаль, мало было у нас времени. Я бы тебе счёл столько мог бы рассказать вживую... есть что вспомнить, начиная с самого моего детства. Ну ничего, придёт время, ты сама всё-всё вспомнишь.

— Это уж точно. Девочка моя, тебе не уйти от славы. Алиса Селезнёва. Деда, так и не скажешь, когда примерно ждать просветления? А то я уже прямо извелась от ожидания. Терпеть ненавижу, ждать и догонять...

— Разве же я знаю? Но точки бифуркации есть всегда и везде. Так или иначе. Каждое мгновение жизни мы стоим на перепутье... И никогда с гарантией не узнать заранее, к чему приведёт именно это принятное решение и куда выведёт избранная дорога. Например, начало добычи когаза, которое воспринималось землянами как чудесное спасение от надвигающегося энергетического кризиса, на деле привело к тому, что мать-природа окончательно рассердилась и...

— Это ты о чём?

— Придёт время — узнаешь. Главное, чтоб пришло...

— Точно так. Главное, найти путь домой.

— Да уж. Но для этого нам ещё много чего придётся сделать. Вставай, моя бесценная, труба зовёт.

— Слышу, слышу... Рота, подъём. Знаешь, дедушка, больше всего я ненавижу в нашем ремесле именно этот момент, побудку. Не-ет, не нравится мне быть солдатом регулярной армии! Мне больше по душе... э-э-э... задания специального назначения.

— Ещё бы. Кто на что учился!

...зачем раздеваться догола, и так видно, что здоровый бычара. Просто на фоне атлетического шкафа любое хозяйство кажется миниатюрным.

— Спорим, что этот старишок победит в два счёта!

Восславянин не ожидал такой рекламы, потому обалдел и тычет меня локтем в рёбра, гад. Делаю вид, что не замечаю, и заговорщически подмигиваю ему. Соображай, напарник!

Борец, выдержав паузу, свойственную тугодумам-качкам, начинает гоготать, как идиот, тыча сосиской пальца в Ильма:

— Кто?! Этот дедушка?

Смех мешает ему добавить что-то ещё, и я терпеливо жду, когда верзила нахочечется. Некрасивая ситуёвина.

Ильм, не прошло и года, уже смекнул, какую афёру я хочу провернуть. Он демонстративно разминается в стиле немощного пенсионера-сердечника: неторопливые приседания, наклоны, вращения. Я сам чуть не рассмеялся, наблюдая эту пародию. Уж кто-кто, а я видел доблестного ветерана в

бою, знаю, какой эффективной машиной убийства он способен быть. Всё ещё способен.

А тем временем разношёрстная публика собирается вокруг нас, чего я, собственно, и добивался. Зеваки непонимающие глазеют, расспрашивают, многие из них тоже начинают смеяться, как штатный борец. Ничего-ничего, сейчас мы вам устроим веселуху!

Двухметровый спортсмен с нереальной, гипертрофированной мускулатурой, наблюдая инвалидные упражнения, уже не просто ржёт, он надрывается до слёз, его шея распухла, в точности как у разъяренного быка, а сквозь смуглую кожу толстыми шлангами проступают вены.

— Не могу понять, почему вам так смешно?! — строя из себя интеллигента с изысканным лексиконом, громогласно обращаюсь я ко всем присутствующим. — Условия конкурса гласят, что любой мужчина старше восемнадцати лет, изъявивший желание, может померяться силами с чемпионом, прошу заметить, бесплатно может, и вот за это получит приз.

Услышав о получении приза, местный чемпион буквально рушится на задницу и дрыгаст ножищами, заходясь хохотом просто-таки истерически. Я поднимаю взгляд и на пьедестале в углу спортивной площадки вижу: в качестве приза сегодня выступает штанга весом центнера три.

Толпа уплотняется вокруг ринга, заключив нас в кольцо. Все аплодируют. Кретины решили, что всё происходящее — отрепетированное юмористическое шоу. Предприятие усложняется.

— Подождите, — не унимаюсь я, — в чём проблема, мой товарищ хочет бороться! Обещаю, он будет соблюдать все правила. Что там у вас в правилах? Никакого членовредительства, до первой крови, при первом сигнале остановка боя... что-то ещё? Вы не верите, что он по собственной воле? Или в то, что ему уже исполнилось восемнадцать? Или сомневаетесь, что он успел стать мужчиной? Возможно, вы думаете, что перед вами киборг?.. Давайте же наконец отбросим сомнения и начнём поединок.

Соблазнённая моими речами окружающая публика прекращает смеяться, и вот уже толпа ритмично скандирует:

«Бой, бой, бой!» Да уж, этим обывателям только и надо, что продолжения шоу, каким бы оно ни было.

А на арену-ринг уже взбирается Ильм. Картинно падает, споткнувшись о нижнюю перекладину, хватается за поясницу. Прекрасно себя ведёт старик, лишь бы не переиграл. С трудом поднимается, кряхтя и кашляя, торжественно сбрасывает куртку прямо мне на голову и принимается неуклюже боксировать с тенью.

Расталкивая галдящий народ, ко мне пробивается мужчина в служебной форме Центра и, шепелявя, растолковывает, что, конечно, условия одинаковы для всех, но существуют этические нормы, и он, взывая к моей совести, просит не педалировать ситуацию, увести этого буйнопомешанного дедулю с ринга. Я громко и показательно возмущаюсь, говорю, что буду жаловаться в гильдию Досуга и больше ни ногой не ступлю в данный досуговый Центр, потому что здесь оскорбляют клиентов и не дают им развлекаться. Толпа зрителей меня горячо поддерживает, осыпая администратора гневными упрёками, и тому ничего не остаётся, как унести прочь свою цивильную шкуру.

Спортсмен наконец-то уgomонился. Он грузно перемахивает через ограждение, перемещается в ринг, не спеша подходит к Ильму, выказывает своё восхищение храбростью старика и отказывается от поединка в пользу оного.

Басит великодушно:

— Бери свой приз, папаша. Пользуйся, гы-гы, вдруг смошь. Гордись победой, уважаю.

И протягивает свою здоровенную узловатую лапищу для олимпийского рукопожатия.

А «папаша» в ответ такое отчебучивает, что даже я охреневаю! Он отвешивает верзиле хлёсткую пощёчину, смачно плюёт ему на местный аналог кроссовок и выдаёт примерно следующее:

— Ну чё, сосунок, зассал??

Борец от неожиданности ртом хватает воздух, слов не находит никаких, даже матерных, потому совершенно молча хватает престарелого хама за шкирку и намеревается просто вышвырнуть его за пределы ринга и собственной реальности. Но ещё одна неожиданность ломает его праведные планы.

Ильм молниеносно высвобождается от захвата, почти неуловимым глазами движением оказывается за спиной чемпиона и даёт ему пинка под зад. Ходячая гора мышц превращается в летучую и только чудом не падает на покрытие арены. Физиономия обманутого в ожиданиях борца моментально багровеет, да и всё его тело покрывается красными пятнами, будто стыд настолько нестерпим, что помидорных щёк совершенно недостаточно.

Зарычав по-звериному, яростно раздувая ноздри, чемпион восстанавливает равновесие, разворачивается и атакует обидчика, уже не думая, кто перед ним. А зря. Старый воин подныривает ему навстречу, пригнувшись, стелется под него, хватает борца за щиколотки и легко опрокидывает тяжёлую тушу. Пару секунд толпа растерянно молчит, отвесив все свои множественные челюсти, но уже на третью — публика хором взвыивает от восторга.

Вот он, момент ковать монету, пока горячо. Встречаюсь глазами с Тегром, который уже готов принимать ставки...

А слаженная мы команда. Эх, только бы толк вышел из нашей слаженности! Не то растворимся бесследно, и даже некому будет поминать, как звали.

«После гибели Лёши... что-то надломилось внутри Тич. И стрелка её внутреннего компаса стала подрагивать. А может быть, это явление, которого они искали и к которому жаждали приблизиться вплотную... скажем так, сосредоточило часть своего внимания на девушке и целенаправленно сбивало её с верного курса. Отводило глаза... Так или иначе, в общем, покидало наших по разным уголкам мировоздания, по войнам бесконечным. Сотни планет и станций они посетили, и везде, где обитали разумные, шла война. Где локальная, в пределах маленького княжества, а где и поглотившая не одну планету... Встретился на пути как-то даже целый фрагмент сети из нескольких соседних сот, которые люто воевали друг с другом, долго, не одно поколение. И вроде бы давно нарвались уже на... да вот, по причине, ведомой лишь самой Вселенной, ещё не настигла их заслуженная кара.

Но ни в одном из этих миров не было ни следов приближения их врага, ни его непосредственного присутствия. По крайней мере Тич совсем не ощущала близость Чёрных Звёзд. Что характерно, если раньше Алекс яростно ругал девушки по любому поводу, даже за намёк на ошибку, то сейчас молчанием реагировал на каждый её серьёзный промах и терпеливо выполнял всё, что от него требовалось.

Что не могло не порадовать — этот рейд в пекле нескончаемой вселенской войны для наших оказался не труднее уже пройденных ранее. Избранные воины действительно были настолько искусными и компетентными, что ни одна инопланетная кампания больше не сумела сократить численность отряда. Боевые навыки и умения мужчин, помноженные на суперспособности Тич, делали четвёрку идущих попросту непобедимой в любом противостоянии. Гибель двоих соратников можно было считать неизбежными, досадными, но скорее всего случайными потерями. Не по собственной вине погибших...

Разумеется, группа сталкивалась и с такими противниками, которых можно было громить не одно тысячелетие до полного их уничтожения. Бывают армии, атаковать которые в открытую — сродни акту добровольного самоубийства. Но главная задача не в том заключалась, чтобы раздавать всем встречным-поперечным увесистых тумаков, и мимо больших и враждебно настроенных армий отряд наш всегда проскакивал незамеченным. Чем, возможно, и рушил некие планы своего вожделенного врага. Противостоящая сила скорее всего специально направляла преследователей на эти... э-э-э... волноломы войны. Используя какую-нибудь из преград для того, чтобы размозжить головы с последними четырьмя мозгами... утопить в кровавой бойне последних живых разумных стёртой цивилизации. Ну, ты знаешь, как это делается, не тебе рассказывать, как она использует подручные средства...

Эта изнуряющая карусель миров закончилась в одночасье. Нечто атаковало разум Тич прямо во время очередного пространственного скачка. Как только приоткрылась дверца во внепространство и вспыхнул уже привычный свет, Тич вскрикнула и потеряла сознание. Что или кто направило отряд в тот мир, где они очутились, никто не имел понятия.

Если это был искомый враг, то почему же он не поступил проще? Взял бы да забросил четверых дерзких людышек на поверхность какой-нибудь звезды!

Мир, в который наши вдруг попали, можно было назвать кратко. Планета-тупик. Скупая растительность здесь перемежалась с древними руинами и застывшими в смертных позах ужасающими машинами, которые были сделаны из материала, с виду неподвластного разрушению временем. Тич, как только очнулась, сразу заявила, что не готова была к подобному удару в спину, но впредь такого не повторится, и она будет начеку. Осмотрев своим внутренним зрением окрестности, девушка призналась, что вовсе не сюда она отправляла отряд.

Эта планета очень напоминала те, над которыми Чёрные Звёзды уже поработали, а подобные миры на пути встречались несколько раз. Но в отличие от тех, уже полностью очищенных от разума миров, по этому ещё бродили искусственные творения. Машины сгинувшей в веках цивилизации двигались по опустошённому миру и, следуя своей последней программе, уничтожали всё, что классифицировалось как враги. И пока Тич восстанавливалась для очередного прыжка, мужчины развалили с десяток этих порождений чужого инженерного гения. Ильм, будучи старым и опытным воином, покопался в машинных внутренностях и методом научного тыка отыскал блок «свой-чужой», отвечавший за распознавание целей. После этого атаки встречных машин прекратились.

Но каково было удивление Тич и её ведомых, когда при очередной попытке совершить внепространственный переход ничего не произошло. Абсолютно ничего! Как стояли четверо, взявшись за руки, так и продолжали стоять. Ведущая быстро определила причину своей неудачи... Некое очень мощное силовое поле покрывало абсолютно всю планету. Природа его была неизвестна, возможно, жители этого мира некогда пытались защитить себя этим полем, предвидя приближение той силы, которую наши звали Чёрными Звёздами, отбирающими свет разума...

Именно это поле полностью блокировало все проходы в том мире, как локальные планетарные, так и внутрисотовые.

Но, кроме того, оно... как бы так сказать... э-э-э... полностью замкнуло всё внепространство в сферу, из которой не выбраться и в которую не зайти. В этом поле Тич оказалась, как птица в стеклянной клетке, не способная пробить невидимую преграду.

Девушка объяснила воинам, что всего запаса её сил не хватит для того, чтобы пробить этот щит, и его нужно будет отключить вручную. Делать нечего, воинам нашим воевать — не привыкать. Благо Тич без проблем засекла местоположение генератора этого планетарного щита... Но добраться до него отряд так и не смог.

Вокруг гигантского излучателя, сотворённого испуганными разумами, пытавшимися уцелеть, была отстроена огромнейшая крепость. Настоящий мегаполис, по сути. Но сейчас там обитали уже не люди, а миллионы машин, и они медленно, но уверенно воспроизводили сами себя, постепенно увеличивая свой гарнизон до умопомрачительного количества боевых единиц. И все эти орды машин исполняли лишь одну функцию. Они охраняли генератор и уничтожали всех, кто приближался к нему извне.

После десятка неудачных попыток проникнуть в крепость наш отряд отступил и отправился искать среди руин то, что способно было помочь разрушить источник поля. Но как назло, ничего подходящего не отыскалось.

Спустя несколько суток безрезультатных поисков ведомый девушкой отряд набрёл на одно сооружение, напоминавшее внепространственный межсотовый портал. Такие, или подобные таким они встречали раньше, путешествуя по мирам. Но, судя по конструкции, он потреблял такое огромное количество энергии, что, если бы это было вообще возможно, просто смог бы выплюнуть любого вошедшего за пределы нашей Вселенной. Вокруг портала обнаружились три огромных реактора, которые питали его энергией. Теперь все они бездействовали.

Тич вполне логично предположила, а мужчины согласились с ней, что этот мощнейший портал способен пробить поле и вывести их из этой ловушки. Возможно, он и был построен для того, чтобы живые разумные погибшей цивилизации могли покинуть этот мир, когда им это понадобилось бы.

Ильм лучше всех из четырех разбирался в технике. Он восстанавливал силовые магистрали портала и пытался осмыслить его устройство. Алекс с Тегром, ведомые Тич, тем временем рыскали по планете и собирали все возможные остатки реакторного топлива.

Долго, долго они мучились, но портал в конце концов ожил. Куда он их забросит, было неизвестно, но оставался лишь единственный выход из этого замкнутого мира, и наши герои им воспользовались. Если бы с ними там был погибший Сидоркин, конечно, они гораздо быстрее справились бы. Мир Локос, как ты помнишь, тоже закрылся от внешней Вселенной, чтобы хоть немного отдалить кончину света, и Виталий Иванович прекрасно знал, каким образом это удалось сделать. Кому же, как не ему, одному из ближайших соратников Верховной Правительницы, знать-то...»

Глава пятнадцатая ЛИСТЬЯ НА ВЕТРУ

Две яркие звезды, что ненавистны чёрным,
ночь космоса чужого озарили.
Войны изгнивший мрак зажмурится на миг.
Уставшая планета вздохнула хрипло и харкнула
навстречу слизь,
Потоки плазмы, веер молний в них.

Как листья на ветру, легко и грациозно,
подвластные законам высшим,
Не тем, что смертным знать разрешено.
Два пламени спустились вниз, сквозь высохшие
когти смерти.
Срыва с мясом их и разрывая всё.
Что встало на пути препядой...

Сфера блокады Рабадара, казалось, конвульсивно вздрогнула от мощной и наглой атаки. Неожиданно в буквальном смысле испарились восемь осадных линкоров: четыре, покидающие свой пост, и ещё четыре, прилетевшие им на смену.

Там, где в космосе секундами раньше висели громадины бронированных корпусов кораблей, вспухали ярко-жёлтые огненные шары, покрытые щупальцами протуберанцев. Эсминцы открыли плотный огонь из всех исправных «стволов» в тот район, где, если верить радарам, появились и исчезли два маленьких корабля. И хотя некоторые особо зоркие операторы визуально наблюдали тусклые вспышки работы корабельных двигателей пришельцев, приборы наотрез отказывалась фиксировать эти корабли. Более того, в районе вторжения необъяснимым образом на большинстве осадных кораблей стало баражить почти всё оборудование, а приборы, один через один, вместо своих обычных показаний выдавали несвязный поток хаотичных данных. Лишь разлетающиеся в адском пламени корабли и переливы густых и ярких гирлянд ответного огня обозначили тот коридор, по которому, прорвав блокаду, проникло в мир вечной войны нечто крайне смертоносное и неведомое.

А две звезды, не ангелы, не твари,
кружась играво, дальше унеслись,
Вздымаю волны больше, чем цунами,
Неся с собою более чем жизнь. Но дар их
встречным, ноше вопреки,
Покоем вечным укрывал следы.

И зря бесилась старая война. И зря кувалда
мирозданья била
Туда, где чуяла врага.
Врага, в котором та же сила. Но что
для сёрферов волна?..
Основа их же развлеченья...

Ещё не успели полностью остыть расплавленные осты осты некогда могучих кораблей, как в околопланетном космосе, выйдя из внепространственных тоннелей, материализовалась огромная эскадра третьей силы. И грянула война с новой, доселе не виданной силой. Сфера блокады в считаные минуты превратилась в полусферу, уступив натиску врага. И стало светло в космосе, даже на теневой стороне планеты, от того облака огня, которым очертился фронт орбитального

противостояния. Но эта волна огня даже краем не зацепила те два корабля, что первыми нарушили устоявшийся порядок вечной войны Рабадара. Пара тяжёлых истребителей-бомбардировщиков нырнула в атмосферу планеты и неслись над её поверхностью, подобно буревестникам, что не предвещают шторм, но ведут его за собой.

Посланца два из копоти небес спустились вниз
по лестнице торнадо.

И понеслись над городами, что оплёт
Огонь войны, как лозы винограда. Но как стихии
силу обуздать,

Если стихией самому не стать?

А потому летели над землёй в обличье феников
они и повсеместно
Ныряли с головой в огонь.
Туда, где было самое им место. Как здорово огню
в огне блуждать!

Коль мамой стала смерть, дитя не умирать...

Города, ослабленные и изнурённые за долгие годы осад, после очередной, такой привычной для них волны повсеместных взрывов сначала не поверили той тишине, что воцарилась над ними. А потом их жители в страхе ещё долго сидели в катакомбах, подвалах и убежищах, не понимая, что происходит. Тем временем эта бредовая и несущественная тишина продолжала расползаться по планете, как шлейф оседающего пепла после стены огня, что послушной собачкой бежала под двумя сверхмощными боевыми кораблями. Но даже самой гениальной инженерной мыслью их создателей нельзя было объяснить тот факт, что промахов не случилось, ни единого! Эти машины, совершив на бешеной скорости несколько кругов вокруг очередного города, все залпы, все лучи, бомбы и ракеты отправляли чётко в цели. Причём именно в те цели, без которых нельзя было продолжать не только осаду, но и вести какие-либо масштабные боевые действия.

Два корабля, стремительно пронёсшихся над позициями врага, точными ударами уничтожили практически все бункер-

ра с высшим командованием осаждающих, все замаскированные мобильные реакторы батарей осадных орудий и прочие стратегически важные объекты, точных расположений которых не мог знать никто.

Жители проклятой богами планеты успокоились лишь тогда, когда вновь услышали стрельбу. Но то уже было не громыхание тяжёлых орудий. Относительно тихо застремко-тали штатные импульсные винтовки десанта, который несметными ордами прибывал на поверхность планеты и слаженными ударами штурмовых групп добивал разрознённые и деморализованные войска противника.

В вершину мира вгрызся старый храм,
в котором жили сумрачные тени,
И с той вершины располжалась тьма,
Что пожирала души поколений. Но что
достойнее для света и огня,
Чем ночь рассеять, внутрь погрузив себя.

Не удержали свет ни стены из кинжалов,
не задержали и потоки смол.
И псы цепные зря в огонь бежали,
Всё абсолютно он перемолол. Чем старой
гидре головы рубить,
Не лучше ль сердце ей мечом пронзить...

Разбушевавшаяся война захлебнулась своей же яростью и выпала на землю кровавым осадком. Император и все его генералы были уничтожены в своей же неприступной крепости. Немногочисленные выжившие свидетели рассказали потом о двух свирепых воинах, что прошли по императорскому бункеру, как по открытому полю, круша всё и всех на своём пути. Видимо, именно они стали причиной гибели всего командного состава военных сил империи. Без своих командиров казавшаяся могучей армия превратилась в одну большую желейную массу.

Но несмотря на то что сердце великолепной военной машины империи было вырвано, война продолжала пылать. Но это уже была её предсмертная агония. Многие вассалы империи предпочли капитуляции смерть, и они её приняли, в

окружении таких же фанатичных солдат. Спустя годы войны здесь окончательно уснула... До следующего раза.

И старая звезда гореть давно устала,
на новую звезду свой взор перевела,
А та под взглядом ярче запылала.
Сверхновой ярко вспыхнула она. И что учителя
великая награда.
То будущая жизнь ученика.

Настало время, преклонить колено перед трудами
многих долгих лет.

И радоваться, камни собирая,
И приподнять над миром этот свет. А птицу
в чисто небо отпуская.
Лишь помахать рукою ей восторг...

Конец записи.

— Ну, ты загну-у-ул, деда! В смысле, ну ты даёшь! — Девушка, до пояса забравшаяся внутрь походного спальника, захлопала в ладоши. — Оказывается, ты ещё и... э-э... рифмоплётством увлекаешься.

— Спасибо, конечно, за «рифмоплётство». — Дед «при крутил» регулятор переносной микроволновки и на секунду выглянул наружу сквозь пустой, раздолбаный снарядами оконный проём в стене полуразрушенного здания. — Я никогда и не претендовал на какие-либо звания и регалии по этому роду занятий. Сама понимаешь, я же солдат и только вынужденно, по необходимости учился хоть как-то связывать слова в... исторические сказки. Не улыбайся, не улыбайся, критиканша, я сам знаю, что ещё учиться и учиться... Просто вдруг нашло что-то на меня, и вот решил запечатлеть... Оформить вот такую мнемозапись. Зато всё это было экспромтом выдано, и прошу заметить, не запнулся ни на одном словечке.

— Да ладно... это ж я так, любя. Ну не хвалить же тебя? От похвалы, я заметила, ты сильно расслабляешься и концентрацию теряешь. — Девушка махнула рукой и улыбнулась старику; она уже забралась в спальник, но ещё не сомк-

нула «молнию» изнутри. — Только вот один момент смутил меня... в твоём опусе. Что значит «помахать рукою ей вовсю?» Если бы я тебя не знала, то подумала, что ты собираешься меня бросить. Что такое, рифма не удалась или мысль не в ту степь покатилась? В экспромтах подобное случается частенько.

— Отчего же. — Дед задумчиво уставился на брикет полевого рациона, который только что засунул в «печку». — Я тебя уже научил всему, что смог. Наверное, всему, чему... вообще можно было научить. Дальше всё зависит лишь от тебя, Лана. Абсолютно всё, исключительно от тебя.

— Ага, сказ, всему! — Девушка возмущённо приподнялась на локотках. — А как же свобода выбора пути? Уточняю, не скачки по пространству одного и того же мира в разные его части, а именно перемещения между мирами, хотя бы соседними в звёздной системе. Скромно умолчу о том марш-броске, на который была способна девушка-проводница из твоих историй о походе самых последних воинов... Если не ошибаюсь, ей даже искать не надо было никакую точку мира, для того чтобы переместиться куда угодно. Она, как мне помнится, преспокойно могла с одного края Вселенной прыгнуть на другой, если предположить, что Вселенная в своей бесконечности хоть какие-то края имеет. Я всё помню, ты мне ещё в детстве обещал, что расскажешь! И где?

— Один момент, я устал это повторять, потому записал. — Дед ткнул пальцем в свой итмак, на проекционное поле которого была вынесена крупная виртуальная кнопка быстрого доступа.

— «Всему своё время, Лана! Всему своё время, Лана! Всему своё время, Лана!», — принял монотонно повторять его собственный голос, зафиксированный в памяти терминала. Лучшим носителем информации, конечно, является тренированная память живого разумного существа, пока оно живо... но иногда и неживые творения полезны в качестве напоминалок.

— Ну вот, теперь я тебя узнаю, — девушка улыбнулась и тут же скривила гримасу, изображая из себя обиженного ре-

бёнка, от силы восьмилетнего возраста, — а то уж было подумала, что кто-то решил подло сбежать и оставить меня одну, маленькую и беззащитную, в этом жестоком-жестоком мироздании... Вот только попробуй! — Девушка прищурилась и натянула на лицо суровую, агрессивную маску угрозы; и лишь четверть-улыбка, краешком губ, говорила о том, что она шутит. — Клянусь, что всё равно найду тебя, ты меня знаешь, и настучу по шлему так, что век помнить будешь... А ещё лучше, поймаю, привяжу к стулу и заставлю смотреть целую неделю, как я поедаю домашнюю пищу, с чесноком да поджаренную, тушёно-копчёную, в яблоках запечённую! И тебе ни кусочка не дам!

— Ха-ха-ха-ха! — Дед рассмеялся от души, но всё же шумно слюну, выделившуюся при упоминании о домашней еде; затем мужчина ехидно улыбнулся и искоса глянул на младшую спутницу. — Ладно, давай спи, я первый дежурю. Хе-ех, пользуясь случаем, пока есть кому охранять твой сон.

— Та-а-ак, ты опять за своё? — Девушка показала старшему свой маленький, но крепенький кулачок и грозно им потряслася.

— Ладно-ладно, вот и пошутить уже нельзя старику. А если серьёзно, то всё-таки постараитесь хорошо выспаться. Думаю, нужно ещё один кружок вокруг планеты нарезать для закрепления пройденного материала. На этот раз, конечно, всё будет гораздо проще, потому как от армии врага остались одни разрознённые... э-э... недобитки. Но и нельзя недооценивать загнанных в угол бойцов, могут выкинуть такой фокус, до которого ни один легендарный полководец не додумается. Всё, теперь спи. Спокойных снов.

Девушка, которая первой употребила свой рацион, послушно закрыла глаза и закупорилась в спальнике изнутри.

Мужчина дождался, пока его брикет разогреется, и достал пищу. Закрыв прозрачную крышку микроволновки, он потянул свой рацион за уголок, чтобы откупорить, как вдруг застыл, подняв глаза и пристально глядя на спальный мешок, в тёплом нутре которого спряталась младшая напарница.

Прошептал едва слышно:

— Это тебе, свет мой, точку мира отыскать суждено...
А ей судьбою было предназначено идти в точку войны.

Спальня — место священное. Это само собой разумеется для семейного уклада в культурах практически всех известных мне народов. В спальню нет хода случайным людям, на ложе любви — пространство и время только для супругов...

Небольшая, уютная комната с низким потолком, зашторенное окно. Из всей мебели только высокий комод и двухместная кровать, очень удобная и, конечно, не скрипит. Белоснежные простыни. В подушку, вперемешку с перьями, набиты специальные, для «этого дела», травы, уж не знаю какие. На стенах сплошь ковры, расшитые под местное этно, к светло-голубому потолку подвешены аромалампы, пол усеян множеством мелких подушечек.

Я думаю о Тич, вернее, о том, чувствует ли она хоть что-нибудь, подкладывая своего мужа под других женщин. Конечно, в случае нашей семьи ни о какой ревности или о супружеских правах-обязанностях речь не идёт... но есть ли у неё хотя бы элементарное уважение к супругу? Мы ведь совершенно официально, по законам Локоса, женаты. Неужели она считает, что нет никакой разницы между мной и Алексом? Он, услышав предложение Жана, спросил:

— Вы нам предлагаете исполнить роль быков-осемнестелей, я правильно понял?

— Не совсем так. Я, скорей, позразумевал... — начал юлить вождь рода.

— Нет-нет, лично я вполне согласен, — заверяет Алекс, плотоядно облизывая губы, — может, у вас за это ещё и приплачивают?

Ну не сволочь, а?!

Впрочем, ладно. Хозяин сам настаивал на том, чтобы великие воины облагородили кровь его династии. Хватит мысленно скулить, боец, смирись. Ты навсегда останешься для неё всего лишь хранителем тела, а не его «совладельцем», пора бы уж попривыкнуть, особенно после событий,

которые привели к её беременности. Самое ужасное, но и прекрасное, что я жду этого ребёнка, как своего.

Тегр Линн Пален, ты растворился в женщине, которую любишь. Рано или поздно это тебя погубит. Вот и славно. Иначе — ради чего жить? В любом случае ничего другого и не осталось, как выполнять приказ. Задача поставлена верховной главнокомандующей армии, которой больше нет, но этот факт вовсе не значит, что её верный солдат уже освобождён от данной присяги. Ты всё ещё живой, сын Локоса, и пока жив, будешь хранить эту женщину. Тич Эйлес Кена, дочь Локоса, обязана выполнить миссию, возложенную на неё миром, которого больше... нет???

Если телохранитель полюбил хранимое тело — это исключительно его проблема. Личное отношение ни в коем случае не должно влиять на ход выполнения операции.

Пинками затолкав остатки сомнений в подвалы сознания, я морально готовлюсь исполнить текущую задачу чётко. Другой солдат, оказавшись на моём месте, сомлел бы от радости... Ещё бы! Придётся не кишки выпускать и не головы рубить, а сбрасывать груз семени, накопившийся за долгие месяцы похода. Любому здоровому мужскому организму это жизненно необходимо, а я ведь в отличие от нашей Родины жив-здоров, грех жаловаться...

Первая оказалась девственницей. Тоненькая, на вид слишком юная, хоть и вполне сформировавшаяся физически. Я опешил поначалу и растерялся не меньше её. Мы неуклюже, как старшеклассники, с нарочитой страстью вертелись под одеялом, пока мне эта возня не осточертела. Стремясь быстрее закончить, я решительно и напористо сделал её женщиной.

Сколько ей лет по-нашему исчислению? Возможно, тринадцать-четырнадцать? Она, отдохнувши, поднялась с постели, смахнула с лица пот и слёзы, поблагодарила меня и принялась менять постельное бельё. Я в это время стоял голый у окна и наблюдал за тем, как играют во дворе дети. Краем глаза заметил, что, уходя, она обернулась на пороге и посмотрела на меня в точности так, как смотрят собаки на своих хозяев.

Прошло некоторое время. Я, раскинувшись на свежих простынях, задремал было. Но тут зазвучала медленная, тя-

гучая музыка, и, шурша полупрозрачными одеяниями, в спальню вплыла следующая девушка, постарше. Она оказалась по-настоящему красивой, но без смазливости, скромной, но без излишнего жеманства, сексуальной, но без пошлости. Тонкие черты нежного лица, стройное тело, густые и длинные, до самой талии, русые волосы. Моё тело меня сразу выдало, и девушка плавно перешла от стриптиза к ласкам... хотя в биологическом смысле эта девушкой уже не была, к счастью.

Несколько часов кряду мы соревновались в любовных утехах, пока она, изнеможденная, не упала с кровати на хаотично разбросанные подушечки. Да, настолько бурного постельного «поединка» у меня раньше не случалось! Если бы щёё не испортил послевкусие упрёк, копошащийся на дне души, теребящий перетянутые струны совести... Прочь, прочь, сомнения! Тич сама мне разрешила, даже более того, практически заставила пойти на это. Тогда почему внутри появилось ощущение, будто я изменил любимой жене?.. Причём именно сейчас возникло, а не после ухода первой девушки.

Пока я занимался самобичеванием в глубоких подвалах сознания, другая дочь Жана неслышно испарилась. Могла бы, как первая, поменять постельное... Хотя — уже незачем. Я весь измочален, на продолжение нет сил, да и пора выходить в люди, скоро вечернее представление.

Я встярхнулся, исполнил несколько дыхательных упражнений, подбадривающих организм, и принялся одеваться. Не тут-то было...

В коридоре послышалась быстрая поступь, будто кто-то бежал. Буквально ворвалась, не прикрыв за собой дверь, из одежды — золотой ножной браслет на левой щиколотке и бриллиантово посвёркивающая серёжка в носу, загорелая вся, с крупными, неестественно белыми зубами, и губы в половину лица. Выше меня на голову, широка в кости, как для женщины, и формы слишком пышные, правда, без жировых складок. Мясистая и слегка старовата, как для дочки, или я что-то не понимаю?.. И эта роскошная женщина в прямом смысле припёрла меня своими грудями к стене, размера четвертого, однако, несмотря на это, упругими, не обвисшими,

задорно стоящими. Не успел я и словечка обронить о том, что, мол, не хочу, хватит с меня, устал, как мой рот уже был заполнен её шершавым языком, а руки её совершали такие манипуляции с определенными частями тела, что острое возбуждение, к моему удивлению, не просто зашевелило изнурённую мужественность, а вздыбило с новой силой. Она всё делала сама, и свежая постель не понадобилась, потому что мы совокуплялись везде, только не на кровати. С дикими воплями, утробными стонами и животным рычанием, причём фактически все звуки издавала она. Я, буквально раздавленный роскошными формами, издавал разве что придушенное урчание. Как профессионалке, ей бы просто цены не было, с такими талантами! Я держался, как мог, но партнёрша, используя какие-то массажные приёмы, всё не давала мне завершить. Моё сердце едва не взорвалось вместе с мозгом, не выдерживая давления пресса наслаждений, и если бы она сама не захотела финала, то я бы просто умер, наверное...

Не любовное сонтие, а настоящий поединок, и безоговорочную победу в нём одержала она.

«Пройдя через портал, наши герои очутились на очень странной, по их общему мнению, планете. Перед ними неожиданно открылся самый первый из всех миров, виденных ими за пределами родной соты, в котором царили гармония, любовь, радость и счастье. Никакой войны! Вся поверхность планеты была покрыта в буквальном смысле райскими садами, в которых росли и плодоносили сотни тысяч всевозможных растений. Причём плоды их были явно не результатом естественного развития, эволюции, так сказать, но итогом многовековой селекции. На всей планете не было ни одного хищного зверя, птицы или рыбы, а те, что бегали, кушая травку, летали и плавали, напоминали искусственно выведенные породы, мясные, молочные и на шерсть...

Лица местных жителей излучали счастье и радость, абсолютно все здесь улыбались, что было просто... м-м-м... дикостью для наших героев, настолько привыкших к смерти и войне... Мягкая погода позволяла аборигенам ходить в лёг-

ких одеждах и жить чуть ли не в плетёных хижинах. Ни в одном поселении, через которое прошли наши, не встретились им даже двухэтажные сооружения. В мире всем хватало и места, и еды, и питья, и всего-всего. Простейших ремёсел было достаточно для обеспечения жителей планеты кувшинами там разными, посудой, одеждой и прочими предметами быта. Хотя встречались и такие среди местных, которые жили и спали под открытым небом, на лугах и полях, ходили в чём мать родила, питались всем произрастающим вокруг изобилием и предавались любовным утехам с такими же... э-э... как они.

Поселяне работали, исключительно утомившись от безделья. Да-да, ведь и безделье в конце концов надоедает. Представляешь, Лана, люди работали, исходя из желания получить радость от работы! Всё в этом мире казалось настолько идеальным... что нашим стало ясно — это засада!

Тич, угодив в этот скорее всего искусственный рай, как никогда ощутила близость Чёрных Звёзд. Хотя вся окружающая среда никоим образом не вязалась с их присутствием! Зачем стирать такой великолепный мир?! Агрессивность разума в нём не просто стремилась к нулю, а уходила, кажется, в отрицательную, минусовую шкалу... Но факт оставался фактом — Тич остро чуяла близость врага. И отряд решил остаться здесь на некоторое время. Тем более что девушка пребывала в... э-э... очевидном деликатном положении, и ей просто необходима была передышка.

Ведущая отдыхала, набиралась сил, а воины постоянно оставались начеку, поочерёдно отвлекаясь лишь на пиршества. Эти праздничные еженедельные застолья проводились одновременно повсюду. Так, в ожиданиях, и прошёл целый месяц. Наши герои от щедрого гостеприимства аборигенов и изобилия вкусной еды даже увеличили свои запасы жирка. Но враг так и не появился, ничего похожего на апокалипсис местного масштаба не начало происходить. Хоть Тич иногда просыпалась по ночам от разного рода кошмаров, что её мучили. Ей мерещилось, что Чернота уже подступила вплотную и душит, душит, душит, навалилась и сжирает время, и пространство, и материю, и... ну, сама понимаешь, что для живого разумного важней всего на свете.

Так вот, когда бойцы поредевшего отряда окончательно расслабились, позорно утратили бдительность и решили, что это у Тич по причине беременности исказились ощущения... грянул гром. В один из самых обычных солнечных дней небо потемнело от внезапно застившей солнце тучи летательных аппаратов. Лишь по одному их виду можно было определить, что это творение рук не человеческих. Какой-то иной формы жизни. Все они напоминали странные разросшиеся кристаллы, что приняли форму морских ежей. Ни обтекаемых форм, ни гладких обводов, ни симметрии, к которым обычно стремится человеческая мысль, там и в помине не было. А когда прямо из этих жутковато выглядящих кораблей стали выпрыгивать и спускаться вниз на своих стрекозиных крыльях их обитатели, все вопросы о принадлежности эскадры отпали сами собой.

Это была одна из рас инсектоидов, насекомых, наделённых разумом. В тот раз нашим героям пришлось столкнуться с представителями не тех видов, с которыми довелось встретиться нам с тобой... под одного из них ты маскировалась на базе корсаров. Из всех разновидностей на планету пожаловала самая агрессивная и кровожадная, живущая прямо в межзвёздном пространстве, роем, без определённой точки жительства, так сказать. Видимо, именно это нашествие в той области Вселенной и... подстерегало явление, которое мы для краткости зовём Чёрными Звёздами.

В очень старых легендах и преданиях разных цивилизаций можно встретить упоминания о космическом рое. Древние называли этот биовид инсектоидов Саранчой Пустоты, и название ярко отражает их суть. Как гласят эти предания, рой налетал из ниоткуда и уходил в никуда, за считанные часы опустошая те миры, которые атаковал. Эти насекомые действительно, как саранча, проносились над поверхностью планет и забирали с собой всё, что могли унести. А уносили, как правило, воздух, воду и всех местных обитателей, которых успевали сразу отловить. Эту плотоядную «саранчу», Лана, скорее всего уже нереально встретить в мироздании, потому что их уже учуял и настиг... э-э... чёрный ластик Вселенной. Первым, видимо, был очищен родной мир инсектоидов, а уцелевших, что в тот миг находились вне родины, потом... подтирало вдогонку, так сказать.

Так вот, эта летучая чума обрушилась на райскую планету, которая не имела никаких, даже примитивных, средств защиты. Всё происходящее больше напоминало бойню, а точнее, мясозаготовку. Вместе с инсектоидными солдатами с кораблей спустились вниз устройства для захвата. Подобия цепей с большущими крюками, как будто для рыбной ловли. Насекомые очень быстро и ловко насаживали на них всех-всех-всех без разбора, кого могли поймать. Стариков, молодых и детей... Конвейерные цепи уносили вверх истекающих кровью и орущих от боли людей, которых даже не удосужились умертвить перед тем, как вогнать им под рёбра крюки.

Наши едва успели укрыться в маленьком продуктовом погребе. Они там забаррикадировались и поливали узкий проход огнём. Нескольких насекомых, что попытались спуститься вниз, залпами разорвало на куски, и остальные остали в покое «трудную еду». Но напоследок в подвал молниями влетели несколько стальных гарпунов, прикованных к цепям. И всё, во что они попали, было мгновенно вытянуто наружу. Один из гарпунов... угодил в Ильма. Да-а, вот так, к несчастью... Он пробил восславянина насквозь, и остальные члены команды даже не успели сообразить, что произошло, а старого воина уже уволокло наружу. Алекс в отчаянном порыве кинулся за ним и опустился весь свой боекомплект, но... только сам чуть не попался на «мясной крюк». Опытные захватчики натренировались действовать быстро, неуловимо быстро. Хотя, конечно, истинным захватчиком был слепой случай... и второго героя-ветерана вырвало из рядов, внезапно и нелепо. Эх, до чего же часто конец наступает именно так, совершенно неожиданно...

Спустя где-то час крики и вопли на поверхности стихли, рой кораблей умчался дальше, и солнце вновь осветило обагрённую кровью траву. Наши выползли наружу... Тич предупредила оставшихся с ней двоих воинов, что Чёрные Звёзды стремительно приближаются, настигают рой, и переполненный до краёв горечью ещё одной внезапной потери остаток отряда стал готовиться к решающему сражению.

Но вдруг случилось нежданное. Виднеющаяся вдали армада стремительно взмыла в небо и исчезла. И вместе с нею исчезли и ощущения Тич. Инсектоиды каким-то образом су-

мели ускользнуть от возмездия, словно умели по собственной воле открывать проходы в любой точке, и преследующая их сила ринулась вдогонку... так и не хлынув в этот мир. Опять не получилось у наших героев столкнуться с нею лицом к лицу. Тич уже хотела перенести отряд в том направлении, откуда... исходил чёрный свет, но не смогла. Уверенное ощущение присутствия врага полностью исчезло, не оставив и следа. Ни малейшего намёка... э-э-э... в какую сторону нужно бежать, чтобы догнать догоняющих.

Но тут девушка заметила полуживого инсектоида, что попал под огонь их отряда. Соплеменники бросили его умирать. Мужчины поняли девушку с полуслова и связали разумное насекомое, для того чтобы она смогла без угрозы для своей жизни проникнуть в память этого умирающего существа.

Когда Тич закончила проницание, по её виду можно было предположить, что она пребывает в сильном шоке. Не проронив ни слова, девушка уселась на липкую от пролитой крови траву и принялась раскладывать полученную информацию по полочкам в своей собственной памяти. Не меньше чем через полчаса напряжённого мыслительного процесса она приказала мужчинам приготовиться к любому повороту событий. Потому что, предупредила Тич, остатку изрядно поредевшего отряда придётся рвануть туда, куда... невозможно было и вообразить, что существует возможность переместиться!»

Глава шестнадцатая СВОБОДА. ОПЛАЧЕНО

Флайер треугольный формы, похожий на океанического ската, медленно, плавно летел над раскинувшимися до самого горизонта фантастическими пейзажами мира Иллюзион. Цвета и оттенки окружающей природы, слишком уж разнообразные для не привыкших к ним глаз, поражали своей зыбкой, пастельной мягкостью. Округлые пушистые кроны деревьев розового, светло-фиолетового, голубого и салатного цветов местами гладили снизу брюшка нависших облаков,

слегка раскачиваясь от едва ощущимых движений атмосферного воздуха. Согнанный с полей утренним светом туман, таких же разнообразных, но неизменно мягких оттенков, стекал в низины и овраги, из которых, пробудившись, поднимались в небо причудливые прозрачные змеи — одни из безобидных дневных обитателей Иллюзиона. Басовитое клокотание хзо, здешней гигантской улитки, разносилось над полями и проникало во все уголки этого мира, как ненавязчивый сигнал утреннего будильника.

Флайер делал прощальный облёт окрестностей перед тем, как оттранспортировать к шаттлу очередную партию туристов, отдохнувших в стране чудес, иллюзий и полной релаксации. Прозрачные стены и пол летающей машины позволяли с высоты полёта змея узреть все красоты этого мира, которые этим счастливчикам ещё не скоро предстоит вновь увидеть. Слишком дорого обходятся даже самые короткие по времени пребывания туры. Таков первый закон бытия, за всё по-настоящему стоящее приходится платить по высшему разряду.

На одном из прозрачных кресел внутри флаера сидела молоденькая особь разумного биовида человека, возрастом лет восемнадцати. Она печальным взглядом наблюдала, как внизу потягивается только-только проснувшийся гигантский фиолетовый «пушкистик», в густой шерсти которого можно было повалиться, как в мягчайшей кровати, а почесав ему брюшко, ещё и насладиться протяжной мурчащей «песней».

— Чего грустишь, свет мой? — к девушке обратился её соплеменник, старый человек-мужчина, сидящий в соседнем кресле.

— Не знаю, дедуль. — Девушка кисло улыбнулась, пожав плечиками. — Хорошо здесь, конечно. Только нормальные люди сюда прилетают со своими половинками... Ну, там, нежность, любовь и всё такое. А у меня, как всегда, всё не как у людей...

— Бедненькая ты моя. — Мужчина, в глазах которого буквально светилась отеческая любовь, взял молодую спутницу за руку. — Я так хотел, чтобы тебе было хорошо... Тут ведь и элитный интим-сервис для отдыхающих есть, могла бы... э-э-э...

Очень пожилой мужчина смущённо замолчал, понимая, что ляпнул глупость, не подумав; тяжело вздохнул и откинулся на спинку своего кресла.

— Любовь за деньги? Ты, наверное, шутишь? — Девочка осуждающе глянула на своего старшего спутника. — Этот сервис для совсем уж обделённых... А мне настоящего хочется. Понимаешь?

— Понимаю, — мужчина утвердительно кивнул, и красноречивый не меньше, чем у девушки, взгляд его излил бесконечный океан вселенской тоски, — но на поиски этого настоящего может уйти вся жизнь без остатка. Ну или около того. Тут как повезёт. Очень похоже на... м-м-м... наш поиск.

— Это точно, было бы свободное время на параллельные поиски ЭТОГО настоящего. — После фразы, в которой было голосом акцентировано одно из слов, девушка и её дедушка переглянулись; хмыкнули и синхронно пару раз кивнули, как будто затронули тему, им обоим известную, наболевшую.

— Кстати, о свободном времени. — Мужчина вдруг приободрился и загадочно улыбнулся. — Думаю, у меня для тебя ещё остался в запасе один приятный сюрприз к твоему дню рождения. Жаль, конечно, что дата немножко не совпала с долгожданным отпуском.

— А-а-а, подумаешь. — Девушка махнула рукой и, что-то вспомнив, тоже улыбнулась наконец. — Нам не привыкать. А два года назад, помнишь? Ночная вылазка, когда мы сына наркобарона из его же особняка похитили...

— Да, забавно было. — Припомнив, дед хохотнул и покрутил головой.

— Как вспомню, — девочка округлила глазки и тоже покачала головой, — так вздрогну! Крадёмся в пролеске. Ночь — глаз выколи, а где-то позади толпа злодеев нас выслеживает. Нервы на взводе, ты связанное тело тащишь, я в импульсную винтовку вцепилась. К точке эвакуации ещё километров пять грести. Вдруг ты резко оборачиваешься с глазами испражняющегося «головастика» и кричишь «Лана!». Я подпрыгиваю от неожиданности, а тут как вспыхнут... шестнадцать свечей на маленьком тортике в твоих руках. — Девушка звонко рассмеялась. — И потом это твоё «С днём рождения тебя-я, с днём рождения те-сбя!..» Не обижайся,

деда, но своё пение можешь использовать как орудие пыток или как оружие ближнего боя...

Остальные пассажиры обернулись с недовольными лицами, не понимая, чему радуется эта странная разновозрастная парочка, покидая столь чудесный мир.

— Не знаю до сих пор, как ты торт на задание протащил, вместо каких полкило полезного веса. — Забавное воспоминание разогнало тоску девушки, и она уже вовсю сияла своими молодостью, красотой и свежестью. При желании эта юная красавица могла свести с ума почти любого встречного мужчину своей расы.

— Это секретная информация, — дед изобразил заумную гримасу, — но, согласись, было прикольно?

— Прикольно было — этот тортик на бегу доедать, пригибаясь к земле. Вместо свечей ты тогда тактические «поджигайки» использовал, а их не задуть, не потушить, они даже под водой горят. Ох, и засветились мы тогда! Как сейчас помню, — девушка принялась изображать рассказанное ею, — бегу-жую, значит, в одной руке держу кусок бисквита, в другой винтовку, а над головой пули свистят. Когда прямо на меня двое головорезов выскочили, они аж в ступор впали от этой весёленькой картинки — «девчонка-пироженка-винтовка»...

Весь оставшийся полёт до шаттла этой более чем странной паре было уже глубоко наплевать на прощальный осмотр местных достопримечательностей, девушка и старик вспоминали различные моменты из своего общего, несомненно, бурного прошлого. Тем же они занимались и на борту шаттла до самого прибытия на причал орбитального порта.

Но, как только эти двое отделились от группы туристов и поднялись на борт корабля, их развесёлое настроение мгновенно улетучилось, уступив место будничному состоянию постоянного напряжения. Это был самый настоящий военный корабль, курьерский катер, хотя и без всяких опознавательных знаков, но хорошо вооружённый. Он специально прошёл портал, чтобы доставить их сюда, и всё это время поджидал в порту возвращения отпускников с Иллюзиона. Проскользнуть мимо контроля, чтобы уйти в нейтральную соту, не удалось бы...

Отпускников встретил капитан, коротко поприветствовал их, затем старпом препроводил обоих в специально приготовленную каюту. Расположившись в ней, дедушка и девушка уселись за стол и занялись извлечением из своих рюкзаков герметично закупоренных упаковок с экзотической пищей, которые незадолго до этого позаимствовали с прощального праздничного банкета. Очень быстро весь объём их каюты наполнился ароматами блюд, которые подавляющему большинству обитающих в сети миров людей могли только сниться.

— Да, это тебе не в общественной столовой борщ хлебать. — Мужчина потирал руки в предвкушении трапезы. — А ты, Лана, стеснялась пакеты наполнять, ещё и деда пристыдила. Ну, что теперь скажешь? Слюнки текут? Сейчас сама за обе щеки уплетать будешь.

— Деда, ты самый лучший, — девушка чмокнула своего старика в нос и извлекла из рюкзака жутко потёртый деревянный тубус с практически не различимыми надписями на боках, — и как самому лучшему во Вселенной дедушке от любимой внучки... та-да-а-ам!

Мужчина был приятно удивлён, он бережно взял из рук девушки это сокровище, тут же снял резную крышку и достал из тубуса покрытую пылью продолговатую стеклянную бутылку с запечатанной сургучом горловиной.

— Вот это да-а-а!.. — протяжно выдохнул мужчина и без промедления начал вскрывать сосуд. — Угодила старику, ничего не скажешь, угодила!

— Думаю, можно начинать, до моего рождения осталось несколько часов, — произнесла девушка, наблюдая торопливость своего любимого деда. — Мне не наливай, ты же знаешь, я не ценитель этого. Хотя обошлось оно мне... э-э... не важно, сколько денег.

— Ну и ладно, зато мне больше будет! — Мужчина подскочил к посудному шкафчику, позвенел внутри него и извлёк бокал каплеобразной формы на низкой ножке. С блаженной улыбкой налил в него немного золотисто-жёлтой жидкости, поднёс к ноздрям и растаял в блаженстве охвативших его ощущений. — Да один этот запах уже дороже любых денег... — прошептал благоговейно. — Совсем как настоящий... будто дома побывал...

— Ну, за мои восемнадцать. — Девушка вскрыла и вытянула вперёд пластиковую бутылочку с ягодным соком. — Назло врагам. Совершеннолетняя, надо же! Уже не де-факто, а де-юре.

Следуя какой-то своей традиции, дедушка и девушка слегка стукнули свои ёмкости с питьём друг о другку и отпили из них по глотку. Девушка была искренне рада, с наслаждением наблюдая, как её стариk продолжает блаженно таять от вкуса напитка, который ему напомнил тот, что он некогда пил на собственной родине.

— Точно как дома, эх... — ностальгически вздохнув, произнёс дед, опустошил бокал и закупорил бутылку, чтобы драгоценный памятный аромат не выдыхался зря. — А теперь позволь и мне тебе подарок сделать.

Дед протянул девушке толстую папку с логотипом Организации. Именинница недоверчиво взглянула на мужчину, потому как в подобных папках им обычно выдавали документацию на очередное смертельно опасное задание. Внучка взяла её в руки и вопрошающе уставилась на деда в ожидании разъяснений.

— Светик, ты не на меня гляди. — Дед подмигнул внучке. — Ты открай.

Девушка, прикоснувшись к сенсору, открыла магнитный замок папки и извлекла из неё стопку документов. Сверху лежал невзрачный листок, официальный приказ организации. Не веря своим глазам, девушка прерывающимся голосом стала читать его вслух, будто такое прочтение увеличивало шансы на реальность происходящего.

— Верховный совет главнокомандующих постановил... Первое. Обнулить все приговоры заключённой номер ноль шестьсот двадцать девять восемьдесят четыре... уровень допуска изменить на статус «свободный человек». Второе. Присвоить уровень полномочий «офицер флота», чин «лейтенант», с предоставлением всего спектра офицерских прав и привилегий. Третье. За активный вклад в Организационный Процесс наградить... орденом Сверхновой Звезды и медалью за боевые заслуги «Восемь Лучей». Четвёртое. При условии дальнейшей службы в составе военного флота Организации обеспечить полное материальное обеспечение за счёт фло-

та... и так далее! Деда! Как тебе это удалось?! Я что-то начинала подозревать, когда с нас вдруг сняли ошейники и запустили в этот невероятный отпуск, но даже не думала, что до такой степени...

— Ну-у, Светланка, недооцениваешь ты башковитость своего старика. — Мужчина выпятил грудь колесом и задрал нос, отчего стал похож на один из бюстов героев «Вселенской Галереи Славы» Организации. — А вроде было время изучить, за целую-то жизнь... к счастью, было время, было! — Дед улыбнулся, встал и крепко-прекрепко, по-мужски, обнял девушку, буквально прыгнувшую ему навстречу. — С днём рождения тебя, моё единственное солнышко! Теперь ты свободна, как... как не знаю кто или что. Ну и не важно, что не знаю. Главное, что этот день наступил. Ты выросла. Совсем-совсем большая.

— Спасибо, дедушка... — Казалось, девушка вот-вот расплачется. — Погоди, а как же ты?!

— Не всё сразу, Лана. Я пока ещё не заслужил. — Дед подмигнул своей внучке. — Всему своё время, помнишь? И вот на этом... гм, закруглимся со мной. И будем пировать. Ты мне сделала такой роскошный подарок — хоть на секундочку вернула домой...

И они приступили к праздничной трапезе.

Корабль тем временем летел к пункту своего назначения — соседней планете этой звёздной системы, портал с которой уводил к мирам другой соты, не той, в которую отправились по домам остальные туристы. Весь остаток условного дня двое особых пассажиров доедали яства Иллюзиона, шутили, вспоминали курьёзные случаи, пели песни и просто радовались хорошему дню, каких в их полной тягот совместной жизни выпадало катастрофически мало. Дед на радостях опустошил до последней капли подаренную ему внучкой «машину пространства и времени», способную переносить ДОМОЙ. Только поздним вечером, утомлённые пиршеством и переполненные эмоциями, они легли спать. Перед сном дедушка поцеловал внучку в лоб, в точности как в детстве, когда на сон грядущий рассказывал ей сказки. Он очень много всего говорил ей и позднее, вплоть до совсем недавнего времени, но именно те, детские воспоминания запечатлевав-

лись в памяти особенно щемящими «записями». Именинница уснула, вложив свою ладошку в крепкую, по-прежнему твёрдую ладонь несгибаемого старика. Словно всё ещё была маленькой девочкой, засыпающей на кровати в номере очередной придорожной гостиницы или в койке на борту очередного звездолёта, плывущего в черноте вечной бесконечности...

Проснувшись наутро, совершеннолётная свободная девушка не обнаружила в каюте никого. Деда не было, и она решила, что он отправился в корабельный лазарет за экстренной похмельной помощью, но вдруг увидела оставленный на столе листок пластибумаги. Этот приметный прямоугольник заставил её вздрогнуть. Девушка подбежала к столу, обуреваемая нехорошими предчувствиями, и схватила белоснежный лист, испещрённый синими рядами букв и знаков, выстроившихся чётко, как солдаты на смотре.

От руки, почерком деда, было написано, что он выторговал досрочное освобождение внучки, заплатив за это собственной свободой. Дед вызвался исполнить какое-то за предельно сложное задание Организации. Признанное невыполнимым, но он — взялся. Поэтому по возвращении из наградного отпуска никто не нацепит Лане ошейник снова... Внучке старик велел и дальше использовать могущественные средства Организации для достижения той цели, ради которой они вышли на дороги Вселенной. Ещё дед написал, что в недрах системы для него самое подходящее место. От вездесущего и всемогущего зверя лучше всего укрываться внутри организма самого зверя. Дед сравнил себя с паразитом, который тихонько обретается внутри, в теле хищника, и потому этим хищником, привыкшим охотиться за жертвами вне себя, не будет ни обнаружен, ни уничтожен. Выйдет наконец-то из поля наблюдения... Теперь, когда его любимая девочка выведена на орбиту самостоятельной жизни, он может себе позволить отпустить её в свободный полёт и только просит... нет, он приказывает не искать его и даже не пытаться добывать какую-либо информацию о нём. Последний приказ командира солдату, последнее задание наставника ученице, последняя просьба дедушки к своей внучке — продолжать идти своей Дорогой. Поход должен продолжаться во имя светлой памяти всех тех, кто шёл раньше...

Освобождённая из рабства девушка как стояла, так и осела на пол, обхватила руками колени, уткнулась в них лицом и горько заплакала. Она получила долгожданную свободу, но заплатила за неё самую высокую из всех цен, которые только могла вообразить. Ценой сё свободы стало одиночество. Теперь рядом с нею больше не было и не будет единственного родного человека, которому можно было открыться, на которого можно было положиться в любой ситуации, который всегда прикрывал спину, который понимал её без слов и который просто её любил.

Он пришёл из ниоткуда и ушёл в никуда.

Но сделал всё для того, чтобы здесь и сейчас оставалась, продолжала **БЫТЬ** она...

Смеётся потешно, аж похрюкивает, ну чисто кабанчик. Старец круглолиц и чем-то напоминает земного китайца. От узких щёлочек глаз тянутся румяные морщинки к пельменным ушам... Только вознамерился я перечить ему по поводу вишнёвой наливки, а головёнка собеседника уж разлетается, забрызгав всего меня мозгами и осколками черепа. Острая косточка вонзается в глаз, я отчётливо чувствую, он вытекает. Боли нет, боевой настрой перекрыл её. И когда я поспел очутиться за грудой камней?

Лежу, вжимаясь в землицу, в руках автомат откуда-то взялся, не подвёл рефлекс, выработанный на уровне инстинкта. Пули посвистывают мимо ушей одна за одной. Самое пекло. Округа шинкуется невидимым топором: окровавленные куски человеческого мяса вперемешку с праздничными яствами, столы в щепки, битая посуда, вывороченная почва.

Святые боги, какой у него калибр? Куда ж стрелять ответно, и не разобрать, откель ведётся огонь. Алекс воистину не ко времени пропал, угораздило его по нужде отлучиться! В нашем деле нельзя расслабляться ни на миг, аки малое дитё, ей-боги. Эх, дымку бы, у обжоры парочка шашек в припасе имеется. Не свети фонари отовсюду, мог бы попробовать использовать сумерки... куда ж он запропастился, не время срать, коль родина в опасности!

Чует моё сердчишко, то у старости чердак съехал. Он самый бесчинства творит, отрыл в своём погребе какой-нибудь здоровенный пулемёт да устроил заваруху. Сию бойню надобно остановить. Хорошо хоть наша девушка далеко за озером, маловероятно, что её зацепит, к тому же с нею супруг. Однако всё едино опасность есть, да и негоже цивильных селян косить, аки траву, ни за что ни про что.

Бросаю гранату в вероятном направлении источника огня, сразу же и вторую. Нескончаемая очередь, захлебнувшись на миг, продолжает грохотать. Забаррикадировался, ирод. Ну всё, Ильм, братец, хорош валяться. Ты одноглазый теперича, однако сие — не повод для демобилизации. Два глаза — роскошь... Подъём! Мысленно вздымаю над головою красно-зелёный стяг родимого войска с бегущей наискось вереницей буквниц — священным девизом предков. Подымаясь из-за укрытия, вслух чеканю военно-магический заговор:

— Мы творенья Богов наших, их Сила до скончания времени да пребудет в нас!

Применительно к реальности мысленно добавляю: «И после скончания, да не оставь меня сила...»

Ух, доберусь до тебя, берегись, бешеный пулемётчик! Да, время моего народа окончено, тут мне крыть нечем, но это вовсе не является основанием для моей демобилизации.

Меня в жизни чему только не обучали, особенно по части боевого ремесла, но истинное искусство боя постиг я самосильно, тайком подглядывая тренировки авеги Ветрича, хранителя стиля Третья Рука. Лишь избранным по силам усвоить чудотворную технику боевых волхвов древних краиничей, руссачей и бялоросичей, трёх племён, кровь коих слилась и поздней текла в общей «становой жиле» моего народа восславянского. Я сумел приобщиться, и не раз спасало мне жизнь тайное умение, дай боги и сегодня поможет... Повзрослев, докумекал я, что Святополк Великий намеренно позволял за собой подглядывать, наблюдать его сакральные тренировки-ритуалы, и наверняка — только мне.

И он, и я — «носители хроносом», по выражению локосиан и землян, а по-нашему — мы в прямом смысле хранители дара, частиц силы богов. Некогда сей дар позволил Свя-

тополку Ветричу преодолеть разделяющую миры бездну и вступить в союз с семиархами Локоса, впоследствии же мне выпала участь последнего живого из восславян. Доселе всегда удавалось не позорить свой Род, быть достойным выбора авеги. Неужто моему Походу суждено окончиться по воле какого-то селянина, невесть по какой причине внезапно обезумевшего?!

Выпрыгиваю из расколоченного колодца лёгким кузнецом, перекатываюсь лесной гадюкой и несусь как заяц, путающий след в погоне, далее на миг воспаряю прибрежной чайкой, и тотчас вниз, шуршу юркой ящерицей по самой земле, откидываю хвост, чтобы легче и быстрее бежалось, верчусь-кружусь аки шатун, пропускающий мимо себя дробь охотника. И вот я уже нос к носу с неприятелем, цель достигнута, и не могло быть иначе, ведь меня провёл святой затворник Белоглаз. Завершительный выпад, удар задними копытами лося и контрольный укус волчицы. Всё, победа.

Солнце пахнет зелой пшеницей, а земля — волосами молодой матери. Ветер умеет слушать, а деревья говорить. Вода в реке всегда тёплая, а снег сладкий. И если ночью на небе много звёзд, то завтра будет... то завтра — БУДЕТ. И точка.

Пора домой.

«Действительно, как и предупредила Тич, место назначения, в которое наши угодили, странным назвать было мало. Если попытаться несколькими словами описать увиденное в первые минуты, то наполовину сократившийся отряд материализовался в мире фантазий художника, страдающего тяжёлой формой расслоения личности.

Можешь себе представить, Лана, хотя бы кусочек безграничной Вселенной, состоящей не из тьмы, а из света, некую изнанку космоса. Именно светом, ярким, но не слепящим, и было наполнено бесконечное пространство вокруг наших героев. Здесь не было астероидов, планет, светил, галактик, были лишь потоки и сгустки света. Эти потоки, разных цветов, оттенков и размеров, переплетались между собой в сложнейшую трёхмерную сеть и уходили в беско-

нечность. Только изредка по некоторым из потоков стремительно проскачивали тёмные и даже чёрные искорки, нарушая окружающую световую гармонию света.

Трое людей, ухватив друг дружку за руки, парили между потоками, как в невесомости. Но это парение в окружающем свете лишь отдалённо напоминало невесомость привычного нам реального бытия, которое мы зовём космосом. Наши твёрдо стояли на ногах в этом свете, а Тич уверенно направляла их и вела вперёд оставшуюся в рядах живых половину отряда. Казалось, что девушка простым усилием мысли несёт всех троих к намеченной цели, других объяснений этому управляемому полёту двое мужчин просто не смогли найти.

Видимо, в этом пространстве были абсолютно другие физические законы. А то, что наши попали именно в... другое пространство, а не в какой-то экзотический мир привычной Вселенной, было ясно по масштабам видимой картины, развернувшейся перед их взорами. Конечно, можно было предположить, что они очутились внутри какого-либо газового гиганта и по волшебству, чудом остались живы, но это мало что объясняло из увиденного. Особенно не понимаемым оставался тот факт, что вся картина мира, если приглядеться, очень чётко и контрастно просматривалась до самого горизонта. А горизонтом здесь была бесконечность. Как будто наши и не глазами вовсе смотрели в эту непостижимую даль...

Мужчины, поначалу пытавшиеся понять, что же всё-таки происходит, перестали терзать свои извилины бесконечными вопросами и стали ожидать ценных указаний от ведущей. А Тич никаких команд не отдавала, она молча вела отряд через и сквозь плетения света, когда плавно и медленно, а когда и с такой скоростью, что в глазах у ведомых темнело. Но при всех этих перемещениях никто из троих не ощущил и намёка на перегрузки. Складывалось впечатление, что массы и, как следствие, инерции здесь не существовало как та-ковых.

В итоге движения выпорхнула троица на своеобразную поляну, свободную от потоков. Именно здесь наши увидели хоть что-то, привычное их глазам, что-то, не излучающее свет всей поверхностью. Опираясь на сгустки света, в про-

странстве здесь темнели восемь огромных сооружений. Семь из них, размерами побольше, расположились вокруг центрального, малого. Все они казались созданными искусственно, если судить по привычным для нас меркам. За время стремительного сближения мужчины успели рассмотреть, что это конструкции наподобие орбитальных поселений. Этим они были похожи. Но, приглядевшись по отдельности, становилось ясно, что явно сотворены различными биовидами. Уж очень по-разному выглядели сооружения.

Архитектура одного города, самого большого, была похожа на то, что обычно возводят гуманоиды. В некоторых других конструкциях угадывалось дело конечностей разумных инсектоидов, водных обитателей и рептилоидов. Эти расы нашим уже встречались в походе, за пределами родной соты, и потому они без труда распознали по особенностям строения. Но прочие три из семи сооружений идентификации поддавались смутно или вовсе не поддавались. Один из комплексов был похож на причудливый каменный кристалл исполинского размера, чем-то напоминавший объёмную снежинку. Ещё один смахивал на дивный сад, весь заплетённый лианами, а третий был не чем иным, как сгустками плазмы всех возможных цветов, собранными воедино в гигантский пульсирующий, словно дышащий комок... Чем оно было на самом деле, неведомо. В глазах троих наших всё выглядело примерно так, как я описал.

Центральный комплекс на фоне остальных высокотехнологичных сооружений выглядел совсем простенько. Это был тривиальный кусок скалы, парящий в тамошней невесомости. На нём расположился каменный храм с высокими колоннами, разительно похожий на античный, и площадь, мозгённая самыми что ни на есть булыжниками. Как только ноги мужчин коснулись этих гладких камней, они вскинули своё оружие. Здесь группу наших уже поджидали.

На ступенях стоял импозантный, толстый седой старец в белой тоге и радушно улыбался. Он поздоровался с пришельцами, причём они без труда поняли, что он говорит, и попросил следовать за ним в храм. Там их встретили, можно сказать, представители всех тех биовидов, чьи города довелось рассмотреть на подлёте. Они сидели, лежали и... э-э...

располагались полукругом на семи высеченных из камня креслах, подиумах и лежаках. В центре, как прутья клетки, возвышались семь тонких колонн, над ними парила в воздухе старая, дряхлая и костлявая женщина человеческой расы. Судя по трупным пятнам на коже и общему виду, она была уже мертва, но её глаза пристально следили за пришельцами и выглядели живыми.

Говорил с нашими тот самый старец, потому как тут он был единственным человеком, если не считать женский труп. Представился стариk скромненько — отцом человечества. Но тут же поспешил объяснить, что это лишь официальная должность, на которую выбираются пожизненно по одному представителю из каждой расы беженцев. Старец сказал, что знает, кем являются трое гостей, и признался, что с интересом давно следит за походом отряда. После этого он кратко поведал пришельцам историю этого конгломерата поселений.

А история была ста... э-э-э... я хотел сказать, стара как мир, но это прозвучит слишком иронично. Так вот, изначальной всему причиной были они самые, Чёрные Звёзды. Ненавистное и непобедимое явление природы, враждебное нам, разумным. Мирь всех рас, там присутствовавших, подверглись нападению этой грозной силы. Все жители этого мультипоселения являлись изгнанниками Вселенной, ухитившимися обмануть саму смерть. Долгие годы воинственная раса гуманоидов, к которой принадлежал импозантный стариk, пыталась придумать оружие или какую-либо эффективную защиту против врага, который неотвратимо приближался к мирам их соты. Выяснилось, что мир, целиком закрытый сферой защитного поля, в котором застряли наши, — это и была его родная планета. Но мудрый старец понял, что защитный колпак ненадолго сдержит вселенскую кару, и неожиданно для самого себя избрёл абсолютно сумасшедший способ скрыться от неё.

Не существует такой точки координат во всём пространстве и времени Вселенной, где запущенный самой природой процесс бездействовал бы. Куда он не смог бы, так сказать, проникнуть или где можно было бы от него раз и навсегда укрыться. Поэтому мудрец решил спрятать избранную часть

своего народа вне пространства-времени. Да, та странная... м-м-м... среда, в которую завела своих спутников Тич, была именно внепространством. В него мы вступаем, когда делаем шаги в порталы межмировых проходов... В нём реальная Вселенная и проделала их. Можно предположить, что в нём и она сама пребывает каким-то образом, непостижимым для нас. Так что не проблема мгновенно пронестись по одному из бесчисленных потоков-коридоров. Здесь они выглядели как головокружительное хитросплетение света... Но вот как задержаться здесь, не выходить обратно в условный реал?

Эту проблему и решил старец. Точнее, он показал путь, по которому можно было прийти к решению. Именно по его подсказке люди смогли... э-э... договориться с обитателями иных сфер бытия и сознания. Условно назовём их тенями или духами мёртвых... И они, ясное дело, охраняют свою среду обитания от вторжений живых. Одно дело общаться с тенями ушедших, каким-то образом контактировать, что всегда удавалось некоторым из живых... Живых в нашем понимании, по законам реальности этой Вселенной, я подразумеваю. Шаманы там всякие, колдуны, экстрасенсы, орасы, ливак, хагои — по-разному в разное время и у разных народов именуются такие люди, не суть важно как звать. Мы же на себя никакие ярлыки не вешаем, хотя при желании способны... Так вот, совсем другое дело — вторгнуться к ним, чтоб жить. Увидеть тени обычными глазами невозможно, можно лишь ощущать их присутствие или наблюдать дух, воплотившийся в какую-либо материальную основу, будь то камень, вода, огонь, ветер... или мёртвое тело. Там в центре храма парил в воздухе именно представитель... скажем так, уже ушедших из нашей Вселенной в иные сферы бытия.

Люди под руководством этого старца и основали здесь первое поселение и стали делать вылазки в обычное пространство-время, чтобы помочь братьям по несчастью. После человеческой расы здесь поселились водные разумные, потом разумные рептилии, потом живые камни, инсектоиды, разумные растения, и последними сюда явились представители энергетической формы жизни... можно назвать их обитателями звёздных корон. Все они вносили дополнения и улучшения в систему защиты и маскировки и в результате

создали и реализовали идеальную, по их мнению, схему выживания. Следуя ей, в некоторых стратегически расположенных мирах специально разжигались войны, в которых гибли миллионы разумных. Кроме этого, существуют ещё сотни приманок и обманок для Чёрных Звёзд, и все они далеко не безобидны. Если образно, то беглецам приходилось выкупать свои проклятые жизни многими миллионами других жизней, подставляя их... Но, в конце концов, цель оправдывала средства, и обречённые на стирание, заключив союз с мёртвыми, уже многие тысячелетия жили в относительной безопасности. В свои миры они и не помышляли возвращаться.

Одним из элементов этой схемы и являлась та планета-жертва, на которую налетела Саранча Пустоты. Представитель инсектоидов также присутствовал в храме среди «отцов народов», которые внимательно изучали троих пришельцев, пока старец-человек толкал речь... Тотально вырезая мирное население, инсектоиды пускали по ложному следу Чёрные Звёзды, а заодно и пополняли свои запасы пищи и материалов. Еда здесь была проблемой номер один. Время во внепространстве иное, не линейное. Изгнанники абсолютно не старели, но и растения тут не могли прорастать, и животные не плодились. А если какая-то особь и была беременной, когда сюда попала, то могла бесконечно вынашивать не созревающий плод... Поэтому изгнанникам приходилось делать опасные вылазки в обычное пространство-время, как для пополнения ресурсов, так и для того, чтобы обзавестись детьми. Но вылазки эти всегда были с потерями, порой в них погибала большая часть рейдеров. А умирать, естественно, никто не хотел, и поэтому там процветала жёсткая диктатура. Приказы совета отцов исполнялись безоговорочно, а неподчинение каралось изгнанием обратно в пространство, что, собственно, являлось смертным приговором.

И вот наконец старец рассказал, чем заинтересовали наши герои этот комитет отцов народов. Ни один из беженцев не мог, подобно Тич, перемещаться сквозь внепространство без каких-либо технических средств и к тому же не придерживаясь при этом сотовой очерёдности, то есть последовательно из ячейки в ячейку. Уникальные способности нашей

девушки открывали новые горизонты для колонии изгнанников, позволяли реализовать более эффективные варианты схем защиты и повышения продуктивности высасывания всех необходимых ресурсов из миров обычного пространства. Взамен на сотрудничество «отец гуманоидов» пообещал принять в своё поселение эмигрантов часть элиты закапсулированного мира Локос, часы которого уже были сочтены. Право выбирать, кто достоин спасения, а кто нет, старец оставил за нашими героями.

Старец заверил троицу наших, что их затея победить Чёрные Звёзды, бросив им прямой вызов и встретившись в открытой схватке, обречена на провал. Какими бы невероятными способностями ни обладали они... Ибо многие тысячелетия сонмы лучших умов разных видов живых разумных пытались придумать то оружие, которое могло бы остановить вселенский процесс противостояния и искоренения разума, «болезни жизни», но все попытки результатов не принесли. Чтобы уничтожить явление природы, необходимо уничтожить саму природу...

Уверенный, что сделал предложение, от которого нельзя отказаться, улыбчивый старик закончил свою агитационную речь и стал ожидать ответа. И каково же было его удивление, когда Тич вместо согласия начала гневно выговаривать «отцам народов»! Она обвинила их во всех смертных грехах и обозвала настоящей заразой, паразитирующей на здоровых организмах Вселенной, в чём, собственно, была стопроцентно права. Именно из-за таких вот тварей мироздание и обзавелось механизмом зачистки разума... Наша героническая Тич наотрез отвергла предложение, а на все гнилые намёки и угрозы ответила, что ей всего-то и надо для достижения своей цели, вышвырнуть всё это логово пиратов и убийц из вне-пространства обратно, на растерзание Чёрным Звёздам! И когда те радостно заявятся по долгожданные разумы беглцов, встретиться лицом к лицу и решить свои дела.

Выдергивая эффектную паузу, в воцарившейся... э-э... буквально мёртвой тишине она добавила, что, если задержится в этом склепе ещё хоть на минуту, ничто её не удержит от столь великого соблазна. Вы мёртвые, хотя вроде живы, добавила она их. Вы хуже мёртвых, с теми-то всё ясно, у них своя

Вселенная и свои законы. Они даже способны помочь живым, только вот некоторым из них надо быть поразборчивей, соображать, кому помогают.

И ты знаешь, испугались «отцы» на полный вперёд! Они поверили, что Тич по силам вытворить нечто подобное, и не стали препятствовать уходу наших.

И отряд наш отправился дальше, по тропе своего похода в никуда.

Самое любопытное, что наиболее живым из всех взглядов, провожавших троих арьергардных воинов стёртой ячейки миров, был взгляд мёртвой женщины, парившей в центре храма...»

КНИГА ВТОРАЯ Боевой ангел

В споре с богами ничья — победа смертных...

Дерзкое, но отважное мнение, почерпнутое в одном из простейших носителей информации, также известных под названием «книги»

Помните нас!

Царь Леонид, предводитель трёхсот спартанских героев, почти наверняка сказал так, и эти слова услышали бы потомки, имей человеческий разум уже тогда гарантированную возможность передавать накопленную память...

Конец — это то, с чего начинается...

Вот бы это утверждение, прочитанное в одной из книг — легкоуязвимых средств частичного сохранения и передачи памяти, — оказалось не просто одной из многих правд, но Истиной...

Огоньки зажглись в глазах свидетельницы командного сбора, состоявшегося на берегу речного лимана, и не угасли, даже когда группа людей, выглядевших по-военному, скрылась из виду, растворилась между стволами прибрежных сосен.

Женщина ещё некоторое время стояла совершенно неподвижно, замерев, внимательно смотрела вслед ушедшему, затем вдруг энергично покивала головой. Видимо, этим движением наблюдательница, проводившая взглядом команду, отразила согласие с какими-то возникшими у неё мыслями.

После этого она отмерла, торопливо оделась, натянув платье прямо на влажное, не просохшее бикини, сунула ноги в пляжные туфли, нацепила солнцезащитные очки, подхватила свою сумку и покрывало, лёжа на котором загорала, и быстро ушла прочь от реки, миллениум за миллениумом несущей свои воды к морю, не обращая внимания на людей, что копошатся на берегах. Женщина шагала не по следам игроков в страйкбол, уже почти сглаженных осыпавшимся песком, а под углом девяносто градусов к избранному ими курсу. Но тоже наискосок через лесополосу хвойных деревьев, вверх по пологому склону.

Дошагав уже почти до края полосы, дальнего от берега, она вдруг резко оглянулась на лиман и вновь застыла неподвижно. Густые сосновые кроны начинались высоко над землёй, они образовывали подобие сводов, а стволы сосен, лишенные ветвей и хвои, высились, словно храмовые колонны. Поэтому деревья здесь не закрывали собой вид на пески этого берега и серо-зелёную речную воду. А вот увидеть другой берег не позволяли кроны, за песчаной полосой сейчас просматривалась только вода, и оттого возникала полнейшая иллюзия, что противоположного берега нет и не было вообще, есть и будет только этот, и за ним вода, а значит, не река там, но — океан. В сравнении с любой рекой — безбрежный. Когда другого берега не видно — это очень похоже на бесконечность, какой её себе представляют люди. И эта копия безбрежности воочию предстала перед обернувшейся женщиной...

Наконец отвернувшись от этой бесконечности, пускай кажущейся, но для глаз наблюдательницы совершенно зри мой, женщина снова начала движение. Она целеустремлённо шагала вдоль края лесополосы, удаляясь от вектора, по которому отправилась к своей цели группа людей, выглядевших как заправские военные. Её глаза теперь прикрывали очки, и не рассмотреть было, горят они или уже совсем погасли.

Добравшись до участка побережья, заросшего елями, женщина нырнула в зелёную глубь. Прямо на ходу вдруг резко дёрнулась, будто её током ударило, и встряхнулась, будто сбрасывая с себя что-то, облепившее тело. Сразу после этого женское лицо резко изменилось, словно после косме-

тологической операции, только не для омоложения, а для состаривания, единственным махом на несколько десятков лет. Женское тело тоже несколько изменило очертания, как будто с него сняли тугой корсет, и оно расплылось, визуально прибавило объёмы. Ненамного, но при ближайшем рассмотрении — ощутимо. Люди, которые видели её на песчаной полосе, ни за что не узнали бы теперь. Разве что она напомнила бы им кого-то, виденного ранее.

Странная женщина пробралась между густыми мохнатыми лапами и остановилась в укромном закутке, скрытом от любого просмотра, доступном разве что сверху. Туда, к небу, она и подняла свой взгляд. Сняла очки, открыв тоскующие, набухшие подступающими слезами, теперь абсолютно потухшие глаза, и срывающимся голосом прошептала:

— Я сделала всё, что смогла, любимый... Надеюсь, и ты выполнил... свою часть задания... Только бы мы не ошибались в расчётах, тогда будет как задумано... В дороге не прощаются... Встретимся!..

Женщина понурила голову, опять спрятала глаза под очками, поправила наброшенное на плечо покрывало и ремень сумки на другом плече. Затем подняла руки над головой, нацелив сомкнутые ладони к облакам, будто собралась нырять, только не вниз, а вверх...

В следующее мгновение уже ни единой живой души не осталось в укромном уголке этого мира, сотворённом вечно-зелёными деревьями.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Действительная военная

Единственная неоспоримая ценность, что есть у человека, — это время жизни. У человечества — тоже. По большому счёту, больше не за что и воевать. Только за сохранение и продление, и не с самим собой... А оно чем постоянно занято, спрашивается? С точностью до наоборот.

И опять вспоминаются слова одного земного мудреца, Лао Цзы, который изрёк: «Потеря есть начало размножения, множество — начало потери». Ради чего мы сами уходили во мрак неизвестности, ради чего мы отправляем туда своих детей? Вот именно, ради этого. Чтобы можно было заверить: не бойтесь, конец света не сегодня, на обратной стороне мира уже наступило завтра! И знать, что при этом не соврёшь.

Там, на планете Земля, есть гора, она зовётся Мегиддо. По земным преданиям, именно там должен был бы состояться Армагеддон, последняя битва земного человечества с небом. Прозорливые земляне несколько ошиблись с координатами, но главную идею предугадали правильно.

Там, на горе, они написали:

ПУСТЬ МИР БУДЕТ ПРАВИТЬ МИРОМ.

Только отказ от философии войны может спасти человечество, гарантированно отвратить кару небес.

Для этого обязательно должен остаться в живых кто-нибудь, кому предстоит разыскать разылку дорог, с которой новое человечество отправится по пути мира, а не войны. Но вначале для этого кому-то другому придётся отыскать поворотную точку, с возникновением которой наше человечество покатилось в пропасть небытия, совершив непоправимую ошибку. И в результате было диагностировано как носитель угрозы, заражённый опасной «звездной болезнью». Воспринято бешеной обезьяной со звездомётом в руках, способной никакоже сумнящаяся подорвать мироздание.

Только там, в этой точке, образно говоря, есть шанс докричаться до небес. Попытаться обратить на себя вни-

мание. И донести до сведения Вселенной своё желание испутить грех. Где он находится, этот единственно верный пикель на картине мира, где сходятся и перекрециваются начертанные самой Матерью-природой линии судеб звёзд и людей нашей расы, мы узнать не сумели. Возможно, нам просто не дано постигнуть, что и как происходит. Не способны мы проникнуть в суть вещей, не под силу нам напрямую повлиять на явления и процессы. Остаётся надеяться, что идущие после нас окажутся более... подходящими и подготовленными. Одним словом, готовы для встречи лицом к лицу.

Но и мы не зря ходили во тьму. Мы разведали и добыли знание. Ответ на вопрос: почему?

Точнее, окончательно, бесповоротно подтвердили истину, прекрасно известную давным-давно. Возможно, с начала этих времён. Истину, настолько же простую теоретически, насколько трудно осуществимую практически.

Наиболее беспощадная, самоубийственная война происходит внутри нас, в наших разумах. Ни один внешний враг не способен нанести нам столько вреда, как внутренний. За это нас и наказывает Вселенная. В тот роковой миг, когда мы переходим черту, за которой уже не остановиться, и губим сами себя. А заодно и планеты, которые нам даны для обитания. В аренду сданы, ни в коем случае не в безраздельное и безоглядное пользование!

И остаётся лишь верить, что когда-нибудь кто-нибудь сумеет врага одолеть и направить себя на путь созидания, но не разрушения дома, в котором живёт. Пусть не с первого раза. Но хотя бы с тысяча сто одиннадцатого... Ведь не случайно существуют формулировки вроде: «столько-то лет от сотворения этого мира». Ни одна идея просто так не возникает, и в каждом словосочетании содержится гораздо большие смысла, чем может показаться с первого взгляда. Значит, **ДО** этой попытки у человечества уже **были предыдущие?** Следовательно, **ПОСЛЕ** этого возможны и **следующие?**..

Пока хотя бы одна живая душа будет помнить о породившей нас цивилизации, накликавшей на себя кару небес, — человечество продолжит реальное существование. И появ-

вится ещё один шанс побороть себя. Всё, что нам нужно, это тайм-аут. И хотя бы один человек, который переживёт конец времён и положит начало отсчёту нового времени.

Больше всего мне хочется в это ВЕРИТЬ. А как оно получится?.. Подозреваю, наверняка этого не знает даже Она, которая нас всех сотворила и против диктата которой мы бунтуем. Ведь, как выразился ещё один землянин, Артур Мэйчен, «Всё, начиная со звёзд и кончая землёй под ногами, ничто иное, как раскрашенный занавес, скрывающий истинный мир».

Вдруг всё-таки существует нечто ещё... скажем так, масштабнее? Кроме Неё, кажущейся вечной и бесконечной. Тогда не только у нас, изначально конечных и смертных, единственная неоспоримая ценность... По образу и подобию, так ведь? Наивно было бы считать, что мы держим монополию на страстное желание отодвигать конец времени.

Глава первая СЛУЖБА ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВУ

— Нас живых осталось-то всего лишь тройка! Была дружина как дружина, отборные вои, хоть в разведку боем, хоть штурмом брать крепости... А нынче? Что ж свершить нам под силу?

— Для начала надо вернуться, — отвечает наш командр. — С добытым знанием. Оплаченным кровью. Ребята полегли не зря, память о них разве можно посрамить?

— Я ж то не баю, что мы... гм, недоработанные. Однако же маловато нас, маловато будет...

— И трое могут персвернуть мир. И один — может. Только бы ему подыскать точку опоры для рычага... Мы её нащупали. — Командир поднимается с корточек, и его лицо исчезает вверху, почти теряется в полутьме; полностью разогнать царящий внутри комнаты сумрак маленькому кострю не под силу. — Только вот, сам понимаешь, среди нас не обнаружилось того человека, которому суждено повернуть рычаг.

Но даже несильного отсвета пламени нашего костерка достаточно, чтобы невооружённым глазом разглядеть загадочную улыбочку, играющую на губах командира. О-о, уж кому-кому, а мне прекрасно знакомо такое выражение его лица! И если бы наш боевой товарищ присел на коленки погреть руки не рядом с ним, а напротив, как я, тогда и он наверняка заметил бы это выражение и хорошенько подумал бы, стоит ли тратить время и слова на лишние разговоры.

Хотя наш третий, конечно, не дурак. Дуракам хоть и везёт, случается, но в стабильной среде обитания. А в походных условиях дольше всех обычно выживают самые быстроумные. Не поворачивая головы и не подымаясь, он произносит:

— Добре, ты меня убедил, Алёша. Добытое нами знаний жизненно важно доставить, чтобы ведал подходящий человек, где сыскать оную точку опоры. Излагай соображения.

Ему не надо сидеть напротив и видеть лицо, чтобы сообразить. Он же воюет с нами плечом к плечу отнюдь не со вчерашнего дня. Интонации голоса командира тоже становятся знакомо-красноречивы, когда понадобится.

Мы спрятались в брошенной избушке посреди бескрайней хвойной тайги на северном материке планеты, название которой не знаем и вряд ли узнаем. Разожгли огонь в очаге, догрызли последние сухари и теперь греемся. Это убежище отыскал именно он, третий из нас. Единственный выживший солдат отряда, если вспомнить, что командир и я, «замком-отряда» по штатному расписанию, вроде числимся в начальниках. Хотя в разведке боем ни один опытный боец строить из себя «господина офицера» никогда и не подумает. А сейчас мы все равны тем более, равней просто некуда. У всех абсолютно одинаковые шансы как погибнуть, так и выжить.

Но командир прав как никогда. Мы не имеем права погибнуть все до единого. Кто-то обязан выжить ради всех тех, кто погиб раньше. Ради тех, у кого всё-таки остается шанс, пусть даже призрачный, не погибнуть в будущем.

Ради того, чтобы слово БУДУЩЕЕ не утратило смысла, который в него вкладывался с момента появления в словарных запасах наречий непутёвого нашего человечества.

Оно ведь образовано от слова БЫТЬ.

Мой командир, помнится, однажды спел мне песню своей «малой» родины. У него хороший голос, но для песен, стихов и прочих рефлексий у нас почти не оставалось времени, постоянно воюем да воюем, поход всё не оканчивается... Но иногда случались привалы, и мне хотелось поделиться воспоминаниями о моём родном мире. Он тоже рассказывал о своём, вспоминал детство и юность, оставленных дома людей... иногда пел. В той песне были такие слова:

«Жизнь — это миг между прошлым и будущим. Есть только миг, за него и держись...»

Готовый девиз на знамя для нашего почти уничтоженного, но по-прежнему упорно идущего вперёд разведотряда. Даже когда для того, чтобы оказаться впереди, приходится возвращаться назад.

«Выхожу из придорожной закусочной, в которой мы остановились передохнуть, и вижу принца. Он поел раньше и уже какое-то время находится на улице. Точнее, в поле. Он стоит по пояс в траве, шагах в тридцати от колёсного автомобиля, позаимствованного нами в городе у кого-то из местных, и смотрит, как здешнее светило опускается за горизонт.

Я больше не боюсь открытого неба над головой. Есть неизмеримо более страшный враг. Закрытое небо.

Молча стою рядом с капотом машины и смотрю на них. На звезду и на воина...

Трое нас осталось. Всего трое. Не щадит дорога сквозь строй миров наш отряд, лупит шпицрутенами, некоторых забивает насмерть... но никто и не говорил, что мы отправились на прогулку в парк.

Именно в этот миг моё сердце пронзает острую боль. Вдруг понимаю, что потеря каждого из соратников, не только отца моего ребёнка, вырывает и вырвет из меня кусок души. Это будто целого измерения Вселенной лишиться. Тем более для меня, столь проницательной девушки. Я же в каком-то смысле несколько лет подряд была не только собой, но и всеми ими.

Всеми, кроме моего супруга. Только он, мой верный оруженосец не меняется. Всё так же упорно хранит меня. И любит...

Любовь сворачивает горы и осушает океаны. Его любовь хранит меня, отводит пули и клинки смерти. А я любила и люблю другого. Вечный закон несправедливости. Но другой ушёл. Там, куда он ушёл, быть может, лучший мир. Когда-то и я попаду туда же, и мы встретимся. Только бы не попались мне там этакие вот, как тараканы попрятавшиеся в складках изнанки реальности «союзнички» с «отцами народов» во главе. Уж я не ограничусь одними гневными словами... Ладно, ну их. Каждый делает свой выбор.

Мне бы наконец-то свой...

Моё преобладающее состояние я могу описать одним словом.

Растерянность.

Я впала в нерешительность. Ходили мы, ходили. Круги нарезали. Шли в никуда. И пришли в никуда. Меня по-прежнему ведёт зов. Тянет. Я знаю, куда идти. Но уже не понимаю, верить ли зову. Я знаю, где точка randevu. Однако не знаю, найдём ли мы там то, что ищем. Такое ощущение, что оно просто от нас убегает. Не играет, как кошка с мышью. А именно убегает. Но только не потому, что боится.

И даже не потому, что просто в упор не замечает нижних букашек, возомнивших себя богоборцами.

Просто оно ведёт какую-то свою игру, и мы со своим пламенным отмщением ну никак не вписываемся. Только вот... почему же оно просто не сметёт надоедливых козявок? Чтоб не жужжали и не мельтешили.

Я начинаю подозревать почему. Оно не где-то там, во-вне. Не снаружи, а внутри прячется.

Во мне. В нас.

Не там ищем. Не с тем воевать собирались.

Но я не сообщу об этом ребятам моим. Им и так несладко, двое остались, в святой поход воевать пошли, боевых товарищей потеряли, а тут вдруг я со своими подозрениями...

И так тошно. Принц всё время молчит. Раньше доставал меня, то и дело шпилял, теперь молчит. Лучше б он продолжал.

жал над моей состоятельностью и компетентностью словесно изгаляться, это было куда терпимей, чем его молчание.

Супруг и так молчал почти всегда. Но раньше хоть были другие, с кем поговорить можно. Особенно один... *Единственный*. Теперь нет. Вот так вот. Двое молчунов сопровождают меня теперь. И поговорить не с кем.

НЕ С КЕМ.

Даже если бы они болтали без умолку, всё равно это было бы то же самое, что не с кем. Потому что ушёл единственный человек, с которым я могла не просто «друг на друга» смотреть, а в одном направлении. И я бы ему сейчас рассказала, что вот какая незадача, вышла я как-то вечером из паршивого фастфуда у перекрёстка автострад, и стою теперь на раздорожье, и не знаю, в какую сторону двинуться.

Направо, налево, прямо.

Туда пойду — потеряю супруга.

Сюда — принца.

А вот сюда — себя.

Кого выбрать?

Может, вот он и есть, момент истины? Пресловутая точка бифуркации. И не надо было гоняться по Вселенной за Вселенной. Она и так везде, и если в ней всё взаимосвязано, то — повсюду, куда ни плюнь, всё равно была, есть и будет она. Так что в любой точке может состояться долгожданное randevu. Без разницы где. Главное — когда. Всему своё время, так, да?

Время главное пространства.

Вот скажи я сейчас об этом своим спутникам. Что они ответят? Супруг промолчит скорей всего. А вот реакцию принца не берусь предугадать, разве что специально проска-нирую...

Но как же он всё-таки похож на брата! И не скажешь, что от разных матерей.

Всё-таки все мы — один народ. Хоть и раскидало нас по восьми планетам. Хорошо хоть девятую отдали земным «ненандертальцам» в компенсацию за то, что отобрали у их расы будущее на Земле. Кстати, о них что-то позабыли совсем. Постигнет их наша участь или... Она помилует? Всё же они — не мы. За наши грехи не отвечают. Своих бы не наде-

лали... Думаю всё же, что их Она не тронет, да и Экс реально в другой ячейке находится. Так что бывшие коренные земляне вовремя смылись, можно за них порадоваться.

И ещё кое о чём не скажу я двум верным спутникам. О том, что начала ощущать что-то. Будто духи предков обступили меня и что-то нашёптывают. Прямо здесь, в реале их слышу, будто мы до сих пор вне пространства-времени. Это само по себе неудивительно и не ново для меня. Чего я только не видела, не слыхала и не ощущала в своей эксклюзивной жизни благодаря особенностям строения моих генов. Даже отсюда, из реального космоса, я способна проникать в иные измерения бытия.

Несколько удивляет другое.

Я, кажется, начинаю вникать в то, что они шепчут...»

Пожилой, давно занимающий свою должность начальник канцелярии, сидевший за широким столом, оценивающе глянул поверх стёклышек своих архаичных очков на двух молоденьких офицеров в военной униформе Организации, вытянувшихся сейчас перед ним по стойке «смирно». Парень и девушка, оба — с виду лет двадцати от роду, никак не больше. Андо Эль Тан и Лана Светолов.

Новоиспечённые смертники.

— Неужто совсем худо с кадрами, раз таких молодых кидают в мясорубку... — Старший офицер удручённо покачал головой, демонстративно широко размахнулся и приспичатал своим штампом обходные листы.

— Мы в разведку не по срочному набору! Добровольцы, — отчеканил молодой лейтенант, человек, круглоголый дюжий изонаторанин. Выходцев из этой ячейки можно сразу распознать по сочетанию характерного миндалевидного разреза глаз и любовно отращиваемых бакенбард, традиционных для мужчин той восьмёрки миров.

— Хм? Похвально, молодые люди, похвально. Но только в том случае, если на ваш выбор не повлияла ложная романтика первопроходцев, а подвигло желание проверить себя на прочность силами самой Вселенной и абсолютная уверенность в себе. — Ветеран протянул пакеты документов. —

Как говорится, не держите удачу на поводке или в кармане, отправляйте её впереди себя в прыжок! Тогда в следующий раз, когда встретимся, уже я буду первый вам козырять.

— Спасибо, майор-сержант Стульник! — Молодые люди взяли свои пакеты и, следуя традиционному ритуалу приветствия, поднесли раскрытые правые ладони к козырькам своих офицерских головных уборов, затем согнули большие и указательные пальцы, образовав колечки, сквозь которые взглянули правыми же глазами, будто нацеливаясь куда-то вдаль. — Удачи нам, сэр!

— Спокойной черноты и удачи, мы так говорили... Эх, ребятки, жить бы вам да жить, горя не знать. Так нет же, позвала вас бесконечность, как и меня когда-то... — тихо произнёс старик, провожая взглядом спины молодых лейтенантов. Тяжело вздохнул, открыл правый верхний ящик стола и достал из его недр аэрозольный баллончик. Этикетка на боку сообщала, что внутри живород. Этим средством всю оставшуюся жизнь вынужденно пользовались люди, на короткие мгновения угодившие в вакуум без скафандра и чудом выжившие. При малейшем волнении они начинали задыхаться. Вселенский холод, с которым уцелевшие познакомились не понаслышке, продолжал по капле высасывать тепло жизни. По статистике, уцелевал от силы каждый шеститысячный из тех, кому не посчастливилось очутиться в ненужное время в ненужном месте. В случае серьёзного нарушения целостности внешней обшивки живое существо проёто не успевает защититься от прямого удара космоса. В таких случаях человек должен погибнуть. Но иногда бывают исключения. Например, пробоина небольшого размера, и её закупорило мёртвое тело боевого товарища, оказавшегося ближе...

А молодые лейтенанты, оживлённо перебрасываясь шутками, преодолевали дистанцию длинного коридора, останавливаясь у каждого складского окошка, и только получив всё положенное по списку штатное оборудование, отправились в ангарные шлюзы этой космической базы Организации, толкая перед собой объёмистые контейнеры на гравикомпенсаторах.

В девятнадцатом ангаре старший техник, внимательно изучив их документы, махнул рукой в сторону ряда новень-

ких разведывательных «Ищеек». Из-за этого официально утверждённого названия поисковых катеров их пилотов тоже часто звали ищейками. Хотя в штатной ведомости они официально прописаны как «Искатели Проходов».

— Выбирайте любой, регистрируйте номер и буксируйте на СТО. Лучше будет, если вы вместе с техниками переберёте собственный кораблик по каждой детальке. Это вам только на пользу пойдёт, от лишних знаний ещё ни одна ищейка не умирала, а вот наоборот... — Шеф-тех вернул молодым офицерам активированные чип-карты доступа, развернулся и ушёл по своим шеф-теховским делам.

— Ну что, кто последний, тот не военный? — игриво произнесла девушка-лейтенант и тотчас же, оставив свой контейнер с оборудованием, понеслась к «Ищейкам», ланью перепрыгивая через груды запчастей, разложенных по всему ангару, чтобы быть на подхвате.

Парень с возмущённым возгласом кинулся вслед за ней.

Спустя несколько часов они, уставшие как черти в аду, но чертовски довольные, со следами плохо отмытой корабельной смазки на лицах и руках, встретились за ужином в офицерской столовой. Сегодня их трапезу скрашивал красный сок каких-то ягод, который юноша приобрёл на рыночной палубе, куда пускали местных торговцев. На орбитальных членоках аборигены поднимались с планеты, возле которой сейчас была временно припаркована четырёхкилометровая «труба» мобильной космобазы. Одной из многочисленных боевых единиц флота Организации.

— Ну что, коллега, в рядах ловцов удачи прибыло! — Молодой человек наполнил два одноразовых стаканчика соком, один из них протянул девушке. — Выпьем же этот чудесный нектар за двух новых и уже самых настоящих ищеск!

— Ура-ура-ура, — быстро проговорила девушка и отпила из своего стаканчика, — только не зови меня коллегой. Моё имя Лана. Один раз предупреждаю, дальше буду вырабатывать у тебя условный рефлекс своим шокером.

— У-у-у, как страшно, — иронично протянул парень, — настоящим ищейкам шокер до одного места...

— До настоящей ищейки тебе, малыш, ещё минимум десять прыжков совершить нужно, а прыжок — это когда «

туда и обратно. И если не сдохнешь в процессе, как сопливый курсант, кем ты сейчас и являешься, то ещё и нужно отчитаться в конторе, — грубо встриял в разговор молодых людей мужчина средних лет в потётом лётном комбинезоне, с золотым значком «Девять Звёзд» на воротнике.

Молодежь отрыла рот, чтобы возмутиться и послать подвыпившего хама на «процедуры», но, заметив единственный знак отличия — этот значок, лейтенанты не произнесли ни слова. Им даже захотелось, наверное, стыдливо прикрыть ладонями свои одинокие серебристые «звёздочки». А их неожиданный собеседник встал из-за своего столика, схватил пузатую бутылку с каким-то питьём и, пошатываясь, направился к столику двоих новичков.

— Что, на курсах сейчас уже не учат уважать старших по званию? — Охмелевший дядя бесцеремонно подсел к недавним выпускникам и громко пристукнул донышком бутылки о столешницу.

— Извините, но на вас нет стандартных знаков различия, чётко обозначающих ваш чин, — прервала неловкую паузу девушка.

— А этого недостаточно? — Мужчина оттянул край воротника со своим значком. — Таких во всём флоте, милашка, всего пара сотен... а теперь уже на одного меньше.

Мужчина замолчал и на минуту погрузился в свои мрачные мысли, после этого задрал голову, поднял бутылку, опрокинул её и сделал несколько больших глотков прямо из горлышка. Кадык обладателя «Девятки» судорожно дёргался.

— Просим прощения, сэр, но мы здесь празднуем окончание своего обучения, и нигде в уставе не обозначено, что нужно это делать в присутствии неадекватных вышестоящих офицеров, — попытался избавиться от пьяного искателя лейтенант-парень.

— Грамотный, да? — Мужчина окосевшими от алкоголя глазами попытался обозреть молодого и пренебрежительно хмыкнул. — Ну, ничего, через пару прыжков поймёшь, что к чему, и начнёшь уважать коллег. Советую тебе сразу врубиться, мальчик, что ты всего лишь мясо, покойник, получивший небольшую отсрочку. Так что наслаждайся каждым

своим вздохом. Пока её величество Вселенная не забрала твою жизнь.

— Простите, сэр, но о чём это вы? — Девушка попыталась смягчить возникшее напряжение риторическим вопросом, ответ на который оба вчерашиных курсанта и без того знали. Но один из лучших способов как можно быстрее избавиться от нежелательного собеседника — это дать ему выговориться. Тем более если этот навязчивый собеседник выше по статусу.

— Вот это. — Мужчина поднял вверх кулак, между сжатых пальцев которого свисал кожаный ремешок, пропущенный в «ушко» медальона из потемневшего от времени металла; на нём была искусно изображена фантастическая огненная птица с крыльями языками пламени, — принадлежало моему другу. На его счету больше тысячи разведпрыжков, и половина из них совершена по чёрным коридорам. Если вы, курсантики, не знаете, чёрные коридоры — это те, из которых по каким-либо причинам назад не вернулось более пяти искателей. Так вот, он мне дал этот счастливый талисман на удачу, когда я за своей Аннетой решил пройти по красному коридору.

— Кра-асному?! — Девушка ахнула. — Из которого никто никогда не возвращался?

— Он уже зелёный благодаря мне, — искатель-девятка в очередной раз опрокинул бутылку, — но точно неудачников там сдохло больше двадцати... О чём это я? Так вот, мой друг погиб вчера.

— Не смог вернуться, как и многие, — произнёс молодой лейтенант.

— Да нет, всё он смог. Как и положено истинной ищейке, тобой упомянутой, он собрал на том конце коридора второй джампер, этим зафиксировав точку выхода из коридора. И назад вернулся... — Уже совсем пьяный ветеран прикусил до крови губу; горе буквально разъедало его, будто ядовитая кислота, и только алкоголь парадоксально служил противоядием. — Но облучился на том конце так, что умер ещё до того, как его поисковик на автопилоте вышел из реверсного внепространственного тоннеля. Понимаешь, если даже он сдох, что ж тогда тебе, пацан, светит в погоне за удачей?! А ничего!

— Та-ак, ну-ка подъём, — за спиной пьяного искателя вдруг возник коллега со знаками различия старшего лейтенанта и значком «Три Звезды», — тебя тут все уважают, Бэйзил, и по Владу мы скорбим не меньше твоего, но отрываться на молодёжи недостойно героя.

— Да кто отрывается-то?! Я пару слов от себя хотел лейтёхам... На вот, возьми, девонька, — мужчина с трудом встал на ноги и трясущейся рукой протянул девушке-лейтенанту огненную птицу своего погибшего друга, — пусть он теперь помогает тебе. А я всё! Пора остановиться...

Лана приняла его дар и проводила мужчину задумчивым взглядом. Старший лейтенант поддерживал убредающего девятивёзёдочного искателя на ногах, чтобы тот не упал.

— Да не бери в голову, Лана, — парень попытался отвлечь её, — герой краски сгущает. Так принято, молодых страшными историями пугать. Если бы всё было настолько плохо, то он бы до «девятки» просто не успел дослужиться.

— Чтоб ты знал, мы только что говорили с капитаном Бэйзилом Яном Боксилевски. Тем самым, прыжковый опыт которого мы изучали на курсах.

— Ничего себе! Что ж он так расклеился...

— Имеет право. Он столько проходов открыл, что может хоть с голым задом бегать по главной площади. Хотя возможно, ты прав, что не так уж оно всё запущено. — Девушка сняла головной убор и повесила талисман себе на шею. — В любом случае эта птица не помешает. Ловить удачу — не простая охота.

— Старинная реликвия, наверное, — изонаторанин поднял руку и, взяв талисман, легонько потянул за шнурок, привлекая девушку к себе, — какая-нибудь летающая рептилия из диких миров, символизирующая жаркую страсть...

— Это феникс, огненная птица, из пепла возрождающаяся. — Девушка высвободила фигурку и ловко увела свои губы с дистанции поцелуя. — А ты, Эль, наверное, в учебке ни одной юбки не пропустил?

— Пропустил, — красавчик улыбнулся, — тебя. Но думаю, самое время это исправить. Ну, ты же слышала, что сказал девятивёзёдочный герой. Неизвестно, какой из прыж-

ков и как скоро станет последним для нас, так что успевай наслаждаться каждым вздохом и не только.

— Даже и не мечтай, лапуля, — девушка рассмеялась, чем несколько обидела молодого человека, — довольствуйся теми, кого уже успел покорить. Я точно не для тебя, да и ты не в моём вкусе, мне скорее понравится по-настоящему бородатый мужчина, а у тебя только бакенбарды. Пока! Может, как-нибудь встретимся в пути. Хотя вряд ли, мой путь в другую сторону ведёт.

Она встала из-за стола, козырнула изонаторанину и шагала к выходу из столовой. На неё оглядывались мужчины и даже женщины, сидевшие за столами. Что и говорить, не так уж часто настолько красивые девушки идут в боевые подразделения смертников.

Но эта Лана Светолов вообще резко выделялась из общего ряда. От неё веяло смертельной опасностью, что сразу подмечали офицеры опытные, сведущие, и чего не заметил самоуверенный юнец-лейтенант. Ему стоило подумать трижды, прежде чем тянуть к настолько серьёзной девушке губы и тем более какие-нибудь другие части организма.

Глава вторая ИСКАТЕЛИ НЕ ОШИБАЮТСЯ ДВАЖДЫ

— Добрый наш боевой товарищ, хочу тебя обрадовать в кавычках. Тебе тоже придётся назад возвращаться...

— Что значит тоже? Разве не все вернёмся? — переспрашиваю командира. Как-то подозрительно он построил только что произнесённую фразу, но главное, этот его вкрадчивый тон... знаем такой, сейчас обязательно выдаст что-нибудь этакое.

И он, конечно, подтверждает обоснованность моего настороженного ожидания.

— Не все. Кому-то придётся... э-э-э... возвращаться впред. Без арьергарда никак не обойтись, хочешь, не хочешь, а есть такое слово НАДО...

— А-а, значит, мы с тобой вдвоём...

— Не мы. Я. Только я.

Более того, он оправдывает подозрение целиком и полностью. С перевыполнением плана.

Вскакиваю с табурета, который с грохотом отлетает в сторону, и... хочу что-нибудь выкрикнуть, но задыхаюсь от возмущения и судорожно хватаю ртом холодный воздух, как выброшенная на берег рыба.

— К... к... как-к э-это?! — наконец удаётся исторгнуть мне, когда челюсть хоть немного перестаёт трястись.

В этот момент наш добрый боевой товарищ вопрошаёт:

— Командир, то приказанье, иль я могу высказать мненье?

— Это приказ, друг, но мнение выскажешь обязательно.

— Приказанное всё едино не обсудить, на то и приказано, чтобы исполнять неукоснительно... — ворчит товарищ. Он совершенно прав, но как поступать в том случае, когда приказ равносителен подписанию смертного приговора?

Мне-то КАК БЫТЬ теперь??!

Если мы сейчас разойдёмся в разных направлениях, останется ли хотя бы один-единственный ничтожный шансик, что в этой вселенской бесконечности наши с ним тропы ещё раз пересекутся?! Есть ли хоть где-то ещё один перекрёсток нашей встречи, точка скрещения линий наших судеб?.. Ведь только в реку памяти можно войти и дважды, и трижды, и тысячажды, к счастью, на то и дарована нам эта река, величайшее наше благословение и проклятие. Но чтобы повторно войти в реку судьбы, должно случиться истинное чудо, а оно уже случалось однажды. Мой жизненный опыт подсказывает, что дублю — не бывать.

— Отчего же. Если кто-то из вас двоих предложит альтернативный план, который способен перещеголять мой, я отменю приказ. Пока не началось выполнение задачи, такая возможность всегда остаётся.

— Всегда остаётся... — эхом повторяю я. Как отчаянно хочется утешить себя напоминанием об этой спасительной возможности...

Но я уже понимаю, обескураженно осознаю, что другого варианта нет и быть не может. И не могло. Из нас троих только он, наш комотряда, способен действовать в одиночку, сунувшись в самое пекло. Только у него имеются на это си-

лы, умения, средства и... так сказать, необходимые связи в определённых кругах сущностей и явлений. А мы ему нужны для выполнения других задач. Не менее важных, но всё же не настолько трудных... Причём этих параллельных задач наверняка две, и они разные, в различных местах и даже временах скорей всего. Иначе командир отправил бы назад только одного бойца, нашего боевого товарища.

Уж я-то знаю... Существуй у командира хотя бы малейшая возможность взять меня с собой, он бы ВЗЯЛ.

И наверняка он мучительно искал, искал другой вариант. Но нет их, других, потому и не найти. Если бы существовали — он обязательно нашёл бы. Ведь это Я. И это ОН...

— Присаживайтесь, дорогие мои военные. Давайте возвращайтесь к очагу отброшенные во гневе стульчики и сюда, сюда, к огоньку... — Командир смотрит в упор на меня, только на меня, хотя обращается во множественном числе. Наш боевой товарищ, конечно, не вскакивал и стул свой не отбрасывал, однако в подобном обращении к нам обоим вдруг ка-ак сквозанула жгучая тоска! Наверняка отчаяние переполняет душу командира, вынужденного приказывать именно так, а не иначе. Если ему даже больно обращаться ко мне, говорить напрямую со мной... Он начал отстраняться, готовить себя к одиночеству. Пора и мне.

— Никого у меня не осталось, только вы двое. И рассчитывать я могу только на вас. Слушайте мой последний приказ.

«Ключевое событие, после которого процесс стал необратимым, случилось не на Локосе. На Земле. Что в общем-то неудивительно. Стоит вспомнить, кого именно выбрасывали в этот мир наши предки-локосиане. Носителей Запредельного Кшарха агрессии собрать в одну кучу... это ж надо было додуматься!»

Земля внесла главную лепту в причинно-следственную цепочку. Добыча глубинной субстанции, которой земляне совершили ни к селу ни к городу дали название «концентрированный газ» по аналогии с природным газом. Но если качать газ — это как кровь сосать, то вторгнуться в энергетическую основу планеты — это уже высасывание души. Ес-

тественно, мать-природа не смогла смириться с варварским надругательством на отдельно взятой территории, неотъемлемой части себя.

Конечно, само по себе то вторжение — закономерный итог всего предыдущего «стиля жизни». Земляне не задумались всерьёз о завтрашнем дне ни когда озоновые дыры появились, ни когда в результате вырубки лесов начал снижаться процент кислорода в составе атмосферы, ни когда воду из речек пить уже стало невозможно... Впрочем, не они одни такие варвары, все мы хороши. Просто земляне самые шустрые оказались.

Одного не пойму, почему же семиарх, отец будущей Главнокомандующей, решил, что для спасения цивилизации надо возвратить войну на Локос? Если бы предстояло воевать с обычным врагом, с другой расой, например, это понятно. Армии противопоставить армию, для этого надо вернуть утраченный боевой дух.

Но как победить саму природу?

Так или иначе, мы здесь и сейчас. Трое последних живых. Все остальные наши либо стёрты, либо умерли... что не одно и то же, вот оно как.

Мёртвые правы. Если человечество исчезает, то больше некому умирать. Значит, вслед за ушедшими уже никто не идёт вслед. Это раз. И два. Там, в ином мире, им становится некуда возвращаться.

Выходит, так называемые мёртвые... очень даже заинтересованы в том, чтобы кто-то продолжал жить? Если я правильно поняла.

Им же надо в кого-то воплощаться вновь и вновь, по спиральному закону бытия, который на Земле зовётся кармическим.

Только непонятно, если этот мир — не лучший, то какого, спрашивается, в него возвращаться?!

Чтобы вновь и вновь воевать? В этом их главное счастье? Вечный Поход по нескончаемой степи, как говорил землянин Чингисхан...

Ладно, что это я. И так голова распухла от необходимости постоянно держаться за путеводную нить, чтобы мы трое не сбились и не потерялись ... Да не троих, а пятерых уже.

Вот, кстати, сообщать мне спутникам, что планируется не один ребёночек, а двое? Мальчик и девочка...

Позже сообщу. Думаю, супруг обрадуется. Ему-то, как ни крути, папой быть. Это я супругой числюсь номинально, а он всерьёз относится к грядущей участи отца семейства. Если мы, конечно, выживем в борьбе с мороком неизвестности и какая-то жизнь *после всего* нам достанется, в награду или в наказание, поди разберись.

И, похоже, надо всё-таки определяться. Я же не собираюсь кончать самоубийством, значит, если меня не убьют — надо жить. Телу требуется его, телесное. Женскому телу — мужчина. С принцем я не смогу быть точно — именно потому, что он так *похож*. Хотя именно поэтому хочется именно с ним. Но...

Ни я, ни принц никогда не полюбим другу друга по-настоящему. Даже если сойдёмся, детишек нарожаем и где-то осядем. Между нами всегда будет стоять *мой любимый, его брат*.

А вот мой супруг... Он столько времени ждёт. Никогда ничего не просил и не попросит. Так и промолчит до последнего своего вздоха. Так и умрёт молча.

ЛЮБЯ.

И если я буду с ним, то в этой паре один человек будет по-настоящему любить.

Один — на целую Вселенную больше, чем ни одного...»

Крейсер мчался в межпланетном пространстве на максимально возможной для реального космоса скорости. Его целью была дальняя планета системы Метаско, или «Звезды Обетованной». Так прозвали местное светило приверженцы религиозного культа новаклеев. Среди здешних обитателей их насчитывалось более шестидесяти процентов от общей численности. Отношение жителей мира к Организации было дружественно-нейтральным, что позволило без проблем и конфликтов разместить здесь портал, аванпост и небольшой военный гарнизон.

До недавнего времени считалось, что Метаско-Один является единственной планетой в этой звёздной системе. Но

астрономическая обсерватория Организации после нескольких лет исследований неожиданно засекла на дальней орбите крупное космическое тело. К светилу приближалась вторая планета, вращавшаяся по очень вытянутому эллипсу. Согласно стандартным инструкциям, в том направлении был незамедлительно выслан ближайший рейдер, и на его борту — все искатели, которые имелись в наличии.

Не могла не радовать неожиданная перспектива обретения в системе Метаско ещё одного внепространственного прохода. Потенциально он мог увести в неизвестные цивилизованные миры, открыть новую ячейку и присоединить её к сети. Первая планета звезды Метаско — мир «тупиковый», с единственным проходом в мир, центральный в соте. Кроме того, добираться в систему Метаско, мягко выражаясь, проблематично. Осевой мир этой соты, сейчас абсолютно безжизненный, лишённый собственных носителей разума, вдобавок обладал весьма неблагоприятной природной средой, без скафандра из купола и не выйдешь. Но больше всего не это осложняло путь... Другие осевые миры, сообщавшиеся с ним, были дикими планетами в той или иной степени. Все семь штук. Таким образом, проходы сюда из более-менее спокойных миров, мало того что дважды-трижды «пересадочные», были ещё и крайне опасными. Вездесущие пираты, враждебные аборигены, злобные фауны и флоры планет, катаклизмы... Все, всё и вся — будто стремились намеренно осложнить дорогу. Для охраны порталов приходилось держать немалые гарнизоны.

Но, несмотря на всё это, *сюда* настоятельно требовалось приходить. На единственной планете звезды Метаско обнаружилось богатейшее месторождение сианитовой руды. Внепространственные порталы, благодаря которым люди имели возможность открывать и закрывать проходы по своему усмотрению, и пространственные космические корабли, на которых живые и искусственные разумные перелетают от портала к порталу, святым духом не питаются. Их надо заправлять топливом.

В пределах досягаемости на этот момент оказались всего три искателя Организации. Их срочно призвали исполнять свой служебный долг. Двое гуманоидов, капитан Нодсингх и

старший лейтенант Светолов, а также рептилоид Трабб Ракийш, новичок. Вчерашний курсант, он совершил только один разведочный прыжок к совершенно бесполезному, оказавшемуся безжизненным планетоиду, и ещё надо было крепко подумать, считать ли этого лейтенанта полноценной боевой единицей. Сетевые нити, случается, увязывают в ячейки не только планеты, но и скопления незвёздной материи других конфигураций, вплоть до мелких астероидов, однако чаще всего от подобных «миров» толку совсем мало.

Крейсер уже готовился к торможению, и на капитанском мостике собирались все, кому предстояло непосредственно участвовать в этой операции «подключения к сети» новых территорий.

— По предварительным результатам дальнего сканирования картина следующая, — начал техник-астрограф, выводя в демонстратор пёстрые проекции с данными. — Эта планетка — тот ещё геморрой на наши многострадальные задницы. Размером с газовый гигант средней величины, но таковым не является. Она целиком и полностью состоит из твёрдых пород высокой плотности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Образно говоря, на её поверхности живые тела известных нам биовидов расплываются в блин толщиной с одну молекулу. Так что, как вы поняли, основная гнусь — это сумасшедшая сила гравитационного поля и, как следствие, огромнейший диаметр сферы невозвращения. Надеюсь, все помнят, о чём речь?

Что об этом прекрасно помнят гуманоиды, техник не сомневался, конечно, но этот свежеиспечённый лейтбхаяшер...

— При попадании в область пространства, непосредственно прилегающую к разведываемой планете, максимальной мощности двигателя становится недостаточно, чтобы преодолеть силу притяжения, в силу чего пилот обречён на гибель смертью храбрых! — отчеканил «щенок» зазубренное определение из учебника. Он понял, к кому именно обращён вопрос. Не совсем дурак этот ящериц, быть может.

— Очень хорошо. — Астрограф улыбнулся. — Большинство ваших гибнут в подобных ситуациях, когда прыгают в тоннели, ведущие к таким тяжёленьким миркам, потому

как, по теории случайности, девяносто процентов возможных точек выхода в аккурат ложатся внутрь этой сферы. Билет в один конец. Вы знаете, о чём я. Так что в данном случае вам несказанно повезло, что вы находитесь по эту сторону коридора. Мы соорудим стартовый портал на значительном отдалении от планеты, один из её естественных спутников послужит фундаментом. Гарантирую, обратный путь после разведки того конца прохода будет для вас абсолютно безопасным. Короче, план, как всегда, прост. Ныряем, разведываем, фиксируем установлением джампера тот конец коридора, делаем его двусторонним, затем возвращаемся живыми и зарабатываем почести, награды, повышения плюс чемоданы премиальных. Дальнейшее — забота техников, инженеров и планетарных пехотинцев. Вопросы?

Техник отлично знал, что какие уж тут могут быть вопросы. Но обязан был предоставить возможность спросить. Эти трое — профессиональные смертники, а не магазинные разносчики какие-нибудь.

— Да, сёё один момент, — вступил в разговор капитан крейсера, — первыми прыжки совершают «Пятёрка» и «Тройка», — он указал рукой на двух старших по званию, с соответствующими знаками различия на воротниках, — «Единица» остаётся в резерве, на случай... на случай, которого не должно произойти.. А теперь по местам и ждать сигнала!

Всё корабельной сирены разнёсся по кораблю, предупреждая его команду о начале торможения. Капитан занял своё место перед центральной проекцией, техник-астрограф усёлся в кресло и погрузился в ряды цифр, бегущих по мониторам, а «ищёйки» бегом рассредоточились по своим катерам-разведчикам.

Спустя пять часов старший лейтенант Лана Светолов, искатель ранга «Три Звезды», получила добро на взлёт и, подняв свою «Ищёйку» над причальной палубой, пристроилась за разведчиком пятизвездочного капитана.

— Тройка, это Пятёрка, — ожил ретранслятор в кабине катера девушки, — входим в портал на минимальной скорости. Сначала пройду я. Ты выжидаешь ровно минуту и следуешь за мной. И пусть удача летит впереди нас.

— Пусть летит впереди тебя и расчищает путь, Первый! — пожелала Лана своему временному старшему напарнику. С этим капитаном она раньше не была знакома, но впечатление он производил благоприятное.

Оба развед-катера, совершив нехитрые манёвры, приблизились к большому кольцу портала, за считаные часы возведённому монтажным отрядом на поверхности спутника планеты-гиганта. «Каретки» излучателей внутри кольца скользили по направляющим, ускоряясь с каждым пройденным кругом. Синее зеркало входа в пространственный тоннель превратилась в ярко-голубой спиральный световорот... Кораблик ведущего искателя утонул в нём.

Ведомый катер замер перед кольцом портала, выжидая бесконечно долгие секунды паузы. Глаза его пилотессы буквально выпрыгивали из глазниц. Ни одна сила во Вселенной не могла сейчас оторвать взгляда Ланы от этого металлического кольца и бешеной круговерти внутри него. Прошлые операции научили «плохому», она теперь знала, что эти стандартные минутки ожидания — самые мерзкие и ненавистные из всех минут жизни. Что подстерегает её по ту сторону? Возможно, смерть. Вечно стерегущая жертвы смерть в одном из многоликих проявлений, на которые столь изобретательна мать-природа, не особо жалующая своих живых детей.

Но раньше эти проявления всегда оказывались бессильными перед совокупностью внутренних и внешних свойств Ланы, обозначаемой ёмким словом УДАЧА. До этого момента девушка занимала первое место в гонке, второе место в которой не предусмотрено. Что же случится на этот раз?.. Ожидание смерти несравненно мучительней её оскаленного лика, придвинувшегося вплотную и заглянувшего в душу пустыми и оттого ещё более жуткими глазницами. Пустота, небытие, не-существование для разума — страшнее всего, опаснее самых ужасных существующих монстров. Далеко не с одним из реальных чудовищ Лана уже встречалась, и сходилась в поединке, и побеждала. Так что уж кто-то, а она имела возможность сравнивать.

— Ненав-и-и-иж-ж-жу... — сквозь сжатые зубы процедила девушка, оцепеневшая в кабине «Ищейки». Смерница

с поднесенным к виску револьвером, в барабане которого оставлен один патрон.

Все её «сверхчеловеческие» способности в этот момент молчали и не рыпались, как партизаны в глухом лесу в глубоком тылу врага. Она уже МОГЛА ими пользоваться, но — спрашивается, зачем?.. Время шло, дедушки больше не было рядом, а она так и не научилась главному — самостоятельно перемещаться между мирами, не прибегая к помощи всяких бороздящих реальное пространство звездолётов и природных внепространственных тоннелей. Максимум, что Лана могла, — это переместиться с одного полюса планеты на другой. В пределах одного мира... Она отчаянно пыталась пройти ДАЛЬШЕ, за пределы, но у неё не получалось при всём желании. Словно какой-то предохранитель блокировал уход в открытый космос.

Незабвенный наставник покинул её, перед уходом не растолковав КАК. Он почти всему научил внучку, кроме самого необходимого для поиска... хотя обещал, что она обязательно сумеет. И это обещание, как последний тлеющий угольёк от потухшего костра, теплило в душе надежду на их возможную встречу. Хоть бы одну, хоть бы недолгую. Вот только ЧТО Лана для этого должна сделать? А сделать что-то явно должна, она это чувствовала... Какую запредельность постичь, через какую клоаку Вселенной прорваться, чтобы заслужить эту встречу?...

Как всегда в ЭТУ минуту, мысли неслись неудержимо, напористой лавой, под громогласные щелчки таймера, отсчитывающего секунды до прыжка. Тихо пикнул предупреждающий сигнал, но в ушах девушки он прозвучал оглушительно, подобно звону церковного колокола над самой головой.

— Амба страхам! Полный вперёд!

Лана испытала острый приступ радости, что минута окончилась, рванула рукоять ускорителя и ринулась в сияющий вихрь межмирowego портала...

После яркой вспышки перехода она ожидала узреть что угодно, только не то, что увидела. Реальное пространство вокруг её «Ищёйки» было заполнено множеством лётательных аппаратов и стационарных орбитальных конст-

рукций. В пейзаж органично вписался сине-зелёный шар планеты, на добрую четверть всего обозримого пространства, в окружении комплексов станций, портов, заводов, доков и прочей машинерии, присущей всем техногенно развитым мирам.

— Й-и-их-ха-а!!! — ворвался в кабину Ланы голос капитана-напарника. — Троечка, не помню, как там тебя по имени, но поздравляю! Всех нас поздравляю! Это мир Энисин Сулик в системе Глазгор, и будь я проклят миллион раз, если мы только что не пришли в неё с другой стороны, по единственному красному тоннелю этой соты! Ячейка только что обрела свой последний, восьмой мир! С выходом прямо на месторождение бесценной руды! Ты понимаешь?! Вот это бонус!

— Удача летела впереди и расчищала путь... уф-ф-ф... — Лана шумно выдохнула воздух, набранный в лёгкие по ту сторону прохода, отключила связь, закрыла глаза и откинулась на спинку своего кресла. Дальнейшая словесная буря «Пятерного» её уже не волновала.

Пограничные миры полны сюрпризов. Хотя слово «граница» к этим мирам применимо весьма условно. Минуту назад осевой мир соты, третья планета звезды Глазгор, был пограничным, потому что из семи возможных внутрисотовых проходов имел один неразведанный... А сколько ещё таких миров! Планет, коридоры из которых ведут в направлениях, не известных даже самой информированной в обозримой Вселенной Организации. Организации, которой служила теперь она... по завету единственного человека, которого любила.

События последующих суток в сознании Ланы пролетели, как ускоренные кадры фильма, без особого смысла, без особой важности, без цвета, без жизни. Девушка вышла из глубокого погружения в свои мысли лишь на борту разведывательного фрегата Организации, который в составе ответной экспедиции из мира Энисин Сулик вернулся к первой планете Звезды Обетованной и теперь от Метаско нёс её ка-тер дальше, на условную периферию. Лану поджидали те миры, где на большинстве засечённых входов в природные коридоры стояли большие знаки вопроса. Окрашенные в

цвета, символизирующие количество её сослуживцев, не вернувшихся обратно из прыжков в неизвестность.

Старший лейтенант Лана Светолова сидела за столиком в полупустой столовой и только-только опрокинула стаканчик горькой настойки, чтобы заглушить бродящие в её голове размышления по поводу бессмысленности слепого блуждания по мирам в поисках заветной цели, завещанной ушедшими предками. До сих пор всю свою жизнь она только этим и занималась, но так ведь можно и до самой своей кончины шататься по Вселенной. Она-то беспредельна по сравнению с быстротечным существованием отдельно взятого разума...

— Можно присесть за ваш столик? — Приятный мужской голос вырвал Лану из объятий горьких раздумий.

Лана подняла взгляд и оценивающе осмотрела незнакомца. Перед ней стоял молодой мужчина, человек примерно её лет, приятной наружности, в форме лётного офицера. Отсутствие на его мундире знаков различия свидетельствовало, что этот военный по каким-то причинам не хотел афишировать своё звание и скрывал его в свободное от непосредственного несения службы время. Что, собственно, уставом Организации и не запрещалось. Но оказаться он мог кому угодно, начиная от младшего оператора машинного отделения и заканчивая командиром этого крейсера. Хотя последний вариант, учитывая его молодой возраст, всё же гораздо менее вероятен.

— Почему нет? Присаживайся, — Лана указала рукой на стул по ту сторону столика.

— Меня зовут... — начал было молодой человек.

— Стоп. Давай сегодня обойдёмся без имён и званий. — Лана тут же подкрепила слова действием и отцепила крепления своего новенького блестящего значка «Четыре Звезды», полученного за последний рейд. — Устала от этих рангов и званий. Сегодня за этим столиком просто мужчина и женщина одной расы. Согласен?

— Если вам... если тебе так хочется, то я совсем не против. — Молодой человек повернулся в сторону корабельного кока, скучавшего за стойкой, щёлкнул пальцами и изобразил кистью несколько условных знаков, понятных только им обоим.

Кормилиц личного состава энергично кивнул и тут же закопошился на своём рабочем месте. Такое поведение кока говорило о том, что он очень хорошо знал и уважал этого молодого офицера.

— Открой мне свой секрет, — незнакомец обратился к Лане, пристально глядя ей в глаза, — что такая красавица, как ты, делает в рядах откровенных... м-м-м... полусамоубийц? Не верится, что тебя в ишёйки за что-то засунули в наказание...

На универсальном сетевом он разговаривал с едва заметным акцентом — признак того, что этот язык не был для него родным с самого детства. Выходец с достаточно изолированной планеты, вероятно.

— Ой, прямо уж красавица! — Девушка улыбнулась и махнула рукой. — К тому же ответ, я думаю, очевиден. Вот скажи мне, какой размер у твоего годового жалованья? Можешь не отвечать, цифры не особо важны. Так вот, я за последнюю разведку заработала в десяток раз больше. Тадам-м!

— Это для меня не новость. — Молодой человек продолжал очень пристально смотреть ей в глаза, и его бураяющий взгляд тревожил, но девушка не опускала своих глаз, ей доводилось ещё и не такое видеть. — Вопрос не в этом. Ответь, почему совсем молодая женщина, в самом-самом расцвете лет, после смертельно опасного прыжка не воспользовалась своим законным правом на отпуск? Знаю не понаслышке, на полученные премиальные после удачной разведки искатели отрываются по полной программе. Так активно и безоглядно, будто это последние дни их жизни.

— Для многих таковыми они и являются. Что ты можешь знать о нас? — Лана опрокинула очередную порцию и громко стукнула донышком стакана о матовую поверхность столешницы.

— Да всё я о вас знаю, — улыбнулся молодой человек, — я был ишёйкой, пока не решил сменить профиль, перейти к более... э-э-э... умеренным способам освоения.

— Надо же! Вот как? — Девушка уставилась на парня нагло-насмешливо; он наконец-то смущился и отвёл взгляд. —

Тогда к чему все эти вопросы, господин откровенный полу-самоубийца?

— Мне до боли знакомы твои чувства, возможно, я даже понимаю тебя лучше, чем ты сейчас сама себя, — продолжил лезть в душу неожиданный собеседник.

— Ха-ха-ха! — Девушка не удержалась и прыснула смехом. — Первый раз встречаю такого забавного собеседника, который предположил, что может меня понять. Все остальные kleили на меня ярлыки «загадочная», «ненормальная», «сумасшедшая», «полная дура». Ха-ха-ха! Знаешь, ты мне даже стал симпатичен в своём идиотском предположении.

— Я был таким же, как и ты, — бесстрастно продолжал офицер, не обращая внимания на хохот собеседницы, — я поступал точно так же, как и ты. Я нырял из одного прохода в другой без перерывов, без отдыха. Могу поклясться, что у тебя на счету тоже, как и у меня, скопилась сумма неистраченных премиальных, на которую можно купить целую планету. Ты, как и я, действительно... ИЩЕШЬ. Правда? Скажи, что я не прав?

— Не скажу. — Лана от этих его откровенных слов резко оборвала свой смех и быстро оглянулась по сторонам, как будто высматривала пути к отступлению. — И что же ты искал?

— А разве это имеет значение, что искать? Главное в нашем деле следовать зову своей души. Лишь тогда поиски могут дать результат и привести к заветной цели, когда ты прислушаешься к себе и почувствуешь... э-э-э... стрелка компаса души указала верное направление, что ли. Можно? — Молодой мужчина указал на бутылку горькой настойки, которую уже наполовину опустошила Лана.

Девушка молча наполнила свой стаканчик и подвинула его к собеседнику. Офицер поставил его на запястье, как это обычно делают «ищёйки», и опрокинул в себя алкоголь.

— Ух! Давно не употреблял её. — Он вздрогнул от позабытых ощущений. — Так вот, когда я понял, что совершаю бессмысленные и хаотичные шаги, которые ничем не лучше метода тыкания пальцем в небо, я остановился. Остановился и прислушался к себе. Спустя какое-то время я что-то услышал. И знаешь что?

— Что же? — В глазах Ланы уже вновь свелись огоньки жизни и любопытства.

— Не поверишь. Я услышал голос своей мамы...

— Ха-ха-ха-ха! — Женщина и мужчина на пару, не сговариваясь, дружно рассмеялись, потом по очереди опрокинули ещё по одному стаканчику настойки.

— Нет, я серьёзно. Ты первая, кому я это говорю, — продолжил молодой человек, сдерживая смех, — как увидел тебя, почему-то почувствовал... некое родство душ, что ли, и решил поделиться мыслями. Может, всё-таки познакомимся?

— Не-е-е, — протянула Лана и замахала руками, — сегодня без имён и званий, мы же договорились!

— Ну ладно. Я могу и до завтра подождать, — согласился парень. — Вообще у меня удивительно стойкое ощущение, что я тебя всю жизнь знаю.

— А если не секрет, что ты искал? Ну, скажи, мне жутко интересно. — Лана смотрела на собеседника просительно. И незнакомец ответил ей откровенно.

— Если честно, то не «что», а «кого». — Он тяжело вздохнул. — Я искал одну девушку. То есть я думаю, что она выросла и стала прекрасной девушкой.

— Любовь? — серьёзно, без тени иронии, уточнила Лана.

— Любовь, — кивнул офицер, — и что самое интересное, я даже не знаю, как она выглядит теперь и кто она, хотя точно знаю, кого ищу.

— Тогда на что ты вообще рассчитываешь? И зачем тебе именно её искать? Бери то, что подворачивается по дороге, и радуйся жизни! Ты молод, красив... — Девушка запнулась. — Э-э, осчастливь любую и живи себе без забот. Погоня за идеалом обычно приводит к полному разочарованию...

— Что я слышу? Ха-ха-ха! — Собеседник опять рассмеялся, ехидно на этот раз. — А сама-то чего не отступишься?

— Ну, у меня очень тяжёлый случай. — Лана сокрушённо покачала головой.

— Вот и у меня, похоже, не менее тяжёлый, — подвёл черту молодой мужчина. — Знаешь, я тебя увидел и вдруг

подумал вот что... Может быть, этой девушкой и стала та, которую я ищу. Словно шепнуло что-то во мне, подсказало, вот она, вот... Что скажешь ты?

— Я лучше промолчу.

Они переглянулись и снова, не сговариваясь, рассмеялись. После этого допили свои порции, опустошив бутылку до дна.

— Не-е-е, кто угодно, только не я. В смысле, не меня ты ищешь, это точно. — Лана игриво улыбнулась, облокотилась о стол и пристроила подбородок на сомкнутые ладошки. — Скажи, а ты всегда, когда хочешь затащить девушку в постель, рассказываешь ей эту историю?

— Если честно, то у меня до сих пор не было нужды в каких-либо историях. — Молодой человек затаённо улыбнулся; и абсолютно верилось, что он не бахвалится попусту. — Все красавицы сами прыгали ко мне в постель.

— Ваш заказ! — Кок приближался к столику, неся в одной руке блюдо с аппетитными на вид роллами-ассорти, а в другой, судя по солидной пробке с проволочной оплёткой, какое-то игристое вино.

— А заверните-ка всё это нам с собой, — указала девушка на вкусности, — нашу милую беседу мы продолжим в моей каюте.

И молодые офицеры, прихватив блюдо и бутылку, удалились. Кок не провожал их взглядом. Добродушно улыбаясь в усы, он вернулся за свою стойку. Видимо, подобное развитие событий, происходящее в этом зале на его глазах, для немолодого сержанта вовсе не было чем-то из ряда вон выходящим...

Но уже на следующее условное утро по корабельному времени в кабине своей верной «Ищёйки», с которой она успела чуть ли не сродниться, Лана покинула борт крейсера. Исследовательница улетала туда, куда её внезапно позвало нечто новое, неизведанное. Оно ворвалось в сознание, как только она проснулась и открыла глаза. Возможно, провернулась и застыла указующая «стрелка компаса души», упомянутая молодым офицером. Хотя больше всего внучике, ничего никогда не забывающей, нравилось словосочетание, которое она когда-то услышала от своего деда. «Зов Судьбы».

В тот же час, когда девушка, обретшая «официальное» право зваться женщиной, уже летела в одной ей известном направлении, в каюте, недолгое время служившей очередным времененным пристанищем, проснулся молодой мужчина, с которым она провела первую ночь любви в своей жизни.

Он встал, грустно оглядел помещение, явно покинутое молодой женщиной навсегда, и взял в руки записку, оставленную ему на столике рядом с пустой бутылкой и блюдом с несколькими засохшими роллами.

«Безымянный мой, не знаю, оказалась ли я той, которую искал ты, но я тебя нашла. Ты и сам понял, что я не согласилась бы лечь с первым встречным... Но так выходит, что я не могу позволить себе любить только одного человека. Мне доверена судьба целого человечества. Не прощаюсь, хотя не уверена, что свидимся... Прости, если можешь.

Твоя Лана».

Молодой офицер, как был нагишом, так и выскочил в корабельный коридор, крича: «Лана, стой! Лана, это же я! Лана, я не ошибся!» Но метров через тридцать осознал, что девушки уже наверняка нет на борту, что он проспал, и она улетела. Бесполезно бежать ей вдогонку. Он быстро вернулся и натянул свою униформу. Вынул из кармана золотые крылья не просто капитана по званию, но капитана корабля, и прикрепил их на положенное уставом место, к уголкам воротника слева и справа. Затем добавил к ним адмиральскую бриллиантовую «ракетку».

— Адмирал Раевский, сэр, — ожил динамик его личного терминала, — у нас экстренная ситуация. Срочно пройдите на мостик!

— Ты мне скажи, старпом, какого чёрта с моего флагмана отчаливают катера без моего разрешения?! — прокричал на ходу молодой капитан корабля.

— Сэр, но за всё время моего дежурства улетела только одна ишёйка... около часа назад. А эти ребята... никому не подчиняются, — запинаясь, стал оправдываться старший помощник. — Вы же должны это знать!

— Срочно развернуть корабль и догнать! — проорал свой приказ капитан крейсера.

— Я бы и рад, но... у нас тут ситуация. Прямо по курсу неидентифицированная флотилия в составе тяжёлого крейсера и полудюжины кораблей сопровождения, — доложил старпом. — Боюсь, нам придётся отступить и подождать подкрепления. Наша эскадра на подходе, но...

— Тоже мне ситуация. — Молодой эскадренный адмирал фыркнул. — Всего лишь минут на двадцать возни для толкового командера. Сейчас я покажу вам то, чему в академиях не учат. А потом сразу же в погоню за «Четвёркой»!

Глава третья ПУТЕВОДНАЯ НИТЬ – ЗАНОСИТ

— ...При условии чёткой отработки всех деталей, я думаю, у нас получится. Говорить, что в результате мы победим, я поостерегусь. Нам бы не потерпеть разгромное поражение. В идеале, разойтись с ничейным счётом, остаться при своих, — завершает излагать замысел командир. Наверняка придётся ещё уточнять эти самые детали, в которых кроется залог успеха, выслушивать подробные инструкции, что-то предлагать, дополнять, согласовывать и так далее, но основное он уже сообщил нам. Мы выслушали молча, не проронив ни словечка, даже я. И продолжаем молчать. Перевариваем.

«Остаться при своих» — гениальная формулировка, короче и ёмче просто некуда. В трёх словах отражена вся суть.

Должно получиться, уже понимаю я. Обязательно должно. Если мы втроём успешно выполним свои боевые задачи. И от этого понимания хочется завыть с тоски. Она меня переполняет и точно так же, как моего командира, жжёт, жжёт нестерпимо...

— Плана Буки, ясен-красен, не припасено, — нарушаёт гнетущую тишину наш боевой побратим. — Сплошной первостепенный Аз. Да всенепременно победить надобно, иначе...

Снова повисает пауза. Наш костерок потрескивает, пытаясь сё нарушить, но у него просто не хватит силёнок, треск едва слышен. Хватит ли силёнок у меня? Всё-всё исполнить как следует и при этом не сгореть от тоски... вселенской. Да,

ничего не попишешь, очень подходящее слово в данном контексте.

— Точно так, иначе, — согласно киваст головой командир. Никакой улыбки на его лице давно нет и в помине. И голос у него хриплый, надрывный. Словно с того момента, как он решился озвучить единственно возможный вариант наших дальнейших действий, головоломный план «Аз» стал наконец бесповоротно реален для него самого, а приказ превратился в синоним пожизненного приговора нам.

Ему и мне.

— Кому-то надо это сделать, чтобы не допустить этого, ин... наче, — пытаюсь собраться с духом и говорить твёрдо, но удаётся плохо, и на последнем слове голос предательски срывается.

— Ну, вы того... этого, потолкуйте промеж собою, а я тем часом пробегусь, окрест огляжуся, — плавным, кошачьим движением выпрямляется и становится на ноги побратим наш боевой. — Вам потребно, прям сей миг. Кликните, уж когда подробицы обсуждать зачнём.

Через несколько секунд в избушке только я и командир. О том, что был здесь и третий, напоминает лишь струя ледяного, почти как космос, «забортного» воздуха. Когда открылась и закрылась дверца, выпуская уходящего человека наружу, мороз атаковал и ворвался оттуда, из довлеющей в этом мире зимы, сюда, в наше бревенчатое убежище. Временное, как и всё в жизни, такой короткой, но щедрой на потери.

«...Я была уверена, что в этой жизни уже не пролью слёзы по мужчине. До самого её неизбежного завершения, когда бы оно ни случилось. Я выплакала все глаза, когда из этой жизни ушёл мой любимый. И чтобы выдержать нечеловеческое напряжение похода, вынуждена была жёстко зафиксировать свои чувства в панцирь самоконтроля. Без него я просто хрупкая маленькая женщина, что бы по этому поводу ни думали мои спутники.

Вчера панцирь не выдержал внутреннего напора и дал трещину. Спутник внезапно остался всего ОДИН, и с глуби-

ны моей души, из темницы, в которую я их затолкала, вдруг хлынули, сорвав замки и сломав засовы, простые человеческие чувства, которые я была вынуждена запереть в себе, не давать им выхода, чтобы они не переполнили меня, не остановили меня, не лишили сил...

Сейчас я уже взяла себя в руки. Вновь контролирую свои эмоции. Спасибо последнему из моих мужчин. Он, из всех нас больше всего поражённый болезнью, за которую Вселенная стирает разумы, оказался необычайно понимающим, нежным и заботливым. Во многом благодаря ему я и выдержала удар в спину, устояла на ногах, не свалилась замертво... ведь меня больше некому было охранять!!!

Но сегодня — вновь есть кому. Он сделал то, чем всегда был занят мой верный супруг.

Теперь я понимаю, что даже когда мой любимый был жив и шёл по жизни рядом со мной, законный муж хранил меня.

Но вчера он ушёл из жизни. Вдруг. Без всяких видимых причин. Занёс ногу для следующего шага и рухнул как подкошенный. Беззвучно, тихо. Как жил.

Не от пули, не от луча, не от удара ножа, не от плазменного импульса, не от взрыва, не от удушья, не от боевой инфекции, не от газа, не от излучения, не под колёсами автомобиля, не в башне танка и не в кабине подбитого штурмовика. Ничего такого, от чего положено погибать солдату.

У него просто разорвалось сердце. Организм не выдержал. Слабым звеном оказалось тело. Сил разума и души у моего стойкого Солдатика хватило бы на всех нас, я уверена. Поэтому под удар попала телесная ипостась.

Что его бесполезно реанимировать, я поняла мгновенно. Видимо, поэтому и сорвалась, осознав, что ни малейшего шанса исправить...

Телесная хворь была наслана Ею, я точно знаю. Не особо-то Она и пыталась скрыть, я без труда выловила непосредственное присутствие Её воли. Она пользуется любой оказией, чтобы сократить численность, чтобы нас осталось как можно меньше. И пока что Ей это удаётся. Чем ближе роковой час, тем быстрее уменьшается наш отряд.

Но теперь становится ясней, кому из нас суждено с Ней сразиться. Решающая битва свершится в нём самом. Принц,

и только он, способен победить смертоносную заразу, инфицировавшую наше человечество и предельно сконцентрированную в нём. Всё, что с отрядом произошло в походе, существенно разбавило концентрацию.

Достаточно ли, чтобы убедительно доказать Ей: *самоочищение разума возможно?*..

Но это свершится не сейчас. Завтра.

Сегодня День Памяти моего верного любящего Супруга. Мы с ним так долго тянули доставшийся нам груз в одной упряжке, но я этого почти не замечала...

Да, ещё позавчера я не представляла, что смогу испытать боль не менее сильную, чем когда погиб мой любимый, отец моих детей. Это страдание несколько иное, но такое же мукительное.

И было бы смертельным, если бы не помочь духов предков. Не нравится мне это словосочетание, не отражает оно сути, но они сами себя так зовут, и не мне им перечить. Я несказанно благодарна им за то, что не прерывают со мной связь. Быть может, Солдатик узнает о моей неподдельной скорби. Я сожалею, что не плакала о нём, пока он был жив...

Хотя плакать мне было нельзя. И сейчас нельзя. Плакать я себе не могу позволить. Пока не дойду до точки. Во всех смыслах этого слова. Ух, тогда я зарыдаю, обо всех сразу вспомню. Вселенная вздрогнет!!!

А побыть слабой я себе могу позволить разве что на том свете. Когда встречусь с духом любимого... и с духом супруга, чтобы попросить прощения за то, что не успела ничем отблагодарить. Но скорей всего моя душа не уговорится и на другом уровне бытия, поэтому и там буду самой собой. Искать ответы на вопросы. Надеюсь, что смогу оттуда связаться с живыми и помочь наладить жизнь. Чтобы душам было куда возвращаться.

Только прежде разберусь, зачем это необходимо...

Чтобы мёртвые не оставляли на произвол мироздания живых, надо, чтобы оставались живые, способные о них помлиться за упокой. Тогда и мёртвые помолятся во здравие живущих. Ничто и никто не исчезает бесследно, и все мы взаимосвязаны...»

* * *

Дедушка изредка приговаривал шутливую фразу: «Женщину послушай, но сделай наоборот». Сейчас Лана восприняла пословицу как аксиому. И её абсолютно не смущал тот факт, что она сама являлась представительницей упомянутой икс-хромосомной половины биовида человеческого. А что делать? Против очевидного факта не выступишь — тихий голос, который искательницу сюда заманил, принадлежал именно женщине.

Сильнейшее сотрясение катера, который девушка пилотировала, засвидетельствовало очередное попадание по нему. На панели вспыхнула красная мигалка, и голос бортового компа предупредил о критическом состоянии энергетического щита.

— Потерпи ещё немного, родимый. — Пилотесса отчаянно маневрировала, пытаясь уйти от зелёных дорожек сверкающих бусинок и огромных сфер огня, состоящих из сгустков плазмы, которыми щедро усеивали космос её преследователи.

«Ищайка» летела прямо на серый шар неизвестного мира, в околокосмическом пространстве которого Лана наравилась на боевой патруль военизированной силы, именующей себя «Орденом Свободы»

— Приближается ракета, — бесстрастно предупредил всё тот же голос и стал монотонно повторять эту фразу через секундную паузу.

Лана два раза утопила в панели кнопку сброса контрмеры и завалила рукоять джойста управления, резко уводя катер в сторону. Потом, уже зная наверняка, что ей придётся совершить аварийную посадку на неизвестную планету, выпустила аварийный буй-передатчик. Если верить стандартной процедуре, на его зашифрованный сигнал прилетит первый же корабль дальнего патрулирования, который окажется в этом ответвлении кластера. Спасение ценных членов Организации, одним из которых являлась искательница четвёртого ранга, входило в ряд задач высшего приоритета для капитанов кораблей флота.

И вот, когда катер уже входил в атмосферу, его ещё раз поразил энергозаряд, и индикатор на панели показал отказ

работы щита. Лана, ни секунды не колеблясь, сорвала предохранительную крышку рычага катапульты и рванула его. Кресло пилота с пристёгнутой к нему девушкой мгновенно провалилось вниз. И спустя мгновение бронированная капсула, в которую упаковала Лану спасательная система, понеслась к поверхности планеты, обгоняя облако осколков и раскалённого газа. В них превратилась отслужившая до героического конца «Ищейка»... Грузовой отсек по каким-то причинам не успел катапультироваться и отдалиться на безопасное расстояние вместе с пилотской капсулой. В яркой вспышке исчезла большая часть поискового оборудования и все паки мобильных порталов.

После стремительного падения отгремели тормозные двигатели капсулы и раскрылась широкая лента парашюта переменной парусности. Такие парашюты использовались преимущественно на разведывательных кораблях, ибо заранее не была известна плотность атмосферы, в которой придётся совершать аварийную посадку.

Пока капсула опускалась, наружные датчики провели полный анализ атмосферы, уровней радиаций и естественных полей этой планеты. Условия для жизнедеятельности особи биовида человек тут были на слабую троичку по пятибалльной шкале.

Посадка прошла на удивление гладко. Температурные перепады, радиационный фон и гравитация оставались в пределах нормы, но дышать здешним воздухом человеческий организм не смог бы, и девушке пришлось остаться в гермошлеме с системой молекулярного синтеза кислорода. Сложив все наличные припасы в рюкзак, прихватив компактный кейс универсального полевого комплекта искателя и вооружившись своим ручным скорчёром, Лана убежала прочь от места посадки. Скорее всего «Орден» не будет её преследовать на поверхности планеты, но девушка была по горло сыта разнообразными неожиданностями. Имея за плечами немалый, мягко выражаясь, боевой опыт, она всегда предпочитала готовиться к самым худшим раскладам.

Капсула села на каменной равнине, усеянной глыбами и глыбками разной величины, недалеко от границы скалистой местности. Девушка решила укрыться среди скал и спустя

час уже вскарабкалась на вершину одной из них и там устроила себе наблюдательный пункт. По пути ей встречались скучные признаки бывшей жизни в виде серых окаменелостей карликовых деревьев, торчащих между камней.

— Ну вот, молодая-интересная, теперь остаётся только ждать, — сообщила Лана сама себе. — Воды-еды тебе хватит на месяц, с учётом рециркуляции, а потом будешь скалы грызть и пить... Эх, почему спасательную капсулу не комплектуют хотя бы одним портативным джампером? Явная недоработка, место ведь имеется... Хотя у тебя всегда в запасе аварийный выход из ситуации. Перестать притворяться нормальной, сорвать предохранители и самостоятельно переместиться в какой-нибудь другой мир... А потом включить дурака и сочинить правдоподобную историю, каким образом и где потеряла катер со всем штатным оборудованием.

Девушка легла на камни и уставилась в пылевые облака здешнего серого неба. Тревожные мысли не давали ей покоя. Катер, исправно прослуживший ей немалый срок, было не то чтобы жаль, но... жаль, чего уж там греха таить. После знакомства в ангаре космобазы именно «Ищейка» заменяла ей напарника, к присутствию которого девушка привыкла за всю предыдущую жизнь. Лана вспоминала события последних месяцев, с того самого утра, как она впервые услышала голос.

Тот женский голос, который не давал ей покоя ни днём, ни ночью и настойчиво звал. Она его не слышала лишь тогда, когда целенаправленно заглушала своё паранормальное восприятие. Что это за голос? Лане очень хотелось верить, что зов не был началом её безумия, что разум не дал глубокую трещину от перегрузок, в изобилии выпадающих ей с самого младенчества. Но если это не безумие, то что же?

Дед, ещё до того, как оставить её в одиночестве, не раз упоминал о неких технологиях фиксации и передачи памяти, используемых обитателями осевого мира погибшей ячейки, рассказы о которой Лана слышала от него же. Но также он говорил, что ретрансляции эти были узконаправленными, совсем короткими по дальности, если сравнивать с масштабами Вселенной, и носили характер именно обмена мнемоза-

писями между индивидуумами. В данном же случае, если учитывать последние перемещения Ланы и предположить, что ею была уловлена именно трансляция, то напрашивался вывод: «голос» имел природу не волны, а поля. Трансляция распространялась во всех направлениях на огромные расстояния, да и посланием её назвать язык не поворачивался. Это было больше похоже на диалог, пусть не всегда понятный, порой просто бредовый, но всё же именно диалог. Женский шёпот произносил разнос и, отвечая на последний заданный вопрос, повторял последнюю фразу умопомрачительное количество раз.

А может, это некое мнемо-эхо давно умершего мощного медиума? И оно теперь блуждает меж звёзд?.. Или — мнемо-маячок, оставленный специально для неё, Ланы? Но для неё ли?..

Ответов на эти вопросы не было, и Лана просто следовала за этим ирреальным голосом, искренне желая верить в то, что он приведёт её к искомой цели. Во что-то верить человеку надо же, для того чтобы жить и сохранять разум! Хоть во что-то, но верить.

— И чем бы таким интересным заняться? — опять заговорила сама с собой искательница, пытаясь отогнать утомительные и бесполезные на данный момент размышления; проговаривание вслух действительно помогало ослабить напряжение мыслей. — Что там положено искателям? Пункт первый: обнаружив незарегистрированный мир, проверить его на наличие внутрисотовых или межсосевых каналов, а результаты измерений незамедлительно отправить по зашифрованному каналу на ближайшие... бла-бла-бла.

Служащая Организации закрыла глаза и ещё минут десять пролежала неподвижно, всё-таки пытаясь собраться с мыслями.

— Нужно что-то делать, чтобы не сойти с ума. — произнесла она вслух, что с нею в последнее время случалось всё чаще и чаще, и встала.

— Итак, набор ищёйки, — Лана открыла кейс и стала распаковывать и устанавливать полевую лабораторию.

— Раз-два-три-четыре датчика разместим по углам треугольной пирамиды. Вершина пирамиды будет прямо здесь. —

Искательница сняла предохраняющий колпак и стукнула небольшим серебристым цилиндром датчика о скалу.

Датчик, издав тихое жужжение, намертво прикрепился саморезами к породе, тихонько пискнул и зажёг свой жёлтосиний индикатор готовности в ожидании связи с остальными закреплёнными датчиками.

Девушке пришлось спускаться к подножию скалы, на вершине которой она обустроила наблюдательный пункт, и, на глазок примерившись, устанавливать ещё три датчика, завершая объёмную конструкцию каналографической пирамиды. Затем, вскарабкавшись обратно, Лана включила логический модуль разведчика. По его экрану сразу побежали строчки символов и цифр — шла коррекция и вычислялись поправки, учитывающие не совсем правильную форму пирамиды. Стандартный звуковой сигнал оповестил о начале процесса сканирования пространства, который, по обыкновению, времени занимал час с небольшим.

Искательница некоторое время задумчиво всматривалась в бегущие ряды данных, но потом бросила это занятие. Стress отступил давно, а физические нагрузки вызвали чувство голода. Наполнив аварийную палатку дыхательной смесью, она пролезла сквозь её шлюзовую камеру и очутилась внутри небольшой полусферки из очень прочного герметичного материала. Здесь она сняла шлем и без особой радости употребила часть сурьного походного пайка. Эмоциональное утомление и принятие пищи взяли своё, и Лана быстро заснула внутри уютной полусферы палатки.

Девушка не запомнила, что конкретно ей снилось, но сон был неприятный, тягучий и липкий, как те звуки, которые, прорвавшись через её вязкую слизь, вырвали её сознание обратно в реальность.

Лана вскочила, натянула гермошлем и быстро выползла наружу. Верещал логический блок полевого комплекса. Девушка не сразу поняла, что это, перекрикивая друг другу, истерически орали три разных сигнала экстренной важности. Каждый из них был разной тональности и периодичности и каждый предупреждал о своей экстренной ситуации.

Недолго думая, Лана прикоснулась к сенсору одного из оповещений, на данный момент самого важного для неё.

Приняв лёгкое прикосновение за вероятную ошибку, сенсор панели не сработал с первого нажатия.

— Чтоб он сдох, тот урод, который придумал эти идиотские сенсоры, и два раза сдох тот тупой инженер, который решил использовать эту хрень на военной аппаратуре!!! — Вдобавок Лана грязно выругалась, потому что далеко не впервые сталкивалась с неадекватностью в работе якобы удобных и надёжных сенсоров. Боевой опыт давно подтвердил и доказал: хочешь выжить — используй всё проверенное, доброе и надёжное. Отказавшую в работе обыкновенную кнопку хотя бы можно остирём ножа подковырнуть и лезвием закоротить контакты, а с сенсорами оставалось только молиться. Знать бы кому...

Вообще, конечно, человеку лучше бы на силу собственного разума полагаться, а не на помошь искусственных созданий, всяческих машин и приспособлений. Чтобы не оказаться беспомощным, когда мать-природа вдруг разозлится на агрессивных детей, уродующих её лик, до такой степени, что уже не ограничится дежурными порками в виде точечных катализмов вроде извержений вулканов, наводнений-потопов, ураганов-торнадо, падений астероидов и тому подобных локальных катастроф... Но до чего ж это соблазнительно — кататься, вместо того чтоб на «своих двоих» топать! Даже она, Лана, поддалась соблазну. Если раньше воспользоваться истинными силами разума ей не позволял запрет деда, то что же блокирует желание теперь? Неужели настолько привыкла быть как все, мимикрировать под обычного человека, то есть *ленивого разумом*? До такой степени разленилась, что теперь, когда вроде бы можно... никак не решится ШАГНУТЬ в полную силу?..

Повторное нажатие сенсора активировало сеанс связи по секретному каналу Организации. Буй на орбите сейчас играл роль передатчика, и патрульный рейдер, чудом оказавшийся поблизости, засёк его тревожный сигнал.

— Искатель два-два-семь-один-восемь-девять, это глубинный патрульный пять-два-восемь-четыре-пять-три, подтвердите свой статус. Повторяю, искатель два-два-семь-один-восемь-девять, это глубинный патрульный пять-два-восемь-четыре-пять-три, подтвердите свой статус, — бес-

страстно произносил офицер связи сквозь шипение и треск помех.

— Искатель два-два-семь-один-восемь-девять, — отвела девушка, — пребываю в секторе шесть-один-девять Бэ пограничья два-пять-семь. Челнок сбит патрулём Ордена Свободы в составе трёх автономных штурмовиков, пяти лёгких истребителей и одной канонёрки. Ожидая эвакуации. Как поняли, приём.

— Принято, искатель два-два-семь-один-восемь-девять, ожидайте эвакуации. Подберём вас в течение двенадцати часов. Активируйте личный маяк и оставайтесь на связи. — Этими словами передача завершилась.

— Уфф! — Девушка облегчённо вздохнула. — Хоть заберут из этой дыры быстро. Повезло...

И в этот миг обрадованная искательница обратила внимание на ещё два предупреждения, отчаянно мерцавших на проекторе.

— Не может быть!!! — Единственное словосочетание, что сорвалось с её губ, когда в соседствующих проекциях всплыли две информационные панели.

Глава четвертая ЧЕКПОЙНТ СУДЬБЫ

К обсуждению «подробиц» мы приступаем очень не скоро. Вина в том полностью моя, командир молодцом держался и не раскисал — за нас обоих. А мне далеко не сразу удалось справиться с нервишками. Мягко говоря, далеко не. Побратим совершенно замёрз на открытом воздухе, исхлестал его ветер и умучил мороз, но уж он-то всё понимает и на меня не в обиде. Спасибо ему. Повезло нам с третьим...

Без него замысел не осуществить.

И без меня.

И само собой, без нашего *первого*.

Всем достанется, никому мало не покажется.

Но мы военные и должны пройти свои маршруты точно так, как намечено на астрографической и хронологической картах нашего теперь уже общего замысла.

ИНАЧЕ...

— Отыскать-то я его отыщу, — раздумчиво произносит побратим, — а вдруг как не зажелает уходить он?

— Никто и не говорил, что это будет прогулочка на курорт. Но ты же профессиональный мастер специальных операций, друг, неужто не справишься? Хотя не вижу серьёзных оснований сомневаться в нём. Я уверен, что он пожелает... Сердце мне подсказывает, скажем так. Да ты не хмурься, не хмурься. Есть задача и посложней, чем твоя.

— Это да-а... — говорю я и огромным усилием воли сдерживаю тяжкий вздох, рвущийся наружу. — Мне хмуриться куда больше пристало. Отыскать кого-то уже существующего всё же чуток попроще, чем сотворить героя... от стартовой планки.

Ого, что это было? Да я уже шутить пытаюсь, что ли? Шутка не так чтобы смешна, но факт попытки налицо.

— Не бойся, тебе в придачу доведётся и кого-то существующего искать, — донельзя соболезнующим голосочком «утешает» командир. — Так что побегать доведётся не только на одну дистанцию.

Добрый он у меня, ласковый. Всегда найдёт, чем окончательно припечатать.

— Значит-ца, как ни крути диспозицию, на мою долю выпадает самая простая задача... эх-х-х, — тяжкий вздох не сдержал третий. Как истинный воин, наш побратим далеко не в восторге, что ему придётся «пасты задних». Но приказ есть приказ.

— Ага, разбежался. Это вначале вроде всё простым кадет-ца, — утешает и его командир. — А потом намаешься за троих, друг! Нас-то уже... и ещё... там не будет. Только ты непосредственным участником станешь.

— Надо ему кого-то придать в помощь, — предлагаю я. — Верного человечка, надёжного, чтобы спину прикрывал...

— А вот это уже ты позаботишься, кадровый вопрос решишь. Пока наш друг будет... м-м, процессом перевоспитания существующего занят.

— Уже три кадровых вопроса, — суммирую. — Навалили вы на меня, мужики...

— А разве есть сомнения, что лучше тебя хоть кто-нибудь справится?

— У меня нету, — убеждённо изрекает наш третий. — Даже ты, Алёша, в кой-каких вопросах не столь знающий командир, как твой зам!

По выражению лица командира отчётливо видно, что у него тем паче сомнений нет. А есть у него несокрушимая вера.

Вера в меня.

Ох, знали бы вы, родные мои, насколько это нелегко — оправдать веру. Куда трудней, чем решить головокружительные, почти за гранью возможного «кадровые вопросы». Даже пусть их навалится аж три, а не всего один, как у боевого нашего товарища, которому действительно командир предписал отправиться в автономный рейд и совсем не в тот мир, куда возвращаться мне...

Да пусть их будет хоть четыре, и каждый за гранью, всё равно справляться с оперативным решением любой задачи куда легче, чем не оправдать доверие человека, который ВЕРИТ в меня.

Не просто разобьюсь в лепёшку, а раскатаюсь в тончайший блин, однако выполню приказ командира. Мне ведь даже подохнуть, чтобы уйти от мучительнейшей ответственности, никак нельзя.

Он меня и там найдёт.

И никакая это не шутка. Хотя я, конечно, вот этого поворота событий как раз опасаюсь меньше всего и уж чего-чего страстно хочу, так это встретиться ТАМ в любом случае... каким бы ни был исход совокупный наших операций.

— Точно, друг! Не в бровь ты попал, а в самый что ни на есть зрачок. Именно поэтому будем радоваться, что на мою долю выпадает поменьше кадровых вопросов, чем у моего прекраснейшего из замов! Всего-то парочка. Причём один из них можно считать уже решённым, мой незабвенный боевой побратим в курсе и... всячески одобряет нашу сумасшедшую затею. Собственно, вы понимаете, что я не стал бы предлагать такой план, загодя не устроив с духовным братом военный совет. Ведь оставшуюся проблему изыскания подходящих кадров суждено решать нам с ним, только нам и никому больше на всём белом... и небелом свете.

— Ты уверен? — спрашиваю командира. — Он точно поможет?

— Уверен ли я... в себе? — Голос его вновь ироничен и насмешлив, будто не вслух со мной беседует он, а мысленно со своим внутренним голосом, привычным неразлучником, которому даже имя собственное дал. Только мне не позволяет с ним разговаривать. Мотивируя, что два и тем паче три нудных типа слишком много для моих «и без того хрупких плечиков». Дословная цитата.

Действительно, ему хватает с кем мысленно беседовать. И не знаю даже печалиться или восторгаться по этому поводу. В любом случае, пришлось смыкнуться. Кого любишь, принимаешь только таким, какой есть. Со всеми его особенностями. Порой ошеломляющими.

Тем более что относительность всего сущего никто отменять не собирается, даже мы, дерзкие нарушители законов природы. Любой из кажущихся недостатков вполне способен обернуться главнейшим достоинством.

Только бы не пропустить точку, в которой необходимо сделать правильный выбор направления пути.

«Последний миг жизни человечества.

Это сегодня.

Мы искали «Чёрные Звёзды», несущие смертное забвение нашему человечеству, ставя целью вмешаться и каким-то образом повлиять на это природное явление. Стремились найти, чтобы успеть сразиться с ними раньше этого дня. Чтобы в этот, именно в этот день что-то произошло иначе.

Мы так и не нашли то, что искали. С таким же успехом могли стоять на месте и никуда не ходить, ждать наступления последнего утра. Или прямо в эту дату переместиться, благо умеем перемещаться не только в пространстве. Вместо того чтобы таскаться по мирам, ежечасно убеждаясь, что люди — везде люди, и ничто человеческое им не чуждо, к какой бы они расе ни принадлежали.

Но таскались. Убеждались. Убедились.

Остались вдвоём. И сегодня встретимся с наступлением Конца Света лицом к лицу, напоследок взглянем в глаза веч-

ной черноты и просто исчезнем. Или — спина к спине сра-
зимся?

Этого не знаю даже я.

— О чём задумалась? — спрашивает меня принц.

— Печально всё это, эх-х, — я невольно вздыхаю. —
Знаю, что поступаем правильно, но не могу избавиться от
ощущения, что ошиблась в оценке происходящего... и меня
просто использовали.

— Не унывай, будет ещё хуже. Взбодрись, это всего
лишь конец света! Все мы задолжали богам смерть.

— Ага. Только они нам должны больше. Следующую
жизнь.

— Ну, это уже не от них зависит, а от нас. От того, ка-
ким будет последний в жизни бой.

Принц совершенно прав.

А бой нам знатный предстоит. Знатней некуда. Любой
воин позавидует. Самой Вселенной бросаем вызов.

Хотя пора отказываться от привычной военной термино-
логии. Наше главное секретное оружие, которое мы припас-
ли и донесли до точки встречи, — не война.

Увидит ли завтрашний рассвет хоть кто-нибудь из нас?..

— Солнышко, ты это... не волнуйся, — добавляет вдруг
последний мужчина человечества. — Ты же почти на сносях,
а беременным вредно волноваться. Я тебя и ребёночка сбере-
гу. Не зря ж мне такое имя дали... Брат не простит мне, если
я не сделаю всё, как надо.

— Ты веришь, чт... — мой голос срывается от волнения,
совету принца следовать никак не получается, — что будет
кого оберегать?

— Я — надеюсь. Пока живу — надеюсь. Надежда уми-
рает последней. Слыхала у землян такую присказку?..

Ответить я не успеваю.

НАВАЛИВАЕТСЯ ЧЕРНОТА.

Как и любое другое мгновение, внезапно, вдруг. Только
одно из них рано или поздно оказывается последним».

Всю ночь Лана продвигалась по каменному полю к мая-
ку, который передавал сигнал бедствия. Сигнал этот шёл от
разведчика Организации, такого же, каким сейчас являлась

она сама. Но почему-то соответствовал устаревшим стандартам нескольких сотен лет давности. Из-за естественного экрана, каковым являлись пылевые облака каменистой планеты, он мог быть принятый и распознанным максимум в верхних слоях атмосферы, не дальше. В тот период пилоты тогдаших «Ищеек» ещё не использовали орбитальные буи-передатчики. Неудивительно, что аварийный передатчик никто не засекал до этого. Кроме ничтожной мощности, экранирующих сигнал облаков и давно неиспользуемого стандарта связи, импульс ещё и повторялся с периодичностью аж в два часа. Все эти факторы делали его практически бесполезным.

Сигнал соответствовал примерно тому периоду времени, когда легендарный искатель Организации Лауруз Цэйз, вышагнув из внепространственного тоннеля, материализовался прямо на капитанском мостике базового корабля Организации и перед кончиной от острой лучевой болезни успел поведать о центральном перекрёстке. О том самом вселенском скрещении путей, из которого можно попасть в любое место Вселенной напрямую, за один переход. О ПУПЕ Вселенной. И он сам, а точнее, его чудесная материализация являлась прямым доказательством правдивости его слов. К сожалению, экранировка личного терминала была повреждена, и носителя информации полностью уничтожила высокая радиация, которая убила и самого хозяина терминала.

Информация о координатах местонахождения мифического перекрёстка умерла вместе с Цэйзом. Позднее многие искатели безрезультатно пытались напасть на его след и обнаружить самый значимый и стратегически важный мир этой Вселенной. Реальность его существования полностью, а не частично отвергла бы сотовый закон, по которому сплеталась сеть миров. Но при этом она позволила бы гораздо эффективнее организовать распространение разума в этой сети... И вот сейчас Лана, подгоняемая нервным напряжением и сводящим с ума ожиданием похлеще, чем высоковольтными разрядниками, вероятно, шла по этому утраченному следу.

Уверенности ей прибавляли результаты первичного, поверхностного анализа планеты на расположение межсотовых

тоннелей, связующих осевые миры различных ячеек. Выяснилось, что Лана умудрилась совершить аварийную посадку на космическое тело, которое являлось узловым миром или, точней, узловым схождением проходов. Именно здесь по причинам, не известным даже людям, что давным-давно использовали внепространственные коридоры, правильная сотовая «решётка» искасалась. Существование таких миров частично отвергало всеобщий сотовый закон. У осевой планеты здесь было гораздо больше тупиковых миров-спутников (сколько точно, без кропотливой разведки не узнать), а межсотовые переходы связывали её с гораздо большим, чем положенные семь штук, количеством центральных миров других ячеек. Словно в некоторых условных точках внепространства сеть что-то или кто-то зацепило, потянуло, запутало, да так и оставило...

И возможно, именно с этого перекрёстка местного значения Лауруз Цэйз переместился дальше, по какому-то из проходов, используя один из своих джамперов. И сам того не ведая, угодил в самый что ни на есть «узел узлов», который так долго искала Организация вообще и сама Лана, в частности. Дух захватывало от одной только попытки вообразить, что испытал этот герой, когда его аппаратура неожиданно зашкалила и показала бесконечное число проходов, уводящих из мира...

Возможно, где-нибудь ВЫШЕ сотовой структуры, хоть как-то доступной восприятию людей, даже используемой разумными существами себе на корысть, имелось что-нибудь ЕЩЁ?..

В так называемом реальном мире чёрное ночное небо постепенно становилось серым. Утро приходило в этот уголок мира. Лана отключила прибор ночного видения, эффективность которого значительно упала в рассветных сумерках, и глянула на свой терминал, подсоединённый к полевому логическому модулю, который остался в скальном лагере. До источника сигнала оставалось несколько километров, но на бугристом теле каменной равнины не было видно ни одного сооружения, возвышенности или какого-либо нагромождения, которое могло оказаться либо лагерем, либо потерпевшим бедствие кораблём. И когда Лана уже начала сомневаться,

ваться в достоверности вычисленных данных, она вдруг заметила край небольшой впадины.

При ближайшем рассмотрении это оказался метеоритный кратер, на его дне виднелись остатки трёх космолётов и завалившаяся арка мобильного портала, джампера. Один из кораблей стоял перед самым порталом на покорёженных направляющих рельсах. Судя по всему, три искателя, объединившие свои усилия, готовились совершить переход, но что-то помешало им выполнить запланированное.

Лана рефлекторно извлекла скорчер и осторожно спустилась вниз по не такому уж и пологому склону. Благодаря тому, что влажность местной атмосферы равнялась нулю, а кислорода не было и в помине, за сотни лет этот лагерь сохранился во вполне сносном состоянии. Взгляд девушки сразу выхватил из всей картины покинутого лагеря повреждения на пластиковых и металлических конструкциях явно искусственного характера. Что-то атаковало «пещеек» в их лагере, и это что-то, вероятнее всего, было зверем, о чём красноречиво говорили многочисленные следы от зубов и когтей. При других обстоятельствах Лана, не задумываясь, списала бы гибель на нападение местного хищника. Но каким же должно быть животное, чтобы оставить такие глубокие следы на броне катеров, сработанной из прочнейших композитных материалов?

Нехорошая догадка проскочила в мыслях искательницы, когда она увидела серое окаменелое деревце, подобное тем, что встречались ей по всей равнине. Это растение проросло сквозь стойку опорной лапы одного из кораблей. Лана наклонилась над образцом флоры и впервые за то время, что находилась здесь, внимательно рассмотрела это якобы засохшее деревце. Осмотр вызвал неожиданное ощущение. Помимо воли Лану продрало морозом по коже от ужаса... Корешки этого растения впивались в металл и в твёрдую скальную породу, как стальные иглы в мягкую подушку. Это деревце не было мёртвой окаменелостью. Оно жило своей «каменной» жизнью, его маленькие листья сейчас были направлены в сторону восходящего светила.

Лана, едва прикоснувшись к одному из листочеков, чуть не лишилась своего пальца. Острейший край этой тончайшей

пластины без усилий разрезал скафандр, из которого с шипением стал вырываться воздух. Девушка отдернула руку и молниеносно, тремя отработанными движениями, наложила заплатку герметика. После чего достала свой штык-нож и ударила им по серой ветви. Высокоуглеродистая сталь лезвия разошлась, как масло под горячим ножом, и осталась стружками на маленьких листочках.

— Вот теперь, ищёйка, тебе осталось точно... только молиться, — произнесла девушка вслух; голос её предательски дрогнул. В мириах живого камня биологические организмы подобны медузам, вынесенным волнами прибоя на берег моря.

Девушка не мешкая пробежалась по лагерю, добыла из всех кораблей уцелевшие кристаллы памяти и бережно запаковала их в сверхпрочный контейнер. После этого надёжно закрепила контейнер за спиной и включила передатчик.

— Глубинный патрульный пять-два-восемь-четыре-пять-три, это искатель два-два-семь-один-восемь-девять, — обратилась девушка к заоблачному космосу. — Запрашиваю экстренную эвакуацию. Как поняли? Приём.

— Здесь глубинный патрульный пять-два-восемь-четыре-пять-три, запрос принят. Мы уже на месте, вступили в бой с патрулём ордена изоляционистов. Доложите ситуацию. Что не так? Есть возможность отложить эвакуацию? Приём. — Ответ раздался не сразу, пришлось несколько раз повторять вызов, и Лана даже успела помрачнеть от худшего предположения.

— Никак нет! Задержка смертельно опасна! — буквально завопила она. — Планета под вами — мир каменной неожити! Как поняли? Приём!

— Проклятие! Долбаный камень! — позволил себе выругаться офицер на том конце линии связи. — Всё понял. Держитесь, высылаем «мясовоз». Но вам придётся оставаться в облаках до завершения боя. Тут плотный огонь, транспорт два раза через него не проскочит.

— Принято. Жду... — ответила Лана и, вдруг почувствовав спиной чей-то взгляд, вскинула оружие и резко обернулась.

Прямо над нею, на самом краю кратера, стояло большое серое животное, покрытое крупной чешуёй. Внешне оно на-

поминало статую гибрида львицы и волка, высеченную из камня. Но это была не статуя. Зверь пристально смотрел на человека своими бесцветными, «слепошарыми» глазами и очень медленно приближался. Огромные острые когти легко впивались в скальную породу, как ножи во влажную глинистую почву. Весь вид каменного зверя говорил о том, что он готовится к прыжку. Самым ужасным в этой ситуации было то, что животное ни в коем случае не было *живым* в том же смысле, как Лана, например. Мать-природа к этому своему порождению питала куда большую любовь, поэтому уберегла его от заболевания очень уязвимой и быстротечной биологической формой жизни.

За долю секунды в голове Ланы пронеслись возможные варианты дальнейших событий. «Шваркнуть плазмой в морду и бежать? Завалить мощность до предела и жечь этой неожити глаза, пока не расплавятся? Они вообще плавятся? На свой страх и риск решиться наконец-то проколоть пространство и прыгать-убегать, пока не эвакуируют. Но засекут ведь, засекут невероятные, скачкообразные перемещения сигнала передатчика. Тогда уж сразу — шагнуть прямо на капитанский мостик крейсера. И что дальше? Обречь себя на недолгую жизнь в лабораториях Организации в качестве подопытной крысы? Или...»

Лана закрыла глаза, набрала полную грудь воздуха, задержала дыхание и сняла шлем. Когда её глаза вновь открылись, на каменного зверя уже смотрела не особь биовида человека. В глазах этого нового существа вибрировало и вырывалось наружу нечто нематериальное, неопределимое, но ощутимое каждой частичкой любого, на кого направлен этот взор. Человек бы свои ощущения описал как густую солянку из первобытного сковывающего ужаса, растерянности и ощущения концентрации колоссальной силы, превратившей окружающее пространство в нечто твёрдое и непроницаемое. Словно огромная небесная кувалда зависла над головой, готовая обрушиться в любую секунду и превратить тело в кровавую кашу. Человек бы тотчас понял, что ему ни за что не выйти победителем в этой схватке, и опрометью бежал бы прочь.

Что сейчас ощутил каменный зверь, было неизвестно. Но он замер на миг и перестал сокращать расстояние, разделяв-

шее их. Вместо этого он пошёл по кругу, огибая врага и также пристально смотря в ответ. Его противница неожиданно ощутила тревогу и следом за ней тот букет чувств, что должен был сейчас ощутить сам зверь. Тот же ужас, ту же растерянность и ту же вязкую вибрацию пространства под напряжением невидимой силы и многое другое, что описать обычными словами невозможно.

Это существо перед нею было настоящим воином. Но не просто хорошим солдатом или искусным охотником. Именно Воином, какими не рождаются, но становятся. Постепенно, пройдя длительное обучение и закалку в таких сражениях, в которых уцелевают единицы из многих миллиардов самых-самых достойных. До этого момента Искательница Пути считала, что быть истинным воином может лишь существо, наделённое жизнью и разумом. Но сейчас перед ней оказалось нечто-некто, жизнью и разумом в обычном понимании не обладающее. Она это чувствовала, и неведомый ранее страх иголками впивался во всё тело её, просачивался внутрь, растворяясь в крови. Даже разбудив в себе дремавшую силу, было бы совершенно опрометчиво считать этого противника слабым...

Вдруг пробуждающемуся сверхчеловеку показалось, что в голове натянутые до предела струны сознания басовито, угрожающие загудели и все лопнули в одночасье. И в тот же миг страх и неуверенность стали уменьшаться, вытесняемые чем-то необъятным, схожим с бездонной, бесконечной чернотой самого космоса. Но это, распухающее внутри, было отнюдь не пустотой, даже наоборот — ощущалось некоей надежнейшей материальностью, самой сутью мироздания. «Что было раньше, вакуум или звёзды, курица или яйца?» — этот извечный вопрос тихим эхом пролетел в сознании и тут же рассеялся, исчез где-то под спудом, в подсознании. Там, где и сохраняются до поры истинные силы разума...

Лапы каменного зверя задрожали, и он, издав ужасающе-ревущий низкочастотный рык, подпрыгнул, в полёте развернулся, приземлился... и умчался прочь от кратера. Ничего не понимающая, можно сказать, растерявшаяся, живая противница ещё достаточно долго стояла, не понимая, что с ней случилось, что вот это сейчас перед ней было и куда оно де-

лось... Она даже не сразу поняла, что раздражающий звук, долбящий долотом её опустевшую, почти полностью избавившуюся от мыслей голову, ничто иное, как голос офицера связи рейдера Организации.

— ...скатель два-два-семь-один-восемь-девять, отвечайте! Отвечайте!! — ещё раз крикнул голос и, забыв отключить связь, добавил тише: — Капитан, не вижу смысла орать дальше, кажется, мы опоздали...

— Не дождёться, крылатые! Я живая, при памяти и жду! Забирайте меня отсюда! — завопила девушка, вернувшись в себя.

— Ну, слава мегатонным боеголовкам, ух-х! — шумно выдохнул в эфир связист. — Ищёйка! Не знаю, что случилось, но мы потеряли сигнал личного маяка. Уже думали, что и тебя потеряли. Сейчас всё в норме, «мясовоз» уже в атмосфере, жди на месте...

Дальнейшие слова утонули в рёве двигателей челнока звёздного десанта, который завис прямо над Ланой. Тёртые, опытные десантники предпочитали старые, проверенные средства. Никакой гравиплатформы. Сугубая, зrimая материальность. Толстый канат лебёдки эвакуатора с набором кабинов и небольшой площадкой на конце стремительно опустился на дно кратера и так же стремительно всосался обратно в чрево корабля. Но за эти несколько секунд искательница успела заметить, что вокруг кратера застыли ещё несколько каменных зверей. Они провожали её взглядами.

И, по всей видимости, стояли там давно, наблюдая за поединком человека и одного из своих. Напади они все вместе — этот кратер стал бы для человека последним пристанищем скорей всего. Не факт, что помогло бы даже внезапное обретение способности биться в полную силу. Почему они этого не сделали, для Ланы так и осталось загадкой. Из доступной жертвы она вдруг превратилась для них в непрекосновенность, в табу. Как еда она их с самого начала не интересовала, они питаются не материей, а энергией, но устроить чужеродную для них форму существования каменные явились. И уже здесь, на месте, сочли неустранимой...

Спустя некоторое время, когда бой на орбите закончился и челнок десанта вернулся на борт крейсера, Лана проследо-

вала в ходовую рубку, чтобы, как это предусмотрено уставом, стандартно отчитаться перед старшим офицером корабля. И каково было её изумление, когда в капитане крейсера, стоявшем перед объёмной проекцией звёздной карты, она узнала...

— Это ты... — Женщина растерянно улыбнулась, и румянец смущения прорыпал на её щёках.

— А кого ты ожидала увидеть? — Главный на корабле, с адмиральской «ракеткой» на воротнике, тоже улыбнулся и посмотрел на неё каким-то... хитрым, что ли, взглядом. — Ты всё не меняешься, Лана. Какой была егозой, отважно нырявшей в океан неприятностей и выныривавшей из него сухой, такой и осталась.

— Простите, мы что... знакомы? — спросила искательница удивлённо, но тут же в глазах её проскочила слабая искорка узнавания; просто она ещё не могла поверить в то, что догадка может оказаться верной.

— Да-а, быстро ты забыла своего молочного братика. — Капитан сделал паузу, наблюдая за медленно отвисающей челюстью спасённой разведчицы космоса, и добавил: — Данилка, Данилка, и не сомневайся... Это же я тебя всю жизнь ищу. Вот нашёл.

Все присутствующие в рубке свидетели встречи, растерянно слушавшие этот диалог, вздрогнули от неожиданности, потому что старший лейтенант Лана Светолов, четырёхзвёздочная искательница два-два-семь-один-восемь-девять, пронзительно взвизгнула от радости и прыгнула на их капитана, обхватила руками-ногами, как обезьянка, и, казалось, с этой секунды задалась единственной целью жизни — зацеповать его насмерть. Адмирал не устоял на ногах под столь стремительным напором чувств и рухнул рядом с тактическим столом. Тем, кто продолжал видеть, что там под столом творится, довелось стать свидетелями ответного крепчайшего объятия.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вечная Память

«Песнь о тебе будет жить и тогда, когда всё ныне живущее станет пылью».

Да, всё-таки мы, живые разумные, патологически дерзкие! Надо быть неисправимо оптимистичным существом, чтобы отваживаться на подобные формулировки, имея срок жизни, по вселенским масштабам не тянувший даже на какую-нибудь наносекунду.

Но зерно истины в этом высказывании есть. Не может не быть. Смертные для того и творят мифы и легенды, чтобы оставить память о себе. Суррогат бессмертия, бесспорно, однако худший из худших заменителей на порядок порядков лучше, чем ничто-нибудь-никогда.

В мифах, непрерывно и целенаправленно порождаемых разумом, сохраняется информация о том, что было. И она доходит до тех, кто придёт вслед. Пусть искажённая, но добирается. Крупицы памяти от предыдущих циклов БЫТИЯ человечества сохранены в религиях и мифах. Иначе откуда берутся земные легенды об атлантах, или те же локосианские эпосы о краун дил оач, или востславянское сказание о светлянах? На пустом месте ничего не возникает. Что-то или кто-то обязательно БЫЛО.

Просто мы не обо всём знаем. Не всё нам дано воспринять в полном объёме. Разность масштабов — серьёзное препятствие, часто непреодолимое. Живое хочет жить. Разумное — ещё и осознавать себя, а значит, помнить.

Микро- и макроуровни — какие-нибудь вирусы и мы, мы и Вселенная. Для неё-то мы от микробов-вирусов мало чем отличаемся. Микроб тоже пытается выжить — и в процессе выживания меняет окружающую среду, то есть нас. Борется с нами за право жить. Для него человек или собаки — самая настоящая Вселенная. Как для нас — космос. Но много ли бацилла-вирус знает о человеке?..

А много ли человек на самом деле знает о микробах? Вроде всё просто, ну там строение, функции, алгоритм дей-

ствий, а нет-нет, да и преподносят неожиданные подарочки в кавычках...

Вот будет для НЕЁ сюрпризом, если хоть кто-нибудь вернётся ДОМОЙ с неповреждённой, полной, тщательно сбережённой памятью о мире, которого больше нет...

Глава пятая БОЕВЫЕ РАСЧЁТЫ

— «Отличительное свойство человека — желать непременно всё начинать сначала». Гёте. Отлично, подходит!.. «И видел я новое небо и новую землю, ибо прежние земля и небо миновали...» Очень даже в тему, кто бы это ни сказал, но будто специально о нашей ситуёвщине... Ага, и вот. «Обычно арьергард прежнего авангарда является авангардом нового арьергарда...» Станислав Ежи Лец. Мудрый был мужик, ничего не скажешь, и на дефицит юмора не жаловался. Вот ещё из его высказываний. «Кто знает, сколько слов перепробовал Бог, прежде чем нашёл то, которое сотворило мир...» Или: «Будущее нужно постоянно вызывать из небытия, прошлое приходит само». Соображал дядя, в корень зрил!

— Ты что это там бормочешь? — спрашивая, подложив в очаг ещё одну деревяшку их тех, что вчера собрал и натаскал в избушку третий боец нашего отряда незадолго до своего ухода на задание.

Собственно, отправившись в очередную ходку за дровами, наш боевой товарищ не вернулся из неё. И мы поняли, что он сумел настроиться на проникновение и покинуть эту планету. Перед тем, как закрыть за собой дверь последний раз, он посмотрел мне в глаза долгим, пристальным взглядом, словно прощался. Именно мне, а не командиру. Неудивительно, потому что это мне он придан в напарники, так получается. Командиру-то совсем отдельный рейд предстоит. Если он сумеет преодолеть барьер времени, роковую для всего нашего человечества дату, после которой ни единому живому разумному существу родом из нашей ячейки в этой Вселенной не суждено БЫТЬ. Впрочем, нет оснований со-

мневаться, что сумеет. Я — верю, что да. Поэтому правильнее сказать будет так: когда преодолеет и успеет в нужное место в нужное время. Формула успеха ис новая, но потому и действует безотказно, что многократно подтверждалась на практике. Всегда побеждает тот, кто вовремя успевает в ключевую точку пространства.

— Да вот, в архивах памяти копаюсь, — отвечает командр, потирая виски, между которыми, где-то в глубине черепной коробки, и расположены упомянутые сокровищницы информации, не нуждающиеся ни в каких искусственных носителях. — Ищу подходящие к случаю высказывания мудрецов прошлого. Вот послушай. «Самая далёкая во Вселенной звезда обнаруживает своё присутствие в том, что тебя окружает». Пауло Коэльо, Книга воина света. «Духи не помогут тебе ни в одном деле, которое ты смог бы сделать сам. Но если ты подвёл свои дела к черте своих возможностей, действуешь на грани возможностей и дружен с Духами, они помогут тебе». Это не Коэльо, что-то не могу припомнить, кто именно... Но в точку! И вот: «Слабого бьют как получится, сильного — только насмерть», точно так. А вот из Лao Цзы: «Когда все люди узнают, что доброе является добром, возникает и зло...» Или вот, английский афоризм: «Идеалы подобны звёздам в небе: мы никогда не можем их достичь, но, как мореходы в плавании, ориентируемся по ним в жизни...»

— Погоди, погоди! — останавливаю его пылкую речь, протестующе вскинув руки. — Прямо завалил умными мыслями. Я прекрасно знаю, что у тебя цепкая память, недаром ты так быстро овладел локосианскими мнемотехниками и научился фиксировать точные записи и передавать другим людям. Надеюсь, и у потомков не будет проблем с запоминанием...

— Это да! — Он прекращает расхаживать туда-сюда по комнатушке, временно служащей нам привалом на обочине пути, и смотрит на меня, точнее, на моё тулowiще, опустив взгляд на уровень живота. — У меня в роду дюжина поколений кадровых офицеров, с честью отслуживших малой родине, даже когда она была кровавой империей и военных профессионалов пачками в расход пускала. Ну а вам, изна-

чальным... м-м-м... центрально-осевым прародителям всех остальных семи человечеств, и сам Творец, так сказать, велел фиксировать нашу историю с начала времён.

— Ага, он велит... точней, она. Высочайшего повеления циркулярчик спустит на наши головушки сверху, не обрадувшись... Слушай, англичане, это которые доминирующее племя Великой Британии и Британского Содружества?

— Они самые. Очень ушлый народец, так и норовили доминировать, особенно некоторые из них, колонисты, что основали другое племя, на материке с обратной стороны планеты... Да, кстати, вот ещё добыл из своего личного мнемоархива: «Воинам рекомендуется не иметь никаких материальных вещей, на которых концентрировалась бы их сила, а фокусироваться на духе, на действительном полёте в неведомое, а не на тривиальных щитах. Щиты не дают человеку чувствовать себя спокойно». Карлос Кастанеда. Чудила тот ещё, но выдавал здравые формулировки, бывало. Вот прямо как о нас. Рассчитывать нужно только на собственные силы, топать по дороге на своих двоих, а не с помощью техногенных костылей...

— Я понимаю, — невольно улыбаюсь, — ты уже всё выстроил и расписал у себя в мыслях, господин начальник спец-оперативного управления. Весь расклад операции до самой завершающей фазы...

— Ага! «Любой мир состоит не из того, что нас окружает, а из того, что нас наполняет...» Значит, это надо понимать так, что каждый индивидуально существующий разум способен самостоятельно творить мир?

— За что в конце концов и получает по башке, — ворчу я и снова подкладываю дровишек в огонь. — От собственно-го рассерженного творца...

Мы, конечно, преспокойно можем обойтись без обогрева, но энергию надо беречь для кинжалного прорыва, поэтому уже достаточно долго существуем как простые люди, не удосужившиеся раскрыть и использовать истинные возможности собственных разумов. Пусть не на полный вперёд и не в постоянном режиме, но хотя бы для периодических воздействий на окружающую среду по собственному усмотрению.

— Точно так! Башки отрывать и откручивать она обожает. Но, надо отдать ей должное, преисущественно повинные...

— «В борьбе между тобой и миром будь секундантом мира». Франц Кафка сказал. Тоже землянин, если не ошибаюсь. — Я знаю точно, что землянин, с таким-то именем. Но делаю вид, что у меня память чуть похуже, чем у командира. Соблюдаю субординацию, так сказать.

Однако его не проведёшь. Он меня вмиг раскусил!

— Не прикидывайся, всё ты отлично помнишь, не хуже меня, — произносит командир и укоризненно качает головой. — Так что «Если в человеческой жизни есть какой-то смысл — то он в том, чтобы жить как можно дольше и как можно лучше». Сейчас не вспомню, кто сказал, и в записях памяти рыскать лень. Возможно, истекают последние часы, когда мы вправе позволить себе лениться. «Время — огонь, в котором мы горим».

— Но кому-то же на роду написано проходить сквозь огонь и по огню... Да, ты прав, сейчас и здесь мы ещё можем себе позволить никуда не торопиться, сделать вид, что вечность есть. Самую важную на сегодня миссию мы уже свершили, — искоса поглядывая на командира, ворошу в огне импровизированной кочергой, согнутой из арматурного прута, — а после этого... м-м... сами боги велели часок-другой понежиться. — Улыбаюсь краешком губ и левой рукой поглаживаю себя по животу. — В этакой холодине материальным оболочкам особо не покайфовать, ясное дело, но мы-то знаем, что главное у нас происходит здесь, — я отнимаю левую руку от живота и ладонью поглаживаю себя по лбу, — и если захочетъ по-настоящему, то согреешься без всякого огня.

Он смотрит на меня молча, без улыбки. Сурово, можно сказать, очень внимательно, изучающе, словно... запоминает. навсегда запечатлевает перед тем, как попрощаться.

— Но всё-таки пусть огонь в очаге не погаснет... — шепчет мой командир. — Никогда не гаснет, будто вечность взаправду есть и поход продолжается...

И я навсегда запечатлеваю эти его слова в архиве своей памяти, пополнив ими особую «полочку» для самых драгоценных воспоминаний.

* * *

«Это был тот мир, где в пыли и песке задыхались люди. Тот мир, где всё обагрено пролитой кровью. Сейчас легко об этом говорить... а тогда... Сидя на обломке разрушенного дома, на жёлто-рыжем песке среди острых осколков предметов, странной формы костей, погребённых под толстым слоем пыли, и, что самое мучительное, среди ужасающих воспоминаний.

Я тихо встаю и прохожу вперёд. Сапоги омывает пылью. Она постепенно обволакивает всего меня, пропитывает все мои внутренности, забивается даже в моё сознание. Она замедляет ход мыслей и времени.

В пустом городе зима. Порывы ветра перемещают песок, который, как и пыль, норовит быть везде. Я стараюсь шагать медленнее. Воспоминания всё страшнее, и я уже не знаю, как выбраться из города.

Стойт лишь притормозить и чуть прикрыть глаза, как я начинаю слышать крики и стоны... Живой город, где дом может сожрать тебя, как паук мууху. Без жалости и церемоний. Город, где никому нельзя верить, где самое ценное — выжить, чтобы найти выход.

И я иду. Понимаю, что хожу по кругу, и начинаю ускорять шаг. Пустой город, стоны в ушах. Снова прихожу к той куче песка, на которой очнулся.

Как же я сюда попал?! Где выход?! Я хожу и хожу по этому проклятому кругу. И вот я уже бегу всё быстрее и быстрее... Воспоминания всё ярче, даже нет уже надобности закрывать глаза, чтобы видеть смазанные, мигающие силуэты домов и прохожих. Они смазаны от скорости движения, но я пока что легко прохожу сквозь них. Чем быстрее бег, тем труднее проходить сквозь стены, и вдруг я понимаю, что это уже невозможно.

Я подхожу всё к той же куче песка, которая стала камнем. Ощупываю его — настоящий. Смотрю на свои руки — настоящие. С ужасом в глазах смотрю на существ, окружающих меня, — настоящие.

Мысли по схеме броуновского движения бьются изнутри о стенки черепа, голова раскалывается от боли. Что же те-

перь?! Всё заново?! Гнить, воевать, терпеть ужасный смрад?!
Снова?!

И бесконечно искать выход из этого проклятого, изуродованного войной города, пока не сдохнешь!

Пока не убьют...

Искать — и не находить.

Мечтать о свежести и задыхаться в чудовищной пыли.

Думать о воде, глядя на засохшие пятна крови на руках.

Мечтать о выходе, едва выдерживая, чтобы не сойти с ума от ужасной вони.

Ох, этот смрад разложения, кажется, весь мир умер и теперь гниёт, превращается в зловонное месиво...»

— Мне что, теперь во всё это нужно поверить?! Да нет же, нет, разве так бывает!!

Молодой мужчина в пилотском комбинезоне с первым адмиральским знаком различия, сидевший за столиком в круглом зале ресторана «У Энди Би», почти опустевшем после отбытия сегодняшней партии переселенцев из мира в мир, наконец-то не выдержал и буквально возопил. Было видно, что он хочет вскочить на ноги, но этот порыв эскадренный адмирал всё-таки сдержал. Зато его руки бурно жестикулировали, подкрепляя слова.

Надо отдать ему должное, выслушал он спокойно и внимательно. Возмутился, уже когда сидящая напротив него молодая женщина в униформе с капитанским знаком различия завершила свой монолог, буквально часовой. Как минимум. И весь этот долгий час, кажется, вместивший целую Вселенную, терпеливый слушатель не перебивал рассказчицу.

— Дань, послушай, ну давай не будем... — Она погрозила мужчине пальчиком и лукаво улыбнулась ему. — Всё-таки медовый цикл! Просто верь мне, а все спорные вопросы решим... э-э... в постельке. Договорились, милый?

Эта женщина человеческой расы пыталась не привлекать внимание к своей красоте полным отсутствием какого-либо макияжа, но от этого выглядела ещё более привлекательной. После таких слов красавицы нормальный мужчина-человек должен расплыться в блаженной улыбке и безропотно повини-

новаться. И окружающая, более чем романтичная, обстановка располагала... Огромный купол из полипластовой брони накрывал абсолютно прозрачной полусферой это заведение, позволяя без помех созерцать космические пейзажи, но при этом защищая всех посетителей от жёсткого наружного излучения. Граница газовой туманности поражала своим видом, подсвечиваемая изнутри сверхновой. Глыбы астероидов парили в этом свете подобно тучкам, бросая тени на купола станции, а немногочисленные корабли астероидных старательей не раздражали, как обычно, взгляд, а наоборот — добавляли в картину вселенского «океана» поэтические «парусники, упывающие к горизонту».

Собеседник красавицы явно был нормальным мужчиной. Он действительно расплылся в улыбке и прекратил размахивать руками.

— Смотри, такая знакомая картина, — вдруг произнесла девушка; она окинула взором наружное пространство, — как будто из детства.

— Это более чем возможно, я бы сказал, закономерно, учитывая твою звёздно-кочевую жизнь. — Молодой муж накрыл своей широкой тёплой ладонью кисти рук свежеиспечённой жены и продолжил: — Знаешь, я с того дня, как отыскал тебя, нахожусь в таком... м-м... взвешенном состоянии, что просто не описать. Я поднялся на вершину, достиг цели своей жизни. Нашёл тебя. Я же покинул райские сады и ушёл в космос, чтобы найти мою Ла-ану, которую этот самый космос у меня отобрал. Уже потом я попал в Организацию, и выяснилось, что обладаю многими талантами, что позволило мне быстро и блестяще подняться по карьерной лестнице... Но теперь, кроме как об укромном домике где-нибудь на берегу моря и гурьбе наших детишек, и думать ни о чём и ни о ком не могу. А тут вдруг бац, ты меня за шиворот и с обрыва в холодные волны!.. И я должен осознать, что моя любимая женщина своей собственной цели ещё не достигла, и моя мечта о том, чтобы уйти в отставку и насладиться вместе с тобой жизнью в полном объёме...

— Солнце моё, ты же понимаешь, не корысти ради... — Красавица одарила избранника таким взглядом, ради которого, бывает, гибнут целые армии в тотальных войнах. — Я и

сама не могу представить дальнейшего существования без тебя, Данечка, но труба зовёт в поход, и как представитель сильного пола... хм, — супруга адмирала почему-то ухмыльнулась, — ты просто не можешь не помочь мне в реализации моих женских капризов.

— Ничего себе женские капризы! Я уже навострился было примеривать на себя золотой шлем главного героя эпических событий, баталий или чего там ещё в подобном роде. — Молодой человек напыжился, округлил глаза, состроил зверскую гримасу и поклацал зубами, но дольше пары секунд не удержал «героическую» маску и глотнул из своего бокала янтарный напиток. — А тут вдруг меня радуют, что я второй номер в расчёте. Да и, знаешь ли, мало вдохновляет сама по себе перспективочка провести медовый месяц в подготовке к эпическому походу. Но, естественно, если того пожелает моя единственная и неповторимая, я смиленно подчиняюсь. С такой ведущей готов хоть против всего белого света биться, ей спину прикрывать.

— Данилка, я поняла! Ты ленивый, как все мужчины, и тебе проще головы врагам рубить, чем кропотливо снаряжать обоз. За кого я вышла замуж! Скоро ты меня засунешь на кухню и в штатном расписании семьи зарегистрируешь домохозяйкой, уборщицей и поварихой... И не смотри, не смотри на меня такими влюблёнными глазками, про вас, мужиков, опытные женщины такие страсти-мордасти рассказывают... Милый, никто же не заставляет тебя особо напрягаться, я сама займусь организационными вопросами. Тем более что средств у нас с тобой на счетах поднакопилось предостаточно. А ты наслаждайся заслуженным отдыхом! — Глаза девушки разгорелись, по всему её оживлённому виду становилось ясно, что ей не терпится с новыми силами окунуться с головой в опасные приключения, которые с раннего детства составляли основу её жизни.

Превратить ЭТУ женщину в домохозяйку будет очень и очень проблематично. Если вообще реально. Так что её избранник мог уже смело прощаться с мечтой об уютном домике, а для будущих детишек — срочно бежать покупать дорожные колыбельки на ремнях. Что в любом случае не лишне. В каком бы укромном местечке дом ни спрятался,

есть наблюдатели, от которых не скрыться, а только выжившие дети могут подарить надежду, что будущее наступит.

— Ни за что! — протестующе замотал головой муж. — Самое интересное оставить тебе?! Я, конечно, не супербоец, как ты, но я полководец... и опыт показал, что не самый худший из стратегов, хотя молодой и ранний. Меня далеко не за красивые глаза отметило руководство и продвигало по службе. Я не мерялся с врагом один на один искусством поединка, но зато командовал в сражениях целыми флотами. А потому в планировании и подготовке дам тебе сто очков форы. Так что без вариантов. Ты только ещё раз объясни, что нам предстоит сделать. Резюмируй.

— Точно так, господин адмирал!

Женщина козырнула старшему по званию и шустро пролисталу несколько проекций своего терминала, проворся, всё ли она учла. Но, видимо, утомившись от своего предыдущего монолога и желая заняться чем-то более интересным, фыркнула, скривила недовольную гримаску и свернула проекционную сферу.

— Короткое резюме. Нам предстоит пройти по следу легендарного искателя Цэйза, найти перекрёсток перекрёстков и переместиться в ту сотовую ячейку, которую мы с дедом искали сколько я себя помню. Там жить-поживать, добро наживать, ну и... это самое, деток нарожать.

Жена улыбнулась и игриво взглянула на своего мужа. Но ответной улыбки не последовало. Молодой адмирал в эту минуту был серьёзен как никогда и не отреагировал на заигрывания своей «прекрасной половинки».

— Если получится, на ходу-то... — прошептала женщина-капитан, стирая улыбку со своего лица.

— И всего-то! Эх-х... — Муж тяжело вздохнул, затем сосредоточенно и методично принялся выкладывать свои соображения. — Если ты до этого ничего не упустила, то нам предстоит рейд по диким, неисследованным Организацией ячейкам космоса, где закон один — пищевая цепочка материи и жизни как наиболее замысловатого её проявления. Я не говорю уж о носителях разума... Хотя нет, именно говорю, а это значит, что нам надо подготовиться так, чтобы удержаться на самой вершине цепочки. То есть объединить наши с

тобой лучшие качества для увеличения совокупной ударной силы и всё это воплотить в технических решениях нашей... э-э... семейной яхты. Никаких посторонних в команду не берём, только ты и я. Это, в свою очередь, вынуждает прибегнуть к использованию продвинутого искусственного интеллекта в системах и устройствах. Есть у меня подходящие наработки. За основу корпуса возьмём сверхлёгкий эсминец-спринтер, нафаршируем его гаджетами и управляемыми автономными членоками по всей тактической линейке. Прототип подобного проекта у меня уже есть, я давно мечтал о таком кораблике, остаётся только подправить его с учётом твоих задач, солнце. Добавим под брюхо эсминца ангар твоей «Ищейки». И нам стоит поторопиться, уже сейчас отправить предварительные чертежи на верфь, потому как даже за двойную плату корабельы минимум месяц будут клепать звездолёт и ещё месяц обкатывать, и это не учитывая сложностей, которые у нас могут возникнуть с руководством Организации...

— Точно так! — вдруг прервала адмирала женщина. — В смысле, да, так и сделаем, но всё-таки не сейчас, а с утра. Условной ночью мы займёмся другим пунктом плана...

Через несколько секунд она буквально тянула своего мужа в сектор приватных кают, где их ждала постель. Совершенно не обращая внимания на то, что неподобающее ведёт себя со старшим по званию и статусу в Организации. В их семейной организации старшинство определялось по иным знакам различия.

Глава шестая

СЛЕД В СЛЕД

— Как думаешь, а стоит ли им сообщать, что сами планеты, со всеми животными и растениями, остаются нетронутыми? Что удаляются только активно вредящие природе раковые опухоли, пустившие метастазы?

— Эк ты о нас беспощадно...

— Ну а как же ещё? Довоевались, паразиты, возомнившие себя царьками природы? Теперь заполучите по деяниям

своим. За то, что измывались над мирами, не заботясь о нормальном здоровье природы в постоянной бешеной гонке, кто круче и мощнее, кто больше убить способен, уничтожить себе подобных. Скажи, мне стоит им сообщать, когда вернусь, что не так страшен чёрт, как его малютю... чёрными красками расписывают?

— Ну конечно, им от этого сразу же станет намного легче! Сейчас, разбежались. Как только узнают, что всё и вся, кроме них, останется целёхоньким, а заражённое постепенно выправится и вернёт природный облик... Нет. Там такое начнётся, камня на камне не оставят от собственных родин. Напоследок оторвутся на полный вперёд. Злые мы, жестокие твари, завистливые, правильно Гегель сказал, что каждое сознание желает смерти другому... Так что бойцы, которым суждено идти по нашим стопам, уж лучше пусть сами выясняют, что к чему. И не расслабляются. Чем свирепее зверь в представлении охотника, тем настороженнее преследователь будет себя вести. Ну, не дураков же вы найдёте и воспитаете! Сами быстро поймут, когда выберутся в сеть, за пределы ячейки, и просекут, что везде она, война проклявшая. И если миры безжалостно стирать в порошок, что ж тогда вообще останется?

— Представляю, каково сейчас там, дома... Планеты на-верняка далеко не спокойны. Устали от приступов звёздной болезни, издевательств и вторжений в естество. Вулканы свирепствуют, цунами накатываются, ураганы вихрями сметают, наводнения и засухи, глобальное потепление и удушья от истощения атмосфер... Конец света не за горами, он не где-то там, в тридевятых царствах-государствах, а вот, вот, подползает и уже на крыльце, прямо за дверями...

— Поделом бы им... Если вдуматься, не по себе становится. За кого воюем?

Да, мой командир совершенно прав, как всегда. Всё сводится к тому, что люди сами убивают время, в прямом смысле. Власть человека над миром — высшая цель войн. Беспрецедентный завоевательный поход — неизменная военная доктрина у всех и всегда, только по-разному называется. Конкурентная борьба корпораций, религиозные противостояния в быту, криминальные разборки — та же война...

Природные ресурсы истощаются, и каждое поколение думает, что на наш век хватит, дескать. Но становится всё хуже и хуже. То, что выглядит кошмаром сегодня — завтра покажется «старыми добрыми временами». Самое тревожное, что лавинообразно вырождается, выхолащивается искусство, плоды творческих способностей, высшего достижения разума. Зачем мучиться, годами вынашивать гениальные замыслы, творить нетленки... если всё равно завтра — конец света? В ноосфере уже чувствуется зловещее приближение последнего часа, и завтра никому не понадобится то, что ты написал или нарисовал, снял, поставил или сочинил... И кажутся никчемными смысл, цель, ради чего это вообще делалось людьми на протяжении всей истории человечества. Ведь если другой человек спустя годы навзрыд заплачет или рассмеётся, найдёт ответы на свои вопросы или просто задумается о важном, услышав твою песню, прочитав твою книгу, просмотрев твой фильм, увидев твою картину... значит, и ты оживёшь. Значит, не зря ты жил. Передал людям память о себе и о том времени, в котором приходил в мир. Жизнь меняется, хуже становится, а вот записал, и она уже останется такой, как есть... Возможно ли *изменить кровожадную натуру?* Чтобы люди предпочитали мир войне и чтобы Чёрные Звёзды больше не являлись по наши разумы... Неужели настолько мало на родине осталось людей, которые искренне хотят, чтобы дорога, по которой идёт человечество, продолжалась и после их жизни?

— Что такое? — озабоченно спрашивает меня командр. Он уже закончил собираться, похоже, только делает вид, что ещё не готов уходить. А мои тяжкие раздумья наверняка отразились на моём лице. Надо будет учиться одиночеству и следить за собой круглосуточно. Достаточно скоро рядом со мной больше не останется ни единого человека, которому можно будет без оглядки показывать истинное лицо.

— Страх превращает нас или в трусов, или в героев. Штука в том, что мы не узнаем это, пока не испугаемся, — отвечаю ему. — Помнишь, у нас есть только три истинных чувства — голода, любви и страха... Я думаю, не только любовь, но и страх может исцелить от войны. Если мы успеем.

* * *

«Бессменно-бессмертные души, не знаю, кто вы и где вы. Знаю лишь только, что вы есть. Где же проделки юности человечества, где всё то, что было у нас? Где же игры с ветрами, беспечные мысли и рыжие поля?»

А потом все горевали, помнишь? А мы смеялись. Такое не забудешь. Слёзы людские, боль, проходящая через солнечное сплетение. Мы были уродцами на потеху и колодцем боли заодно. Как ставили они нас в центр круга, как рыдали у нас на глазах, а мы смеялись, как безумцы, от дикой боли. Наши глаза отливали янтарём, а на руках была чешуя водных тварей, от которых мы произошли. Что эти изверги делали с нами, помнишь?!

Война. И бесконечное количество полуразложившихся тел. Помнишь, как мы ходили через эти поля, как прикладывали ладони к множественной груди этих трупов, вливая силу и поднимая за собой эту армию. Мы забирали их боль и страдания себе, пусть они теперь служат нам.

Бесконечная вонь. Вот когда мы прокляли нашу породу и нюх, дарованный нам. Но всё же шли дальше. Гордый народ, который поработили. Который застали врасплох и задавили числом. Но никогда, никогда нельзя забывать корней. Наши головы не склонялись, и мы шли к воде с этой полуразложившейся армией. Кто-то был без ног и полз на одних руках, на последнем издохании. Ведь даже мы не могли дать им сил, лишь оживить. Кто-то ещё пытался сопротивляться, сохранив остатки разума, но мы сильнее, и тянули его за собой. Несмотря на смешение людей и других рас, которые во сто крат сильнее, они так и не обрели знаний. И последними носителями остались мы.

Мы шли к последнему источнику воды, взявшись за руки. Только мы могли повести эту армию за собой. И вот вода уже нам по колени, по грудь, выше голов. Мы слишком очеловечились за эти века, приспособляясь к ветру и песку. Мы разучились дышать под водой. И вот наша чешуя блестит сильнее, с неё смыта пыль. И вот загорелись глаза, и ты хо-

чешь уйти, тебе страшно умирать. Но мы умрём за дело, братишко. Мы не дадим им того, что они хотят. У тебя в глазах ужас. У меня боль. Ты тянешь меня наверх, набрать воздуха, я крепко держу тебя за руку и не даю выплыть. Я не отпущу тебя. Да, убью. Я тебя убью, братишко. Они идут за нами и обретут покой только вместе с нашей смертью. Мы будем с тобою рядом в другой жизни, брат. Нам будет жить легче, мы выберем другой мир. Нет, не обещаю. Но мы там встретимся. Там все встречаются. И нам пойти больше некуда, только туда. Ну вот и всё. Я люблю тебя, брат. Мы отравили им последнее озеро, и они умрут за нами. Если, конечно, не найдут, как выбраться из этого мира. Но мы уже не расскажем им, брат.

Ну что, братишко, проживём следующую жизнь ярче?

Ты же помнишь, я знаю...»

Поисковый катер уже в третий раз возвратился через портал обратно, к модернизированному эсминцу. Незамысловатое кольцо с голубым вихрем энергетического потока внутри, окружённое наскоро смонтированными рамными конструкциями, висело на орбите безымянного каменного мира. Того самого, в котором Лана обнаружила следы легендарного разведчика. Все три уже пройденных внепространственных коридора к вожделенной цели не привели. Вот сейчас ещё один из естественных проходов можно было вычёркивать из списка неразведанных. На том конце не оказалось ни центрального перекрёстка, ни даже какой-нибудь разумной цивилизации, ради обнаружения которых и существовала разведка неизученных нитей сотовой сети.

Кристаллы памяти, извлечённые из старых кораблей-ищеек, были частично повреждены, но расшифровка доступных данных свидетельствовала о том, что трое искателей, обнаружив здесь сотовую аномалию, решили сыграть в банк. То есть детально разведать все её внепространственные проходы за один раз, без возвращений на кочевую разведбазу. А потому соорудили многочастотный, перенастраиваемый, стационарный джампер на самой планете. По замыслу троих, они должны были поочерёдно совершать прыжки в

разные коридоры. Совокупного запаса энергии их джамперов как раз хватало на разведку всех проходов. Но джампер калибровался во время неожиданного нападения, которое совершили на лагерь враждебные биологической жизни формы существования материи. Поэтому узнать, на какую частоту он был настроен в тот момент, когда Лауруз предпринял отчаянную попытку бегства, становилось невозможным. Но кое-что обнадёживало. Бежал он без какого-либо оборудования, а значит, существовал далеко не мизерный шанс, что дорога в «пуп Вселенной» точно обретается где-то на том конце одного из здешних проходов. Где-то же Цэйз сумел обзавестись джампером, чтобы продолжить дальнейший путь?

Разве что древний искатель тоже... при очень большом желании мог открыть в себе способности, позволяющие проходить без помощи машинерии. Но по обстоятельствам его возвращения в подконтрольные Организации области можно было судить, что это не так.

Лана спрашивала себя: вот любопытно, почему так? Если из центрального «пикселя отсчёта», из начала шкалы координат, как гласит легенда, можно шагнуть куда угодно, то в него, «отсюда», почему-то можно попасть не из любой точки, а только из некоторых. По какому принципу отбираются эти точки?..

В общем, оставалось лишь набраться терпения и методично отбрасывать варианты. Вновь и вновь возвращаясь к напарнику, изнемогающему от мучительного ожидания и опасений за жизнь разведчицы.

Поисковик придвинулся к шлюзу под брюхом эсминца и скрылся за сомкнувшимися створками ангара. Спустя минуту диафрагмальная мембрана люка на капитанском мостике с шипением разомкнулась, пропуская в зал уставшую от напряжения Лану, и она наконец-то присоединилась к своему любимому мужчине.

— Ну что там? — без особого энтузиазма спросил Данила. После второго прыжка он признавался жене, что лучше бы ей забирать его с собой, иначе она рискует по возвращении обнаружить хладный труп с разорванным сердцем.

— Дубль пусто. — Лана устало махнула рукой и уронила своё тело в широкое и мягкое кресло второго пилота. — На

той стороне нет ни одного коридора, кроме как ведущего обратно сюда, а местные аборигены ещё в пещерках обитают. Скан пространства не дал и намёка на хоть какис-то признаки развитой цивилизации. Там не у кого обзавестись джампером.

— Ну, что же. Отрицательный результат — тоже результат, — попытался немного подбодрить адмирал не то себя, не то жену. — А я, пока ты летала в неизвестность, работал над повышением мощности портала и, главное, навесил на него разводные модули. Так что теперь на ту сторону пойдём вместе, не покидая борта эсминца... Жаль, конечно, что дядюшка Ло не научил тебя всем своим трюкам, — после секундной паузы добавил Данила. — Вот бы, реально, по мирам ходила без всего этого тяжёлого железа... И меня бы могла захватить с собой.

— Эх-х, не будем о гру-у-устном... — Лана протяжно зевнула. Она клевала носом, но, засыпая на ходу, вопреки своей же просьбе, продолжила и продолжала говорить на наболевшую тему: — Основная его цель не в том заключалась, как я понимаю. Он меня должен был прикрывать, отвоевать время, чтобы я успела вырасти и повзросль в его тени. Он меня маскировал от прицеливающегося взгляда, огонь на себя вызывал... Пока я живу как обычная, меня и не замечают... Ну вот, довёл он подопечную до совершеннолетия и испарился, чтобы больше не отсвечивать, ведь это за эхом его жизни постоянно гонялись, его жизнь хотели изничтожить, его судьбу оборвать... А что касается меня и развития моих талантов, я думаю, с того момента, как встретила тебя, любимый, запустился процесс эволюции, и он куда более естественный, чем революция, по принципу вбивания в голову гвоздей запретных знаний и... и-и...

Не договорив, Лана заснула прямо в кресле. Муж не стал беспокоить её, переносить на постель, он снял свою куртку, заботливо укрыл молодую женщину, легонько погладил роскошные волосы и вернулся к центральному пульту. А жена уже глубоко погрузилась в мир сновидений.

И то ли под впечатлением трудного дня, то ли потому, что и думать уже не могла ни о чём, кроме поисков, снилось ей: она ныряет в очередную приоткрытую порталом внепро-

странственную дверцу. И на том конце распахивается жёлтый мир пустыни, где рептилоиды строят свои замки, ведут междуусобные войны и куют свои экзотические доспехи и мечи. Что ещё ей снилось, Лана не запомнила, но когда проснулась, пейзажи в жарко-жёлтых тонах всё ещё проплывали перед её внутренним взором во всех деталях и подробностях. Возможно, это было забытое воспоминание из бурного прошлого, но в любом случае Лана не придала особого значения жаркому снovidению и продолжила разведку.

Это был уже четвёртый прыжок, один из многих возможных, которые ещё предстояло совершить. Но в этот раз сквозь портал уходил эсминец с двумя искателями на борту, с ещё одним «разводным», усовершенствованным порталом в трюме. Для возвращения... Хотя больше всего на свете Лана хотела на том конце прохода обнаружить заветный перекрёсток, чтобы не мучиться дальше, не мучить Данилу. Но то, что там обнаружилось, женщина ну никак не ожидала увидеть! Жёлтый-прежёлтый мир-пустыня, точь-в-точь как тот, из сна. Орбитальная разведка не обнаружила рептилоидной цивилизации, но Лана осознала, что надо относиться к своему видению серьёзнее, чем к обыкновенному сну. А замки и доспехи скорей всего относятся к иному периоду времени этого мира, и, следовательно, жаркое снovidение проникло не только сквозь пространство, но и сквозь время... Как и обещал незабвенный дедушка.

Центральный перекрёсток миров там тоже и не мерещился. Пришлось вернуться к узловому миру каменной нежити. Здесь Лана поделилась своим открытием с Данилой. Они долго говорили и спорили на эту тему, но в конце концов пришли к общему мнению, что в Лане, так сказать, действительно нечто проклёвывается. Серьёзное, полноценное, а не проблески вроде прыжечков на короткие дистанции. Наконец-то!.. Недолго думая она решилась на эксперимент. Медитируя, как её некогда обучил дед, мысленно отправила себя в очередной внепространственный тоннель.

И ПОЛУЧИЛОСЬ.

Эксперимент прошёл на ура. Мысленно она опять увидала планету на той стороне коридора. В этот раз там был водный мир, поверхность которого полностью скрывалась

под океаном. Воодушевлённая Лана облачилась в скафандр и попыталась воплотить свою давнюю мечту, перенестись туда не только разумом, но и телом... однако ничего не получилось.

Расстраиваться по этому поводу искательница не стала. Она понимала, что уже отхватила солидный бонус, и теперь процесс дальнейшей разведки проходил стремительно, безопасно и без всякого рода технических средств. Не говоря уже о колossalной экономии времени и энергии.

Но, как ни странно, центральный перекрёсток обнаружить так и не удалось. Ни в одном из тех миров, в которых Лана побывала ментально, она не ощущала наличия бесконечного количества внепространственных проходов, ведущих сразу во все мыслимые и немыслимые уголки Вселенной.

Из всех дистанционно разведенных Ланой миров в конечном результате интерес представлял лишь один из осевых, некогда высокоразвитый. Только оттуда Лауруз, шагнувший сквозь портал на планете каменной нежити, предположительно мог отправиться дальше, навстречу своей судьбе. В этом мире он мог обзавестись необходимым снаряжением. И адмирал с капитаном, посовещавшись, обсудив детали операции, как положено флотским офицерам, приняли решение направить свой эсминец в этот мир. Чтобы продолжить свой путь, идя по следу искателя, прошедшего здесь раньше них.

На том конце прохода обнаружилась планета, полностью покрытая растительностью. Но раньше тут бурлила и всячески уродовала экологию весьма развитая цивилизация, о чём говорили тысячи тонн орбитального мусора. Некогда всё это было станциями и кораблями. А на поверхности мира, под растительным покрывалом, почти исчезли руины городов. Здесь даже были остатки местных аналогов сотовых порталов, что вели отсюда как в миры этой соты, так и дальше, в сеть миров. Подтвердилось предположение, что это осевой мир ячейки и его постигла некая глобальная катастрофа, не совместимая с жизнью его обитателей.

Лану посетила тревожная догадка, и она, пытаясь докопаться до сути произошедшего, мысленно посетила все миры

этой ячейки. И везде наблюдалась та же картина, что и в центральном мире. Стало очевидно, что ячейка попала под утюжащие движения грозного вселенского стирателя, имя которому — Чёрные Звёзды.

И примерную дату момента «подтирания» памяти разумных обитателей этой ячейки, по результатам анализа возраста руин, можно было определить. Пять сотен лет по стандартам Организации. Ровно столько, сколько и существует легенда о «центральном перекрёстке», в котором побывал искатель Цэйз.

И тут было о чём поспорить и поговорить двум молодым и вольномыслящим.

Данила свежим взглядом окинул всю картину, сопоставил факты с историей, поведанной Ланой, и выдвинул свою теорию. По его мнению, пресловутый «перекрёсток» не является каким-либо определённым, фиксированным, статичным пикселем Вселенной, иначе бы его уже давным-давно наверняка нашли. Как же не отыскать столь значимый и стратегически важный мир за тысячелетия разведывательных операций?! Не эта Организация, так другая подобная, исследующая сеть где-то в других областях. Ведь мироздание не ограничивается сферой влияния одной только структуры, присягу которой мы давали... Мысль о том, чем является перекрёсток перекрёстков, по сути, была простая и одновременно пугающая, обескураживающая. Эта «точка абсолютного мира» перемещалась в пространстве и находилась, по мнению Данилы, именно там, где ни одна живая душа, даже пребывая на пике безумия, не решится её искать. И местонахождение это — в тесной компании, в обнимочку с Чёрными Звёздами. Которые, по сути, и приносят «абсолютный мир» в миры, где бушуют бесконечные войны, посредством которых разумные корёжат природу. А Лаурузу, бедолаге, попросту не повезло оказаться в плохом месте в плохое время. Вполне возможно, что вокруг Звёзд особое состояние пространства, а легендарный искатель Организации чисто случайно оказался там. И его вышвырнуло в единственное место, о котором он в тот момент мечтал, — на базовый корабль Организации. Попасть напрямую в любую точку Вселенной человеку можно, только оттолкнувшись ногой от Чёрных Звёзд... Над вре-

менем они не властны, подчиняются его линейности, но зато пространство им не помеха, надо же поспевать повсюду, где требуется исполнять приговоры и проводить зачистки.

Вот так. Не больше и не меньше.

Теперь оставалось лишь одно. Решиться проверить это кажущееся полным бредом предположение. Но Лана ни на мгновение не допустила, что это бред. Она сразу поняла, что её любимый стратег сопоставил все имеющиеся сведения и проник в самую суть, даже сам того не ожидая и не подозревая.

Но не случайно же они двое, мужчина и женщина, вновь пересеклись в этой бесконечной вечности?! Не только же для того, чтобы сплетать тела в постели, на это много разума и не надо, хотя именно там, во влажном космосе, когда Вселенная на мгновение сужается до размеров двух тел, слившись в единое целое, появляется возможность прочувствовать во всей полноте, насколько же это здорово — **БЫТЬ ЖИВЫМИ...**

— Слушай, где ж их искать, эти чёртовы звёзды или что они там такое?! Неужели придётся отправиться в поход, прямо как девушка по имени Тич и пятёрка её спутников? По следу героев из дедовых рассказов... Но сколько же можно, и так вся жизнь — сплошные поиски!

Вопрос Лана озвучила вполне резонный, хотя в большей степени и риторический. Но она даже и не предполагала, что едва заметная улыбочка, промелькнувшая на губах Данилы, была признаком того факта, что ответ на главный вопрос ему известен.

Глава седьмая ВРЕМЯ НЕ ЖДЁТ?..

Времени у нас осталось совсем чуть-чуть.

Очень многозначительный вывод. Сразу в нескольких смыслах — почти не осталось. Хотя вообще-то, конечно, мы вдвоём имеем возможность проторчать здесь хоть целый год, наслаждаясь обществом друг дружки. Когда-нибудь в тайге потеплеет, и уже не до такой степени буквально мы сможем

прохладиться в этой избушке... Но долгие проводы — лишние слёзы, как говорят на родине командира. Всё равно нам придётся, нарушая закон линейности времени, уходить из этой даты в разные «стороны»: ему в запретное будущее, мне — сначала в прошлое, а затем в закапсулированное будущее... Которого ещё нет. Но будет. Благодаря моим усилиям должно быть. Ещё когда наш отряд был гораздо больше и собирал разведданные, рысая по мирам, нам доводилось знакомиться с доказательствами, что временная консервация мира вполне реальна. Так что *сделаю...* Куда деваться-то. Спрячу планету и оттяну финал хоть ненадолго, чтобы успеть решить кадровые вопросы. Приказ есть приказ.

Сейчас меня гнетёт не то, что предстоит свершить по возвращении домой. Страшнее всего сделать первый шаг. Повернуться спиной к нему и шагнуть в другом направлении. Зная, что одновременно делаю последний шаг, уводящий прочь от него. Навсегда.

Вот что по-настоящему страшно. Единственное, чего я в этой не самой благоволящей к людям Вселенной по-настоящему боюсь. Смысла, скрытого в слове *навсегда*.

Когда-нибудь я, наверное, притерплюсь и просто буду, сцепив зубы, воплощать в реальность пункт за пунктом наш... его замысел. Во имя будущего, которое вот-вот отберёт у меня любимого человека. Но до тех пор, пока не научусь терпеть, моя душа будет периодически цепенеть от ощущения, которое возникает, когда под твоей подошвой вдруг исчезает твердь земная и нога зависает над пропастью. Как-то раз в кромешной тьме, во глубине акстоффских лабиринтов смерти, со мной это случилось на краю бездонного провала. *Мгновение памятное...*

Ничего другого мне не остаётся. Только уповать на то, что подошва вновь обретёт опору под собой, и я сделаю следующий шаг, вместо того чтобы рухнуть в бездну. Конечно, если бы тогда лично мне было суждено провалиться, то уже на лету сработал бы инстинкт самосохранения и вслед за ним «включились» способности, которые подарены мне эксклюзивными элементами, нашпигованными матерью-природой в клеточки моего организма. Но стоит лишь на миг представить, что во мне этих чудесных генов нет, нет и в помине,

что я ничем особенным не отличаюсь... В нашем разведотряде далеко не все люди были способнывольно перемещаться самостоятельно. Нам, то ли избранным, то ли проклятым Вселенной, приходилось их на себе переносить... придавая неожиданное значение словосочетанию «носители хроносом».

Но чего только не сделаешь ради будущего своего биовида! Вот почти все бойцы нашего отряда жизни отдали во имя. Выжило нас всего трое, но командир совершенно прав, не может быть не прав. И один человек способен, верно приложив усилия, перевернуть мир.

У землян, генетически самых непоседливых из всех нас, вообще есть неоспоримое преимущество. Они охотно допускают реальность всего-всего, что было бы, если, и поэтому ухитряются чисто умозрительно, но поразительно адекватно находить абсолютно точные объяснения.

Вот, помнится, был такой поэт, Велимир Хлебников, землянин восточнославянского рода-племени. И была война, которую историки позже назвали Первой мировой. С Первой войной новейшей истории Локоса не путать, у нас всё же полыхала межмировая, по сути... Эта воистину большая война, захватившая целые континенты Земли, побудила Хлебникова к поискам неких исторических закономерностей, которые помогли бы предвидеть события и не допустить новых войн. Он пришёл к совершенно чёткому осознанию истины: нет будущего у того разумного, кто не помнит прошлого. Поэт выдвинул идею о том, что всё во Вселенной подчиняется единым законам, а также пытался при помощи поэзии связать время и пространство. Будучи ещё студентом первого курса, Хлебников писал о себе: «Пусть на могильной плите прочтут... он связал время с пространством». Общую теорию относительности, опубликованную учёным гением землян Альбертом Эйнштейном, Хлебников назвал «верой четырёх измерений», где четвёртое измерение — время. Поэт воспринимал время как волной, циклическим повторением событий, так и неким динамизированным пространством... допускающим реальную возможность движения как самого себя, так и внутри себя.

Когда мне вдруг припоминаются такие прозрения, возникает стойкое ощущение, что некоторые люди ходили с на-

ми в разведку, навстречу приближающемуся концу света, и не догадки строили, а знали наверняка.

Похоже, от командира на меня переместилось желание копаться в записях памяти, отыскивать подходящие слушаю мысли предшественников. Которые учゅали приближение конца и пытались как-то описать свои предошущения, поделиться тревогой с другими людьми. Вот, например: «Мне кажется, что вряд ли конец света произойдет... Ну или это будет, но совсем не зреищно. Просто не станет людей...» В памяти не отложилось, кто это сказал, но примерно такими словами мог бы описать конец времени любой из бойцов нашего отряда. Уж мы это понимаем яснее всех людей нашей соты миров. Поэтому трое выживших — должны сделать всё, что смогут, для того, чтобы всё-таки *вряд ли*.

Локальные ячейки — пиксели общей картины. То есть эти бесчисленные соты складываются в истинную картину мироздания, которую нам увидеть не дано, но узнать о её существовании мы сумели. Вот он, результат нашей разведки. Для того чтобы понять, почему, зачем это вдруг нечто заявляется в наши миры, с целью стереть, вычистить нас — надо было отправиться в другие пиксели и узнать, что наш — не единственный. И всё то, что мы воспринимали бескрайним космосом, вакуумом, наполненном звёздами и планетами, на самом деле — грубая маска, доступная нашему малочувствительному восприятию. Настоящий лик под ней прячется... Ну хорошо, мы разведали и как-то постараемся не допустить, не позволить стереть наш пиксель. Но правильно ли мы сделаем, не позволив стереть? Может, другая картина была бы лучше? Знать бы...

Так же отчётливо, как тот факт, что разум болен войной. Повсюду, не только у нас дома. Мы это узнали, совершив рейд по другим ячейкам. Война — порождение разума, а разум — порождение жизни. Поэтому ячейки, населённые разумными, вносят искажения в картину жизни, что, в свою очередь, искажает параметры неживой материи... и так далее. Получается, для выздоровления необходимо устраниТЬ первопричину. И наступает конец времени для отдельно взятого человечества, проскочившего некую точку невозвращения в

марш-броске до края бездны... Но главное, что мы узнали. побывав на планетах, с которых уже были удалены очаги заражения, — Чёрные Звёзды стирают не время и пространство. Они инструмент вовсё не марки «Ничто-Нигде-Никогда». Мы-то были уверены, отправляясь в разведку, что бравкованные пиксели полностью изымаются. А оказалось, что словосочетание «Земля до начала времён» отнюдь не поэтическая метафора. Это мир в то время, когда в нём *ещё не было людей*. Существ, способных помнить и осознавать всё происходящее. С ними и вокруг них. Запомнить и передать другим людям...

Ох, надо бы уходить на задание поскорей! Голова уже гудит от размышлений. Правильно поступил наш третий боевой товарищ. Он, как только получил приказ и подробные инструкции, сразу ушёл. Натаскал нам дровишек, прощальный подарок командирам, и отправился воевать. Истинному воину лучше исполнять поставленную задачу, а не прохлаждаться в безопасном убежище.

Скоро и мы шагнём в неизвестность. Похоже, командир сделает это первым. По глазам вижу, по тому, каким становится его взгляд, когда он смотрит на меня. Я тоже жадно рассматриваю его, не могу наглядеться. И он почти наверняка думает, что это признак моей созревшей решимости. Только я знаю, что первый уйдёт чуть раньше. Ему надо выйти на связь с нашим тайным союзником. Темник Хасанбек, поднявшийся над собственной смертоносной натурой, дорогой ты наш землянин монгольской крови, я помню и люблю тебя! Боевой наш друг, соратник незабываемый, ты столько всего сделал для нас, когда был жив, и не бросил на произвол судьбы, даже когда твой бренный путь завершился и снова довелось покидать материальный мир. Твоя душа и душа моего командира связаны неразрывно с того мгновения, как вы встретились на поле брани, они половины единого целого, и это наполняет моё сердце надеждой, что командир останется не совсем один, когда бесповоротно ринется в свой одиночный отвлекающий рейд.

Помоги ему, духовный брат! Больше мне и просить об этом некого.

* * *

«...не знаю, жива ещё или уже... не знаю, оборвалась мнемозапись или ещё...

Я проваливаюсь, и описать словами куда, просто невозможно... света больше нет, это точно, но во тьме ли я... не знаю.

Наш последний миг настал, и ничего мы не смогли сделать, чтобы... предотвратить... изменить предназначетан... Чёрные Звёзды нашли... найдут нас, где бы мы ни были... в это мгновение. Хоть на другой край Вселенной уйди, если у неё есть края... и там нет спасения... точно, бесполезно искать, бессмысленно... они сами найдут, когда... время придёт...

...это я понимаю. Спасибо принцу, что успеваю понять... Я уловила его последнюю мнемозапись... его уже нет, но запись осталась, и я успела её подхватить... Смрадный город, в который он погрузился, сконцентрировал в себе весь ужас войны, который мы... натворили... пока жили... Он погрузился в зловоние, которое порождал... и он тоже немалую лепту внос в... о-о, очень даже немалую!..

Теперь его нет... Он уже стёрт... Зато я, похоже, ещё нет... жить мне осталось совсем чуть, но я жива... или думаю, что жива... но если думаю, значит, живу!!!

Принц сумел каким-то образом отвлечь Чёрные Звёзды на себя... отвести от меня карающее око... Это не поддаётся моему пониманию, но и... не нужно понимать, чтобы использовать... Я... помню... значит, жива... хотя не должна бы...

...и я пытаюсь вчувствоваться во Вселенную, проникнуть в неё... но ничего не могу... моё умение проницать больше не помогает мне... я не могу воплотиться, я... вещь в себе, замурована...

Как я была права!.. Страшнее страха открытого неба, от которого я страдала почти всю жизнь... может быть только ожидание, что небо закроется... навсегда... И это случилось...

Но я всё ещё жива благодаря принцу, сумевшему подняться над собственной смертоносной сущностью... Он успел понять и всей душой принять, насколько ужасна и противовесственна Война, которой он всю свою жизнь поклонялся, которую боготворил... И он сумел докричаться до неба, успел показать, что излечился...

Это озадачило Звёзды, и они на минутку оставили меня без внимания... в этой минутке я продолжаю жить... и помнить... и записывать... всё ещё надеясь, что моя память кому-то понадобится...

...И я больше ничего не боюсь! Я уже за пределами страха. Я потеряла любовь, теперь и страха лишилась... Всё, что мне осталось, это вспоминать свою жизнь... Воистину, жизнь — это путешествие, а не путь в назначеннное место. И так хочется поделиться впечатлениями... Я никогда не боялась умереть, я боялась, что меня забудут.. Я боялась не смерти, а жизни без способности помнить...

...и всё же... врёшь, не возьмёшь! Не потеряла я... любовь... любовь во мне, а не снаружи... её у меня, живой, не отобрать... а я жива... и пока живу, не сдамся... Я отвечаю не только за себя... Во мне... почти живые плоды любви, и я... из меня ешё может выйти новая жизнь... да не одна... две...

Спасибо, принц. Ты подарил мне самое ценное, что только способен подарить человек человеку.

Время жизни...

Ой, мамочка!!! Как больно!!!

Всё — меня нет.

«Конец записи».

Встреча с выросшим Данилой не случайна. Предначертана. Лана всем сердцем поверила, что это Судьба. Как бы пафосно это ни звучало, именно с большой буквы «С». Данила в Организации уже давно, но скорее всего он бы сюда не попал никогда... если бы не их детство в Раю, общее на двоих. Выбравшись в сеть миров, родной сын Мамáни целенаправленно подался в искатели, считая, что это лучший способ обрести искомое. Но очень быстро понял, что сеть миров реально безбрежна. Жизни одного человека хватает, чтобы разведать лишь ничтожную её часть. Поэтому любой поиск кого-то или чего-то в сети без точного знания координат превращается в бесцельное шатание. Блуждание по лабиринту, выход из которого если и есть, то не подчиняется правилу «всегда поворачивай налево». Надеяться остаётся лишь

на Удачу. Она и подстраивает такие вот встречи. Случайные вроде бы...

Впечатляющих успехов молодой офицер достиг в другой области. Он оказался прирождённым военачальником, обладающим недюжинными талантами в тактике и стратегии. Ему доверяли командовать флотами, состоящими из множества звёздных кораблей. Именно поэтому Даниле, боевому адмиралу Организации, стали известны некоторые обстоятельства, не афишируемые в среде офицеров и служащих даже с высоким уровнем доступа. В отдельных операциях подобного рода участвовали разные подразделения в совершенно разных районах сети, но систематической информацией владел исключительно узкий круг адмиралитета.

Периодически с самого верха, от высшего командного состава Организации, спускались приказания, и тогда к кому-нибудь из пикселей известного мироздания стягивались все находившиеся поблизости силы. Военные нагло блокировали по всем входам-выходам одну из ячеек, почти всегда — с хорошо развитыми, высокого уровня цивилизациями. Все прилегающие миры объявлялись зоной карантина, будь то осевые, соединённые с блокадной ячейкой прямыми внепространственными проходами, будь то соседние планеты реального космоса, до которых возможно было долететь из закупоренных миров на межпланетных кораблях, чтобы проникнуть дальше, в сеть проходов. Военные Организации абсолютно никого не выпускали из такой ячейки. Хоть высокопоставленного и весомого политического деятеля, хоть грудного ребёнка, которого мать хотела спасти, пытаясь отдать кому угодно из солдат, блокирующих её мир.

Конечно, случались попытки прорыва установленных блокад армиями тех миров, но для того и привлекала Организация гениальных стратегов звёздного флота, подобных Даниле. Чтобы все эти попытки оставались не более чем попытками.

Особо доверенным лицам, имеющим доступ к сверхсекретной информации, в том числе и Даниле, в любой момент могло поступить сообщение, какая из сот добавлена в «чёрный список». Задействованные в очередной операции адми-

ралы должны были немедленно организовывать блокаду в тех или иных точках сети. Командующим эскадрами не объясняли, что за страшная чума разразилась в ячейке, лишь поясняли, что она опасна для всего сущего. Жертвуя восемью планетами, Организация спасает бесконечное множество других. Боевые адмиралы верили и беспрекословно подчинялись верховному командованию. Для каждого и каждой из них, прежде чем ввести в узкий круг доверенных лиц, специально проводились «экскурсии» в ранее блокированные миры. Жители тех планет попросту уходили в небытие, оставив все свои города, корабли и станции. Фантазии недоставало, чтобы охватить и понять всю мощь той силы, что проделывала это. Исчезали целые цивилизации, оставляя после себя загадку своего бесследного исчезновения и пустые сооружения, с веками превращавшиеся в руины или вовсе в прах... И миров таких было множество.

Получив недостающую информацию от жены и посетив некогда «стёртый» мир, подобные которому он уже видел раньше, Данила сопоставил и понял. Организация каким-то образом заранее узнавала, какую именно ячейку и когда захватит явление, названное Ланой Чёрными Звёздами. Каким образом? Добыть бы «знатока» из Верховного Адмиралтейства, ухватить раскалёнными на огне клещами за самое уязвимое место и выпытать, откуда подобные знания берутся!

Так или иначе, а именно там, в сверхсекретных архивах, и находились данные, интересующие молодых людей. Лана и без того не питала к Организации особой любви, но теперь чуть ли не возненавидела её. Хотя и понимала, что эта структура всеми доступными средствами максимально эффективно распространяет «болезнь жизни» — разум... Но всё-таки во весь рост подымался вопрос вопросов: почему же такой исполнинский организм, распространяющий заразу, не замечен Вселенной?!

«Да мироздание первым делом, не колеблясь, должно стирать эту армию освоения, а не отдельные соты!...» — недоумевала Лана.

«А может быть, Вселенной это нужно? Если где-то зажигается огонёк разума, значит, он зачем-то нужен звёздам?...» — ответил Данила вопросом на вопрос.

«Но почему же при всём при этом Организация ничего не делает, чтобы спасти людей в мирах, предназначенных на заклание? — растерянно вопрошала мужа Лана. — Наоборот, блокирует их и не даёт спастись тем, кто мог бы...»

В конце концов, отложив споры и размышления на эту тему, молодые люди принялись переосмысливать информацию, известную Даниле, по принципу: «Одна голова хорошо, две — лучше». Тем более что эти «две головы» гармонично дополняли друг друга. Муж Ланы, будучи непосредственным участником блокад нескольких ячеек, имея соответствующие опыт и знания, мог предугадать расстановку сил Организации. Он искал самое слабое место в ней, которое не выдержало бы неожиданной атаки «со спины», и нашёл его. А Лана, в свою очередь, подробно расписала, что способна лично она «вытворить» на своём штурмовике, максимально экономно используя весь его боекомплект.

Решение было принято. Выбор пал на одну из планет звезды Эмала. Именно в её системе две соседние планеты являлись мирами разных сот. И одна из этих ячеек являлась той самой, очередной в чёрном списке. По добытым данным, её блокада вот-вот должна была начаться. Обычно подобные миры удерживались в изоляции небольшими силами, следуя надёжной схеме, которая осечек не давала ни разу, но слабое место имела. Эта схема не оставляла ни малейшего шанса вырваться из блокады, но была не ориентирована на то, что хоть кто-то, пребывая в здравом уме, возжелает добровольно попасть в закупоренные миры, прорваться извне.

Портал в осевом мире, ведущий на планету, соседнюю с обречённым миром, как правило, работал исправно. Проход специально не перекрывали, чтобы знать наверняка, где выйдут из внепространства потенциальные беглецы. Это была своего рода перестраховка. Даже если кто и сможет прорвать блокаду на той стороне, то, пройдя через портал, сразу окажется под огнём четырёх стерегущих здесь линкоров и крейсеров, все орудия которых направлены в зону выхода. Следуя стандартным правилам, капитаны располагали свои корабли вокруг портала под острыми углами к оси траектории выхода. Таким образом, чтобы перекрёстный огонь не повредил сам портал и не задел расположенные рядом корабли.

Это построение имело один маленький недочёт — существовал небольшой конус мёртвой зоны орудий всех четырёх звездолётов. И знающий человеческий, используя соответствующие манёвры, мог пройти в портал, не угодив под огонь.

А в том, что использовать нужно именно стационарный портал, молодые люди были солидарны. В зонах карантина, на самой планете и в околопланетном пространстве, из которого можно попасть во внепространственные коридоры, работала инспекция и боевые патрули Организации, и все попытки соорудить любую конструкцию, даже отдалённо похожую на внутрипланетный портал для «пешеходов», жёстко пресекались. Что можно говорить про орбитальный портал, да ещё и таких размеров, чтобы смог пройти целый эсминец? Успеть его собрать и воспользоваться им — затея, скажем прямо, безнадёжная.

По плану, Лана и Данила должны были, не вызывая подозрения, максимально сблизиться с порталом, выполнить обманный манёвр, совершив переход в соседний с обречённым мир и там, неожиданно ударив с тыла по кораблям Организации, сбежать в блокадную ячейку. Гнаться за ними никто не станет, а вот не пустить могут запросто... Что делать дальше, знала лишь Лана. По крайней мере догадывалась, что понадобится сделать.

Всё предусмотрел Данила, но, как всегда, его величество случай вбросил свой стальной пруток в шестерни идеально отлаженного механизма человеческих планов. Буквально через секунды после того, как молодой адмирал скачал из закрытой базы данных всю информацию, с верха Организации поступил новый оперативный приказ. У верховных адмиралов имелись достоверные разведывательные донесения, что военные именно этого блокированного мира, одного из восьми в ячейке, будут прорываться в открытый космос. Причём конкретно на том участке, где Лана и Данила запланировали просачивание в обречённый мир. Они об этом уже не успели узнать...

Первая часть их плана прошла без сучка и задоринки, но как только эсминец Данилы и штурмовик Ланы оказались на том конце внепространственного коридора, они столкнулись с флотом Организации, в разы превышающим те силы, с ко-

торыми они рассчитывали иметь дело. Вокруг несчастной сельскохозяйственной планеты, в сфере доступа к внепространственным коридорам, собралась целая армада! Сотни линкоров, крейсеров, эсминцев и прочих кораблей. И все они уже знали, что вышедший в отставку адмирал и сопровождающая его ищёйка находятся «вне закона».

Выбор, по идеи, оставался небольшой. Лане и Даниле надо было прорываться или сдаться.

Неудивительно, что они выбрали первый вариант. На самом деле иного выбора у них и не было. С того самого момента, когда «дядюшка Ло», сжимая в руках младенчика, возник в приёмо-передающей сфере портала «Вольный-439», где предстал взору родного деда Данилы, старшего диспетчера Андрона Басовича Лесковчина, отца Мамаи, вскоре мившей Данилку и Светланку.

«Сдаться», кроме всего прочего, наверняка означало и «расстаться».

Глава восьмая МИРНЫЕ ВОИНЫ

Я не буду доставать из глубин памяти воспоминание о том, как он ушёл.

Быть может, когда-то и решусь на это, но... всему своё время. Мой командир часто повторял эти слова в последние наши часы, проведённые вместе. Будто заклинание. А последними его словами, перед тем, как он закрыл за собой дверь, были:

— Мы должны отвоевать наше время...

Всё остальное сказали его глаза, встретившиеся с моим взглядом, словно кровью, истекающим любовью и тоской.

Оставшегося в одиночестве человека мучают, терзают воспоминания. Они же его и спасают, утешают. Может, потому он и остаётся человеком? Верящим, любящим, надеющимся...

Но мне больше нельзя иметь личные переживания. Я оружие, которое выполняет поставленную задачу. И единственное, что я смею позволить себе использовать в личных це-

лях, — это больше не вспоминать некоторые минуты жизни.
И чувства, испытанные в те мгновения...

Не вспомню, чтобы вдруг не дать осечку в самый неподходящий момент.

Чёрные Звёзды — стирательная «резинка», удаляющая старые рисунки на чистых листах мира. Бытие и небытие — два конца карандаша. Грифель — ластик. Нарисовал — стёр. Мы догадывались о цикличности жизни. Теория взрыва, сжатия-расширения Вселенной среди прочей накопленной информации также уйдёт в будущий цикл. Тем, кому суждено появиться после нас, мы оставим в наследство самое ценное, что имеем. Память о себе. Обо всех наших достижениях и ошибках. Вдруг они чему-то научатся и не повторят...

Вот и наступил миг, когда тёжкую избушку покидаю я. За мной, последней из нашего отряда, закрывается дощатая дверь, и ледяной ветер с воем набрасывается на меня. Сквозь обжигающий холод мне предстоит идти до самого последнего пункта моей части общего задания. Но уже не на этой планете, что так и осталась безымянной для нас.

Пора домой.

Спасать человечество. Постоянно кому-то из людей приходится этим заниматься, хочешь, не хочешь. Когда выпадает жребий судьбы.

Во мне живёт как минимум один из тех, кому суждено.

Других я рекрутирую позже, всему своё время.

«Рановато я похоронила собственную память... это был всего лишь обморок от болевого шока... ещё секундочку поживу... если помню себя и продолжаю искать ответы на вопросы, значит, жива...

Успею увидеть моего ребёнка и услышать первый крик... ой, это дочка!.. какой звонкий голосочек...

Доченька моя, первая...

Только бы успел сё подальше унести этот обвешанный оружием старик, вдруг явившийся из ниоткуда и принявший у меня роды... Надеюсь, что это не горячечный бред, и он существует не только в моём воображении...

Если бы у меня были силы говорить, я бы его спросила, не Бог ли он собственной персоной?.. наш, человеческий, тот самый, которого мы сами для себя изобрели, чтобы хоть как-то прикрыться от страшного знания истинной природы вещей...

Но Он ведь и так всё слышит и понимает. Забери, забери с собой моё последнее прижизненное воспоминание... Спаси и сохрани, Боже, ведь мы по образу и подобию твоему!.. Кому же, как не тебе, нас оборонить и защитить...

Вот я закрою глаза, и свет звёзд этой Вселенной для меня померкнет.

Но я уже знаю, что ухожу не в пустую черноту безвременния, а в мир иной.

Туда уходим все мы, разумные души, с военного поля на мирное.

Там не темно. Там тоже есть свет, хотя не такой.

Я не потеряюсь.

Наконец встречу моего любимого папочки, который покинул мир живых, когда на Локос вернулась война... ушёл раньше, чем смог остановить падающее на меня открытое небо...

И мою маму, которую я почти не запомнила, но верю, что она была...

И госпожу главнокомандующую, которая меня призвала на эту войну, и доложу ей, что задание выполнила.

И верного моего супруга, хочу попросить у него прощения, что не плакала о нём, пока был жив. И принца, чтобы поблагодарить его за то, что успела услышать звонкий голосок моей доченьки... И всех-всех боевых товарищей...

И встречу любимого...

...Ой, мамочка, я снова рожа-а-а-аю.....»

Быстрый, жёсткий и наглый удар в спину Организации удался. Хотя командование блокирующего флота и было предупреждено о двух нарушителях карантинной зоны, но никак не могло предположить, что две «блохи» решатся атаковать «слона», пусть даже и с тыла. Линкоры и крейсера, боевой строй которых был ориентирован на отражение атаки

извне, даже не успели перестроиться и сделать хоть какое-то количество залпов в сторону атакующих. А те лёгкие корабли, что смогли развернуться, в основном канонёрки и эсминцы, получили по яркому жёлто-красному огненному шару прямого попадания торпеды.

Лана, подобно ласточке на ветру, порхала на своём штурмовике меж сгустков плазмы, сверкающих разноцветных лучей, пронзающих черноту космоса, внутри роя выпущенных ракет и безжалостно била, била, била по всем встречным кораблям, в их самые уязвимые места. Она не ставила себе целью уничтожать их полностью, ей достаточно было повредить звездолёты в достаточной степени, чтобы их огневая мощь упала, и эсминец Данилы смог без особых трудностей пройти по выжженному термоядерными боеголовками коридору. Конечно, было бы куда проще при данном раскладе сил посадить самого Данилу в кабину штурмовика и попытаться проскочить сквозь плотный строй на одном маленьком кораблике, но у двух атакующих на манёвр стыковки-расстыковки просто не осталось времени. Нужно было действовать решительно либо не действовать вообще.

Данила, в свою очередь, заботился о том, чтобы повреждённые и подоспевшие на помощь корабли не смогли преследовать их. Автономные боевые модули, выпущенные эсминцем, достойно справились с этой задачей. Жертвуя собой, они уничтожали маршевые двигатели подбитых Ланой кораблей, а с теми, что стягивались в зону прорыва, завязывали бой, замедляя их продвижение. Эсминец то и дело выплёвывал из кормовых орудийных гнёзд облако самодвижущихся зарядов, которые выстраивались в запрограммированном порядке, образуя непроходимое для малых кораблей минное поле.

И вот стремительный прорыв блокады вошёл в финальную фазу. Лана выпустила весь оставшийся запас термоядерных зарядов в кормовые части линкоров и крейсеров, что тяжёлым бронированным щитом накрыли всю планету. Сопла их маршевых двигателей испарились в огне, и грозные боевые корабли превратились в неподвижные болванки, утыканые орудиями. От мощных разрывов тяжёлые

корабли медленно и неуправляемо вращались в пространстве. И хотя большая часть орудий продолжала плеваться смертельный огнём, но прицельной эту стрельбу уже называть было трудно.

Штурмовик Ланы, а за ним и эсминец Данилы на максимальной скорости покинули сферу блокады планеты. Залпы кораблей Организации лишь пару раз сотрясли эсминец до того, как он вышел из зоны их интенсивного огня. Все истребители, посланные в погоню, безнадёжно увязали в широком шлейфе минного поля, а более тяжёлые корабли догнать эсминец-спринтер и быстрый штурмовик были уже не в состоянии. Единственную реальную угрозу для беглецов представляли выпущенные им вслед торпеды, и Данила отдал последнюю команду бортовым искусрам всех ещё функционирующих боевых модулей — идти на перехват и уничтожить эти заряды любой ценой.

И вот, уже в тот момент, когда радостная Лана готова была выкрикнуть победный боевой клич, коммуникационные панели эсминца и штурмовика ожили. В проекции мерцало лицо сильно пожилого мужчины, знаки различия на его воротнике и фуражке показывали, что это не кто иной, как полный адмирал флота Организации.

— Райский, это Йор-Бо, твой учитель, — сообщил адмирал, видимо, чтобы не оставить никаких сомнений, кто он, — остановись сейчас же! Ты и твоя напарница даже не подозреваете, что вскоре свершится в том мире, куда вы стремитесь.

— Здравия желаю, учитель, — спокойно ответил ему молодой человек, — позвольте не согласиться с вами. Я в достаточной степени осведомлён о природе того процесса, что охватит блокированную ячейку, и осознанно иду на этот риск. В конце концов, вам не всё равно, двумя разумами больше или меньше она сотрёт?

— А вот тут ты как раз ошибаешься, мой резвый мальчик. — Адмирал прищурился и криво ухмыльнулся. — То, что вскоре уничтожит блокадную ячейку, нечто большее, чем ты можешь себе представить, и, как ни странно, оно тоже наделено разумом, но разумом враждебным по отношению ко всем остальным носителям разума. Оно уничтожало

миры ещё задолго до появления всех ныне живущих и мыслящих и будет уничтожать после того, как исчезнет последний из нас. Эта сила исходит из самых истоков возникновения нашей Вселенной, и тягаться с нею бессмысленно. Не знаю, с какой целью ты стремишься туда, но скажу одно — это тебе не корабли испарять боеголовками, это не игры в тактику и стратегию, в которых тебе, конечно же, почти нет равных. Ты даже не сможешь увидеть то, что тебя уничтожит, чтобы хоть разок выстрелить в него. Оно не имеет материального воплощения. Ты попросту исчезнешь вместе со всеми обитателями тех миров.

— Это мой выбор, учитель. Повторю вопрос, а вам не всё равно? — Эсминец Данилы и штурмовик Ланы всё дальше уходили от флота Организации. — Не такие мы уж ценные для Организации экземпляры, чтобы сожалеть о нашей преждевременной кончине.

— Вот в том-то и вся суть проблемы, Даниил! Ты и твоя жена являетесь частицами Организации, что бы вы оба по этому поводу ни думали. — Адмирал склонился над видеокамерой транслятора, отчего его лицо заняло всю площадь проекции; теперь можно было во всех деталях рассмотреть складки его морщин и капли пота на лбу. — А эта сила уничтожит всех без разбора, всех, кто находится в этой ячейке. И бежать потом будет бесполезно, оно всё равно настигнет и сотрёт всех разумных, которые уже попались ему на зуб. Кстати, прими мои поздравления по поводу бракосочетания и от лица...

— Не заговаривайте мне зубы, учитель. Ближе к делу, чего я ещё не знаю? — оборвал Данила старого адмирала.

— Хорошо, я скажу тебе. — Йор-Бо шумно выдохнул. — Дело в том, что своим присутствием в зоне стирания ты подвергаешь опасности ВСЮ Организацию! Этот процесс через тебя и твою женщину засечёт и нащупает нас всех. Всех, кто противостоит ему. Он ведь не просто стирает разум, но и забирает память стёртых носителей... И сила эта уничтожит нас, как некогда уничтожила подобную структуру Хранителей Разума, что противостояла ей до возникновения Организации. Сейчас нет времени объяснять и доказывать тебе это, но поверь мне, своей выходкой ты ставишь под удар

миллиарды жизней членов Организации, а потом и все миры, объединённые нами в сеть. Ты готов взять на себя такую ответственность?! Подумай, прежде чем ответить. Обещаю, если ты вернёшься, трибунал будет лоялен к тебе и к твоей супруге, и вы...

— Не слушай его, Данила, — вдруг вмешалась в разговор Лана, до сих пор молчавшая, — он, конечно, свято верит в то, что тебе говорит, но это всё вздор и суеверия стариков из верховного командования. Ничего общего с действительностью этот бред не имеет!

— Ладно, хватит разговоров. — Адмирал на проекции выпрямился, и лицо его вмиг сделалось каменно-суровым. По взгляду командующего флотом можно было понять, что кто-то за пределами зоны трансляции подал ему условный знак. — Итак, что ты решил, Даниил?

— Думаю, вы заблуждаетесь, учитель, и мы рискуем не более чем двумя нашими жизнями. А уж мы готовы рискнуть, не сомневайтесь, — поставил точку в несостоявшихся переговорах Даниила.

— Что же, так тому и быть, — неожиданно согласился адмирал и тотчас отключил связь.

— Что-то здесь нечисто, любимый, — быстро заговорила Лана, — срочно сканируй пространство в широком спектре. Мне кажется, что он нам зубы заговаривал, чтобы выиграть время. Вот только для чего? Им нас уже не догнать... Чёрт возьми!!!

И как подтверждение тревожных догадок Ланы, прямо перед её штурмовиком, переливаясь серебристыми бликами «поля призрака», вспыхнула громадина бронированного корпуса. В пространстве, преградив путь беглецам, материализовался флагман эскадры и залил всё пространство шквальным огнём своих орудий. Как он мог здесь оказаться, какая непостижимая сила его сюда переместила?! Мало того что на поддержание режима невидимости для такого корабля необходима уйма энергии, но ведь суперлинкор был сзади, а не спереди, когда дерзкие беглецы прорвались сквозь оцепление! Но факт налицо, некая сила мгновенно переместила звездолёт на короткую дистанцию там, где не было и быть не могло разведанных проходов...

Лана едва успела избежать столкновения с ним и отчаянно маневрировала, пытаясь избежать потоков огня и смертоносных жал ракет. Существенно отставший от штурмовика эсминец ещё не попал в зону огня орудий флагмана и развернулся, делая обходной манёвр, но в его сторону тяжёлый линкор произвёл два торпедных залпа из всех торпедных гнёзд левого борта. И навстречу эсминцу стремительно понеслись сорок боеголовок, даже одной из которых хватило бы, чтобы испарить корабль куда больших размеров, чем спринтер Данилы. Шанс выжить в данной ситуации равнялся нулю.

Мужу Ланы оставалось жить от силы несколько десятков секунд...

Осознание неизбежности обрушилось на Лану, как удар кувалдой по голове. Она отчаянно вскрикнула, её разум просто не смог допустить эту информацию, и вопль отчаяния вырвался из самой глубины души. Реальное пространство вокруг неё вздрогнуло и покрылось рябью волн, как поверхность озера под дуновением ветра. Время остановилось, всё вокруг замерло, и мысли девушки понеслись стремительным потоком, но потоком гораздо более мощным, чем когда-либо раньше.

В одно мгновение в её голове перемешались бесчисленные эмоции и воспоминания. Она вдруг увидела мириады лиц, услышала мириады голосов. Перед внутренним взором в одночасье пробежали походные ряды бессчтных армий неизвестных ей народов, начиная с тех, что были укутаны в шкуры животных и держали в руках заточенные палки, и заканчивая стройными молодцами в белых одеждах, вооружёнными лучемётами. Неизвестно откуда и как, она вспомнила величественные города восьми неизвестных ей до этого миров, поражающие красотой своих строений, вспомнила всю их историю от самого основания, от самого начала. Она вдруг в один миг узнала миллионы языков и прочла бесчисленное количество файлов, книг и свитков. Лана увидела своего деда, рассказывающего сказки о Вечном Походе, и тут же параллельно откуда-то всплыло знание, как оно всё было на самом деле. Она поняла, что дед многое недоговаривал, а многое целенаправленно искажал в историях, которые рас-

сказывал внучке. И теперь девушка поняла, зачем он всё это делал. Всему своё время потому что! Вдруг в голове вы-сверкнула, затмевая всё прочее, фраза деда: «Человек — это то, что ты о нём помнишь». Потом женский голос, удиви-тельно знакомый, хотя неясно чей, затмил эти слова и вбил в мозг другие: «Пока ты помнишь о нашем человечестве, оно есть! Помни, доченька!...» Всё это и многое-многое другое полыхнуло в сознании Ланы и погасло. И только светлым пятном во мраке оставалась перед ней фигурка худенькой, коротко стриженной девушки с невероятно уставшими, чёр-ными от изнеможения глазами. Лане показалось, что эта де-вушка буквально излучает любовь... материнскую любовь! Она впервые в жизни ощутила, что к ней может испытывать подобное чувство женщина, и безошибочно отличила от любви дедушки и от любви Данилы. Светлая девушка улыб-нулась и протянула навстречу руку... После этого в глазах у Ланы потемнело, и назад в реальность её вернул голос лю-бимого мужчины.

— Лана, не делай этого, не иди за мной!! — разрывая динамики ретранслятора, заполнял кабину штурмовика крик Данилы. — Ты не успеешь! Мне конец! Спасай себя! Твоя жизнь неизмеримо важнее моей!! Ты должна закончить нача-тое! От тебя же всё зависит!!!

— Да, любимый, — произнесла Лана очень спокойно, бесстрастно, таким голосом, наверное, изъясняется сама Вечность, — всё зависит только от меня. Но ты мне очень поможешь. Будет много работы.

Она отпустила штурвал управления своего штурмовика, подняла обе руки и... опустила их сзади на плечи мужа. От неожиданности Данила дёрнулся и рванулся как ошпарен-ный. Если бы не захваты пилотского кресла, то он бы вско-чил на ноги.

— Лана, как ты... сюда?! Зачем... сюда?! — Данила гло-тал слова и смотрел то на свою жену, чудесно материализо-вавшуюся внутри обречённого эсминца, то на яркие «звезды» приближающихся торпед. — Это безумие... какое-то...

— Не бойся, любимый, я с тобой. — Светлана крепко обняла своего избранника и нежно поцеловала. — Домой нам пора, домой.

Данила закрыл глаза, и этот миг в объятиях любимой ему показался бесконечным. Разум пытался осознать и принять чудо. Вместо покоя смерти — блаженство жизни...

Тихонько защебетала какая-то птица. Лёгкий ветерок коснулся его лица и потрепал волосы. Запахи трав и цветов вдруг сменили характерный металлический привкус воздуха, который образуется в результате многократного рецикла системы жизнеобеспечения звездолёта. Где-то совсем рядом журчала вода, то ли ручеёк, то ли небольшая речка, и ощутимая влажность окружающей атмосферы подтверждала это. Данила боялся открыть глаза, чтобы не спугнуть эти дивные ощущения, чем-то напомнившие ему детство. Лана была рядом, он продолжал крепко обнимать её. Никому не отдал!!!

— Открой глаза, любимый мой, посмотри вокруг. Правда, здесь красиво? — Голос жены был настолько спокоен, что часть этого спокойствия проникла внутрь молодого человека и наконец-то успокоила его бушующие мысли.

Данила открыл глаза и тут же прищурился от яркого дневного света. Первым, что он увидел, было сказочно голубое небо и белые облака, словно родом из детства, из райского мира, в котором он вырос. В небе беззаботно порхали птицы, ловя мошкуру. А вокруг буйствовала растительность — трава по пояс простиралась до самого горизонта, разбросанные по степи рощицы деревьев шелестели на ветру своими листочками. Вдали мирно разгуливали и щипали травку какие-то неизвестные Даниле животные, на Рае таких не было. У самых ног журчал ручей с кристально чистой водой, и лишь одна деталь нарушала идеальную гармонию окружающей природной красоты — ржавый прогнивший корпус боевой машины, наполовину вросший в землю. Некогда это был исполинский металлический танк. Больше ничего, до самого горизонта, не напоминало о присутствии в этом мире наследия деятельности разумных существ.

— Где мы? — нарушил долгое молчание Данила.

— Мы дома, — улыбнулась его любимая. — Это мир Земля, одна из восьми планет моего человечества.

И этого лаконичного ответа оказалось более чем достаточно для молодого человека. Он расстегнул «молнию» сво-

его мундира, упал на мягкое покрывало травы, оторвал кусочек сухого стебелька, схватил его зубами, пожевал и убеждённо произнёс:

— Всё, больше никакой войны.

Светлана улыбнулась, но ничего не сказала. Молчание — знак согласия.

— Я оказался прав, — глядя на небо, добавил единственный на этой планете мужчина... пока что единственный. — Оттолкнувшись подошвами от Чёрных Звёзд, можно шагнуть куда захочешь, даже не зная координат. И насчёт истинных вдохновителей Организации я тоже прав. Добру и злу, свету и тьме друг без дружки никак не прожить.

И опять промолчала единственная на этой планете женщина... пока что единственная.

Только улыбнулась затаённо и подумала о том, что на самом-то деле справилась собственными силами. «Оттолкнулась» от силы, сокрытой внутри себя, не понадобилось искать источник извне. Всему своё время. Страх потерять любимого человека наконец-то вверг душу в необходимое состояние... Но умная женщина, конечно, вслух не сообщила своему мужчине, что он не совсем прав.

Потом они долго бродили по степи, вдоволь насыщались чистым свежим воздухом новой жизни, а когда на небе зажглись первые звёзды, сделали привал на берегу ручья и проговорили полночи. Лана рассказала любимому настоящую историю похода шести избранных героев, ту, которую наконец-то *вспомнила*. Узнала напрямую, от непосредственных участников. Она поведала избраннику, что в её разуме с рождения содержался архивный склад памяти стёртой ячейки миров, и теперь она получила к нему полный доступ. Девушка вложил в голову внуки мемозаписи людей ушедшей цивилизации, сбережённые от стирания. Это как в диктофон, только не на искусственном носителе, а в мозгу. Фиксация словесных мыслей, которую можно передать от человека к человеку, и когда Данила научится мнемотехникам, то познакомится с ними не в пересказе.

Тогда ты ощutiшь, сказала мужу Лана, какими они были. Моя мама, фантастическая, поразительная женщина, вытянувшая на своих хрупких плечиках целое человечество из

забвения... надеюсь, я вся в неё и сумею не мечтать достичь... И мой папа, истинный воин, отринувший войну и возлюбивший мир, нам всем с него следует брать пример... Мои великие бабушка и дедушка, во многом благодаря их усилиям мы с тобой здесь и сейчас... Мой дядя, героически поднявшийся над собственной смертоносной натурой, и мой прадедушка, призвавший войну во имя мира... их соратники и сослуживцы, боевые товарищи и верные друзья... Все-все они здесь, во мне. Мы не забудем их, я, ты, наши дети, внуки, правнуки... и маму Аню мы с тобой помним, и детям о ней расскажем! Но главное, братика моего... Ты не забывай, Данилка, кому мы обязаны тем, что встретились. Он умер, но это сохранило жизнь мне... Дедушка, увы, допустил один-единственный просчёт в своём замысле. Но эта ошибка могла провалить всю операцию.

Духи ушедших прикрыли деда, заслонили в тот последний миг, когда и ему предстояло быть стёртым вместе со всем... э-э... плановым человечеством, внесённым в чёрные списки Вселенной. Я, внеплановая и несущтённая, в списках на значащаяся, успела родиться как раз в это мгновение. Подоспевший дедушка Алёша выхватил меня чуть ли не из лона моей мамы и скрылся с младенцем на руках. Если бы понадобилось, он бы вырвал из чрева в буквальном смысле, на войне как на войне... Но я уже родилась, и дед переместился во внепространстве наугад, лишь бы подальше от эпицентра процесса очищения, и вышел обратно в реал как раз через портал твоего деда Андrona. Но если бы вместе с мамой из живых не был вычеркнут мой братик, внук деда, которому выпала судьба родиться вторым, сразу же после меня... и благодаря появлению которого счёт сошёлся, то... сам понимаешь, никакого будущего у моего старшего не было бы. А без него и я не выжила бы. Да, процесс, запущенный матерью-природой, всё равно преследовал нас, но цель определял с опозданием, по тени, отзвуку, эху, вспышке... Дед потом догадался, кто именно заменил его в расстрельном списке, а может, ему об этом сообщил с того света духовный брат. Видишь, хотим как лучше, самостоятельно выстраивать судьбу, а получается как всегда: люди предполагают, но располагают — боги. И пускают в ход фактор случайности, своё непо-

бедимое средство напоминания, насколько хрупки и уязвимы любые искусственные построения.

Выходит, незапланированный близнец позволил операции завершиться успешно. Но если бы у мамы только один ребёночек родился, то... в лучшем случае меня бы подобрали новосёлы-обитатели того мира, в котором маму и дядю настиг последний миг. Была бы я сейчас неандертальской девахой... уродливой в их восприятии, наверняка со странностями, но вряд ли особо выдающейся, без соответствующего-то воспитания, багажа знаний, с нераскрытыми истинными возможностями. В худшем же... сам понимаешь, любимый. Сожрали бы последнего человечка стёртой расы, или от голода умерла бы новорождённая девочка, и дело с концом. Что тут добавить.

...А ещё, помимо личных записей, в мнемоархиве сохранена память обо всех достижениях и провалах предыдущей цивилизации. В дальнейшем этой информации суждено быть источником мифов, которые напомнят следующему человечеству о возможных ошибках и предостерегут от них. Хотя бы попытаются предостеречь.

Ведь поход продолжается, Данилка, сказала мужу Светлана. Нам с тобой теперь предстоит кропотливая, тяжкая работа. Попытаемся не допустить повторения ошибок. Эти мнемозаписи в будущем распространим, я же теперь не только в пространстве, но и во времени способна перемещаться. И наши детки тоже сумеют... Знаешь, любимый, я думаю, что не впервые в эти миры являлись Чёрные Звёзды. И раньше бывали зачистки за свершённые грехи, поэтому от ещё более предыдущих, не совсем таких, как наше, человечества остались легенды о драконах, вампирах, гоблинах, атлантах и тому подобных разумных существах. Значит, в нужный момент обязательно находились избранные, природой наделённые особыми хроносомами, которые сохраняли память об ушедших цивилизациях и уносили её в будущее. Возможно, именно для этого и предназначены эти самые хроносомы, которые до поры до времени прячутся в ком-то из нас. И спасают нас всех, когда приходит кара небес. Всему своё время, прав мой незабвенный дедушка Алёша. Не мог он быть не прав. Точно так! Главное, чтобы не кончилось оно раз и навсегда, время...

Вторую половину ночи единственны на планете мужчина и женщина разговаривали совсем мало. Какое-то время им было не до слов. Предстояло возрождать человечество не только в переносном, но и в прямом смысле.

На рассвете Лана открыла глаза. Данила мирно спал рядом с нею, и мужское плечо, лучшая в мире подушка для женщины, согревало её голову, бесценное вместилище знаний, ради которых отдали свои жизни все её предки.

Она посмотрела в небо, на яркую утреннюю звезду, которой люди, жившие раньше, дали имя Богини Любви, и подумала о том, будет ли у этой звезды такое же имя в следующей жизни человечества этого мира...

Нащупала медальон, подаренный ей девятизвездным искателем, рождённым в совершенно другой соте. На нём была изображена огненноокрылая птица, поразительно похожая на земную птицу Феникс. Совпадение, но не случайное, конечно же. У многих рас имелись подобные символы, обозначающие возрождение из небытия. Разумы не только этой ячейки миров неоднократно подвергалась стиранию, и комуто где-то наверняка каким-то способом удавалось сохранять память. Сберечь главное, что есть как у человека, так и у человечества. Единственное, что делает вечным поход разума за ответами на вопросы.

Когда первый луч звезды Солнце сверкнул из-за края горизонта, Светлана Алексеевна Дымова встретила его первыми словами, которые прозвучали из уст живого человека на заре этого нового дня Земли:

— Я ПОМНЮ...

Эпилог «ТОЛЬКО Б НЕ БЫЛО ВОЙНЫ...»

«Я не даю оценок, я не отвечаю за деяния предков, за поступки Сталина и Гитлера, например. Я тогда не жил. Но я отвечаю за память о прошлом. И должен сделать всё от меня зависящее, чтобы узнать правду, какой бы она ни была, и поведать её другим людям». Это из записей одного историка-землянина.

Честное слово, я пошла бы в разведку с человеком, мыслящим подобным образом.

Среди моих личных мнемозаписей есть некоторые, не предназначенные для передачи. Разум, владеющий нашей, локосианской, техникой мнемозаписи мыслей, способен передать другим разумам любую из них, зафиксированную с помощью этой техники. Но это не значит, что он обязан передавать все записанные до единой. Так же, как и «простые» фрагменты воспоминаний, не зафиксированные сознательно, из которых по большей части и состоит память человека и передать которые можно разве что телепатически (но подавляющее большинство людей нашего биовида отнюдь не телепаты). Ещё, конечно, можно попытаться передавать мысленные картины и формы словесно, но результаты этих передач — бледные подобия оригиналов. Нелегко конвертировать внутренний мир в слова, адекватно удобопонятные внешним мирам, другим людям. И далеко не все способны связывать намного больше, чем «два слова». Разве что разумы, обладающие так называемым литературным талантом...

Из живущих в этом, далеко не лучшем из миров никто уже не получит мнемозаписи, которые я сделала как бы сплошным курсивом. Не в общем потоке сознания, а для себя самой, для внутреннего пользования. Они уйдут вместе со мной. Возможно, в лучшем мире я встречусь с единственным духом, которому эти несколько сумбурные, спонтанные записи хотела бы отдать... или не встречусь, но это уже другая тема, запретная, я не позволяю себе углубляться в ней. В любом случае для «ушей» этой Вселенной они не предназначались изначально. Не получит, не дождётся! Потому что уж кто-то, а я заработала право уйти из неё бесследно. Освободить от своего боредящего присутствия.

Да, разумные любого биовида ещё на заре своих историй обычно придумывают, как помочь своей памяти. Начинают записывать. В том или ином смысле. Буквами, иероглифами, рисунками, скульптурами, позднее фотографическим и другими прямыми способами фиксации. Уже потом изобретают что-нибудь поэффективнее. У нас на Локосе, к примеру, были разработаны мнемотехники, и появились мнемоархивы

вспоминаний, зафиксированных на искусственных, «отдельных» от мозга человека носителях. С которых они в любой момент могут быть переданы обратно в любой мозг. Чтобы затем с этого живого носителя, если понадобится, без всяких вспомогательных устройств вновь быть переданными другому разуму...

В этом и заключается план. Кто-то должен выжить, чтобы помнить и рассказывать историю о нас. Пока хоть кто-нибудь помнит о человечестве, оно продолжит жить.

Только в сохранённых архивах не будет кое-каких записей. План, который в деталях знают больше трёх живых людей, становится известен всем — и Небу. Поэтому мы трое, мой любимый командир, я и наши добрые боевые товарищи, больше никому не сообщили подробности нашего замысла. Я верю, что Первый и Третий выполнили свои части задания безукоризненно, как и подобает истинным военным. Тем более военным, которые воюют с Войной как таковой. Я не знаю наверняка, что случится в будущем. Туда, а точнее, «в тогда» мне уже не прорваться. Ни с закапсулированного Локоса, разумные на котором недолго просуществуют уже после роковой даты стирания благодаря защитным мерам, предпринятым мной, Госпожой Верховной Главнокомандующей. Ни с других миров нашей ячейки, из времён ДО стирания. Если я брошусь в реку времени и выплыну обратно к берегу хоть секундой позже судного дня, пришедшегося на середину сороковых годов двадцать первого столетия по земному летосчислению от Р.Х., живую меня Вселенная сразу же прихлопнет, как опасную муху, переносящую заразу... Но я свято верю, что мой любимый муж и наши восславянский друг, оба, с честью выполнили боевые задания до конца, прежде чем пасть смертью героев.

И мне пора уходить вслед за ними в лучший мир, где нас уже давно поджидает дух темника Хасанбека, боевого побратима Дымыча... Это хорошо. Если в будущем новому человечеству и суждено наконец-то пожить в прекрасном новом МИРЕ, труднее всего в нём пришлось бы тем, кто подросл и прожил жизнь в старом. Мы всё сделали для того, чтобы он появился, этот новый мир, но вот нам-то в нём делать просто нечего. Мы не умеем существовать мир-

но, без войны... Мы больны неизлечимо и по-настоящему живыми себя чувствуем только на поле боя. Нам лучше уйти, арьергардным солдатам всех зачатых и рождённых внутри той ячейки, которую стёрли Чёрные Звёзды. Мы исполнили свои пункты секретного плана.

Оно будет зачато, родится и появится ВНЕ ячейки. Сверхплановое, так сказать, дитя человечества. Как сверхчеловек. Или внеплановое, как вне-пространство. Плоть от плоти, разум от разума нашего рода-племени... но — уже не ответственное за наши деяния, преступления и ошибки. Поэтому — способное жить вне поля зрения сил, которые стёрли нас за грехи наши.

Разум, которому суждено отвечать за память о нас... каким бы мы ни были.

Его не должны стереть. Во всяком случае, только на это нам и осталось надеяться.

Я уверена, что наши предки, ушедшая в прошлое цепь поколений, этот наш замысел одобрят и помогут. С помощью духа Хасанбека, неразрывно связанного с живым Алексеем, моим незаввенным, единственным мужчиной. Все, кто уже ушёл в лучший мир, поделятся силой с живыми, ещё идущими в бой по этой чёрной Вселенной.

Помнится, в тот день, когда наш отряд отправлялся в первую разведку боем, командир сказал, что для солдата нет ничего важнее, чем знать и помнить, что он может вернуться домой. Что ему есть куда возвращаться... Но ведь дом у человека — там, где ждёт любимая душа? Или душа любимого. Значит, я ухожу ДОМОЙ.

Освобождаю дорогу тем, кто отправился в поход после нас.

Может быть, они, кому доведётся жить и помнить после нас, узнают об этой Вселенной что-то, чего так и не узнали и не запомнили мы?

О том, что и как мы задумали сделать, я хотела бы сама рассказать моей внучке или внучку... но скорей всего она или он самостоятельно догадается. Алёша воспитает ребёнка и отдаст наследие стёртой цивилизации, спасённый мнемоархив накопленных воспоминаний и знаний нашего человечества, а уж там отыщется достаточно намё-

ков и предпосылок для выводов. Кроме этих моих записей, которые я сохраняю для себя теперь, уже после того, как отправила в поход моего сына, мою будущую невестку... и земного сына моего мужа. Так или иначе, кто-нибудь из них подарит нам с Алёшой внука или внучку. А трое воинов сопровождения, восславянин, землянин и локосианин, сделают всё, чтобы им помочь, доведут в нужное место и время. Туда и в тогда, где и когда подоспеет Алёша, прорвавшийся в будущее и выживший в нём с помощью своего духовного брата. Наши мёртвые боевые товарищи прикроют ещё живого побратима от прицельного, контрольного выстрела в упор, и дальше ему придётся постоянно петлять, зигзаги выписывать, чтобы укрыться от рассеянного огня...

Командиру, естественно, достался самый трудный и ответственный участок фронта. Ясен-красен, как говорит наш восславянский друг, спецоперацию-то Дымыч задумал! Себе припас самое важное. Иначе и быть не могло. В походе наибольшую тяжесть взваливает на себя сильнейший.

Когда внук или внучка вырастет, станет взрослой мужчиной или женщиной в прямом смысле этого слова, истинные возможности, унаследованные от нас, окончательно проявятся. Мнemoархив активизируется в разуме, он обретёт истинную ПАМЯТЬ... узнает правду о нас.

И пусть распорядится ею по своему усмотрению.

Мы с Алёшой хотели и хотим только одного. Чтобы главной датой для тех, кто придёт после нас, было не девятое, в десятое мая. В середине двадцатого века на Земле отбушевала самая большая война в истории землян. День её окончания — девятый третьяго месяца весны по их календарю. Следующая после Дня Победы дата праздничной у них не считалась.

Вот чего мы желаем нашим потомкам. Чтобы настоящему главным праздником был именно он.

Первый день МИРА...

Чтобы это осуществить, мы шагнули наружу из бревенчатой избушки, затерянной в заснеженной тайге. Ильм на Землю, я на Локос, а Дымов-старший на... вот этого не узнать мне при всём желании. Главное, чтобы Алёша успел в

тот миг, когда предназначено стереть. Всех, кроме него и того младенчика, которого ему надо выхватить буквально из чрева матери и унести прочь, спрятать от прицельного очистительного огня, сжигающего и мать ребёнка, и отца, и всех, кто уцелеет к моменту окончания времени жизни нашего человечества.

Чтобы оно воскресло и продолжило жить. Если мой любимый успеет, о нас будет кому помнить. Мы продолжаемся в наших детях и внуках... .

Помнить и понять, что самое главное тайное знание, добытое нами в разведке: наше время конечно. Мы гости, мы уйдём. Но останутся горы, реки и леса планет, и звёзды будут вечно совершать своё движение во Вселенной.

И когда-нибудь мы непременно вернёмся. Не именно мы, но такие, как мы. Они тоже будут совершать поход по жизни в поисках ответов, кто и зачем всё это сотворил. На то и разум, чтобы сомневаться и не успокаиваться. А для этого обязательно что-нибудь им должно напоминать, что любое из мгновений может стать последним. Это правда, люди напрямую связаны со звёздами. Мы потому и назвали это напоминание Чёрными Звёздами, они назовут как-нибудь по-своему... было бы кому называть. Ещё один мудрый землянин, Достоевский, однажды сформулировал точнее некуда:

«Бытие только тогда бытие, когда ему грозит не-бытие».

Поход продолжается. Далее — будет...

Только в этом мире — уже без меня. Я, локосианка Амрина Ула Инч-Дымова, дочь семиарха Инч Шуфс Инча, который замыслил и начал всю эту операцию спасения, жена Алексея Алексеевича Дымова, принявшего от него эстафету исполнения замысла, мама ещё одного Алексея Алексеевича, среди прочих избранного продолжать. И бабушка ещё одного, последнего из всех нас человека, которому суждено завершать и... вновь продолжить.

Не знаю имени его или её. Зато мне известно отчество. Алексеевич или Алексеевна. Значит, плоть от плоти, кровь от крови, разум от разума Оберегающего. Того, кто защищил. Заступника.

На этом и я завершаю свою последнюю запись мыслей. Пора уходить из реальности этой Вселенной. Добровольно, как самурай, чей земной Путь Воина завершён. По стопам отца, сына и мужа.

Мне слишком холодно здесь, в этой не лучшей из Вселенных. Согревает лишь вера, что мой небесный поход приведёт меня к любимым...

ПОСТСКРИПТУМ: НАЧАЛО ПОХОДА*

Странное создание — человек. Парадоксальное и непонятное. Древние утверждали: венец творения. Мы говорим: венец природы, цветок субстанции. А может быть, наоборот? Не цветок, а рана материи? Её мука. Когда она исцелится? Когда заастёт?

Олесь Бердник.
«Звёздный корсар»

В неведомой, вначале неназванной и неузнаваемой мес-тности бушует тотальное сражение. Война всех против всех. Битва, в которой сражаются намеренно вырванные из разных эпох истории Земли ордынцы Чингисхана и фалангисты Александра Македонского, воины Ганнибала и конница Святослава, гунны Аттилы и «преображенцы» императора Петра Первого, ниндзя средневековой Японии и войска Наполеона, танкисты Великой Отечественной и гренадёры генералиссимуса Суворова, «афганцы» и ветераны антитеррористических подразделений начала третьего тысячелетия от Р.Х., даже неандертальцы и... На колоссальном поле боя собрались воины всех народов и времён, от седой древности и до середины двадцать первого столетия. Что же свело их вместе? Разрыв пространственно-временного континуума? Внезапное смещение альтернативных вариантов истории, соединивших поле битв разных эпох?..

Первым из всех землян ответ узнаёт российский спецназовец Алексей Дымов, заброшенный в самое сердце этой странной войны. Он понимает: все участники общей битвы — жертвы эксперимента загадочной инопланетной расы, на порядок более развитой, с помощью своих машин властной над

* ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА: Это краткое изложение предшествующих романов цикла помещено здесь, уже после основного текста четвёртой книги, специально для тех читателей, которые по каким-то причинам не смогли прочесть три первые книги «Вечного Похода».

временем и пространством. Эксперимент поставлен над землянами, а точнее, над избранными воинами, лучшими из лучших, выкраденными с Земли и унесёнными на другую планету. Поставлен цивилизацией Локоса — центрального мира замкнутой системы миров, связанных внепространственными и вневременными проходами. «Ячейку», кроме Локоса и Земли, составляют ещё шесть планет, возникших естественным путём, и девятая, в тексте названная «искусственной». Эта планета — Экс, каким-то образом присоединена к восьмипланетной ячейке локосианами с целью расширения «жилплощади». Все миры, кроме самого Локоса, являются «отстойниками бракованного генофонда» материнской цивилизации. На каждый из миров, связанных мгновенными внепространственными проходами с Локосом, издавна ссылали локосиан, в чьих генах обнаруживалась склонность к какому-либо «Запредельному Кшарху» — смертному греху полокосиански. (Вначале избавлялись от взрослых «грешников», затем принялись удалять новорожденных, гены которых не соответствовали норме.) Всего грехов насчитывается семь. На Землю попадали особи, в чьих генах преобладала склонность к агрессии и насилию.

Якобы искусственная планета «ЭКСперимент», некогда аннексированная локосианами для самоутверждения, здимого и весомого подтверждения собственного могущества, планировалась к использованию в качестве места высылки индивидуумов, обладающих генами Восьмого Греха, но таких оказалось очень мало, и восьмой по счёту отстойник так и не появился. Пустующий Экс в итоге локосиане использовали для того, чтобы устроить на этой планете нечто вроде планетарных гладиаторских игрищ. Для этого и стравлены между собой армии Земли... Но локосиане, много веков сами не воевавшие, просчитались. Случилось так, что земные потомки ссыльных грешников, ради достижения общей цели, смогли объединиться и сообща выступить против общего врага.

Это произошло при действенном участии Алексея Дымова, в которого влюбляется локосианка, одна из наблюдательниц за воюющими, Амрина Ула — дочь одного из семи верховных правителей метрополии ячейки, Локоса.

Итак, земные армии под руководством выдающихся полководцев всех времён объединяются. Создана Ударная армия Земли, для того создана, чтобы дать отпор локосианам, соблазнами и посулами выманившим воинов «на Небо», отправившим их в Вечный Поход. («Вечный поход» — военная доктрина Чингисхана. Легендарный степняк почитал единственным счастьем для воина не освоение завоёванных земель, а постоянное безостановочное движение вперёд. Покорение всё новых и новых «степей», уничтожение всё новых и новых врагов. Истинной Войне не должно быть ни конца, ни края. Один из верных соратников Великого Хана, десятитысячник Хасанбек — ещё один главный герой первых книг, боевой побратим Алексея Дымова. (Позднее выяснилось, что он — одно из предыдущих кармических воплощений души, которая в будущем станет спецназовцем из начала третьего тысячелетия. Именно это более чем близкое духовное родство двух воинов, обнаружение которого стало возможным благодаря межвременным гладиаторским «экспериментам» локосиан, позволило осуществить дерзновенную операцию по спасению ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.)

Но всё это произойдёт ещё очень не скоро, а пока что здесь, на Эксе, вдруг появляется новая армия, превосходящая по моши оружия и боевым умениям объединённые силы землян, стремящихся отомстить коварным локосианам. Выясняется, что локосианам якобы удалось «выдернуть» из будущего (сообщение с которым весьма затруднено в отличие от беспроблемных перемещений в прошлое времена) армию восславян. Командует ею гениальный полководец Святополк Третий. Родной мир этих воинов — не Земля и не Локос. Восславяне — выходцы из тамошней, неземной «параллельной», единой Восточно-Славянской Державы. (Позднее выяснится, что ни из какого будущего восславян не выдёргивали, просто уровень их развития выше, чем у землян начала третьего тысячелетия по летосчислению от Р.Х. Выходцев с Земли из более поздних, чем первая половина XXI века, периодов времени на Эксе обнаружить не удалось.)

После ожесточённых боёв землянам и восславянам удаётся достичь перемирия — они понимают, кто их истинный враг. Локосиане используют обе стороны фронта в своих ко-

рыстных интересах. Объединив усилия, по внепространственным коридорам, которые для них открыла полюбившая Алексея Дымова локосианка-«предательница» Амрина Ула, армия с Экса отправляется воевать на Локос. Цивилизация Локоса становится заложником собственной политики. Тысячелетиями депортируя «бракованных», склонных к агрессии, они совершенно разучились воевать. Поэтому объединённая армия землян и восславян продвигается по центральной планете, круша всё вокруг, сметая города, разрушая цивилизацию и практически не встречая сопротивления. Хотели Вечный Поход?! Получайте! Мало не покажется, заплывшие жиром тысячелетнего мирного спокойствия инопланетяшки...

Правители Локоса, так называемые семиархи (каждый из них осуществляет контроль за нарушителями одного из семи смертных грехов и «курирует» одну из планет-отстойников), оказались в массе своей не способны справиться с нагрянувшей катастрофой и практически капитулировали. И только небольшая часть населения Локоса, люди, не смирившиеся с неизбежным крахом, призвали всех локосиан бороться с захватчиками, хлынувшими из другого мира. Война на Локосе грозила превратиться в затяжную осаду, почти все поверхности города пали, но большая часть производства находилась в подземных уровнях, что позволило бы со временем собрать значительные силы для оказания действенного сопротивления.

На фоне вернувшейся войны, взорвавшей и разрушившей мирную цивилизацию Локоса, надвигается другая опасность — так называемые Чёрные Звезды, некая космическая угроза, грозящая небытием всему материальному. Их нельзя увидеть, их неотвратимое наступление невозможно остановить... Даже поверить в их реальность практически невозможно. Но поверить пришлось — Чёрные Звёзды приближаются. Как остановить их — неизвестно. Все способы воздействия на пространство, время и материю, доступные цивилизации Локоса, оказались совершенно неэффективными против этой угрозы конца света. Чтобы выжить, необходимо обрести невиданное средство, нечто более чем действенное.

Что-нибудь вроде... возвращения Войны! С врагом, грозящим смертью, необходимо попытаться бороться, а не сидеть в ожидании апокалипсиса, беспомощно сложив ручки.

Локосиане разучились воевать давным-давно и считали это неумение самым выдающимся достижением своей цивилизации. У них даже почти не осталось оружия. Вот тогда-то и пришла в голову Второго Семиарха, отца Амрины Улы, идея вновь научить локосиан воевать. Для этого он задумал привести войну обратно на Локос, а чтобы земляне напали на планету, их следовало разозлить... То есть собрать воинов на одной арене и вынудить драться, а потом сообщить, что их использовали как Зрелище на потеху «праздной публике»... Чтобы спасти цивилизации восьми планет от грозящего конца, семиарх решил пожертвовать миллионами жизней, как людей своего народа, так и других народов, принеся всех на алтарь войны во имя грядущей великой победы над НичтоНигде-Никогда.

Война на истерзанном Локосе заканчивается перемирием между армиями Земли, мира восславян и уцелевшими локосианами. Старая цивилизация разрушена, предстоит что-то строить взамен. Однако смертельная опасность продолжает смотреть из ночной космической глубины. Яркие звёзды ещё продолжают светить с небес, но — долго ли им осталось?..

Алексей Дымов-старший вместе с Амриной (дочерью Инч Шуфс Инча, семиарха) и отрядом специально отобранных соратников отправляется в разведку, предполагаемо — навстречу Чёрным Звездам. Воины Земли, Локоса, мира восславян стремятся понять природу опасности, которая угрожает уничтожить всех разумных, и защитить человечество.

Уходом этого спецотряда в разведку боем и завершаются события дилогии, в которой основными героями являлись воины старшего поколения...

Далее происходят события, описанные в третьей книге.

Локос. После войны локосиан с землянами миновало примерно двадцать лет. Некоторые из землян, оказавшихся в ином мире, были возвращены домой (в основном — наиболее знаковые фигуры, без которых земная история полно-

стью изменилась бы), большая же часть отборных солдат Земли осталась на планете «чужих»... Вслед за этим на Локоссе разразились войны за власть, как следствие — свершился раздел территорий, и некогда единый мир распался на несколько держав (иначе и быть не могло на планете, куда вернулась война).

В момент начала описываемых событий новообразованные страны находятся в состоянии вооружённого перемирия (нечто вроде «холодной» войны). Естественно, периодически возникают пограничные конфликты и локальные «войнушки». Земляне-оккупанты НЕ МОГУТ НЕ воевать. Локосианам, «заражённым» возвратом войны в их реальность, тоже ничего другого не остаётся...

Но! По-прежнему остро стоит нерешённый вопрос Конца Света. Опасность, грозящая уничтожением всему привычному бытию, никуда не исчезла, поэтому, естественно, по-прежнему изыскиваются способы устраниТЬ эту вселенскую угрозу. Ещё во второй книге, сразу после Первой всепланетной войны, Алексей Дымов, Амрина и команда отборных воинов отправились исполнять секретную миссию — разведывать силы ВРАГА в непосредственной близости. Из этого похода вернулась только Амрина (согласно официальной версии), остальные погибли. Результаты разведки строго засекречены.

После возвращения у Амрины родился ребёнок, и она назвала мальчика в честь отца — Алексеем. Сын Дымова вырос в обстановке обожествления отца, в нём тщательно культивировалось осознание своего предназначения: стать таким же героем, каким был Алексей Дымов-старший. В данное время этот Дымов-младший проходит курс обучения в наиболее элитной военной академии, которая также носит имя его отца. Эта академия основана его дедом, семиархом Инч Шуфс Инч, отцом Амрины. Внук-сын — само собой, отличник боевой и всяческих других подготовок... И вот наступает момент окончания курса. Впереди — самый главный «государственный» экзамен «на воина». Точнее, не просто воина, а потенциально высшего офицера, а то и великого полководца. Для получения офицерского звания Младшему остаётся пройти последний тест: испытание в обстановке, «более чем максимально

приближенной к боевой». То есть непосредственно В БОЮ. На фронтах Истории...

Его вызывают к руководителю академии. Там ему представляют боевого соратника отца, воевавшего вместе с Дымовым-старшим ещё на Земле и затем — на Эксе и на Локосе. Землянина Виталия Сидоркина. Этому крепкому мужчине, с виду лет сорока, предстоит быть наставником и одновременно экзаменатором Младшего. Отправиться им суждено... не куда-нибудь, а на Землю, и совершить путешествие во времени, по земным войнам. Цель этого похода — постепенно создать из молодого Алексея настоящего солдата, в перспективе — величайшего. Способного изыскать возможность остановить надвигающееся НЕБЫТИЕ.

То, что ЭТО в принципе возможно осуществить и КАК это сделать, вроде бы известно его матери — единственной, вернувшейся из той самой разведки боем. Она не раскрывает источник знания, но верят ей безоговорочно, ведь она Верховная Главнокомандующая наиболее сильной державы нового Локоса.

Алекс узнаёт, что он, как и его родители, является уникальным носителем ХРОНОСом, особых генов, которые обеспечивают обладателю возможность передвигаться во времени и пространстве без всяких «машин». Таких локосиан и землян очень немного; в своё время именно наличие подобных хроносом едва не было объявлено на Локосе ещё одним Запредельным Кшархом (смертным грехом). Именно для этого, как оказалось, и был некогда присоединён Экс, на самом деле не искусственная планета, а позаимствованная у другой ячейки. Лишь то обстоятельство, что носителей оказалось действительно ОЧЕНЬ мало, привело к тому, что Восьмой Грех не был «инициирован» законодательно.

Итак, курсант Алекс со спутником-командиром отправляются на Землю.

Амрина же, которая безумно любит сына, так похожего на её мужа, не вернувшегося из разведки, похоже, боится за своего мальчика. Несмотря на то что и сама она истинный воин. Матери кажется недостаточным, что её главное сокровище будет сопровождать всего лишь один человек, пускай и

лучший из лучших солдат всех времён и народов. Амрина, которая к этому времени фактически является одной из военных правительниц Локоса, намерена обеспечить тайный «пригляд» за сыном, дабы в случае действительно патовой опасности оказать Алексу помощь (вырвать из того времени и вернуть на Локос). Для этого вдова легендарного спецназовца Дымыча использует свою протеже Тич — молодую девушку, носительницу хроносом. Обладающую уникальными экстра-способностями, в том числе и редкостного специалиста по ментальной слежке. Родители Тич погибли в Первой всепланетной войне; в своё время Амрина приняла большое участие в судьбе девочки, когда обнаружила её во фронтовом госпитале, а впоследствии забрала в свою свиту. Девушка Тич чрезвычайно предана Верховной. Она получает задание следить за Алексеем и обо всём докладывать матери. И со всем старанием принимается выполнять задачу.

Опознать Дымова-младшего на Земле ей позволяет ментальный отпечаток его личности, которым поделилась с нею Амрина. Уникальный дар Тич состоит в том, что она самый мощный из более чем немногочисленных известных «проницателей». Она способна отслеживать человека не только в пространстве, но и во времени.

...между тем на планете Земля, в том самом начале первого тысячелетия, из которого были выдернуты самые поздние «гладиаторы Экса», появляется некий человек. Он разыскивает ещё одного Алексея Дымова-младшего. Россиянина Лёху, другого сына подполковника Дымова, некогда рожденного земной женщиной, первой женой спецназовца. Старший Дымов расстался с той женщиной до перемещения на Экс; он только знает о том, что у него родился «земной» сын, но никогда его не видел. Человек, явившийся к Лёхе, также бывший соратник Дымыча. Это не кто иной, как восславянин Ильм, второй человек, вернувшийся из боевой разведки Чёрных Звёзд. Но этот факт локосианам не известен, они полагают, что Ильм (как и все остальные разведчики, ушедшие с Дымычем) погиб. Он же, как выяснилось, тоже носитель хроносом и способен переместиться в прошлое и на Землю. Восславянин просвещает земного сына Дымова, рас-

сказывая Лёше правду о героическом отце, об Эксе и Локосе, о том, как сражался Дымов-старший в небесах, и о его последнем походе в неизвестность... И о том, что Земля является отстойником «бракованного генетического материала» локосиан, «помойкой» генов агрессии, и поэтому вся история этого мира — цепь бесконечных войн.

Лёхе становится также известно из слов Ильма, что в дальней разведке Дымов-старший, потомок доброй дюжины поколений офицеров, однажды признался Ильму, что если бы у него была возможность, дескать, то он вернулся бы к оставшемуся на Земле сыну и затем провёл бы его по войнам. Чтобы младший реально, а не из экрана телевизора, понял, что война — прежде всего кровь, грязь и боль, и никогда не захотел становиться военным. Человек-«разумный» губит себя и всё вокруг в бесконечных войнах.

Восславянин сообщает, что намерен исполнить завет погибшего боевого друга и совершить с Лёхой этот поход через время и сквозь войны. Целью рейда является временная точка начала «генетического» вторжения локосиан (время появления на земле кроманьонцев). Восславянин, по его словам, хочет попытаться изменить ситуацию, а для этого необходимо остановить эту экспансию. Лёха, как и его отец, наделён хроносомами, которые позволяют и ему перемещаться во времени. Эта пара также отправляется в путешествие по временам и народам...

Тем временем, наблюдая за Дымовым-младшим (Алексом), Тич обнаруживает странное поведение «сигнала» — он то усиливается, то распадается на отдельные фрагменты, а иногда просто исчезает. Она пока ещё не знает, что это интерференция ментального канала, случившаяся оттого, что в поле её наблюдения одновременно уже находятся ДВОЕ Дымовых-младших, невероятно схожих меж собой, почти идентичных, хотя они и не близнецы. Из-за «помех» Тич кажется, что Алекс в большой опасности, но она не спешит сообщить об этом Амрине... Тич также является носительницей хроносом, и позднее она тоже вынуждена переместиться на Землю, но ещё до этого поймёт, что сигналов — два, а не один. Она сумеет разделить их. А пока что подручная Амрины продолжает следить за ними, при этом

физически находясь в своих апартаментах на Локосе. К ней приставлен некий офицер, Тегр Лиин, чтобы присматривать за девушкой, охранять и обеспечивать её бытовые потребности.

Также Тич узнает позднее, что это она своим активным наблюдением, сама того не сознавая, радикально УСТРАНИЛА источник помех: попросту «выкинула» одного из братьев (Алекса, локосианского) прочь с Земли, на другую планету. Как и любой дар свыше, не до конца объяснимый для самих его носителей (к таким явлениям природы относится и кармическое перевоплощение душ, например), экстраспособности девушки не полностью поддаются сознательному контролю...

Пути Воинов обоих Дымовых-младших читатель наблюдает глазами сторонних повествователей. Различных людей, которые встречают путешественников по дороге. Эти пути пролегают по полям сражений, известных и не очень, таких, о которых помнят все и всегда, и тех, о которых мало кто помнит либо вообще не знает... Войны XXI века: Американо-Иранская, Ливано-Израильская, Индийская, Африканская, Островные войны, войны корпораций, хакерские войны. В XX веке они проходят через фронты Первой и Второй мировой, Октябрьскую революцию, Балканскую, российскую Гражданскую, Финскую, Русско-японскую, Афганскую, Югославскую, Иранскую, Арабо-Израильские, Китайскую, Вьетнамскую, Корейскую, Испанскую войны...

Путешествие в глубь времён проходит по дорогам Наполеоновских войн, Русско-турецкую, Крымскую, Семилетнюю, Северную, Японо-корейскую (Имдинскую) войну... Крестовые походы (завоевание Константинополя), Римские, Греческие, Египетские, Античные, Ордынские войны. Войны ацтеков, майя, инков, войны североамериканских индейцев, войны народов и народностей Африки.

Помимо боевых действий, они попадают в «невидимые» битвы кланов бизнеса, криминальные разборки, компьютерные сражения банков и хакеров, опиумные войны, войны разведок, шпионские войны...

Тич со своими спутниками идёт след в след за Лёхой Дымовым по Земле... Она не сразу осознаёт, что в восприни-

маемых ею образах существует различие. При всём первичном сходстве. Она убеждается наконец, что это не один и тот же сигнал! И ей начинает казаться, что она сходит с ума: Дымовых-младших двое! При этом один проходит полями сражений на Земле, а второй — движется по войнам планет-отстойников других отбракованных локосианских генов. Таких планет, кроме Земли, ещё шесть. Всего генных «каторг» семь, по количеству локосианских смертных грехов (запредельных кшархов). Земля, как упоминалось уже, являлась тюрьмой носителей генов агрессии и склонности к насилию. Алекс и его старший напарник Сидоркин не могут вырваться из цепких объятий супердара Тич и вместо того, чтобы передвигаться по истории Земли, погружаются в пучины историй других планет. Как выясняется: ТАМ, везде, тоже воюют. Иного пути Эволюция не ведает, во всяком случае, в этой восьмёрке планет. Именно восьмёрке — ведь и центральный Локос когда-то, на заре истории цивилизации, тоже воевал на полном вперёд...

Везде ЛЮДИ.

...В результате этих рейдов (по Земле и по другим шести мирам) Дымовы-младшие не просто выживают, но становятся супервоинами. Но Алексей (землянин) по ходу проникается бессмыслицей и жестокостью войн и достигает высочайшей вершины воинского искусства — становится пацифистом. Напротив, другой Алексей (локосианский) с каждым разом получает всё больше удовольствия от процесса убийства и начинает любить войну, как средство безнаказанного уничтожения людей. Как способ получения удовольствия от безраздельной власти над жизнью и смертью.

Тич, которая по «долгу службы» наблюдала за ними обоими, тоже прошла сквозь горнило бесконечного фронта. Настраивалась она чаще всего на «волну» Дымова-земного, и так вышло, что вместе с ним она тоже возненавидела войну. К тому же в результате такого более чем тесного слежения — в ней рождается Чувство. Она в прямом смысле влюбляется в Дымова-земного.

Девушка осознаёт, что не пресловутый ген агрессии является причиной войн на Земле. Наблюдая за ещё одним

Алексеем Дымовым, Алексом, который превращается не в Воина, но в убийцу, воюя на других шести планетах, она видит, что при незначительных различиях в технологиях и достижениях науки, при некоторых расхождениях исторических дат войны действительно занимают основное место в истории цивилизаций ВСЕХ планет. Хотя на другие миры ссылали «распутников» и «атеистов», осквернителей экологии и так далее. Следовательно, война является неизменным спутником разума. Чем более развита цивилизация, тем изощреннее становятся оружие и технология ведения войн. Словно разум стремится к единственной цели — уничтожению самой себя.

И Тич становится известно наконец, что на самом деле «время» других миров восьмёрки (кроме Локоса) уже вышло. Кончилось. Цивилизаций там уже нет. Человечества стёрты. Только Локос, каким-то ещё неведомым ей способом, закапсулирован. Он продолжает существовать в некоем безвременье. И выход из него на другие планеты ячейки возможен только в прошлое, в те эпохи, когда разумные ещё существовали.

На отсечённом от прочих миров Локосе тем временем холодная война переходит в горячую. Также случается нечто странное — исчезает Амрина. Точно так же, как в своё время исчез её отец-семиарх.

Тич принимает решение собрать обоих Дымовых-младших, свести братьев вместе и попытаться, так сказать, обсудить ситуацию... Набравшись бесценного опыта, она наконец-то полностью овладела собственными уникальными способностями, и ей удаётся вернуть Сидоркина и Алекса на Землю. Она выходит с ними на связь, и в этот момент происходит то, что вынужденно перемещает на Землю её саму, во плоти. Случилось так, что к Лёхе с Ильмом приближается Амрина (неужели это ответ на вопрос, куда исчезла Главнокомандующая?!). Собственной персоной госпожа Тич, от которой девушка утаила информацию о том, что сыновей-то — не один, а двое. Утаила потому, что прекрасно ведала, какой жестокой сделала Амрину война, и боялась, что Амрина уничтожит Лёху. Да и наставника Ильма в живых не оставит. Ведь тот явно знает нечто, на самом деле случившееся в раз-

ведке боем, и к Амрине симпатий отнюдь не испытывает. Раз он даже не соизволил явиться на Локос к единственной, кроме него, разведчице, вернувшейся домой.

Обуреваемая опасениями за жизнь любимого, Тич совершает спонтанный переход и появляется на Земле, но тревога оказывается ложной. Женщина, которая показалась ей Амриной, на самом деле не госпожа. Очень похожа на Амрину, померещилось издалека, но при ближайшем рассмотрении обнаружилась ошибка...

Так или иначе, все собрались вместе: двое сыновей Дымова, двое их наставников, Тич и её телохранитель, по документам числящийся официальным мужем — так распорядилась госпожа. Тегр Линн Пален, солдат, приставленный для охраны Тич, и, как выяснилось, тоже не простой человечек, а носитель хроносом... В одном месте и в одно время не один-два, а целых шесть носителей восьмого, так и не инициированного Кшарха...

Тич понимает, что именно здесь и сейчас цель — создание ЖИВОГО оружия против Чёрных Звёзд — достигнута. Необходимо встретиться лицом к лицу с неведомым врагом и бросить ему вызов... В тот момент она ещё понятия не имела о подлинных результатах первой разведки боем, произведённой воинами старшего поколения, и пребывала в уверенности, что это явление уничтожает всё и вся без разбору — пространство, материю, жизнь, а не только разум. И что встретиться с ним лицом к лицу суждено не ей, а кому-то из сыновей Дымыча.

Вот только какой именно из двоих сыновей старшего Героя окажется эффективнее в единоборстве с самой Вселенной? Неизвестно. Девушка принимает решение: для того, чтобы победить, надо объединиться.

Злу, которое олицетворяет собой настоящий суперубийца — Алекс Дымов-Локосианский, и добру, просветлившему истинного воина — Дымова-Земного, Лёху.

И они все вместе, шесть человек, отправляются в следующий этап похода — космический, за пределы родной ячейки миров. Чтобы дерзновенно бросить вызов и вынудить отступить самого безжалостного врага: конец времени жизни человечества. Чьим орудием и являются неуловимые и на

самом деле непобедимые убийцы живого разума, названные Чёрными Звёздами.

Добро и Зло объявили перемирие и вступили в союз.

Намереваясь бросить вызов и хотя бы попытаться одолеть Ничто-Нигде-Никогда, в котором нет и не будет вообще ничего. Сделать всё от них зависящее, чтобы по-прежнему оставались в их мире зло и добро, радость и страх, ненависть и любовь...

г. Николаев

октябрь 2008, 3 сентября — 6 декабря 2009,
23 февраля — 10 мая 2010 года

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая. Братья по войне	9
Часть 1. Допризывница	29
Часть 2. Минимальный призывной возраст	121
Часть 3. Призыв	263
Книга вторая. Боевой ангел	356
Часть 1. Действительная военная	359
Часть 2. Вечная память	412

Автор благодарен:

Ш.Р.П., Т.А.В., С.А.Е., Б.Н.О., Г.М.Ю., Ш.Г.Н., за то, что не вернутся;

Александру Покровскому, Елене Кияшко, Андрею Андрееву, Максиму Палиенко, Славику Сулику, Ирине и Алексею Грунским, Игорю Карповичу — за то, что они рядом;

Алисе — за то, что была;

Графу — за то, что нашёлся;

Анатолию Григорьевичу, Александру, Валентине Семёновне и Елене Стульник — за то, что были, есть и будут;

ОТДЕЛЬНОЕ СПАСИБО Андрею П. Альтанову и Елсне Н. Стульник — за поддержку и понимание...

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АС

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

В Москве:

- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон — Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Люберцы, ТЦ «Светофор», ул. Побратимов, д. 7, 4 этаж, т. (498) 602-82-65

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д.10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», 3 этаж, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул.Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья» т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», 1 этаж, т. 8-937-202-65-09
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-67
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т.(8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18 , т. (4852) 30-47-51

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги — почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06,
факс 615-51-10, E-mail: zakaz@ast.ru

**Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

**Вольнов Сергей
Звезды героев**

Фантастический роман

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, Минск, Республика Беларусь.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

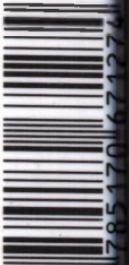
Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.

Сергей
Вольнов

ЗВЕЗДЫ ГЕРОЕВ

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-067127-4

Сергей Вольнов — автор бестселлера серии S.T.A.L.K.E.R. «Ловчий желаний» — представляет свой новый роман!

Беспримерный поход воинов, бросивших вызов Само Вселенной, продолжается.

Эти люди знают: если они проиграют, исчезнет разумная жизнь не только на Земле, но и на Локосе — и всех остальных планетах нашей космической «соты».

Герои смело бросают вызов грядущему Концу Времен.

Но для того, чтобы найти Поле Вечной Битвы, где решится быть или не быть разуму во Вселенной, воителям Вечного Похода предстоит покинуть родные миры и отправиться далеко за предел известного Пространства...

Поле Вечной Битвы должно быть найдено.

Сражение должно состояться.

Дорога на Черные Звезды открыта...

ВЕЧНЫЙ ПОХОД
ПРИГОВОРЕННЫЕ К ВОЙНЕ
СОТОВАЯ БЕСКОНЕЧНОСТЬ
ЗВЕЗДЫ ГЕРОЕВ

ЛАБИРИНТ

З В Е З Д Н Ы Й